

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

1 (75)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2022

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (председатель, Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2022
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2022
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

1 (75)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2022

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 5–22
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 5–22
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-5–22

РАБЫ И РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ В СТАРОВАВИЛОНСКИХ ПИСЬМАХ CUSAS 36

Б.Е. Александров

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
boris_alexandrov@icloud.com*

Аннотация. Аккадские письма, опубликованные в 2018 г. Э. Джорджем как CUSAS 36, представляют собой важный источник по социальной и политической истории Месопотамии II тыс. до н.э. Среди 219 старовавилонских документов CUSAS 36, датирующихся преимущественно XIX–XVIII вв. до н.э., лишь 14 текстов упоминают рабов. Статус этих невольников обозначен терминами *wardum* ‘раб’, *amtum* ‘рабыня’, *rēšum* / *sag-ir* ‘голова’, *wardūtum* ‘статус раба’, *amūtum* ‘статус рабыни’, в основном в слоговой записи. Кроме того, некоторые употребления терминов *šuhārum* ‘слуга’ и *šuhartum* ‘служанка’ также отсылают к лицам рабского состояния. Доля текстов, упоминающих рабов, составляет 6,3% (вместе со «слугами» 11%) всего корпуса. Эти цифры близко соответствуют аналогичным данным, полученным при обсчете более обширного корпуса старовавилонских писем, изданных в AbB (ок. 2800 текстов). Столь невысокий процент писем, посвященных теме рабства, скорее всего, говорит о том, что она находилась на периферии общественных интересов в старовавилонской Месопотамии. В письмах отсутствуют упоминания о хозяевах, владевших более чем тремя рабами. В большинстве текстов обсуждается лишь один раб или рабыня. Упоминаний рабов больше, чем упоминаний рабынь (12 и 3 случая соответственно), что, однако, нельзя считать отражением реального соотношения полов внутри рабского сословия. Наиболее частым контекстом, в котором упоминаются рабы,

Данные об авторе: Александров Борис Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00386 А “Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ”).

выступают имущественные споры. Рабский труд применялся в земледелии, скотоводстве, ремесле и домашнем хозяйстве. На невольников, возможно, были возложены обязанности по уходу за старыми членами семьи. Также рабов использовали как посыльных и порученцев. Интерес представляют два письма, авторами которых выступают рабы (№ 38 и 175). Закономерно основной темой этих посланий выступает освобождение из-под власти рабовладельца.

Ключевые слова: Месопотамия, старовавилонский период, рабы, рабство.

Старовавилонский письменный корпус – золотая жила для изучения социально-экономических отношений, в том числе рабства. Несмотря на обилие информации и отдельные превосходные работы, посвященные этой теме, феномен рабства в Месопотамии первой половины II тыс. до н.э. изучен недостаточно¹.

Предлагаемый ниже очерк основан на материале старовавилонских текстов, недавно опубликованных в 36-м томе серии «Исследования по ассириологии и шумерологии Корнелльского университета» (Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology — CUSAS)². Выход этого тома стал заметным научным событием. Как отмечает в предисловии издатель, английский ассириолог Э. Джордж, книга содержит в общей сложности 221 письмо из собрания норвежского коллекционера Мартина Скёйена, а также «из еще одной частной коллекции». Происхождение и архивный контекст многих документов из этого тома неизвестен³, что накладывает определенные ограничения на их использование как исторического источника. В частности, некоторые из них могут представлять собой школьные упражнения⁴. Содержащаяся в таких текстах информация не является отражением реально имевших место событий, скорее эти письма знакомят нас с типичными ситуациями, которые могли происходить в жизни людей и служить поводом для письменного обращения к родственникам или властям.

Следует учитывать и более общие характеристики месопотамской эпистолярной, затрудняющие ее использование в исторических исследованиях. Это прежде всего лаконичность и неясность контекста многих эпистолярных памятников. Как правило, авторы писем преследовали две основные цели: информировать адресата о не известных тому событиях и/или добиться от него тех или иных желательных для себя действий. Достичь этих целей стремились в основном наиболее экономными средствами, не прибегая к пространным описаниям и аргументам⁵. Такая

¹ См., в частности, работы van Koppen 2004; Маркина 2005; Hengstl 2006; Seri 2011, 2013; Richardson 2019, 2020; Rositani 2020, 2021, со ссылками на предшествующую литературу. Отечественная наука советского периода внесла значительный вклад в изучение рабовладельческих отношений на древнем Ближнем Востоке, ср., например, Дьяконов 1973; Дандамаев 1974. Вместе с тем надо отметить, что старовавилонская эпоха (XX–XVI вв. до н.э.) изучалась в этом плане недостаточно и посвященные старовавилонскому рабству работы основывались преимущественно на законодательных источниках, ср. Струве 1958; Редер 1975.

² George 2018.

³ Анализ исторического контекста, архивных связей и языка писем из CUSAS 36 см. в рецензиях de Boer 2019 и Arkhipov 2021. Ср. также Козырева 2020.

⁴ В нашем корпусе к таким документам, вероятно, относится CUSAS 36 175. См. Arkhipov 2021, 206.

⁵ Если для административной переписки чиновников с царем были подчас характерны подробные экскурсы исторического, этногеографического или экономического плана (цель таких экскур-

экономия была возможна в том числе потому, что оба участника были связаны общим информационным полем и не нуждались в пересказе хорошо известных фактов и обстоятельств. К сожалению, эта фоновая информация недоступна для стороннего читателя, в том числе современного исследователя, что существенно снижает возможности полной, правильной интерпретации документов.

Согласно Э. Джорджу, письма CUSAS 36 распадаются на нескольких хронологических групп. Первые 89 писем датируются раннестароавилонским периодом (ок. 2000–1800 гг. до н.э.). Следующие 30 документов относятся ко времени от Рим-Сина I (1822–1763) до Самсуилуны (1749–1712). Лишь один документ (№ 220) был написан в позднестароавилонский период (XVII–начало XVI в. до н.э.). Еще одно письмо (№ 221) принадлежит к среднеавилонской эпохе. Э. Джордж признает, что его критерии датирования документов отчасти субъективны, поэтому отдельные датировки могут быть пересмотрены⁶. И действительно, как показал И.С. Архипов, некоторые документы второй группы на самом деле являются раннестароавилонскими⁷. Что касается места происхождения документов, то упоминаемые в них топонимы (Ларса, Урук, Умма, Адаб, Гирсу, Ниппур и др.) указывают на юг Месопотамии. Таким образом, изучаемый корпус позволяет говорить о рабстве в Южной Месопотамии, прежде всего в царстве Ларсы, XIX–XVIII вв. до н.э.⁸

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Известно, что рабы могут обозначаться в староавилонских текстах разными словами и знаками: *ir*, *wardum* ‘раб’, *geme₂*, *amtum* ‘рабыня’, *sag*, *sag-ir*, *rēšum* ‘голова’, *sag-geme₂-ir*, *aštāpirum* ‘рабы’, *šuhārum*, *šuhartum* ‘слуга’, ‘служанка’⁹. Не во всех случаях перечисленные термины указывали на юридический статус. Например, основные аккадские слова со значением «раб» и «рабыня», *wardum* и *amtum*, а также слово «голова», *rēšum* (в том числе в шумерографической записи *sag-ir*, ср. AbB 2 147) могли использоваться в переносном смысле, подчеркивая подчиненное или уважительное отношение говорящего к своему собеседнику. Слова *šuhārum* и *šuhartum* могли указывать как на рабски зависимых, так и на полусвободных и свободных лиц¹⁰. Непростой представляется и ситуация с термином *awīlum* ‘человек’, традиционно считающимся обозначением свободного человека или даже представителя высших слоев общества. Так, по крайней мере,

сов заключалась в том, чтобы лучше аргументировать свою позицию и склонить носителя верховной власти к нужному решению), то в частной переписке, к которой в подавляющем большинстве относятся документы CUSAS 36, подобные экскурсы встречаются крайне редко.

⁶ George 2018, xii.

⁷ Arkhipov 2021, 203–204.

⁸ О рабстве в Ларсе см. Van De Mieroop 1987, 4–12; Козырева 1988, 122–126. Необходимо говорить, что письма CUSAS 36 привлекаются в качестве источника в статье Richardson 2019. Однако база данных, на которой основано это исследование, включает только тексты из AbB (ср. с. 336), а тексты CUSAS 36 используются не в полном объеме.

⁹ О месопотамских терминах, обозначающих рабов, см. Gelb 1982.

¹⁰ См., например, Hengstl 2006, 17–18. Использованное в CUSAS 36 15: 24 слово *šuhārum*, по мнению Э. Джорджа, не указывает на слугу, а является своеобразным кодовым обозначением князя или высокопоставленного военного. См. George 2018, 25, n. 36.

в одном документе CUSAS 36 это слово, по-видимому, употреблено по отношению к несвободному¹¹.

КОЛИЧЕСТВО УПОМИНАНИЙ

Если исключить подобные случаи¹², то останется четырнадцать писем, упоминающих непосредственно рабов¹³. В этих документах невольники обозначены терминами *wardum*, *amtum* и *rēšum* или же их состояние описано производными от указанных слов абстрактными существительными *wardūtum* ‘рабство, статус раба’ и *amītum* ‘рабство, статус рабыни’. Еще один документ, CUSAS 36 86, по мнению издателя, описывает манумиссию¹⁴, однако есть сомнения в правильности такой интерпретации, поэтому данный текст разумнее исключить из досье¹⁵. Чтобы оценить, много это или мало, 14 упоминаний, уместно обратиться к исследованию И. Хенгстля, который проанализировал упоминания рабов в корпусе старовавилонских писем из серии *Altbabylonische Briefe* (AbB). На приблизительно 2800 писем AbB приходится 180 документов, связанных с темой рабства, что составляет 6,4% корпуса AbB¹⁶. CUSAS 36 содержит публикацию 219 новых старовавилонских писем¹⁷, соответственно доля относящихся к рабству среди них равняется 6,3%. Эта цифра почти точно совпадает с результатами И. Хенгстля, что может говорить о репрезентативности CUSAS 36 как корпуса эпистолярных источников по рабству старовавилонского времени. Письма CUSAS 36 свидетельствуют, что тема рабства находилась на периферии интересов их авторов. Кос-

¹¹ Этот документ, CUSAS 36 125, заслуживает быть процитированным почти полностью: «По поводу человека (*awīlum*), которого ты увел и заточил в своем доме, (этот) человек — мой! Поскольку человек мой, то почему ты увел и заточил его в своем доме? Приходи в Дом Нисабы, и, если человек записан на тебя, уводи его к себе!» (George 2018, 105). Выражение «Дом Нисабы» обозначает архив, см. George 2018, 105; Arkhipov 2021, 206, n. 22. Предложение автора письма обратиться в архив за документами, которые бы установили принадлежность ставшего предметом спора лица, создает впечатление, что имеется в виду раб. Если этот так, то рабы могли в определенных контекстах обозначаться словом «человек», *awīlum*. Ср. замечания в Richardson 2019, 296, 334, n. 313. К другим случаям, где термин *awīlum* описывает невольников, можно осторожно отнести фразу «Человек записан на Син-[...]» в CUSAS 36 128: 10–11, George 2018, 107. Также «человеком» назван раб по имени Шерум-или из документа № 194.

¹² CUSAS 36 № 62, 114, 123, 154.

¹³ CUSAS 36 № 38, 42, 52, 63, 77, 111, 132, 139, 175, 191, 194, 198, 199, 217.

¹⁴ Об освобождении упоминается еще в нескольких письмах: CUSAS 36 16 (*sinništam* «женщину», стк. 8), 39 (*nipūssu* «его заложника», стк. 28), 51 (*awīlê* «людей», стк. 17), 61 (*awīlê* «людей», стк. 21), 84 (*awīlam* «человека», стк. 13), 159 (*mārāšu* «его сына», стк. 15), 173 (*awīltam* «женщину», стк. 9), 178 (женщина по имени Марат-Аним, стк. 5, 9). Однако в этих случаях подразумеваются, скорее всего, не невольники, а свободные, захваченные в плен или арестованные кредитором в обеспечение покрытия долга. Ср. также примеч. 24.

¹⁵ См. подробнее Arkhipov 2021, 213.

¹⁶ Hengstl 2006, 21. С. Ричардсон в свою очередь подсчитал упоминания рабов (*wardum*, *amtum*) и слуг (*šuhārum*, *šuhartum*) в AbB: соответствующие термины появляются в 322 письмах, что составляет 12% корпуса. См. Richardson 2019, 295. В CUSAS 36 присутствуют десять писем с упоминанием слуг (*šuhārum*, *šuhartum*) (№ 15, 41, 53, 54, 108, 116, 120, 170, 186, 189). Если прибавить это число к письмам с упоминанием рабов (14), то мы получим в качестве общей цифры документов 24 или 11%. Опять доля документов о рабах в AbB и CUSAS 36 практически совпадает.

¹⁷ Общее число текстов в CUSAS 36 составляет 221. Однако два письма, 146 и 221, необходимо исключить из рассмотрения, так как первое было опубликовано ранее как AbB 10 146, а второе датируется среднеавилонским периодом.

венно эти данные могут говорить и о роли рабства в месопотамском обществе в целом. Видимо, рабов в целом было мало¹⁸, а значение их труда для экономики было ограниченным¹⁹. Можно сослаться на подсчеты Р. Харрис, согласно которым из 18 тысяч личных имен сиппарского корпуса лишь более 300 принадлежат рабам²⁰.

ОРФОГРАФИЯ ТЕРМИНОВ

Как отмечено выше, в корпусе представлено пять терминов: *amtum* ‘рабыня’, *amūtum* ‘статус рабыни’, *wardum* ‘раб’, *wardūtum* ‘рабство’, *rēšum* ‘голова’. Они имеют следующие варианты записи:

amtum ‘рабыня’

am-tum (CUSAS 36 52: 4), им. п. ед. ч.

[*a*]*m-tum* (CUSAS 36 132: 9), им. п. ед. ч.

am-ta-am (CUSAS 36 52: 11), вин. п. ед. ч.

amūtum ‘статус рабыни’

a-mu-ta-am (CUSAS 36 38: 6), вин. п. ед. ч.

rēšum ‘голова’

re-ša-am (CUSAS 36 191: 4), вин. п. ед. ч.

sag-ir (CUSAS 36 111: 7)

wardum ‘раб’

wa-ar-du-um (CUSAS 36 132: 9, 194: 16, 199: 9), им. п. ед. ч.

[*wa-a*]*r-du-um* (CUSAS 36 194: 8), им. п. ед. ч.

wa-ar-da-am (CUSAS 36 63: 11, 217: 9²), вин. п. ед. ч.

wa-ar-di-im (CUSAS 36 198: 37), род. п. ед. ч.

wa-ar-di (CUSAS 36 217: 3²), род. п. ед. ч.

wa-ar-di (CUSAS 36 42: 4), им. п. ед. ч. + притяж. мест. 1 л. ед. ч.

[*wa*]-*ar-di* (CUSAS 36 77: 9), вин. п. ед. ч. + притяж. мест. 1 л. ед. ч.

wa-ra-ad-ka (CUSAS 36 62: 4), им. п. ед. ч. + притяж. мест. 2 л. ед. ч. м. р.

wa-ra-ad<-ka> (CUSAS 36 62: 21), им. п. ед. ч. + притяж. мест. 2 л. ед. ч. м. р.

wa-ra-ad-ka-ma (CUSAS 36 154: 3), им. п. ед. ч. + притяж. мест. 2 л. ед. ч. м. р. +

соч. энкл.

wa-ra-sà (CUSAS 36 191: 16), вин. п. ед. ч. + притяж. мест. 3 л. ж. р.

ir (CUSAS 36 123: 25)

ir-ka (CUSAS 36 139: 6), + притяж. мест. 2 л. ед. ч. м. р.

wardūtum ‘статус раба’

wa-ar-du-ta-am (CUSAS 36 175: 21), вин. п. ед. ч.

¹⁸ Оценки численности рабов см. в Gelb 1976, 200 со ссылками на предшествующие работы. К приводимому И. Гельбом максимальному числу рабов, упоминаемому в одном тексте (288 невольников), можно добавить данные ARM 33 124: 5, где говорится о 705 рабах, см. Durand 2019, 290–291.

¹⁹ Ср., например, Culbertson 2017, 7. Вместе с тем в литературе высказывается и мнение о важности рабского труда в старовавилонскую эпоху. Такого рода наблюдения делаются на основе данных об эксплуатации государственных рабов, см., например, Rositani 2018, 63.

²⁰ Harris 1975, 333.

Обращает на себя внимание большое количество слоговых написаний. Так же обстоит дело и с написаниями некоторых других социальных терминов, например, *rēdūm* ‘редум’, который встречается в CUSAS 36 почти исключительно в слоговой орфографии. Очевидно, ограниченное использование шумерограмм является характерным признаком данного корпуса.

КАТЕГОРИИ РАБОВ

Согласно классификации Р. Вестбрука, следует выделять собственно рабство (*chattel slavery*), долговое рабство (*debt slavery*) и рабство, возникшее в результате самопродажи во время голода (*famine slavery*)²¹. Сущностным признаком двух последних статусов было право на выкуп, т.е. при возврате долга или предусмотренного контрактом возмещения рабское состояние прекращалось вне зависимости от воли кредитора.

Третий вид рабства по Вестбруку засвидетельствован в основном источниками второй половины II–I тыс. до н.э. В старовавилонских текстах случаи самопродажи во время голода почти не отражены, и письма CUSAS 36 не исключение. Одно единственное письмо, в котором можно усмотреть указание на самопорабощение из-за голода, возможно, относится к числу школьных упражнений²². Равным образом в письмах отсутствуют однозначные указания на долговое рабство, хотя оно было распространенным явлением в старовавилонскую эпоху²³. В двух случаях, по всей видимости, можно определенно говорить об обычном характере рабства (см. следующий раздел).

ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

Источники рабства на древнем Ближнем Востоке были разнообразны: плен, похищение, покупка за рубежом, самовоспроизводство, порабощение за долги и

²¹ Westbrook 2009, 170, 191.

²² В CUSAS 36 175 раб, обращаясь к бывшей госпоже, говорит, что она подала ему надежду, накормив его, и просит выкупить его у его нынешнего хозяина. Одно из возможных пониманий описанной в письме ситуации таково, что освобожденный раб вновь был вынужден поступить в рабство из-за голода. О литературном характере этого документа см. Arkhipov 2021, 206.

²³ В CUSAS 36 присутствуют указания на увод кредитором заложников у своего должника (39: 45: 13–15: *ni-pa-ti-im, i-qá-ti-im, e-te₄-er* «Немедленно освободи заложников!»; 53: 6–8: *šú-ha-ar-tam, pí-qá-at, i-né-pu-ú* «Возможно, они уведут в заложники служанку»; 54: 9–11: *a-ša-sú, ú šú-ha-ra-am, ú-še-er* «Освободи его жену и слугу!»; 98: 10–11, 16: *am-mi-ni ni-pu-ti-i, te-pe-e (...), ni-pu-ti wu-ši-ir* «Почему ты увел моего заложника? (...) Верни моего заложника!»; 138: 15–16: *a-bu-mi šum-ma, la-mi ta-pa-ta¹-ra-ni, qí-bi-ma* «(Дочь-заложница отцу:) отец, скажи, если ты не собираешься меня выкупить?»; 185: 21–22: *ni-pu-ut a-[wí]-l[i-im], wu-še-e-r[a]* «Освободите заложника человека!»; 186: 13–14: *lu-ú kù-babbar lu-ú ni-pa-ti-im, li-il-qú-ni-im* «Пусть они возьмут серебро или заложников!»; 188: 9–10: *a-na ni-pu-ti¹-ka, il-li-ku-nim-ma* «Они пришли ко мне за заложниками»; 197: 7–8: *ú ni-pa-ti-i-šu, tu-uk-¹ki¹-lam-ma* «Добейся доверия X и его заложников»; в письме № 198 автор сообщает, что был задержан на выходе из городских ворот Ларсы предпринимателем Балмунамхе из-за долга в 120 сиклей серебра; 220: 16, 21: *ni-pu-sú ú má i-te-pí, ni-pu-tam ú má-šu, li-wa-aš-še-er* «Он увел его заложника и лодку. (...) Пусть он освободит его заложника и лодку!)). Подобные ситуации могли привести к последующему превращению заложника в раба. Стоит отметить, что данных об ограничении долгового рабства в Ларсе до ее подчинения Вавилоном в 1763 г. до н.э. нет.

некоторые преступления²⁴. С. Ричардсон полагает, что в Южной Месопотамии старовавилонского периода внутреннее рабство порождалось прежде всего долговой проблемой, а также разделением домохозяйств в результате процедуры наследования, исключения из наследования или изгнания. Что касается вавилонских рабов чужеземного происхождения, в основном с севера, то их порабощение происходило не в результате покупки или захвата вавилонянами во время военноторговых экспедиций. Их статус формировался задолго до того, как они попадали в Южную Месопотамию, вследствие тех же процессов, что действовали на юге: роста задолженности и разорения домохозяйств²⁵.

Лишь три письма из CUSAS 36 позволяют строить предположения о том, как попали в рабство упоминаемые в них невольники: № 38, 175, 191.

Похищение или увод за долги является источником рабского статуса женщины Али-ахи, написавшей письмо № 38²⁶. Обращаясь к своему мужу, она говорит, что находится в Ларсе («в изгнании», *ina t̃aridim* вместо ожидавшегося *ina t̃aridūtīm*, стк. 5) и несет рабскую службу. Далее следуют инструкции, как ее найти. Завершается письмо мольбой о выкупе²⁷: Али-ахи настолько истощена работой²⁸, что сама ее жизнь находится под угрозой. Как подчеркивает Али-ахи, она была схвачена и уведена некими людьми, ночью, когда муж отсутствовал дома. То есть вина за ее порабощение лежит отчасти на муже. Примечательно использование эпитета «жена» (*aššatum*), указывающего на исходно свободный статус женщины, а также упоминание по имени двух дочерей, очевидно, рожденных в неволе.

Главное действующее лицо письма № 175, его автор, Син-шеми, был, возможно, домородным рабом²⁹. Об этом может косвенно свидетельствовать упоминание о 50 годах его рабства в доме адресата, женщины по имени Намиятум, которую он чтит как свою мать³⁰. Вряд ли возраст раба на момент составления письма сильно превышает указанную цифру в 50 лет: судя по его словам, Син-шеми обременен службой, а значит по-прежнему работоспособен. Таким образом, речь идет о человеке, который с самого детства находится в рабстве. Син-шеми упоминает имена своих родителей, Иддиятума и Шухатум³¹, но при этом подчеркивает, что своей настоящей матерью считает бывшую госпожу Намиятум.

Похищение, возможно, с последующей продажей, стало событием в судьбе раба, упомянутого в письме № 194³². Автор письма убеждает адресата, Липит-

²⁴ См. Westbrook 2009, 172–181.

²⁵ Richardson 2020, 55.

²⁶ George 2018, 41.

²⁷ Моральные нормы предписывали в таких случаях предпринять всё возможное для освобождения члена семьи, ср. дипломатическое письмо XIII в. до н.э. из Угарита, которое завершается следующей фразой, вероятно, пословицей: «Если человек любит свою жену, то освободит ее за (любой) выкуп», см. Lackenbacher, Malbran-Labat 2016, 96 (интерпретация Й. Коэна).

²⁸ Употреблено редкое слово *dullum* ‘тяжелая работа’ (стк. 25), ср. Richardson 2019, 305, n. 91. Об обязанностях женщин-рабынь внутри домохозяйства см. Seri 2011, 55–57.

²⁹ George 2018, 142–143.

³⁰ В Месопотамии конца III тыс. до н.э. дети из низкостатусных семей начинали трудовую деятельность в пять-шесть лет, Reid 2017, 11.

³¹ Интересно, что Син-шеми вставляет филиацию в адресную часть письма (стк. 4), что выглядит исключением во всем корпусе. Использование отчества применительно к рабам в целом нетипичное явление, см. Mendelsohn 1978, 34.

³² George 2018, 155.

Иштара, нынешнего господина раба по имени Шерум-или, что этот Шерум-или имеет хозяина в городе Разама, относящемся к царству Ларсы³³. Шерум-или оказался в руках нового господина как возмещение за совершенное против того преступление (*hiššātum*)³⁴. Остальные звенья в цепочке событий, приведших Шерум-или из Разамы в Ларсу(?), остаются неизвестны.

ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ

В письмах рабы-мужчины упомянуты двенадцать раз, женщины-рабыни — трижды³⁵. Вряд ли на основе этих данных можно делать вывод о преобладании мужчин среди рабского сословия. Обследования более массового материала приводят к противоположному заключению: так, в Сиппаре, по данным Р. Харрис, две трети рабов были представлены женщинами³⁶.

В плане возраста обращают на себя внимание сведения текста № 175: раб Син-шеми дожил по меньшей мере до 50 лет, что представляет собой солидную цифру. Специальных исследований о продолжительности жизни рабского населения старовавилонской Месопотамии не проводилось, но если обратиться к данным по среднеавилонскому периоду, собранным С. Тенни, то можно увидеть, что лишь малая часть рабов доживала до старого возраста: так, старики составляли 0,8% среди рабов, а старые женщины — 0,4% среди рабынь³⁷. В традиционных обществах архаики доля старых людей обычно значительно выше. Для сравнения в Древнем Риме старики составляли от 6 до 8% всего населения³⁸. Безусловно, столь малая доля старых людей среди рабского сословия в Вавилонии II тыс. до н.э. связана с тяжелыми условиями его существования. В этом свете случай Син-шеми, если он не является вымышленным персонажем, определенно заслуживает внимания.

СОБСТВЕННИКИ РАБОВ

Собственниками рабов в старовавилонский период могли выступать как частные лица, так и институты. Например, Законы Хаммурапи говорят о рабах двор-

³³ В старовавилонском корпусе засвидетельствованы три поселения с названием Разама, см. Ziegler, Langlois 2016, 286–289. Два из них находились на севере Месопотамии, одно — в царстве Ларса на юге. Как справедливо отмечает Р. де Бур, тексты CUSAS 36 (№ 177 и 194) отсылают именно к южной Разаме, а само существование городов с этим названием в разных областях Месопотамии является хорошей иллюстрацией феномена «зеркальной топонимики», исследованного Д. Шарпеном. См. de Boer 2019, 249.

³⁴ О *kiššātum* / *hiššātum* см. Westbrook 1996. В корпусе есть еще один случай употребления этого термина. В CUSAS 36 84 автор письма, Тизкар-Шамаш, просит своего «сына» Илум-бани освободить человека, принадлежащего Син-ирибаму. Этот человек был уведен у Син-ирибама в качестве *kiššātum* (стк. 6), т.е. в порядке компенсации за некий проступок против Илум-бани. Взамен Тизкар-Шамаш предлагает записать на него долг в размере 10 сиклей серебра. Статус лица, которое передается в качестве *kiššātum*, неясен, но судя по его обозначению (*awīlum*, «человек», стк. 13), это мог быть патриархально зависимый член домохозяйства или раб Син-ирибама, ср. прим. 12. См. George 2018, 73.

³⁵ Если дочери Али-ахи также были рабского статуса, то число женщин-рабынь в корпусе увеличится до пяти.

³⁶ Harris 1975, 333.

³⁷ Tenney 2011, 53–54.

³⁸ Cokayne 2003, 3.

ца, т.е. государственных рабах (§§ 15, 16, 175, 176a)³⁹. В Сиппаре рабы помимо частных лиц и дворца могли принадлежать храмам и обителям⁴⁰. В CUSAS 36 представлены в основном частновладельческие рабы, что закономерно, так как большая часть писем относится к корреспонденции частных лиц. В письме № 52 упоминается рабыня верховной жрицы бога Нингишзиды, однако это вполне возможно собственность жрицы как частного лица⁴¹.

ЦЕНЫ

Указание на цену раба встречается в тексте № 217. «Я отправил к тебе Синпатера ради (того, чтобы достать) раба-строителя, принадлежащего Шамаш-нациру, – пишет автор. – Они могут запросить у тебя треть мины (20 сиклей. – Б.А.) серебра (за раба. – Б.А.). Если он попросит у тебя треть мины и два сикля серебра, то дай ему, чтобы он купил этого раба»⁴². Последний глагол в этом отрывке, *paṭārum*, допустимо переводить двумя способами: «покупать» или «выкупать, возвращать за выкуп»⁴³. Как бы то ни было, имеется в виду именно цена за невольника как такового. Сумма в 20 или 22 сикля серебра является нормальной старовавилонской ценой на живой товар⁴⁴.

Между тем платеж в тексте № 52 в размере четырех сиклей не является ценой рабыни⁴⁵. Это либо возвращение старого долга, либо бакшиш за ускоренное возвращение рабыни в распоряжение хозяйки. Возможно, автор письма сдал рабыню в аренду без ведома госпожи, и теперь, когда рабыня стала предметом иска, а ее госпожа еехватила, незадачливый предприниматель пытается срочно вернуть рабыню назад.

КОЛИЧЕСТВО РАБОВ

Только в трех документах корпуса говорится более, чем об одном невольнике в домохозяйстве. Так, письмо № 38 сообщает о рабыне и двух ее дочерях, тоже, вероятно, рабского статуса⁴⁶. В документе № 132 упомянуты раб и рабыня (стк. 9)⁴⁷. Согласно тексту № 175, в распоряжении рабовладельца, названного сыном Маннума, было два раба, однако затем один из них был выкуплен на свободу родственницей. Письмо № 114, в котором, по мнению Э. Джорджа, встречается упоминание о «приобретении и собирании рабов», вероятно, не связано с темой рабства. Как предположил Р. де Бур, термин *sag-hi-a* (досл. «головы») имеет в нем финансовое значение: «основные денежные суммы»⁴⁸.

³⁹ Roth 1997, 15–16, 115–116.

⁴⁰ Harris 1975, 334.

⁴¹ George 2018, 51–52.

⁴² George 2018, 176.

⁴³ CAD P, 293–295.

⁴⁴ Stol 2004, 913.

⁴⁵ George 2018, 51–52. Текст письма гласит: «Скажи Нур-Эа. Так (говорит) Икун-пи-Даму. Рабыня жрицы Нингишзиды стала предметом иска. Посылаю тебе твое серебро, четыре сикля. Приведи ко мне (эту) рабыню! Если ты мне брат, пожалуйста, спаси меня!»

⁴⁶ О детях рабов в Месопотамии III – начала II тыс. до н.э. см. Reid 2017.

⁴⁷ George 2018, 110–111.

⁴⁸ de Boer 2019, 248.

СФЕРА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА

В текстах немного информации о том, в каких сферах использовался рабский труд⁴⁹. Яснее всего ситуация в письме № 217, где говорится о рабе, квалифицированном ремесленнике. В письме № 38 рабыня занята на тяжелых работах, но суть их не раскрывается. Неопределенно и заявление Син-шеми из письма № 175, что он служит сыну Маннума. Можно предполагать, что эта служба проходила в рамках домашнего хозяйства, а не в мастерской или сельской усадьбе. Об этом свидетельствуют слова Син-шеми, что он не хочет «оставаться в доме (сына Маннума)». Письмо № 132, возможно, говорит о том, что в нормальной ситуации на рабов были возложены обязанности по уходу за старыми членами семьи⁵⁰.

Рабов могли использовать как посыльных и порученцев. Например, в письме № 63 автор просит адресата прислать деньги для собственного выкупа с рабом или надежным человеком. Согласно письму № 139, раб по имени Варад-Адад должен получить зерно для своего господина⁵¹. Автор письма № 77 сообщает, что царский редум заберет его раба для принесения клятвы⁵². Новейшая историография обращает особое внимание на подобные функции рабов. С. Ричардсон в своих последних работах подчеркивает незначительную ценность рабского труда в старовавилонской Месопотамии. По его мнению, в лице рабов их хозяева ценили не тружеников, а подвижных агентов, способных выполнять различные поручения, включая передачу информации, выступать выгодным средством вложения активов, которое можно было продать, обменять, заложить и т.д. Как формулирует Ричардсон, по своим экономическим функциям рабы больше напоминали кредитные карточки, нежели работников⁵³.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Письма содержат информацию о профессии только для одного из упомянутых в них рабов. Так, не названный по имени раб в тексте № 217 является строителем.

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ

Письмо № 199 сообщает о доме частновладельческого раба, который стал предметом чьих-то притязаний⁵⁴. В Законах Хаммурапи есть упоминания о доме и имуществе раба, вступившего в брак со свободной женщиной (§ 176a)⁵⁵. Матримонимальный статус раба в письме не известен, но его домохозяйство должно было относиться к собственности господина, чье имя утрачено. Как бы то ни было, это

⁴⁹ Если добавить к содержанию параграфа данные о «слугах» (*ṣuhārum* / *ṣuhartum*), то получится следующая картина. Невольники занимались выпасом скота (№ 41), транспортировкой грузов (№ 108), сельскохозяйственными работами (№ 120).

⁵⁰ George 2018, 110–111.

⁵¹ George 2018, 116.

⁵² George 2018, 68–69.

⁵³ Richardson 2019, 290; Richardson, Karev 2021. Показательно название статьи 2019 г. – “Walking capital”, т.е. «Ходячий капитал».

⁵⁴ George 2018, 162.

⁵⁵ Roth 1997, 115.

достаточно интересный факт: раб проживает вне дома хозяина и ведет собственное хозяйство.

ГРАМОТНОСТЬ РАБОВ

Интересно, что два письма написаны от имени рабов. Возникает вопрос, написали ли они их сами или это сделали за них квалифицированные специалисты, писцы, или просто грамотные люди. Одно из писем, № 175, возможно, содержит ответ на этот вопрос. В нем автор Син-шеми, говоря о переписке с бывшей госпожой, сообщает, что за шесть дней для него были написаны шесть писем. Если подразумеваются не полученные, а посланные им письма, то пассивная форма глагола, очевидно, подчеркивает, что раб не сам писал тексты, а просил кого-то сделать это за него. Вентивному окончанию глагола уместно приписать в этом случае бенефактивное значение. Стоит отметить наличие описок и грамматических ошибок в письме. Это может свидетельствовать о том, что автор не был профессиональным писцом⁵⁶. В письме рабыни Али-ахи (№ 38) обращает на себя внимание нестандартное размещение элементов эпистолярного формуляра⁵⁷. Причиной могло быть то, что автор послания не владел письмом на профессиональном уровне.

ИМЕНА РАБОВ

Некоторые рабы названы в источниках по имени. Это естественно касается рабов, от имени которых писались письма: Али-ахи (№ 38) и Син-шеми (№ 175)⁵⁸. Эпистолярный формуляр требовал указывать имя отправителя в начале текста. Однако, когда рабы становятся предметом обсуждения в переписке их хозяев или третьих лиц, их также иногда называют по имени. Таков случай Варад-Адада, раба Абии (или «моего отца», т.е. адресата сообщения) (№ 139), Шерум-или, раба Липит-Иштара (№ 194) и Или-иппалсама, раба А[-...] (№ 199).

Все перечисленные имена являются аккадскими. Хотя ономастика не может служить надежным критерием этнолингвистической принадлежности, за отсутствием данных о внешнем происхождении упомянутых рабов их следует считать уроженцами Южной Месопотамии. Кроме того, их имена являются обычными именами, которыми могли быть наречены и свободные люди⁵⁹. Как отмечается в специальной литературе, рабы не противопоставлялись свободным на уровне ономастики⁶⁰.

⁵⁶ Также этот факт дает специалистам основание думать, что письмо является школьным упражнением начинающего писца, а его содержание носит фиктивный характер. См. выше примеч. 4.

⁵⁷ Слово *umta* 'так (говорит)' и имя автора оторваны друг друга, будучи расположены на разных строках (стк. 2 и 3), частица *-ta* в том же предложении присоединена не к последнему, а к первому слову группы подлежащего (стк. 3). См. George 2018, 41.

⁵⁸ Али-ахи также называет по имени своих дочерей, вероятно, тоже рабынь: Бау-асат и Рибатум.

⁵⁹ Ср., например, Или-иппалсама в AbB 2 9 или в CUSAS 36 123.

⁶⁰ Richardson 2019, 333. В то же время в литературе предпринимались попытки выделить специфически рабскую ономастику, ср. исследование Р. Харрис, основанное на данных сиппарских архивов, Harris 1977.

Тем не менее, в целом о рабах чаще говорится без отождествления их по имени: № 63, 77, 132, 191, 198, 217⁶¹.

ОБРАЩЕНИЕ И УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ

Условия жизни невольников могли быть тяжелыми, о чем свидетельствует уже рассмотренные письма № 38 и 175. В одном случае (№ 38) рабыня истощена тяжким трудом и просит выкупить ее на волю, в другом (№ 175) – раб умоляет свою прежнюю госпожу вернуть его к себе, потому что он не хочет оставаться в доме нынешнего хозяина. Косвенным указанием на недовольство своим положением могут служить данные о бегстве рабов⁶². О пропаже и поисках невольника сообщается в письме № 42⁶³. Автор письма № 111 отправляется в город Адаб, где проводит десять дней занимаясь делом раба, принадлежащего некому Имгур-Сину⁶⁴. Характер этого дела в документе не освещен: были ли это поиски исчезнувшего раба или спор о собственности, остается неясным. В письме № 198 строгое обращение с рабами упоминается в таком контексте. Автор, прося адресата прислать необходимую для выплаты долга сумму, сетует: «Нельзя, чтобы меня удерживали долго. Ты знаешь, что у меня нет (никого,) кто бы был строг с рабом»⁶⁵.

В письмах нет данных об отличительных знаках рабства, ношение которых, очевидно, было связано с непокорным нравом и склонностью к бегству⁶⁶.

РАБЫ КАК ПРЕДМЕТ ИМУЩЕСТВЕННЫХ СПОРОВ

В ряде писем рабы выступают как объект имущественных споров в соответствии со своим статусом вещи⁶⁷. В уже упомянутом письме № 52 объектом тяжбы стала рабыня верховной жрицы Нингишзиды и ее срочно нужно предоставить хозяйке по месту выдвижения иска. Однако обстоятельства этой тяжбы не раскрываются.

⁶¹ Разумеется, имена рабовладельцев представлены в текстах полнее: Буратум, сын Саббакума (хозяин Али-ахи и двух ее дочерей, № 38), Динигмум (автор № 42, имя раба не указано), Или-бани (адресат № 63, имя раба не указано), Син-ремни (автор № 77, имя раба не указано), Перхум-лиззиз (адресат № 132, имена рабов не указаны), Абия (адресат № 139, хозяин Варад-Адада), сын Маннума (хозяин Син-шеми, № 175), Такум (ж.) (автор № 191, имя раба не указано), Липит-Иштар (адресат № 194, хозяин Шерум-или), Уци-арах (автор № 198, имя раба не указано), А[-...] (хозяин Или-иппал-сама, № 199), Шамаш-нацир (хозяин раба-строителя, № 217).

⁶² С. Ричардсон подчеркивает, что засвидетельствованные в старовавилонских письмах побеги рабов совершались не ради прекращения рабства, а ради улучшения своего положения в статусе раба. См. Richardson 2019, 313–314.

⁶³ George 2018, 44.

⁶⁴ George 2018, 93–94.

⁶⁵ George 2018, 161.

⁶⁶ О рабских знаках существует обширная литература, см., например, Potts 2011; Durand 2012, 36–52; Verderame 2018, 15, п. 6 со ссылками на предшествующие работы.

⁶⁷ Такой статус рабов — статус вещи — хорошо высвечивается при сопоставлении формул благополучия. Ср. CUSAS 36 111: 5–6 *bi-tum al-pu-ú*, *ù u₃-udu-hi-a ša-al-mu-ú* «Дом, **волы и овцы** благополучны», и CUSAS 36 189: 7–8 *bi-tum ša-lim*, *ṣú-ha¹-ru ù šú-ha-ra-tum, ša-ṣal-mu¹* «Дом благополучен, **слуги и служанки** благополучны». В данном случае термины *šuhārum* и *šuhartum*, скорее всего, обозначают рабов. Как видно, рабы занимают в структуре формулы то же место, что и скот. См. George 2018, 93–94, 153–154.

Также неясны детали претензий на рабское домохозяйство в письме № 199: претендует ли здесь кто-то на раба и его семью или притязания затрагивают лишь недвижимость, находящуюся в конечном счете в собственности хозяина раба.

Чуть больше данных о правовой коллизии в письме № 191⁶⁸: здесь держательница раба аргументирует свое право тем, что получила раба не от истицы, а от ее сына, однако в итоге вынуждена уступить и соглашается вернуть раба. При этом, однако, ей назначается выплата, возможно, компенсация за расторжение договора, по которому раб работал на нее. По мнению Э. Джорджа, речь идет не о компенсации, а о полной цене: держательница раба готова продать его обратно в семью прежних хозяев⁶⁹.

В письме № 194 спорный статус раба связан с тем, что, как утверждает автор, у него имеется хозяин в другом городе царства Ларса. Автор убеждает нынешнего господина не совершать некой правовой сделки, объектом которой должен стать раб («убери его из таблички!», стк. 20–21). Возможно, раб был украден, вывезен в Ларсу(?), а затем попал в руки рабовладельца как компенсация за некий нанесенный тому ущерб. Об этом прямо говорится в письме.

ПРЕКРАЩЕНИЕ РАБСКОГО СОСТОЯНИЯ

В случае обычного рабства прекращение рабского статуса целиком зависело от хозяина раба. Хозяин мог освободить раба, руководствуясь различными мотивами, среди которых могли быть личная привязанность (в таких случаях раба могли усыновить и наделить наследственной долей) или практические соображения (например, обеспечение старости)⁷⁰. Акт манумиссии известен по целому ряду соответствующих документов. Процедура включала несколько символических действий: так, происходило «очищение лба» освобождаемого или освобождаемого поворачивали лицом к солнцу, разламывались рабские колодки, также разбивался «горшок» рабства⁷¹. Как вписать в эту картину сообщение о предполагаемой манумиссии раба по имени Алалакум в тексте № 86, непонятно⁷². Судя по интерпретации Э. Джорджа, акт освобождения должен был состояться в храме перед статуей божества, однако дальнейшие детали неясны (в частности, зачитывание вслух записи с именем освобождаемого, помазание маслом статуи божества). Любопытно, что освобождение было необходимо провести незаметно для человека по имени Адидум, возможно, имевшего отношение к храму. И.С. Архипов предложил другое, более убедительное, на наш взгляд, толкование всего отрывка, основанное на нескольких уточнениях к прочтению клинописного текста: речь идет не о человеке, а о камне *alallum*, который должен быть брошен к основанию статуи божества (в ходе магического ритуала?)⁷³.

В других текстах из CUSAS 36 неоднократно встречаются просьбы об освобождении или констатации освобождения некоторых лиц, однако это почти всегда

⁶⁸ George 2018, 155.

⁶⁹ George 2018, 155, n. 275.

⁷⁰ Westbrook 2009, 182.

⁷¹ Roth 1979, 103–115; Spada 2018.

⁷² George 2018, 74–75.

⁷³ Arkhipov 2021, 213.

заложники, взятые в обеспечение долга. О выкупе из рабства родственниками, видимо, сообщает письмо № 175. В письме № 159 автор требует разбить запечатанные документы (*kišib-i-ib-ra = ibrûm*) о (порабощении?) сына Итти-Эа-дамаки и освободить его⁷⁴. В этих двух случаях, вероятно, подразумеваются долговые рабы. В целом, тема освобождения рабов относится к числу наименее освещенных в корпусе.

ДАННЫЕ ДРУГИХ СТАРОВАВИЛОНСКИХ ТЕКСТОВ

Помимо CUSAS 36 письма старовавилонского времени были введены в оборот еще в ряде работ последних лет. Среди них можно отметить диссертацию А. Хошнава и монографию Р. де Бура⁷⁵. Возможно, изученные А. Хошнавом тексты относятся к той же группе, что и тексты CUSAS 36: это преимущественно памятники из Южной Месопотамии, в частности, царства Ларсы, XIX–XVIII вв. до н.э. К сожалению, таблички сильно повреждены, и контекст многих упоминаемых рабов остается непонятен. В 61 изданном в диссертации тексте встречаются следующие упоминания невольников:

Khwshnaw 2018 no. 3: 4 *gemé* ‘рабыня’
 no. 18: 5 *šú-ha-ri-i* ‘слуг’ (общ.-косв. п. мн. ч.)
 no. 27: 9 *am-ti* ‘моя рабыня’
 no. 28: 6 *wa-ar-di-ia* ‘моего раба’
 no. 32: 7, 8, 15 *gemé* ‘рабыня’
 no. 40: 17 *šú-ha-ri-ka* ‘твоего слуги’
 no. 48: 7 *šú-ha-ru-ú-ia* ‘мои слуги’, 13 *šú-ha-re-e* ‘слуг’, 16 *šú-ha-re-e* ‘слуг’

Относительно понятен лишь контекст последнего документа: в нем идет речь об имущественном споре из-за трех рабов.

Изданный Р. де Буrom архив из Сиппара датируется XIX в. до н.э. В 52 текстах засвидетельствованы следующие термины, связанные с рабством:

PIHANS 131 no. 9: 8 *wa-ra-ad-ka* ‘твой раб’
 no. 44: 21 *šú-ha-ri-im* ‘слуги’ (род. п. ед. ч.)
 no. 46: 5 *šú-ha-ar-tum* ‘служанка’
 no. 54: 1” *sag-ir* ‘раб’ (букв. ‘голова’)

К сожалению, все контексты повреждены, что не позволяет сделать содержательных наблюдений об изучаемом явлении.

Подводя итог нашему обзору, можно сказать, что рассмотренные письма CUSAS 36 являются ценным источником по истории повседневности и добавляют несколько интересных штрихов к портрету старовавилонского рабства. В то же время его основные параметры вряд ли подлежат пересмотру на основе изучен-

⁷⁴ George 2018, 159.

⁷⁵ Khwshnaw 2018; de Boer 2021.

ных материалов. Письма CUSAS 36 содержат мало упоминаний о рабах и рабовладельцах: лишь в 14 текстах связанные с рабством термины («раб», «рабыня», «голова», «статус раба», «статус рабыни») употреблены по отношению к лицам рабского статуса. Это составляет 6,3% корпуса. Близкое соотношение наблюдается и в более обширном корпусе старовавилонских писем AbB. Очевидно, рабство не относилось к числу наиболее важных тем, интересовавших участников переписки. В текстах чаще упоминаются рабы-мужчины, однако это не означает, что они преобладали внутри рабского сословия. Источники других видов указывают, что женщин-рабынь было больше. Лишь в трех случаях, освещенных в CUSAS 36, допустимо говорить, что хозяин имел в собственности больше одного раба. Количество невольников в других домохозяйствах не упоминается. Все эти данные согласуются с давно отмеченным фактом ограниченного значения рабства в хозяйственной и повседневной жизни месопотамского общества. Чаще всего тема рабства возникает в письмах в контексте имущественных споров (четыре случая) или поручений, которые даются рабам или другим лицам в связи с рабами (также четыре случая). Внимания заслуживают два письма, написанные от имени рабов и посвященные общей теме: освобождению из-под власти нынешнего хозяина. Также интересны сведения о рабе, чей возраст превышает 50 лет.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Arkhipov, I. 2021: Lexical and Other Notes on Old Babylonian Letters in the Schøyen Collection. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 115, 203–218.
- Cokayne, K. 2003: *Experiencing Old Age in Ancient Rome*. London–New York.
- Culbertson, L. 2011: Slaves and Households in the Near East. In L. Culbertson (ed.), *Slaves and Households in the Near East (OIS, 7)*. Chicago, 1–17.
- de Boer, R. 2019: New Insights from the Early Old Babylonian Period, Especially Concerning the Isin-Larsa Wars between Erra-imittī and Sumu-El (ca. 1870–1865 BCE), a Review Article of CUSAS 36. *Bibliotheca orientalis* 76, 241–252.
- de Boer, R. 2021: *The Ikūn-pīša Letter Archive from Tell-ed-Dēr (PIHANS, 131)*. Leuven.
- Dandamaev, M.A. 1974: *Rabstvo v Vavilonii VII–IV vv. do n.e. (626–331 gg.) [Slavery in Babylonia of the 7th–4th centuries BC (626–331 BC)]*. Moscow.
- Дандамаев, М.А. 1974: *Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг.)*. М.
- Diakonoff, I.M. 1973: Raby, iloty i krepostnyye v ranney drevnosti [Slaves, Helots and Serfs in Early Antiquity]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–29.
- Дьяконов, И.М. 1973: Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. *ВДИ* 4, 3–29.
- Durand, J.-M. 2012: Esclaves punis. In J.-M. Durand, Th. Römer, J.-P. Mahé (éds.), *La faute et sa punition dans les sociétés orientales. Colloque Collège de France, CNRS, Société Asiatique de juin 2010 (PIPOAC, 1)*. Leuven–Paris–Walpole, MA, 23–52.
- Durand, J.-M. 2019: *Les premières années du roi Zimrī-Līm de Mari. Première partie. (ARM, XXXIII)*. Leuven–Paris–Bristol, CT.
- Gelb, I.J. 1976: Quantative Evaluation of Slavery and Serfdom. In B. Eichler, J. Heimerdinger, Å. Sjöberg (eds.), *Kramer Anniversary Volume: Cuneiform Studies in Honor Samuel Noah Kramer (AOAT, 25)*. Neukirchen-Vluyn–Kevelaer, 195–207.
- Gelb, I.J. 1982: Terms for Slaves in Ancient Mesopotamia. In J.N. Postgate (ed.), *Societies and Languages of the Ancient Near East: Studies in Honor of I.M. Diakonoff*. Warminster, 81–98.
- George, A. 2018: *Old Babylonian Texts in the Schøyen Collection. Part 1. Selected Letters (CUSAS, 36)*. Bethesda.

- Harris, R. 1975: *Ancient Sippar. A Demographic Study of an Old-Babylonian City (1894–1595 B.C.)*. Istanbul.
- Harris, R. 1977: Notes on the Slave Names of Old Babylonian Sippar. *Journal of Cuneiform Studies* 29, 46–51.
- Hengstl, J. 2006: Sklaverei und Hörigkeit nach dem Zeugnis der altbabylonischen Briefe. *Revue internationale des droits de l'Antiquité* 53, 13–53.
- Khwshnaw, A. 2018: *Unpublished Old Babylonian Letters in the Slemani Museum (Selected Letters)*. PhD Diss. Budapest.
- Koppen, F., van, 2004: The Geography of the Slave Trade and Northern Mesopotamia in the Late Old Babylonian Period. In H. Hunger, R. Pruzsinszky (eds.), *Mesopotamian Dark Age Revisited. Proceedings of an International Conference of SCIAM 2000 (Vienna 8th–9th November 2002) (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Denkschriften der Gesamtakademie, 32; Contributions to the Chronology of Eastern Mediterranean, 6)*. Vienna, 9–34.
- Kozyreva, N.V. 1988: *Drevnyaya Larsa. Ocherki khozyaystvennoy zhizni* [Ancient Larsa. An Outline of Economic Life]. Moscow.
- Козырева, Н.В. 1988: *Древняя Ларса. Очерки хозяйственной жизни*. М.
- Kozyreva, N.V. 2020: Novye istochniki po istorii Larsy: pis'ma tsarya Sumuelya [New Sources on the History of Larsa: Letters of King Sumuel]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika* [Bulletin of Saint Petersburg University. Asian and African Studies] 12, 534–555.
- Козырева, Н.В. 2020: Новые источники по истории Ларсы: письма царя Сумуэля. *Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика* 12, 534–555.
- Lackenbacher, S., Malbran-Labat F., 2016: *Lettres en akkadien de la "Maison d'Urtēnu". Fouilles de 1994 (Ras Shamra – Ougarit, XXIII)*. Leuven–Paris–Bristol, CT.
- Markina, E.V. 2005: Upotrebleniye prilagatel'nogo *naw/mrum* o rabakh v starovavilonskikh pis'makh [Use of *naw/mrum* in Old Babylonian Letters]. In M.M. Dandamayeva, L.E. Kogan, N.V. Kozlova, I.N. Medvedskaya (eds.), *Edubba vechna i postoyanna. Materialy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya Igorya Mikhailovicha Dyakonova* [Edubba Is Everlasting. Proceedings of the Conference Held in Commemoration of the 90th Birthday of Igor Mikhailovich Diakonoff]. Saint Petersburg, 188–194.
- Маркина, Е.В. 2005: Употребление прилагательного *naw/mrum* о рабах в старовавилонских письмах. В сб.: М.М. Дандамаева, Л.Е. Коган, Н.В. Козлова, И.Н. Медведская (сост.), *Эдубба вечна и постоянна. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова*. СПб., 188–194.
- Mendelsohn, I. 1978²: *Slavery in the Ancient Near East. A Comparative Study of Slavery in Babylonia, Assyria, and Palestine from the Middle of the Third Millennium to the End of the First Millennium*. West Port.
- Potts, D. 2011: The *abuttu* and the Alleged Elamite 'Slave Hairstyle'. In L. Vacín (ed.), *u₄ du₁₁-ga-ni sá mu-ni-ib-du₁₁. Ancient Near Eastern Studies in Memory of Blahoslav Hruška*. Dresden, 183–194.
- Reder, D.G. 1975: K voprosu o yuridicheskom polozhenii rabov po zakonam Hammurapi [On the Legal Status of Slaves According to the Laws of Hammurapi]. In I.S. Katsnel'son (ed.), *Drevniy Vostok. I. Sbornik statey k semudesyatipyatiletiiu akademika M.A. Korostovtseva* [Ancient Orient. 1. Studies Presented to the Academician M.A. Korostovtsev on the Occasion of His 75th Anniversary]. Moscow, 230–245.
- Редер, Д.Г. 1975: К вопросу о юридическом положении рабов по законам Хаммурапи. В сб.: И.С. Кацнельсон (отв. ред.), *Древний Восток. I. Сборник статей к 75-летию академика М.А. Коростовцева*. М., 230–245.
- Reid, J.N. 2017: The Children of Slaves in Early Mesopotamian Laws and Edicts. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 111, 9–23.

- Richardson, S. 2019: Walking capital. The economic function and social location of Babylonian servitude. *Journal of Global Slavery* 4, 285–342.
- Richardson, S. 2020: The Origin of Foreign Slaves in the Late Old Babylonian Period. *Kaskal* 17, 53–73.
- Richardson, S., Karev, E. 2021: *Rethinking Slavery in the Ancient Near East*, <https://www.asor.org/aneetoday/2021/10/rethinking-slavery>.
- Rositani, A. 2018: From Freedom to Slavery: Work and Words at the House of Prisoners of War in the Old Babylonian Period. *Journal of Global Slavery* 3, 41–67.
- Rositani, A. 2020: The Public Management of War Prisoners Within and Outside the *būt asīrī*. *Archiv Orientalní* 88, 193–219.
- Rositani, A. 2021: The e₁.mušen.ḫi.a in the Rīm-Anum Texts: a New Document. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 1, 22–27.
- Roth, M. 1979: *Scholastic Tradition and Mesopotamian Law: A Study of FLP 1287, A Prism in the Collection of the Free Library of Philadelphia*. PhD Diss.
- Roth, M. 1997: *Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor (SBL WAW, 6)*. Atlanta.
- Seri, A. 2011: Domestic Female Slaves during the Old Babylonian Period. In L. Culbertson (ed.), *Slaves and Households in the Near East*. Chicago, 49–67.
- Seri, A. 2013: *The House of Prisoners. Slavery and State in Uruk during the Revolt against Samsu-iluna (SANER, 2)*. Boston–Berlin.
- Spada, G. 2018: *Sumerian Model Contracts from the Old Babylonian Period in the Hilprecht Collection Jena (TMHC, 11)*. Wiesbaden.
- Stol, M. 2004: Wirtschaft und Gesellschaft in Altbabylonischer Zeit. In D. Charpin, D.-O. Edzard, M. Stol, *Mesopotamien. Die altbabylonische Zeit. Annäherungen 4 (OBO, 160/4)*. Fribourg–Göttingen, 643–975.
- Struve, V.V. 1958: Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине [Struggle against Debt Slavery in Babylonia and Palestine]. *Palestinskiy Sbornik [Annual of Palestine Studies]* 3 (66), 3–28.
- Струве, В.В. 1958: Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине. *Палестинский сборник* 3 (66), 3–28.
- Tenney, S. 2011: *Life at the Bottom of Babylonian Society. Servile Laborers at Nippur in the 14th and 13th Centuries B.C. (CHANE, 51)*. Leiden–Boston.
- Van De Mieroop, M. 1987: The Archive of Balmunamḫe. *Archiv für Orientforschung* 34, 1–29.
- Verderame, L. 2018: Slavery in Third-Millennium Mesopotamia. An Overview of Sources and Studies. *Journal of Global Slavery* 3, 13–40.
- Westbrook, R. 1996: ziz.da / kiššātum. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 86, 449–459.
- Westbrook, R. 2009: Slave and master in ancient Near Eastern law. In B. Wells, F.R. Magdalene (eds.), *Law from the Tigris to the Tiber. The Writings of Raymond Westbrook*. Vol. 1. *The Shared Tradition*. Winona Lake, 161–216.
- Ziegler, N., Langlois, A.-I. 2016: *Les toponymes paleo-babyloniens de la Haute-Mésopotamie (Matériaux pour l'étude de la toponymie et de la topographie I/1: La Haute-Mésopotamie au IIe millénaire av. J.-C.)*. Antony.

SLAVES AND SLAVEHOLDERS IN THE OLD BABYLONIAN LETTERS FROM
CUSAS 36

Boris E. Aleksandrov

*Lomonosov Moscow State University; National Research University "Higher School of
Economics", Moscow, Russia
boris_alexandrov@icloud.com*

Abstract. The Akkadian letters published in 2018 by A. George as CUSAS 36 provide important evidence on the social and political history of Mesopotamia in the 2nd millennium BC. Among 219 Old Babylonian documents of CUSAS 36, dated mainly to the 19th–18th centuries BC, only 14 texts mention slaves. The status of these slaves is marked with different Akkadian terms: *wardum* ‘slave’, *amtum* ‘female slave’, *rēšum* / *sag-ir* ‘head’, *wardūtum* ‘status of a slave’, *amūtum* ‘status of a female-slave’, written in the majority of cases syllabically. Besides, in some contexts the terms *šuhārum* ‘servant’ and *šuhartum* ‘female servant’ also refer to individuals of the slave status. The number of documents mentioning slaves amounts to 6,3% (11% if together with ‘servants’) of the whole corpus. This percentage closely corresponds to the numbers obtained in the study of a significantly larger group of texts published as AbB (ca. 2800 letters). Such a modest rate of documents related to slavery testifies to its marginal role, at least among the concerns that caused Babylonians to write letters. The maximum number of slaves per household mentioned in CUSAS 36 is three (1x). The majority of texts discuss only one male or female slave. Mentions of male slaves (12x) are more frequent than that of female slaves (3x), however, these numbers should not be taken as reflecting the real sex ratio among the slave population. Disputes over property form one of the most frequent contexts in which slaves are mentioned in CUSAS 36. Slave labor could be used in various domains: agriculture, animal husbandry, crafts, household jobs which obviously included the care for elderly members of a family. Two letters, nos. 38 and 175, deserve special attention, since they were authored by slaves. Freedom is characteristically the main topic of these messages. The authors want to set themselves free from the power of their actual masters.

Keywords: Mesopotamia, Old Babylonian period, slaves, slavery.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 23–60
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 23–60
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-23–60

М.Ю. Трейстер

РИМСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ПАТЕРЫ ТИПОВ EGGERS 154–155 В САРМАТИИ

Бонн, Федеративная Республика Германия
mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В погребениях кочевников Азиатской Сарматии было найдено шесть целых или фрагментированных датирующихся в пределах I в. н.э. бронзовых патер типов Eggers 154–155, одна отдельная ручка, одна отдельная ножка, а также медальон патеры во вторичном использовании, которые подробно рассматриваются в данной статье с привлечением также редких находок римских бронзовых патер из Приднепровья, Юго-Западного Крыма, с территории Боспорского царства и из Прикубанья / Закубанья. Обращают на себя внимание редкие образцы переходного типа от патер Eggers 154 (Hagenow) – к патерам Eggers 155 (Millingen). У многих патер утрачены ручки или часть ножек-подставок. На патерах из Нижнего Подонья и Южного Приуралья сохранились заплатки на заклепках.

Если бронзовые амфоры, тазы, ковши и кованные кувшины в погребениях кочевников Азиатской Сарматии с большей или меньшей частотой встречались в одних и тех же погребениях, то бронзовые патеры выпадают из типовой взаимовстречаемости. Небольшое количество находок не дает оснований для их корреляции с мужскими или женскими погребениями – они известны и в тех, и в других. В Сарматии не прослеживается связь патер с ойнохоями, которые не только в Римской империи и европейском барбарикуме, но и

Данные об авторе: Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, независимый исследователь.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Д.В. Васильеву (Астрахань, АГОИАМЗ), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (ВОКМ, Волгоград).

в могильниках Юго-Западного Крыма и на Боспоре, выступали в комплексах как части одного сервиза.

В целом очевидно, что патеры относятся к сравнительно редкой категории импортных римских бронзовых сосудов в Азиатской Сарматии (по количеству сопоставимы с амфорами) и начинают поступать сюда еще в первой половине I в. н.э. Эти сосуды ценились, в том числе и потому, что в ряде случаев они представлены роскошными образцами с инкрустацией серебром и медальонами с рельефными композициями. Они подвергались ремонту, а медальоны таких патер могли вторично использоваться. Если находки более ранних патер типа Eggers 154 концентрируются в Нижнем Подонье, то более поздние патеры типа Eggers 155 происходят из Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. При этом достоверных находок, которые можно было бы однозначно отнести к патерам типа Eggers 154, в городах Северного Причерноморья не известно, напротив здесь получили распространение патеры типа Eggers 155.

Ключевые слова: римская бронзовая посуда, патеры, римские импорты, Римская империя, Северное Причерноморье, Азиатская Сарматия.

Введение

На территории Азиатской Сарматии (рис. 1) найдено несколько бронзовых патер типов Eggers 154–155: из Нижнего Подонья (Высочино-V, курган № 9/1983, насыпь¹; Сладковский, курган № 21/1979, погребение № 2²; могильник «Царский», курган № 38/1987, погребение № 1³; кроме того, отдельный медальон патеры во вторичном использовании был найден в погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I⁴), Волго-Донского междуречья (Вербовский-II, курган № 9/1999, погребение № 1⁵), Нижнего Поволжья (Никольское, курган № 12/1965, погребение № 1⁶) и Южного Приуралья (Лебедевка-V, курган № 23/1978, погребение № 2⁷). Кроме того, отдельная ручка патеры с головой барана была найдена на песчаных выдувах у п. Ганюшкино в дельте Волги⁸.

¹ Bessaly 1986, 76, pl. 60, 3; Беспалый, Лукьяшко 2008, 68, табл. LV, 8; Treister 2019b, 177–179, fig. 19.3, 1–4.

² Maksimenko 1986, 82, pl. 74; Максименко 2015, 73, 74, рис. 1, 4–8; Трейстер 2020б, 580–582, рис. 10–11.

³ Ильюков 1988, 34, рис. 180; 1994, 200, 211, рис. 2, 22; Трейстер 2020б, 588–589, рис. 15. Ручка не сохранилась. Место хранения нижней части с медальоном не известно.

⁴ Беспалый и др. 2007, 28–29, № 15, табл. 32, 1; Безуглов и др. 2009, 32–33, рис. 15, 4; 83–84, фото на с. 83; Трейстер 2020б, 574, 578, 579, рис. 9.

⁵ Мамонтов 2000, 169; 2004, 207–208; 2008, 175–176, рис. 7; Скрипкин (ред.) 2013, 118 (илл. вверху), № 282; Трейстер 2020б, 574–576, рис. 6–7.

⁶ Кропоткин 1970, 91, № 776; Шилов 1974, 226–231; 1975, 151–154, рис. 58, 2; Засецкая 1979, 107–110, рис. 20; Сергачков 1994, 20; Sergachkov 1994, 265; Brosseder 2011, 399, fig. 47, 32.

⁷ Мошкова 1982, 82, 85, рис. 2, 1–2; Берлизов 2011, 223–224, табл. 75, 1; Treister 2013, 743, Anm. 84; 2019b, 177; Трейстер 2016, 284.

⁸ Касенов 2017, 8–12; Касенов, Сейткалиев 2017, 115–118.

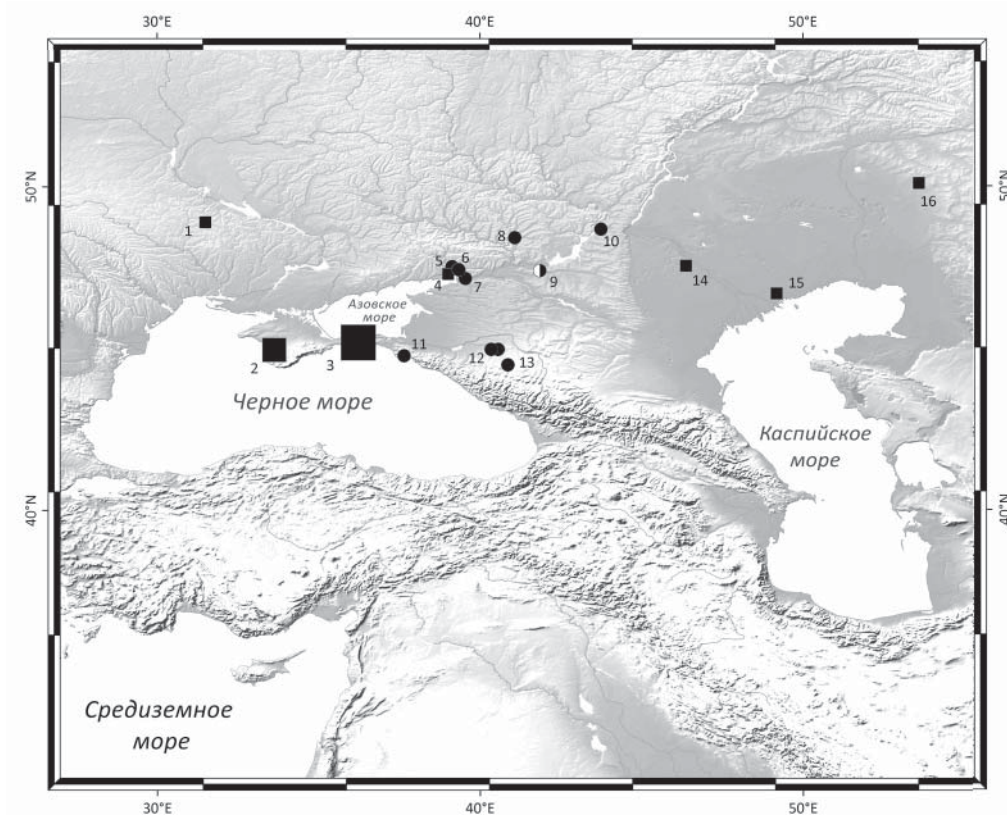

Рис. 1. Распространение бронзовых патер типов Eggers 154–155 в Сарматии. 1 – Петрики, 2 – Усть-Альма, 3 – Пантикапей, 4 – Танаис, 5 – «Царский», 6 – Валовый-I, 7 – Высочино-V; 8 – Сладковский, 9 – Криволиманский-I; 10 – Вербовский-II, 11 – Цемдолина, 12 – Михайловская, 13 – Владимирское городище № 2, 14 – Никольское, 15 – Ганюшкино, 16 – Лебедевка-V. Карта – М.Ю. Трейстер, 2021, подоснова – Г.П. Гарбузов. Кружки со сплошной заливкой – патеры типа Eggers 154; кружок с заливкой половины – отдельная ножка патеры типа Eggers 154; квадраты – патеры типа Eggers 155

Fig. 1. Distribution of bronze pateras of Eggers 154–155 types in Sarmatia. 1 – Petriki, 2 – Ust'-Al'ma, 3 – Pantikapaion, 4 – Tanais, 5 – «Tsarskiy», 6 – Valovyy-I, 7 – Vysochino-V; 8 – Sladkovskiy, 9 – Krivolimanskiy-I; 10 – Verbovskiy-II, 11 – Tsemdolina, 12 – Mikhaylovskaya, 13 – Vladimirovskoe fortified settlement no. 2, 14 – Nikol'skoe, 15 – Ganyushkino, 16 – Lebedevka-V. Map, Mikhail Treister, 2021. Map basement – Gennady Garbusov. Circle with complete filling – Eggers 154 pateras, circle with right half filling – separate foot of Eggers 154 patera; quadrate – Eggers 155 pateras

1. Патеры Eggers 154 / Nuber D (Хагенау)

Две патеры из могильников Высочино-V (рис. 2–3) и Вербовский-II (рис. 4–5) относятся к типу Eggers 154/Nuber D (Хагенау), для которых характерно отсутствие кольцевого поддона – его функцию выполняли припаянные ко дну фигурные ножки, и ручки с продольными каннелюрами, завершающиеся головками живот-

ных. По мнению Х.У. Нубера, начало производства таких патер относится к августовской эпохе. Так, ручка патеры из Хальтерна датируется временем до 9 г. н.э.⁹ Погребение в Берри-Буи (Фонтийе)¹⁰ датируется августовской эпохой по монете. Другие комплексы, например, Хагенау¹¹, Праг-Бубенец (погребение № 4/1948)¹², Флер-ла-Ривьер¹³, Антран¹⁴ – относят к первой половине I в. н.э. Предполагается, что изготовление таких патер прекращается после 50 г. н.э.¹⁵, при этом они бытовали вплоть до эпохи Флавиев¹⁶. В Помпеях патеры этого типа, по сравнению с более поздними (типа Миллинген), очень редки¹⁷. Они неизвестны в восточных провинциях Римской Империи, область их распространения ограничивается западными провинциями и территорией Свободной Германии¹⁸.

Три патеры типа Хагенау известны по находкам из сарматских комплексов Прикубанья первой половины I в. н.э.¹⁹, при этом достоверных находок, которые можно было бы однозначно отнести к патерам этого типа в городах Северного Причерноморья, не известно. При раскопках святилища на перевале Гурзуфское седло была найдена бронзовая полая головка пантеры дл. 4,3 см с ровным вертикальным обрезом шеи, которая, по мнению автора раскопок, является навершием II–I вв. до н.э.²⁰, а, на мой взгляд, весьма вероятно служила завершением ручки патеры – чрезвычайно близкое по стилю завершение ручки – у ручки патеры с треугольным атташем, характерным для патер типа Хагенау, из Баасроде в Бельгии²¹.

Ручка патеры из Высочино украшена наконечником с изображением львиной головки с изначально инкрустированными глазами (рис. 2, 3–4). Атташ подтреугольной формы оформлен в низком рельефе изображением цветка с вырастающими из него побегами с цветками с шестью округлыми лепестками и лепестком в

⁹ Müller 1997, 19, Abb. 12; 20; 37, Nr. 44; Gorecki 2016, 198, 199, Abb. 11.

¹⁰ Ferdière, Villard 1993, 130–133, no. 26, fig. 2–37–40; Pernet 2010, 157–158, 233, C3, pl. 149, 6; Gorecki 2016, 193.

¹¹ Voß 2005, 28–29, Abb. 5, 15–16; Drobejar 2014, 429, Abb. 19; 426.

¹² Novotný 1955, 237, Abb. 5; 238–239; Nuber 1972, 39–40, Taf. 3, 1a–b; 190, Liste D.1.e.6; Grabliste 101; Drobejar 2007, 65, Nr. 19 с литературой, Abb. 20; 2014, 406, Abb. 8; 407, Nr. 4; 417.

¹³ Ferdière, Villard 1993, 50–52, no. 56, fig. 1–45–46; Pernet 2010, 157–158, 237, C12, pl. 166; Gorecki 2016, 193.

¹⁴ Pautreau (ed.) 1999, 33–34, nos. 1–2; Castoldi 2004, 87, 89, fig. 6 (вверху справа); Pernet 2010, 157–158, 233, C2, pl. 147; Gorecki 2016, 192, Abb. 6; 193.

¹⁵ Nuber 1972, 40–44; Kunow 1983, 26–27, 64; Holliger, Holliger 1985, 60; Deschler-Erb 2006, 420.

¹⁶ Sedlmayer 1999, 47.

¹⁷ Tassinari 1993, vol. 2, 130, H2100, nos. 12719, 5019.

¹⁸ Nuber 1972, 40, 44; 190–191 (Liste D); Wielowiejski 1985, 228–231; Karasová 1998, 38–39, Karte XV; Taf. V, 154; Sarnataro 2002, 393–394, fig. 1; Drobejar 2007, 45–46; 64–65, Nr. 2, 19, 25, 28; 2014, 414.

¹⁹ Цемдолина, погребение № 9/1991: Malyšev, Treister 1994, 43, Abb. 3; 44, Nr. 1; Taf. 1; Malyšev, Treister 1994, 34, fig. 6; Лимберис, Марченко 2006, 53, 59, № 11.2; 71, рис. 8; Довгальок, Малышев 2008, 26–27, № 22, рис. 14; Трейстер 2008, 181–182; Marčenko, Limberis 2008, 288, 345, Nr. 32.1, Taf. 61, 2. – Михайловская, курган № 2/1982, погребение № 14: Лимберис, Марченко 2006, 53, 59–60, № 12; 72, рис. 9; Marčenko, Limberis 2008, 288, 339, Nr. 13.2, Taf. 22; Трейстер 2020б, 574, 577, рис. 8; 578; 595. Как справедливо заметил А.В. Симоненко (2011, 61, прим. 1), к этому же типу надо относить и не имеющую кольцевого поддона патеру из Владимирской, которую Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко отнесли к типу Миллинген (Лимберис, Марченко 2006, 53, 60–61, № 14; 74, рис. 11; Marčenko, Limberis 2008, 289, 359, Nr. 93.2, Taf. 116).

²⁰ Kat. Schleswig 1991, 168, Nr. 333; Cat. Rimini 1995, 130, no. 23; Новиченкова 2015, 85, рис. 165; 207, № 31, рис. 276.

²¹ Faider-Feytmanns 1979, 169–170, no. 343, pl. 127.

центре (рис. 2, 5). Также львиной головкой оформлена на конце ручка патеры из Боскореале²².

Патера из могильника Вербовский имеет на конце баранью головку (рис. 4, 3; 5, 2–3), дно украшено выполненным в низком рельефе медальоном со сценой, обрамленной рядом набитых по кругу пуансоном кружков. Внутри медальона – изображение обнаженного юноши, доящего козу. О том, что представлен именно юноша, свидетельствуют, в частности, его прическа, черты лица и отсутствие каких-либо видимых признаков женского пола – ничего женского, в отличие от В.И. Мамонтова, который определил фигуру как «нагую девушку», я не наблюдаю (рис. 4, 1; 5, 1). Изображения пастуха, доящего козу, становится довольно распространенным сюжетом в римской глиптике II–III вв. н.э.²³, встречается также на мозаиках и рельефах этого времени²⁴. Тем больший интерес вызывает изображение этой сцены на патере из Вербовского, найденной в погребении, которое датируется не позднее первой половины I в. н.э. Медальоны, украшающие патеры типа D (Хагенау), чрезвычайно редки. Другие примеры представлены двумя находками их погребений первой половины I в. н.э. у ст. Михайловской в Прикубанье²⁵.

Вероятно также патеру типа Хагенау изначально украшал найденный во вторичном использовании в погребении кургана № 9 могильника Валовый-I медальон (рис. 6)²⁶. Оформление медальона концентрическими фризами жемчужника с гравированными изображениями стилизованного венка находит параллели на медальоне с изображением сфинкса патеры из кургана 2/1982 у ст. Михайловской и на медальоне патеры из склепа № 620/1996 Усть-Альминского могильника²⁷. Сюжет – Эрот, стоящий перед высоким алтарем, протянув руки к сидящей на алтаре птице – очень редкий и не находит точных параллелей в иконографии Эрота/Амура, хотя никаких сомнений в том, что изображен именно Эрот нет. Об этом говорят и крылья за спиной мальчика, и его поза со скрещенными ногами, характерная, в частности для изображений Эрота, опирающегося на перевернутый факел²⁸. Ближайшей параллелью изображению на медальоне из Валового является изображение Эрота, стоящего перед аналогичным алтарем с птицей в руке, на серебряном скифосе из клада, предположительно найденного на границе Афганистана и Пакистана²⁹.

²² Pernice 1900, 191–192, Nr. 22 (?), Abb. 20; Nuber 1972, 40, 190, Liste DI, c.1; Heilmeyer (Hrsg.) 1988, 274–275, Nr. 10; Oettel 1991, 25, 48, Nr. 20, Taf. 19a, 20c, 21d.

²³ См. подробно с аналогиями: Трейстер 2007, 302, прим. 114.

²⁴ См. подробно с аналогиями: Трейстер 2020б, 593–594.

²⁵ Курган № 2/1982, погребение № 14. Изображение сфинкса: Каминская и др. 1985, 229, рис. 5; Кат. Москва 2002, 132–133, № 623; Лимберис, Марченко 2006, 53, 60, № 12, рис. 9; Marčenko, Limberis 2008, 288, 339, Nr. 13.2, Taf. 22; Трейстер 2020б, 574, 577, рис. 8; 578; 595. – Курган № 9/1985, погребение № 25 (дата комплекса первая половина I в. н.э.). Изображение обнаженной флейтистки, сидящей в кресле перед алтарем: Каминский 2000, 88–89, рис. 4, 3; Лимберис, Марченко 2006, 53, 60, № 13, рис. 10; Marčenko, Limberis 2008, 288–289, 340, Nr. 14.4, Taf. 26; Трейстер 2020б, 580, 585, рис. 14; 578; 588, 590, 591.

²⁶ См. выше прим. 3.

²⁷ Loboda et al. 2002, 337, Abb. 21, 8; Кат. Киев 2005, 17, 36; Пуздровский 2007, 168, 426, рис. 152, 3; вклейка 3, 7; Puzdrovskij 2013, 310, Nr. VII.48; Jilek 2015, 173; Трейстер 2020б, 580, 583–584, рис. 12–13; 591, 592.

²⁸ См. подробно с аналогиями: Трейстер 2020б, 591–593.

²⁹ Baratte 2001, 272–273, fig. 11; 2002, 27–30, fig. 11.

Рис. 2. Высочино-V. Курган № 9/1983 (насыпь). Бронзовая патера. Общие виды и детали. Азов, АИАПМЗ, инв. № 20200/136. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 2. Vysochino-V. Burial-mound no. 9/1983 (Mound). Bronze patera. General views and details. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 20200/136. Photos by Mikhail Treister, 2015

Рис. 3. Высочино-V. Курган № 9/1983 (насыпь). Бронзовая патера. Детали. Азов, АИАПМЗ, инв. № 20200/136. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 3. Vysochino-V. Burial-mound no. 9/1983 (Mound). Bronze patera. Details. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 20200/136. Photos by M. Treister, 2015

Рис. 4. Вербовский-II. Курган № 9/1999. Погребение № 1. Бронзовая патера. Общий вид и детали. Волгоград, ВОКМ, инв. № 32011/12. Фото М.Ю. Трейстера, 2015
 Fig. 4. Verbovskiy-II. Burial-mound no. 9/1999. Burial no. 1. Bronze patera. General view and details. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 32011/12. Photos by Mikhail Treister, 2015

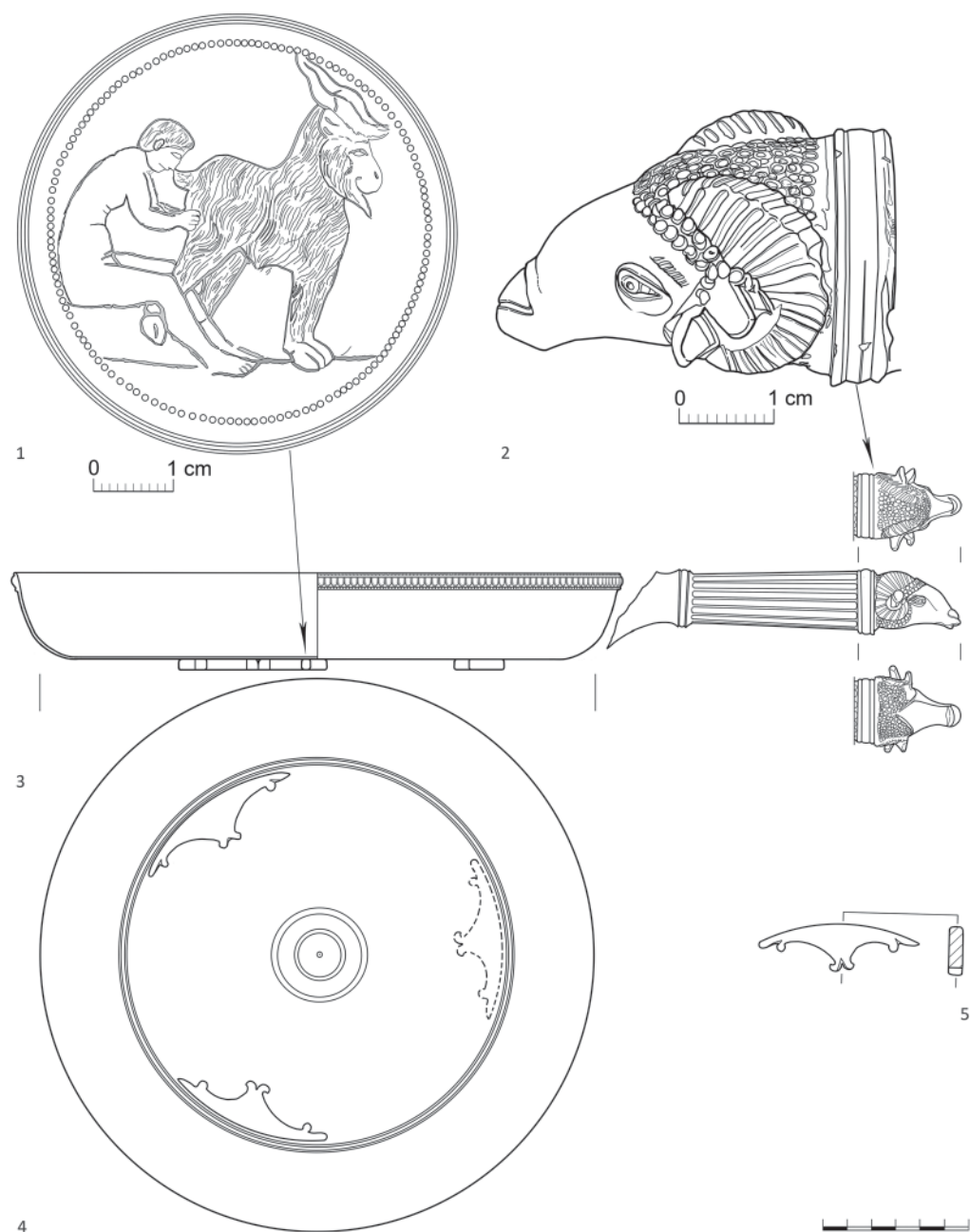

Рис. 5. Вербовский-II. Кургan № 9/1999. Погребение № 1. Бронзовая патера. Общий вид и детали. Волгоград, ВОКМ, инв. № 32011/12. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015

Fig. 5. Verbovskiy-II. Burial-mound no. 9/1999. Burial no. 1. Bronze patera. General view and details. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 32011/12. Drawings, Natalya Bespalaya, 2015

Патеры из могильников Высочино-V (рис. 2, 2; 3, 2–3) и Вербовский-II (рис. 4, 2, 4; 5, 4–5) имеют ножки-подставки одного и того же типа. Такая отдельная ножка была найдена в ограбленном погребении № 1 кургана № 41/1981 могильника Криволиманский-I³⁰. Точно такие же ножки сохранились у двух патер из Прикубанья (Михайловская, курган № 2/1982, погребение № 14³¹ и Цемдолина, погребение № 9/1991³²), а также некоторых патер из Италии, Галлии и Центральной Европы. Отдельные находки таких ножек происходят из всех провинций Римской империи. Принципиально важны для датировки подобных ножек их находки в Дангштеттене – римском лагере августовского времени на Верхнем Рейне, предположительно XIX легиона, существовавшем с 15 по 8/7 гг. до н.э., а также находки таких ножек в лагерях легионеров в Аугсбурге-Оберхаузене (15 г. до н.э. – 15/16 г. н.э.) и Хальтерне. Датируют такие ножки концом I в. до н.э. – первой третью I в. н.э.³³

2. Патеры Eggers 155 / Nuber E (Millingen)

Остальные патеры (Никольское, курган № 12/1965, погребение № 1 (рис. 7–9)³⁴; Лебедевка-V, курган № 23/1978, погребение № 2 (рис. 10)³⁵) относятся к типу E (Миллинген), для которых характерен атташ ручки в форме клешни скорпиона и кольцевой поддон вместилища (рис. 7, 3–4; 8, 1) и которые датируются более продолжительным временем, хотя и появляются еще в первой половине I в. н.э.: 35/40 гг. – концом II в. н.э.³⁶ Недавно М.С. Касенов и М.К. Сейткалиев высказали сомнение в возможности отнесения патеры из могильника Лебедевка-V к типу Eggers 155 на основании того, что у нее отсутствует ручка³⁷. Тем не менее на фотографии утраченной патеры хорошо виден след от атташа в форме клешни скорпиона (рис. 10, 2), что не дает никаких оснований сомневаться в принадлежности лебедевской патеры именно к этому типу, а вот атрибуция отдельной ручки с головкой барана, случайной находке в дельте Волги на ее левом берегу, указанными авторами именно как ручки от патеры типа Миллинген не бесспорна, т.к. в публикации не приводится вид атташа ручки и дается очень неопределенное описание последнего – вероятно, авторам остался неизвестным тот факт, что ручки с головками барана также известны и у патер типа Eggers 154.

³⁰ Максименко 1998, 115, 236, рис. 53, 18.

³¹ См. выше прим. 24.

³² См. выше прим. 18.

³³ См. подробно с литературой: Трейстер 2020б, 578–580.

³⁴ См. выше прим. 5.

³⁵ См. выше прим. 6.

³⁶ Eggers 1951, 174, Beil. 66, Karte 44; Radnóti 1938, 86, Taf. VIII, 29; Nuber 1972, 45–54; Kunow 1983, 24, 64; Wielowiejski 1985, 228–231; Petrovsky 1993, 110–111, тип IX, 1; Deschler-Erb 2006, 420; Gorecki 2016, 193.

³⁷ Касенов, Сейткалиев 2017, 116, прим. 3.

Рис. 6. Валовый-I. Кургan № 9/1987. Погребение № 1. Медальон бронзовой патеры. Общий вид. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/278. Фото Музея

Fig. 6. Valovyy-II. Burial-mound no. 9/1987. Burial no. 1. Medallion of a bronze patera. General view. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 25309/278. Photo, Museum

Рис. 7. Никольское. Курган № 12/1965. Погребение № 1. Бронзовая патера. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № ВХ 1512. Фото М.Ю. Трейстера, 2015
Fig. 7. Nikol'skoe. Burial-mound no. 12/1965. Burial no. 1. Bronze patera. General views. Astrakhan, State Joint Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. ВХ 1512. Photos by Mikhail Treister, 2015

Количество находок патер типа Миллинген значительно выше, чем патер типа Хагенау – они более широко представлены находками: как в Италии³⁸, в том числе в Помпеях и Боскореале³⁹, в римских провинциях⁴⁰ (в том числе, во Фракии и Нижней Мезии⁴¹, Дакии⁴², и Восточном Средиземноморье⁴³), так и в европейском Барбарикуме⁴⁴.

В Сарматии известна находка такой патеры в Приднепровье – в Петриках⁴⁵. Патеры типа Миллинген представлены также находками в могильнике Усть-Альминского городища в Юго-Западном Крыму⁴⁶, на Боспоре (Танаис⁴⁷, Пантикапей⁴⁸) и в Восточном Причерноморье⁴⁹ (Бори⁵⁰, Кледеети⁵¹).

³⁸ Bolla 1994, 45–46, 49, nos. 53–55, tav. XL–XLII.

³⁹ Помпеи: Tassinari 1993, vol. 2, 132–139, H2311–2322. – Боскореале (Берлин): Pernice 1900, 192, Nr. 25, Abb. 20; Nuber 1972, 192, Liste E.1.b.13; Oettel 1991, 48, Nr. 21, Taf. 19b; 20, b; 21, a–b. – Боскореале (Малибу): Gorecki 1993, 232, nos. A11–12; Abb. 1, 11–12; 3, 15, Taf. 5, A11–12.

⁴⁰ См. списки находок: Eggers 1951, 174, Beil. 66, Karte 44; Nuber 1972, 192–195 (Liste E). См. также: Faider-Feytmans 1979, 168–169, nos. 339–342; 176, no. 360; 179, no. 368; 181, no. 372; 183, 375; pls. 127, 138, 139, 147, 149, 154–155; Bónis 1982, 124–130, Abb. 5–7, 8, 4–5; Breščak 1982, 44, no. 31, pl. 3; Kaufmann-Heinimann 1994, 180, Nr. 305, Taf. 121; Kappeler 2003, 85–86; 105, pl. 4; 133–134, nos. 24–25; Ratković 2004, 386–388, figs. 4–10; 2005, 33–34, 124–127, nos. 60–62; 173–174; Schütz 2013, 26–27, fig. 20, 1: 21, 23; Petrovsky, Bernhard 2016, 257, 258, Tab. 4.

⁴¹ Nuber 1972, 192–195, Liste E. 1b.23–26; IV.2–3; V.a.1; Vb.9; Raev 1977, 614–615; Onurkan 1988, 52–53, nos. 48–49, pls. 28–29; Nenova-Merdjanova, Angelov 1999, 50, fig. 1; Nenova-Merdjanova 2011, 118, fig. 6b; Ignatov, Gospodinov 2013, 32, 35, Abb. 17, 2.

⁴² Ștefănescu 2004, 423–425, 427, pl. IV; Mustăță 2017, 124–127, no. 56, pl. XXXII.

⁴³ Nuber 1972, 193–195 (Liste E.II. b.1; c.1; V.b.10; c.1; VII.a.16). См. также: Khamis 2013, 100–103, no. 7, fig. 7.

⁴⁴ Karasová 1998, 38–39, Karte XV; Taf. V, 155; Jilek 2009, 68–69; Hrnčiarik 2013, 49–52, Taf. XXXIV, 805; Jilek 2015, 173, 174, fig. 2; Popa 2016, 426–427, Abb. 5.

⁴⁵ Simonenko 2008, 20, 58, Nr. 21.1, Taf. 18; Симоненко 2011, 60–61, рис. 39, 200, № 82.1.

⁴⁶ Склеп № 620/1996: см. выше прим. 26. – Склеп № 844/2007: Пуздровский 2007, 169–170, 429, рис. 155, 3; вклейка 15, 3–4; 2009, 335, № 12, рис. 6, 3; Пуздровский, Труфанов 2017, 17, 161, рис. 31, табл. 10, 6; Трейстер 2018 г, 227, рис. 9, 4. По мнению А.Е. Пуздровского (2007, 169), патера из склепа 844 «по стило оформлению ручки обнаруживает близость патерам типа Eggers 155», А.В. Симоненко (2011) безоговорочно относит ее к типу Миллинген, однако, тип оформления окончания ручки, широкий край вместилища и умбообразное оформление дна скорее свидетельствуют в пользу отнесения патеры к типу G (Кентерберри) – см. подробно: Трейстер 2018 г, 220–224.

⁴⁷ Ручка с головкой барана и с рельефным изображением двух гончаров (?) на атташе – случайная находка 1898 г. Новочеркасск, МИДК, инв. № Арх-407: Уварова 1899, 360–361; Шелов 1965, 254–256, рис. 3, 1; Кропоткин 1970, 26, № 92; 92, № 793; <http://www.novochmuseum.ru/mediateka/77-bronzovaya-ruchka-patery.html>

⁴⁸ ГЭ, инв. № П.1896.35. Склеп Дементы: Ростовцев 1913–14, 209, табл. XI, 14; Кропоткин 1970, 96, № 828; Шаров 2016, 326, № 3, рис. 6; 328, № 14; 332. – Могила № 339/216 (1903) на Глинище, датированная III в. н.э. (золотая индикация с монеты Рескупорида IV 239–261 гг.) с патерой с головкой барана на конце: Шкорпил 1905, 68–69; Кропоткин 1970, 26, № 92; 96, № 829. – Ручка патеры с головой барана происходит из покупок в Керчи не позднее 1891 г.: Кропоткин 1970, 26, № 92; 96, № 827. Указанная В.В. Кропоткиным находка такой патеры в погребении с «Золотой маской» (Кропоткин 1970, 96, № 826) ошибочна – на самом деле в этом комплексе не было такой находки.

⁴⁹ Отнесенная А.В. Симоненко (2011, 61) непонятно на каком основании к типу Миллинген патера из гробницы 905 в Самтавро с ручкой, завершающейся головой собаки (Apakidze, Nikolaishvili 1994, 19, no. 2, 22–23, figs. 7, 2; 8), судя по профилю вместилища и форме омфала на дне, относится к типу G (Кентерберри), как и другие находки из Мцхеты и Бори (Лордкипанидзе 1964, 214, рис. 10, 2–3; 215, 216, рис. 12; Nuber 1972, 201, Liste Gl.b.6–7).

⁵⁰ Придик 1914, 103, № 7; Лордкипанидзе 1964, 213–214, рис. 10, 1.

⁵¹ Лордкипанидзе 1964, 213, 215, рис. 11, 1–2.

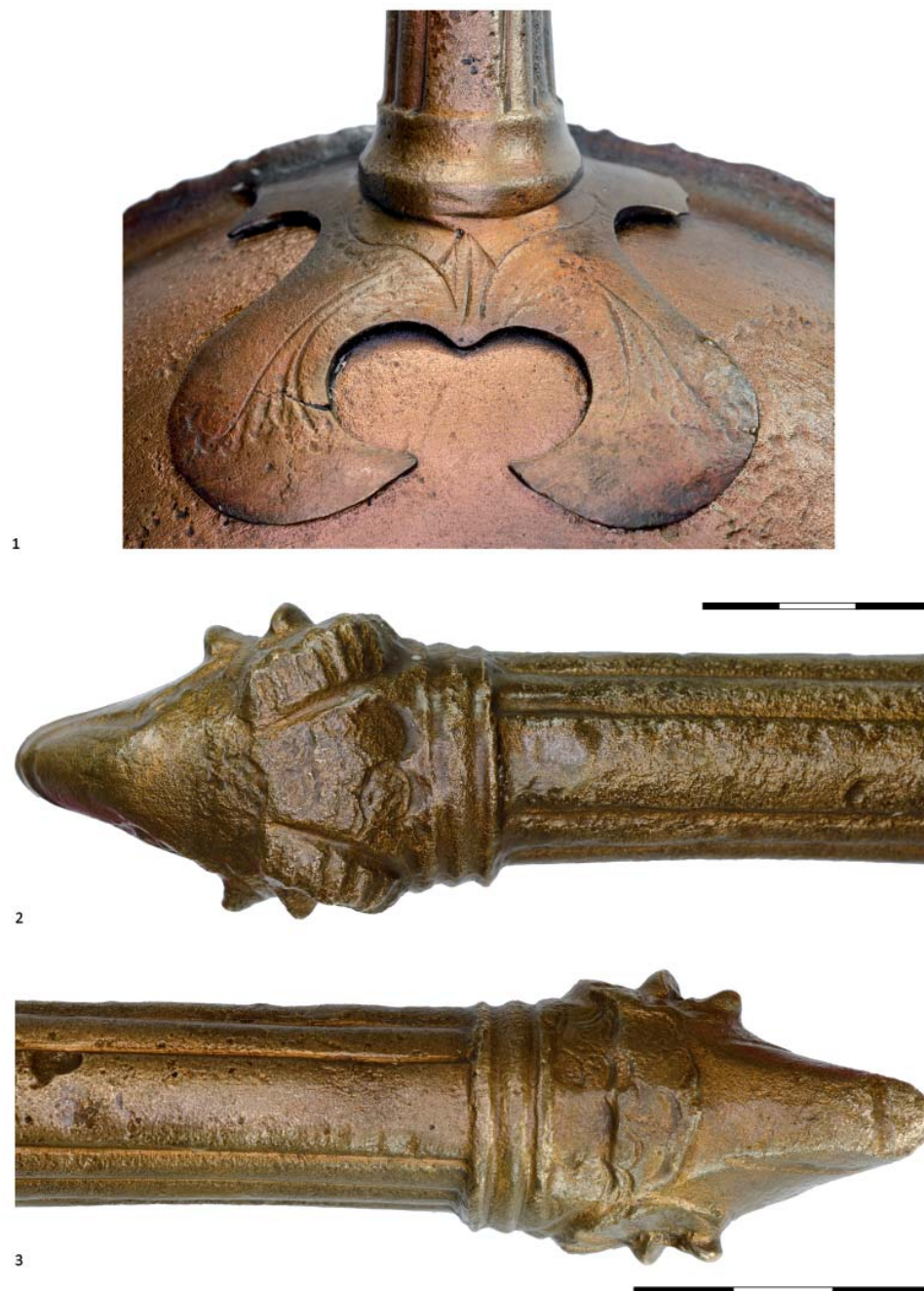

Рис. 8. Никольское. Кургan № 12/1965. Погребение № 1. Бронзовая патера. Детали. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № ВХ 1512. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 8. Nikol'skoe. Burial-mound no. 12/1965. Burial no. 1. Bronze patera. Details. Astrakhan, State Joint Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. ВХ 1512. Photos by Mikhail Treister, 2015

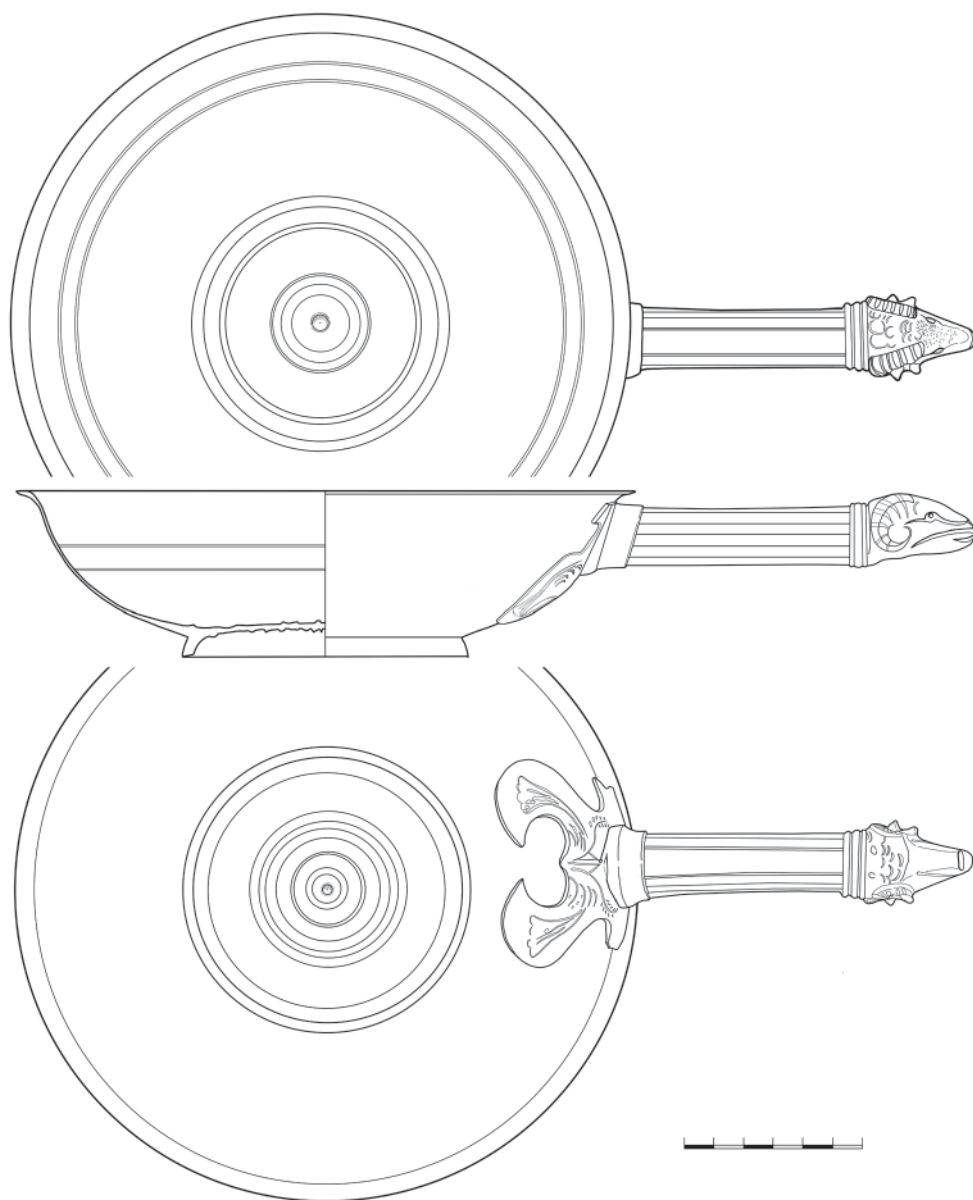

Рис. 9. Никольское. Курган № 12/1965. Погребение № 1. Бронзовая патера. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № ВХ 1512. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015

Fig. 9. Nikol'skoe. Burial-mound no. 12/1965. Burial no. 1. Bronze patera. General views. Astrakhan, State Joint Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. ВХ 1512. Drawings, Natalya Bespalaya, 2015

Рис. 10. Лебедевка-V. Курган № 23/1978. Погребение № 2. Бронзовая патера. Общие виды. Место хранения не известно. Утрачена (?) (по: Мошкова 1982, 85, рис. 2, 1–2).

Fig. 10. Lebedevka-V. Burial-mound no. 23/1978. Burial no. 2. Bronze patera. General views. Place of preservation unknown. Lost (?) (after: Мошкова 1982, 85, рис. 2, 1–2)

Рис. 11. Сладковский. Курган № 21/1979. Погребение № 2. Бронзовая патера. Общие виды и детали. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16422/241–243. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 11. Sladkovskiy. Burial-mound no. 21/1979. Burial no. 2. Bronze patera. General views and details. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 16422/241–243. Photos by Mikhail Treister, 2015

1

2

Рис. 12. Сладковский. Курган № 21/1979. Погребение № 2. Бронзовая патера. Общий вид и деталь. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16422/241–243. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 12. Sladkovskiy. Burial-mound no. 21/1979. Burial no. 2. Bronze patera. General view and detail. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 16422/241–243. Photos by Mikhail Treister, 2015

И в римских провинциях⁵², и в Северном Причерноморье такие патеры продолжали использоваться, по крайней мере, до середины III в. н.э.

Очевидно, что среди патер типа Миллинген выделяются более ранние образцы, пропорции вместилища которых близки патерам типа Хагенау, а отогнутый край, оформлен ионийским киматием. Таким образом, патера из Сладковского (рис. 11–13), украшенная внутри медальоном с изображением цапель (рис. 11, 3–4; 13), имеет ближайшую параллель по форме вместилища, декору отогнутого края и форме атташа в находке из погребения № 25 кургана № 9/1985 у ст. Михайловской, которая рассматривается исследователями как переходный вариант от патер типа Хагенау – к типу Миллинген⁵³, хотя эта патера в отличие от патеры из Сладковского (рис. 12, 1) не имеет кольцевого поддона, и по формальным признакам должна относиться, как справедливо заметил А.В. Симоненко, к типу Хагенау⁵⁴.

На внутренней стороне дна патеры из Сладковского – медальон с изображением сцены борьбы цапель со змеями. Медальон окружен тремя рядами геометрического орнамента (рис. 11, 3–4; 13). Детали декора ручки (рис. 11, 2) и медальона (крылья и шеи цапель) инкрустированы вставками серебра. Мотив цапли, пожирающей змею, получает широкое распространение в декоративной скульптуре, глиптике и особенно торевтике эпохи Ранней империи⁵⁵.

Судя по очень плохого качества фотографии в отчете, на утраченном медальоне с серебряной инкрустацией бронзовой патеры из погребения в кургане № 38/1987 некрополя «Царский» у Танаиса⁵⁶, изображена сидящая обнаженная женская фигура, в профиль, с головой, повернутой влево, к центру медальона.левой рукой она опирается о край стула или табурета, а правая рука – вытянута вперед – держит неопределенный фрагмент⁵⁷. Изображения сидящих обнаженных женских фигур представлены и на медальоне патеры из кургана № 2/1982 у ст. Михайловской, на которой она изображена перед алтарем, играющей на флейте⁵⁸, и на медальоне патеры (?) из кургана в Палимли во Фракии. На этом медальоне в похожей позе представлена женская фигура в венке, сидящая перед деревом и придерживающая рукой тирс⁵⁹.

3. Утраты, следы древнего ремонта и вторичное использование медальонов

У многих патер утрачены ручки (Лебедевка-V (рис. 10); утрачены ручки и у патер из курганов у ст. Михайловская и Петрик) или часть ножек-подставок (у патеры из Вербовского утрачена одна – при реставрации было сделано современное дополнение (рис. 4, 4; 5, 4–5)). Отдельная ножка такого же типа, которая найде-

⁵² См., например, находку из Кайзераугста: Tomasevic-Buck 1984, 147, 183–185, Abb. 7, 3 (интересно, что здесь эта патера была найдена вместе с ойнохоей типа Миллинген). – Керчь, могила № 339/216 (1903) на Глинище – см. выше.

⁵³ Лимберис, Марченко 2006, 53–54, 60, № 13; 73, рис. 10; Marčenko, Limberis 2008, 340, Nr. 14.4, Taf. 26.

⁵⁴ Симоненко 2011, 61, прим. 1.

⁵⁵ См. подробно: Трейстер 2020б, 574–576, рис. 6–7.

⁵⁶ Ильюков 1988: 34, рис. 180; 1994: 200, 211, рис. 2, 22. Дм. медальона (судя по масштабу в отчете) – ок. 9,2 см. В отчете отмечается, что дм. дна 10,3 см.

⁵⁷ См. подробно Трейстер 2020б, 589–591, рис. 15.

⁵⁸ См. выше прим. 24.

⁵⁹ Onurkan 1988: 44–45, no. 40, pl. 23, a.

на в ограбленном погребении № 1 кургана № 41/1981 могильника Криволиманский-I⁶⁰, дает основание предполагать, что и в этом погребении изначально находилась патера типа Eggers 154.

На патере из Высочино-V на переходе от стенки ко дну с внешней стороны наложена прямоугольной формы заплата, закрепленная шестью заклепками (рис. 3, 1. 4)⁶¹. Прямоугольная заплатка на заклепках на внешней стороне дна имеется и у патеры из Лебедевки (рис. 10, 2). Ремонт бронзовых сосудов при помощи приклепанных заплаток получил широкое распространение в Римской империи, однако, есть основания предполагать, что и кочевники в рассматриваемый период могли подобным образом ремонтировать бронзовую посуду⁶² – находки таким образом починенных бронзовых сосудов других категорий, в частности, тазов или ковшей представлены в погребениях кочевников Азиатской Сарматии⁶³.

Медальон, изначально относящийся вероятнее всего к патере⁶⁴, был найден во вторичном использовании (выломан, с двумя круглыми отверстиями, пробитыми по краям) в погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I (рис. 6)⁶⁵. Авторы раскопок предположили его использование в качестве фалара, хотя медальон был найден в погребении женщины в возрасте ок. 25 лет у виска погребенной⁶⁶. Факт вторичного использования медальона патеры в более позднем комплексе, не ранее середины II в. н.э., в кургане № 9/1987 могильника Валовый-I подчеркивает значимость антикварного на момент погребения и находящегося во вторичном использовании медальона.

4. Совместные находки

Если бронзовые амфоры, тазы, ковши и кованные кувшины в погребениях кочевников Азиатской Сарматии с большей или меньшей частотой встречались в одних и тех же погребениях⁶⁷, то бронзовые патеры выпадают из типового образца взаимовстречаемости. В какой-то степени это объясняется сравнительно небольшим количеством находок, существенная часть которых происходит из погребений, ограбленных в древности, при этом во всех случаях это патеры типа Eggers 154: Сладковский, курган № 21/1979, погребение № 2⁶⁸, могильник «Царский», курган № 38/1987, погребение № 1⁶⁹. Патера из могильника Высочино-V была найдена без какого-либо сопровождаемого инвентаря в насыпи кургана № 9/1983 (сам курган интерпретируется как кенотаф)⁷⁰.

⁶⁰ См. выше прим. 29.

⁶¹ Treister 2019b, 177–179, fig. 19.3, 1–4.

⁶² Treister 2019a, 317–319; 2019b, 182–183.

⁶³ Treister 2019b, 179–181, figs. 19.3, 5–8; 19.4–5; Трейстер 2020в, 9, 12, рис. 3, 2; 16–17, рис. 7–8; 33; 2020а (ковши) 14–15, рис. 4–5.

⁶⁴ Беспалый и др. 2007, 28–29, № 15, табл. 32, 1; Безуглов и др. 2009, 32–33, рис. 15, 4; 83–84, фото на с. 83; Трейстер 2020б, 574, 578, 579, рис. 9.

⁶⁵ Беспалый и др. 2007, 26–34, табл. 32, 1;

⁶⁶ Беспалый и др. 2007, 28–29, № 15, табл. 32, 1; Безуглов и др. 2009, 32–33, рис. 15, 4; 83–84, фото на с. 83.

⁶⁷ Трейстер 2020в, 28–29; 2021, 42–44.

⁶⁸ Maksimenko 1986, 82, pl. 74; Максименко 2015, 73, 74, рис. 1, 2–8.

⁶⁹ Илюков 1994, 200–201, 210–211, рис. 1–2.

⁷⁰ Bespaly 1986, 76, pl. 60, 3; Беспалый, Лукьяшко 2008, 68, табл. LV, 8.

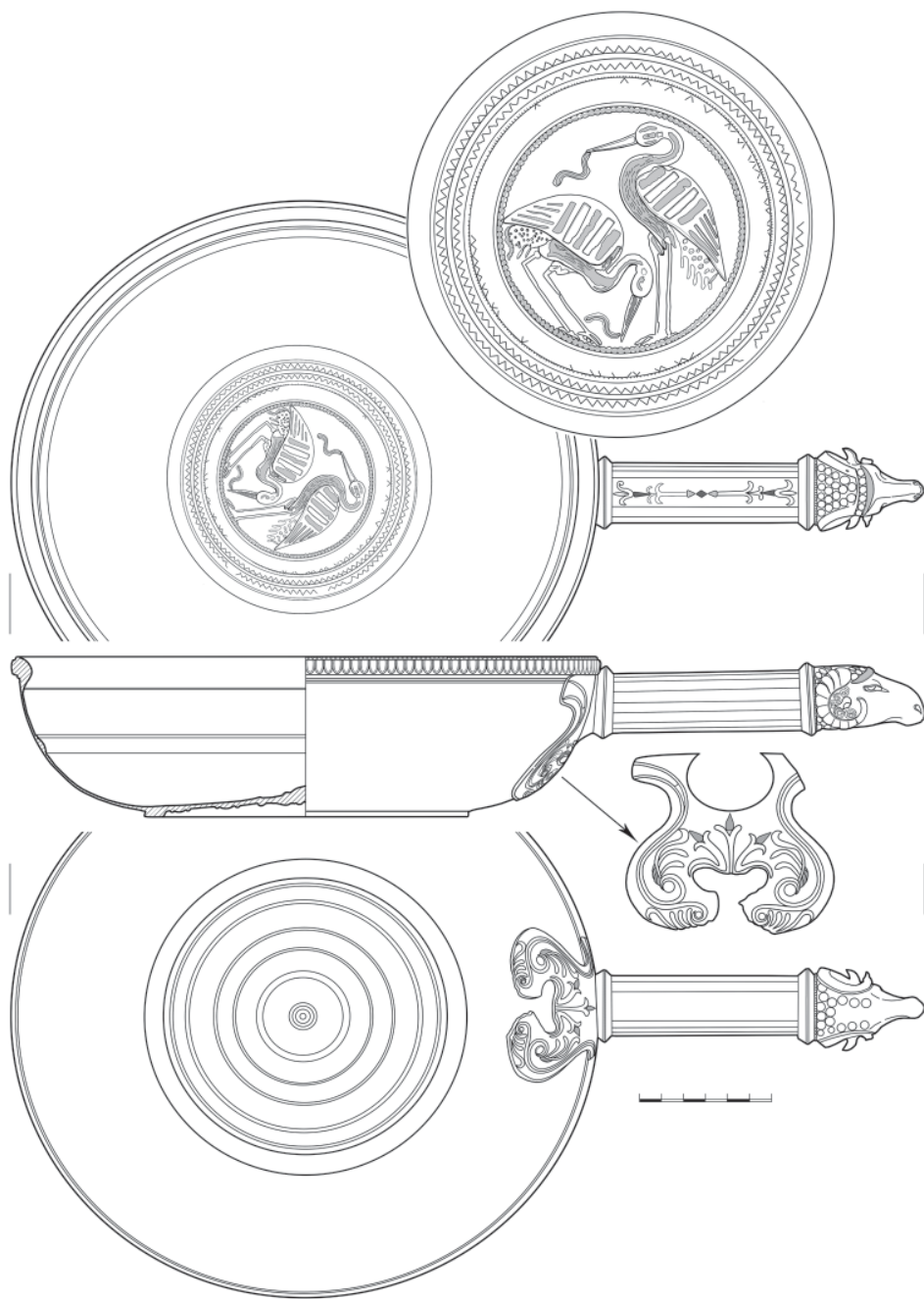

Рис. 13. Сладковский. Курган № 21/1979. Погребение № 2. Бронзовая пatera. Общий вид и детали. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16422/241–243. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015
Fig. 13. Sladkovskiy. Burial-mound no. 21/1979. Burial no. 2. Bronze patera. General views and details. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 16422/241–243. Drawings, Natalya Bespalaya, 2015

Медальон, изначально относящийся вероятнее всего к патере⁷¹, был найден во вторичном использовании в погребении женщины 25 лет № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I⁷². В этом погребении были найдены как почти целые (с утраченными ручками) бронзовые сосуды (амфора типа Tassinari A3220⁷³, ойнохоя⁷⁴, ковш типа Eggers 143⁷⁵), так и фрагменты разнообразных бронзовых сосудов, однако тот факт, что медальон попал в погребении уже будучи вторично использованным, не позволяет говорить в данном случае о какой-либо корреляции патер с амфорами и ойнохоями.

Очевидно также, что в Сарматии патеры не были элементом сервиза, в комплексе с кувшином (ойнохоями типов Eggers 124–125), как это имело место с такими сосудами (чаще типа Миллинген) на территории Римской империи и в европейском барбарикуме⁷⁶ (в частности, в богатом погребении липицкой культуры у с. Чижики в Прикарпатье⁷⁷), а также в Иберии (например, Самтавро, погребение № 905/1985⁷⁸), на Боспоре (могила № 339(216)/1903 на Глинище в Керчи⁷⁹, погребение № 9/1991 некрополя Цемдолина⁸⁰) и в обоих приведенных выше комплексах в склепах Усть-Альминского могильника: № 620/1996⁸¹ и 844/2007⁸².

5. Контекст находок

Лишь одна патера типа Eggers 154 (рис. 4–5) происходит из не ограбленного женского погребения первой половины I в. н.э. в Волго-Донском междуречье (Вербовский-II, курган № 9/1999, погребение № 1⁸³), в котором среди импортных предметов можно отметить лишь краснолаковый кубок⁸⁴ и красноглиняный унгвентарий⁸⁵. Патера находилась у правой ноги погребенной, при этом, учитывая

⁷¹ Беспалый и др. 2007, 28–29, № 15, табл. 32, 1; Безуглов и др. 2009, 32–33, рис. 15, 4; 83–84, фото на с. 83; Трейстер 2020б, 574, 578, 579, рис. 9.

⁷² Беспалый и др. 2007, 26–34, табл. 32, 1.

⁷³ Шелов-Коведяев 2001, 119–122; Беспалый и др. 2007, 33, № 45, 126, табл. 37, 1; Безуглов и др. 2009, 31, рис. 14; 45; 82–83; Раев 2013, 164, 165; Кривошеев 2014, 109, рис. 2, 13; Treister 2019a, fig. 4, 4; 2019b, 177, fig. 19.2, 4; Трейстер 2021, 28, рис. 6, 4; 32–36, рис. 9.

⁷⁴ Беспалый и др. 2007, 33, № 46, табл. 34, 2; Безуглов и др. 2009, 30, рис. 13, 3; 45, 83; Treister 2019a, fig. 4, 2; 2019b, 177, fig. 19.2, 5.

⁷⁵ Беспалый и др. 2007, 31, № 34, табл. 33, 4; Безуглов и др. 2009, 30, рис. 13, 4; 38; Трейстер 2020a, 13, 31.

⁷⁶ Nuber 1972, 144–154.

⁷⁷ Смишко 1957, 238–239, № 1–2, табл. I, 1–3; Кропоткин 1970, 26, № 92; 96–97, № 839.

⁷⁸ Apakidze, Nikolaishvili 1994, 19, nos. 1–2, 22–23, figs. 7–8.

⁷⁹ Шкорпил 1905, 68–69; Кропоткин 1970, 96, № 829в–г; Шелов 1983, 65–66.

⁸⁰ Malyshev, Treister 1994, 43–48, Abb. 3–4; 44, Nr. 1–2; Taf. 1; Malyshev, Treister 1994, 34–35, figs. 6, 8; Лимберис, Марченко 2006, 53, 59, № 11; 71, рис. 8; Довгалюк, Малышев 2008, 21–22, рис. 14–16; 26–27, № 21–22; Трейстер 2008, 181–183; Marčenko, Limberis 2008, 288, 345, Nr. 32.1–2, Taf. 60, 5; 61, 2.

⁸¹ Loboda et al. 2002, 337, Abb. 21, 8–9; Кат. Киев 2005, 17, 36; Пуздровский 2007, 168, 426, рис. 152, 3; вклейка 3, 7; Puzdrovskij 2013, 310, Nr. VII.48–49; Jilek 2015, 173; Трейстер 2020б, 580, 583–584, рис. 12–13; 591, 592.

⁸² Пуздровский 2007, 169–170, 429, рис. 155. 1. 3; 2009, 334–335, № 11–12, рис. 6. 1. 3; Труфанов, 2009, 132, рис. 4, 1. 3; 133; Пуздровский, Труфанов 2017, 17, 161, рис. 29. 4; 31, табл. 10, 6.

⁸³ Мамонтов 2000, 169; 2004, 207–208; 2008, 175–176.

⁸⁴ Мамонтов 2008, 175, рис. 6, 9.

⁸⁵ Мамонтов 2008, 176, рис. 6, 12.

то, что ручка находилась под ней⁸⁶, очевидно, что патера была преднамеренно поломана.

Среди сохранившихся находок в ограбленном погребении могильника Царский – серебряный кубок парфянского облика⁸⁷.

Что же касается находок патер типа Eggers 155 – то обе происходят из не ограбленных погребений и в обоих случаях в этих комплексах представляют единственные предметы римского импорта.

В одном случае (Никольское, курган № 12/1965, погребение № 188) патера (рис. 7–9) была найдена в мужском воинском погребении; патера вместе с глиняным кувшинчиком находилась в углу могильной ямы⁸⁹. Здесь обращает на себя внимание находка предметов восточного облика: золотого браслета с расширяющимися концами⁹⁰ и пряжки с изображением грифона⁹¹.

И в другом случае патера с заплатками и утраченной ручкой (рис. 10)⁹² была найдена в относительно позднем (конец II – первая половина III в. н.э.) женском погребении в Южном Приуралье (Лебедевка-V, курган № 23/1978, погребение № 2, основное погребение в кургане⁹³) также вместе с предметом восточного происхождения – китайским зеркалом с петлей и восьмиарочным орнаментом (типа *Qingbai*)⁹⁴. Сама патера с утраченной ручкой находилась на дне гроба, под правым коленом погребенной, будучи перевернутой вверх дном.

Небольшое количество находок не дает оснований для их корреляции с мужскими или женскими погребениями – они известны и в тех, и в других. Интерес вызывает тот факт, что если патеры типа Eggers 154 представлены преимущественно находками из Нижнего Подонья (лишь в одном случае – Вербовский-II – из Волго-Донского междуречья) и Кубани, то патеры типа Eggers 155 – из Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (рис. 1).

Выводы

В целом очевидно, что патеры относятся к сравнительно редкой категории импортных римских бронзовых сосудов в Азиатской Сарматии (по количеству сопоставимы с амфорами) и начинают поступать еще в первой половине I в. н.э. Эти сосуды ценились, в том числе и потому что в ряде случаев они представлены не-рядовыми образцами с инкрустацией серебром и медальонами с фигурными изображениями (Высочино, Сладковский). Они подвергались ремонту, а медальо-

⁸⁶ Мамонтов 2008, 175–176.

⁸⁷ Ильюков 1994, 200, 210, рис. 1, 14; Трейстер 2018в, 123–124, рис. 7.

⁸⁸ Кропоткин 1970, 91, № 776; Шилов 1974, 226–231; 1975, 151–154, рис. 58, 2; Засецкая 1979, 107–110, рис. 20; Сергачков 1994, 20; Sergachkov 1994, 265; Brosseder 2011, 399, fig. 47, 32.

⁸⁹ Шилов 1975, 150–152; Засецкая 1979, 98, 101, рис. 12, 3; 104–112, рис. 17–23.

⁹⁰ Засецкая 1979, 110, № 1, рис. 21; Cat. Rome 2005, 155, no. 121; Brosseder 2011, 399, fig. 47, 29.

⁹¹ Засецкая 1979, 111, № 2, рис. 22; Мордвинцева 2003, 42, 88, № 58, рис. 22; 2007, 214, 223, 227, 238; Cat. Rome 2005, 154, no. 119; Мордвинцева, Трейстер 2007.2, 49, № A146.2, рис. 33, табл. 32; Brosseder 2011, 399, fig. 47, 2; 421, list no. 5.2; Трейстер 2018а, 113 (с полной библиографией), рис. 8.

⁹² Мошкова 1982, 82, 85, рис. 2, 1–2; Берлизов 2011, 223–224, табл. 75, 1; Treister 2013, 743, Anm. 84.

⁹³ Мошкова 1982, 81 (здесь как «мужское» погребение); 2010, 345; Мошкова, Трейстер 2014, 108–109.

⁹⁴ Мошкова 1982, 82, 83, рис. 1, 4; Трейстер 2018б, 171–172 (с полной библиографией), рис. 9, 5.

ны таких патер могли вторично использоваться. В Сарматии не прослеживается связь патер с ойнохоями, которые не только в Римской империи, но и в могильниках Юго-Западного Крыма и некрополе Пантикапея, выступали в комплексах как части одного сервиза.

Небольшое количество находок не дает оснований для их корреляции с мужскими или женскими погребениями – они известны и в тех, и в других. Если находки более ранних патер типа Eggers 154 концентрируются в Нижнем Подонье и на Кубани, то более поздние патеры типа Eggers 155 происходят из Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. при этом достоверных находок, которые можно было бы однозначно отнести к патерам типа Eggers 154 в городах Северного Причерноморья не известно, напротив здесь получили распространение патеры типа Eggers 155.

ЛИТЕРАТУРА

- Безуглов, С.И., Глебов, В.П., Парусимов, И.Н. 2009: *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону.
- Берлизов, Н.Е. 2011: *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э.* Краснодар.
- Беспалый, Е.И., Беспалая, Н.Е., Раев, Б.А. 2007: *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I»* (Материалы и исследования по археологии Юга России, 2). Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. 2008: *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино* (Материалы и исследования по археологии Юга России. I). Ростов-на-Дону.
- Довгалюк, Н.П., Малышев, А.А. 2008: Описание погребальных комплексов. Каталог. В сб.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургские на юго-востоке азиатского Босфора: по материалам Цемдолинского могильника* (Некрополи Черноморья. 2). М., 8–128.
- Засецкая, И.П. 1979: Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье. *ТГЭ XX*, 87–113.
- Ильюков, Л.С. 1988. Отчет об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 1987 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 11899.
- Ильюков, Л.С. 1994: Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский»). *Вестник Танаиса* 1, 198–215.
- Каминская, И.В., Каминский, В.Н., Пьянков, А.В. 1985: Сарматское погребение у станции Михайловской (Закубанье). *СА* 4, 228–234.
- Каминский, В.Н. 2000: Сарматское погребение с малоазийским и римским импортом из ст. Михайловской (Закубанье). В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999*. Краснодар, 86–95.
- Касенов, М.С. 2017: Ручки патеры найдены в Северном Прикаспии⁹⁵. *Вестник Атырауского государственного университета имени Х. Досмухамедова* 4(47), 8–12.
- Касенов, М.С., Сейткалиев, М.К. 2017: Случайная находка ручки патеры типа «Millingen» в Северном Прикаспии. *Stratum plus* 4, 115–118.
- Кат. Киев 2005: Ю.П. Зайцев (ред.), *Древние сокровища Юго-Западного Крыма*. Симферополь.
- Кат. Москва 2002: Д.В. Журавлев (ред.), *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. М.

⁹⁵ Именно так звучит название статьи.

- Кривошеев, М.В. 2014: Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени. В сб.: Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.), *Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»* (Уфимский археологический вестник 14). Уфа, 105–112.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ Д1-27). М.
- Лимберис, Н.Ю. Марченко, И.И. 2006: Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья. В кн.: А.В. Симоненко (ред.), *Liber Archaeologiae. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Раева*. Краснодар, Ростов-на-Дону, 51–77.
- Лордкипанидзе, О.Д. 1964: Итальянские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии. *СА* 1, 199–220.
- Максименко, В.Е. 1998: *Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)* (Донские древности 6). Азов.
- Максименко, В.Е. 2015: Погребения с римскими импортами Сладковского курганного могильника. В кн.: В.А. Коренько, Л.А. Бойко (ред.), *TANAIN ΔΕ ПОΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ. Памяти В.Е. Максименко (1934–2014)*. Ростов-на-Дону, 73–74.
- Мамонтов, В.И. 2000: *Древнее население левобережья Дона (по материалам могильника Первомайский VII)*. Волгоград.
- Мамонтов, В.И. 2004: К вопросу о сарматской торевтике. В сб.: *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I международная Нижневолжская археологическая конференция*. Волгоград, 204–208.
- Мамонтов, В.И. 2008: Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II. *НАВ* 9, 170–197.
- Мордвинцева, В.И. 2003: Полихромный звериный стиль. Симферополь.
- Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. 2007: *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Симферополь–Бонн.
- Мошкова, М.Г. 1982: Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане. *КСИА* 170, 80–87.
- Мошкова, М.Г. 2010: Стекланные изделия Лебедевского могильника. *НАВ* 11, 345–351.
- Мошкова, М.Г., Трейстер, М.Ю. Стекланный кубок со сценой поединка гладиаторов из кочевнического погребения могильника Лебедевка-V (Западный Казахстан). *РА* 2, 108–119.
- Новиченкова, Н.Г. 2015: *Горный Крым II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло*. Симферополь.
- Придик, Е.М. 1914: Новые кавказские клады. *МАР* 34, 94–110.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е. 2009: Комплекс с бронзовой и серебряной посудой I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя в Крыму. *Stratum plus* 4, 329–338.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 2)*. Симферополь–М.
- Раев, Б.А. 2013: Комплекс из кургана у аула Кончукохабль: взгляд через 50 лет. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 39, 162–184.
- Ростовцев, М.И. 1913–1914: *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб.
- Симоненко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Скрипкин, А.С. (ред.) 2013: *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея*. Волгоград.

- Смишко, М.Ю. 1957: Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области. *СА* 1, 238–243.
- Трейстер, М.Ю. 2007: Вставки гемм (за исключением перстней). В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер, *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. 1. Симферополь–Бонн, 295–305.
- Трейстер, М.Ю. 2008: Импортная металлическая посуда из Цемдолинского могильника. В сб.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника* (Некрополи Черноморья. 2). М., 181–187.
- Трейстер, М.Ю. 2016: Кочевники на перекрестке транс-евразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный). В сб.: Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.), *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова*. Оренбург, 279–286.
- Трейстер, М.Ю. 2018а: Драгоценный поясной набор из элитного погребения кочевника у с. Косика. *НАВ* 17.1, 108–143.
- Трейстер, М.Ю. 2018б: Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. – первых веках нашей эры. *Stratum plus* 4, 153–200.
- Трейстер, М.Ю. 2018в: Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *МАИАСК* 10, 118–210.
- Трейстер, М.Ю. 2018г: Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии. *ДБ* 22, 216–238.
- Трейстер, М.Ю. 2020а: Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 2, 5–60.
- Трейстер, М.Ю. 2020б: Римские бронзовые сосуды с медальонами с фигурными изображениями из Сарматии. В сб.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Ното отпийт horaum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 565–610.
- Трейстер, М.Ю. 2020в: Римские бронзовые тазы Eggers 99–106 в Восточной Европе. *ПИФК* 3, 5–48.
- Трейстер, М.Ю. 2021: Римские бронзовые амфоры из сарматских погребений Восточной Европы. *ПИФК* 3, 18–65.
- Уварова, П.С. 1899: Бронзовая ручка из Недвиговского городища. *Археологические известия и заметки* VII, 360–361.
- Шаров, О.В. 2016: Склеп Деметры в Керчи: неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа). *Stratum plus* 4, 319–334.
- Шелов, Д.Б. 1965: Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н.э. *ААASH* XXV, 251–274.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2001: Бронзовая амфора Корнелии Кварты Рутиллы. В сб.: *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной научной конференции*. 25–30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону, 119–122.
- Шилов, В.П. 1974: Бронзовая патера из Астраханской области. *СА* 1, 226–231.
- Шилов, В.П. 1975: *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Ленинград.
- Шкорпил, В.В. 1905: Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г. *ИАК* 17, 1–76.
- Apakidze, A., Nikolaishvili, V. 1994: An aristocratic tomb of the Roman period from Mtskheta. *Antiquaries Journal* 74, 16–54.
- Baratte, F. 2001: Orient et Occident: le témoignage d'une trouvaille d'argenterie d'époque parthe en Asie centrale. *Journal des savants*, 249–307.
- Baratte, F. 2002: *East and West: A Central Asian Silver Hoard from the Parthian Era*. London.

- Bespaly, E.I. 1986: Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 75–78.
- Bolla, M. 1994: *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano*. (RASMI Suppl. 11). Milano.
- Bónis, É. 1982: Das kaiserzeitliche „Wagengrab“ Nr. 3 von Környe. *Folia archaeologica* XXXIII, 117–161.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla, 22/1). Ljubljana.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5). Bonn, 349–424.
- Castoldi, M. 2004: Recipienti in bronzo dal territorio dell'antica Brixia tra età tardorepubblicana ed età augustea. In C. Mușețeanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003*. Bucharest, 85–95.
- Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995*. Milan.
- Cat. Rome 2005: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.), *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano.
- Deschler-Erb, E. 2006: Die Funde aus Bronze und Blei. In Schucany, C. *Die römischen Villa von Biberist-Spitalhof SO. Grabungen 1982, 1983, 1986–1990* (Ausgrabungen und Forschungen, 4). Remshalden, 417–458.
- Drobejar, E. 2007: „*Veteres illic Sueborum praedae et nostris e provinciis lixae ac negotiators reperti ...*“ (Tacitus, Ann. II,62,3). K interpretaci římských importů u českých Svebů v době Marobudově. In E. Drobejar, O. Chvoika (eds.), *Archeologie barbarů 2006. Sborník příspěvků z II. protohistorické konference (České Budějovice, 21.–24. 11. 2005)*. Sv. 1. České Budějovice, 43–93.
- Drobejar, E. 2014: Bohatý labsko-germanský kostrový hrob lübsowského typu z Prahy-Bubenče (Hrob III1). Nové poznatky k interpretaci nálezů z roku 1948. *Archaeologica Pragensia* 22, 397–443.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Faider-Feytmans, G. 1979: *Les bronzes romains de Belgique*. Mainz.
- Ferdière, A., Villard, A. 1993: *La tombe augustéenne de Fléré-la-Rivière (Indre) et les sépultures aristocratiques de la cité des Bituriges. En Berry au début de l'époque gallo-romaine: le fer, le vin, le pouvoir et la mort* (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France 7). Tours.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscovale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In *Bronzes y religion romana*, 229–246.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 177–214.
- Heilmeyer, W.-D. (Hrsg.) 1988: W.-D. Heilmeyer (Hrsg.), *Antikenmuseum Berlin. Die ausgestellten Werke*. Berlin.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1985: Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 2. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*, 5–44.
- Ignatov, V., Gospodinov, K. 2013: Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien. *Archaeologia bulgarica* XVII.1, 27–48.

- Jílek, J. 2009: *Bronzové nádoby z doby římské na Moravě a naddunajské části Dolního Rakouska*. Pardubice.
- Jílek, J. 2015: Roman Metal Vessels in the Milieu of Germanic Elites in the Middle Danube Region. *Studia Hercynia* XIX/1–2, 169–188.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Karasová, Z. 1998: *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen* (Fontes Archaeologici Pragenses 22). Praga.
- Kat. Schleswig 1991: R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel (Hrsg.), *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig.
- Kaufmann-Heinimann, A. 1994: *Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge*. Mainz.
- Khamis, E. 2013: Copper Alloy Objects. In W. Aylward (ed.), *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. Vol. III. New Haven, 93–166.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Bd. 21). Neumünster.
- Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1.Jh. n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295–346.
- Maksimenko, V.E. 1986: The Grave with Roman Imports in the Sladkovsky Barrow Cemetery. In B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. Ser. 278). Oxford, 81–82.
- Malyšev, A.A., Treister, M. 1994: Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizenski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk. *BayVgBl* 59, 39–71.
- Malyshev, A.A., Treister, M. 1994: A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age. *Expedition* 36.2–3, 29–37.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Müller, M. 1997: Die römischen Bronzegefäße von Haltern. *Ausgrabungen u. Funde i. Westfalen-Lippe* 9/A, 5–40.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Nenova-Merdjanova, R., Angelov, A. 1999: A Rich Thracian's Grave from Marcianopolis. *Archaeologia Bulgarica* 3.2, 49–59.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (JRA Suppl. Ser. 82). Portsmouth, 115–134.
- Novotný, B. 1955: Hrob velmože z počátků doby římské v Praze-Bubenči. *Památky archeologické* 46, 227–264.
- Nuber, H.-U. 1972: Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1–232.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Pautreau, J.-P. (ed.) 1999: *Antran (Vienne): un ensemble aristocratique du premier siècle* (Musesées de Poitiers, regard sur les collections, 1). Poitiers.
- Pernet, L. 2010: *Armement et auxiliaires gaulois (Ile et Ier siècles avant notre ère)*. Montagnac.
- Pernice, E. 1900: Bronzen aus Boscoreale. *AA*, 177–198.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.

- Petrovsky, R., Bernhard, H. 2016: Versunken im Rhein. Typenspektren der „Beutehorten“ im Vergleich. In *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 245–260.
- Popa, A. 2016: Bronzenes Wasch- und Badegeschirr am Rande der römischen Welt: Überlegungen zu einer Gruppe römischer Bronzegefäße jenseits der Provinzgrenzen Dacia und Moesia Inferior. In *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 423–432.
- Puzdrowskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 290–323.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Ratković, D. 2004: Bronze vessels from the Military Fort Diana. In C. Museteanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organised by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003*. Bucharest, 385–394.
- Ratković, D. 2005: *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu* /Roman Bronze Vessels in the Roman Collection of the National Museum in Belgrade (Антика/ Antiquity IX). Beograd.
- Sarnataro, T. 2002: Le patere con manico dall'area vesuviana e la loro funzione domestica. Case-study; la Casa di L. Volusius Faustus (I 2, 10). In A. Giunilia-Mair (ed.), *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi* (Instrumentum Monographies 21). Montagnac, 393–406.
- Schütz, J.-L. 2013: *La tombe 2 de Bois-et-Borsu*. Liège.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Sergackov, I.V. 1994: The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. In B. Genito (ed.), *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992* (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor, XLIV). Napoli, 263–277.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 1–264.
- Ștefănescu, A. 2004: Bronze Patera in Roman Dacia. In C. Museteanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003*. Bucharest, 421–429.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tomasevic-Buck, T. 1984: Ein Bronzedepotfund aus Augusta Raurica. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 49, 143–196.
- Treister, M. 2013: Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum, 733–748.
- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018* (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.
- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 177–187.

- Voß, H.-U. 2005: Hagenow in Mecklenburg – ein frühkaiserzeitlicher Bestattungsplatz und Aspekte der römisch-germanischen Beziehungen. *BerRGK* 86, 19–59.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *BerRGK* 66, 123–320.

REFERENCES

- Apakidze, A., Nikolaishvili, V. 1994: An aristocratic tomb of the Roman period from Mtskheta. *Antiquaries Journal* 74, 16–54.
- Baratte, F. 2001: Orient et Occident: le témoignage d'une trouvaille d'argenterie d'époque parthe en Asie centrale. *Journal des savants*, 249–307.
- Baratte, F. 2002: *East and West: A Central Asian Silver Hoard from the Parthian Era*. London.
- Berlizov, N.E. 2011: *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e.* [The Rhythms of Sarmatia, Sauromatian-Sarmatian Tribes of South Russia in the 7th Century BC – 5th Century AD]. Krasnodar.
- Bespalyy, E.I., Bepalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyy mogil'nik "Valovyy I"* [The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Necropolis "Valovyy I"] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 2). Rostov-on-Don.
- Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Vysochino* [The Ancient Population of the Interfluvium of the Don and Kagalnik. Kurgan Necropolis near the village of Vysochino] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 1). Rostov-on-Don.
- Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009: *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyy mogil'nik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials in the Estuary of Don (Tumuli Necropolis Valovyy I)]. Rostov-on-Don.
- Bespaly, E.I. 1986: Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. Ser. 278). Oxford, 75–78.
- Bolla, M. 1994: *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano*. (RASMI Suppl. 11). Milano.
- Bónis, É. 1982: Das kaiserzeitliche „Wagengrab“ Nr. 3 von Környe. *Folia archaeologica* XXXIII, 117–161.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla, 22/1). Ljubljana.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5). Bonn, 349–424.
- Castoldi, M. 2004: Recipienti in bronzo dal territorio dell'antica Brixia tra età tardorepubblicana ed età augustea. In C. Mușețeanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003*. Bucharest, 85–95.
- Cat. Kiev 2005: Yu.P. Zaycev (ed.), *Drevnie sokrovishcha Yugo-Zapadnogo Kryma* [Ancient Treasures of South-Western Crimea]. Simferopol'.
- Cat. Moscow 2002: D.V. Zhuravlev (ed.), *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo* [At the Edge of Oikumene. Greeks and Barbarians on the North Coast of Pontos Euxinos]. Moscow.
- Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995*. Milan.

- Cat. Rome 2005: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.), *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milan.
- Deschler-Erb, E. 2006: Die Funde aus Bronze und Blei. In Schucany, C. *Die römischen Villa von Biberist-Spitalhof SO. Grabungen 1982, 1983, 1986–1990* (Ausgrabungen und Forschungen, 4). Remshalden, 417–458.
- Dovgalyuk, N.P., Malyshev, A.A. 2008: Opisanie pogrebal'nykh kompleksov. Katalog [The Description of the Burial Complexes. A Catalogue]. In A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika* [The Aspurgians in the South-East of the Asian Bosporus: after the Materials of the Tsemdolina Necropolis] (Nekropoli Chernomor'ya [Necropoleis of the Black Sea Region], 2). Moscow, 8–128.
- Drobejar, E. 2007: „*Veteres illic Sueborum praedae et nostris e provinciis lixae ac negotiators reperti...*“ (Tacitus, Ann. II,62,3). K interpretaci římských importů u českých Svebů v době Marobudově. In E. Drobejar, O. Chvoika (eds.), *Archeologie barbarů 2006. Sborník příspěvků z II. protohistorické konference (České Budějovice, 21.–24. 11. 2005)*. Sv. 1. České Budějovice, 43–93.
- Drobejar, E. 2014: Bohatý labsko-germanský kostrový hrob lübsowského typu z Prahy-Bubenče (Hrob III1). Nové poznatky k interpretaci nálezů z roku 1948. *Archaeologica Pragensia* 22, 397–443.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Faider-Feytmans, G. 1979: *Les bronzes romains de Belgique*. Mainz.
- Ferdière, A., Villard, A. 1993: *La tombe augustéenne de Fléré-la-Rivière (Indre) et les sépultures aristocratiques de la cité des Bituriges. En Berry au début de l'époque gallo-romaine: le fer, le vin, le pouvoir et la mort* (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France 7). Tours.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscovale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In *Bronces y religion romana*, 229–246.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 177–214.
- Heilmeyer, W.-D. (Hrsg.) 1988: W.-D. Heilmeyer (Hrsg.), *Antikenmuseum Berlin. Die ausgestellten Werke*. Berlin.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1985: Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 2. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*, 5–44.
- Ignatov, V., Gospodinov, K. 2013: Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien. *Archaeologia bulgarica* XVII.1, 27–48.
- Ilyukov, L.S. 1988: *Otchet ob issledovanii kurgannogo mogil'nika «Tsarskiy» v Myasnikovskom rayone Rostovskoy oblasti v 1987 godu* [Report on the Investigation of Tsarskiy Kurgan Necropolis in the Myasnikov District of the Rostov Region in 1987]. Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, P-1. No. 11899.
- Ilyukov, L.S. 1994: Sarmatskie kurgany okrestnostey Tanaisa (mogil'nik «Tsarskiy») [Sarmatian Burial-mounds of the Vicinities of Tanais («Tsarskiy» Necropolis)]. *Vestnik Tanaisa [Tanais Herold]* 1, 198–215.
- Jílek, J. 2009: *Bronzové nádoby z doby římské na Moravě a naddunajské části Dolního Rakouska*. Pardubice.
- Jílek, J. 2015: Roman Metal Vessels in the Milieu of Germanic Elites in the Middle Danube Region. *Studia Hercynia* XIX/1–2, 169–188.

- Kaminskaya, I.V., Kaminskiy, V.N., P'yankov, A.V. 1985: Sarmatskoe pogrebenie u stanicy Mikhaylovskoy (Zakuban'e) [A Sarmatian Burial near the Cossack Village of Mikhaylovskaya] (Trans-Kuban Region). *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 228–234.
- Kaminskiy, V.N. 2000: Sarmatskoe pogrebenie s maloaziyskim i rimskim importom iz st. Mikhaylovskoy (Zakuban'e) [A Sarmatian Burial with Asian Minor and Roman Import from the Cossack Village of Mikhaylovskaya (Trans-Kuban Region)]. In B.A. Raev (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Materialy 7-go arkheologicheskogo seminara. Krasnodar, 8–11 iyunya 1999* [Ancient Civilization and Barbarian World. Materials of the 7th Archaeological Seminar]. Krasnodar, 86–95.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Karasová, Z. 1998: *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen* (Fontes Archaeologici Pragenses 22). Praga.
- Kasenov, M.S. 2017: Ruchki pateri naydeny v Severnom Prikaspii [The Handle of Patera found in the Region to the North of the Caspian Sea]. *Vestnik Atyrauskogo gosudarstvennogo universiteta imeni H. Dosmuhamedova* [The Journal of Atyrau State University named after Kh. Dosmukhamedov] 4 (47), 8–12.
- Kasenov, M.S., Seytkaliev, M.K. 2017: Sluchaynaya nakhodka ruchki pateri tipa «Millingen» v Severnom Prikaspii [A Chance Find of the Handle of “Millingen” Type Patera in the Region to the North of the Caspian Sea]. *Stratum plus* 4, 115–118.
- Kat. Schleswig 1991: R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel (Hrsg.), *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig.
- Kaufmann-Heinimann, A. 1994: *Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge*. Mainz.
- Khamis, E. 2013: Copper Alloy Objects. In W. Aylward (ed.), *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. Vol. III. New Haven, 93–166.
- Krivosheev, M.V. 2014: Importnaya metallichesкая posuda kak marker znatnykh pogrebeniy pozdnosarmatskogo vremeni [Imported Metalware as a Marker of the Elite Burials of the Late Sarmatian Period]. In L.T. Yablonskii, N.S. Savelev (eds.), *Sarmaty i vneshniy mir: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Sarmatians and the Outside World: The Materials of the VIII International Conference “The Problems of the Sarmatian Archaeology and History”] (Ufimskiy arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald] 14). Ufa, 105–112.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Roman Imports in the Eastern Europe (2nd Century BC – 5th Century AD)] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–27). Moscow.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Bd. 21). Neumünster.
- Limberis, N.Yu. Marchenko, I.I. 2006: Bronzovye kovshi i pateri iz sarmatskikh i meotskikh pamyatnikov Prikan'ya [Bronze Casseroles and Paterns from the Sarmatian and Meotian sites of the Kuban Region]. In A.V. Simonenko (ed.), *Liber Archaeologiae. Sbornik statej, posvyashchennyh 60-letiyu Borisa Aronovicha Raeva* [Liber Archaeologiae. Collection of Articles dedicated to the 60th Anniversary of Boris Aronovich Raev]. Krasnodar–Rostov-on-Don, 51–77.
- Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1.Jh. n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295–346.
- Lordkipanidze, O.D. 1964: Italiyskie bronzovye izdeliya, naydennye na territorii drevney Gruzii [Italic Bronze Objects found in the Territory of Ancient Georgia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 199–220.

- Maksimenko, V.E. 1986: The Grave with Roman Imports in the Sladkovsky Barrow Cemetery. In B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. Ser. 278). Oxford, 81–82.
- Maksimenko, V.E. 1998: *Sarmaty na Donu (arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii)* [*The Sarmatians on the Don River (Archaeology and the Problems of Ethnic History)*] (Donskie drevnosti [Don Antiquities] 6). Azov.
- Maksimenko, V.E. 2015: Pogrebeniya s rimskimi importami Sladkovskogo kurgannogo mogil'nika [Burials with Roman Imports of the Sladkovskii Kurgan Necropolis]. In V.A. Korenyako, L.A. Boyko (eds.), *TANAIN ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ. Pamyti V.E. Maksimenko (1934–2014)* [*TANAIN ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ. To the Memory of V.E. Maksimenko (1934–2014)*]. Rostov-on-Don, 73–74.
- Malyšev, A.A., Treister, M. 1994: Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizenski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk. *BayVgBl* 59, 39–71.
- Malyshev, A.A., Treister, M. 1994: A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age. *Expedition* 36.2–3, 29–37.
- Mamontov, V.I. 2000: *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam mogil'nika Pervomayskiy VII)* [*Ancient Population of the left Bank of Don River (after the Materials of the Pervomayskiy VII Cemetery)*]. Volgograd.
- Mamontov, V.I. 2004: K voprosu o sarmatskoy toreutike [To the Question of Sarmatian Toreutics]. In *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. I mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [*The Problems of Archaeology of Lower Volga Region. I International Lower Volga Archaeological Conference*]. Volgograd, 204–208.
- Mamontov, V.I. 2008: Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogil'nika Verbovskiy II [Sarmatian Burials from the Kurgan Cemetery Verbovskiy II]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [*Lower Volga Archaeological Herald*] 9, 170–197.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Mordvintseva, V.I. 2003: Polikhromnyy zverinyy stil' [The Polychrome Animal Style]. Simferopol.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya toreutiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [*The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD*]. Simferopol–Bonn.
- Moshkova, M.G. 1982: Pozdnesarmatskie pogrebeniya Lebedevskogo mogil'nika v Zapadnom Kazakhstane [Late Sarmatian Burials of the Lebedevka Cemetery in Western Kazakhstan]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 170, 80–87.
- Moshkova, M.G. 2010: Steklyannye izdeliya Lebedevskogo mogil'nika [Glass Items from the Lebedevka Burial-Ground]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [*Lower Volga Archaeological Herald*] 11, 345–351.
- Moshkova, M.G., Treister, M.Yu. 2014: Steklyanny kubok so stsenoy poedinka gladiatorov iz kochevnicheskogo pogrebeniya mogil'nika Lebedevka-V (Zapadnyy Kazakhstan) [A Glass Goblet with the Scene of Gladiator's Combat from the Nomadic Burial of the Burial-Ground Lebedevka-V (West Kazakhstan)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 108–119.
- Müller, M. 1997: Die römischen Bronzegefäße von Haltern. *Ausgrabungen u. Funde i. Westfalen-Lippe* 9/A, 5–40.
- Mustăț, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.

- Nenova-Merdjanova, R., Angelov, A. 1999: A Rich Thracian's Grave from Marcianopolis. *Archaeologia Bulgarica* 3.2, 49–59.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (JRA Suppl. Ser. 82). Portsmouth, 115–134.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym II v. do n.e. – II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha Gurzufskoe Sedlo* [Mountaineous Crimea in the 2nd century BC – 2nd Century AD. After the Materials of Excavations of the sanctuary Gurzuf Pass]. Simferopol.
- Novotný, B. 1955: Hrob velmože z počátků doby římské v Praze-Bubenči. *Památky archeologické* 46, 227–264.
- Nuber, H.-U. 1972: Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1–232.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Pautreau, J.-P. (ed.) 1999: *Antran (Vienne): un ensemble aristocratique du premier siècle* (Musées de Poitiers, regard sur les collections, 1). Poitiers.
- Pernet, L. 2010: *Armement et auxiliaires gaulois (Ile et Ier siècles avant notre ère)*. Montagnac.
- Pernice, E. 1900: Bronzen aus Boscoreale. *AA*, 177–198.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.
- Petrovsky, R., Bernhard, H. 2016: Versunken im Rhein. Typenspektren der „Beutehorten“ im Vergleich. In *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 245–260.
- Popa, A. 2016: Bronzenes Wasch- und Badeschirr am Rande der römischen Welt: Überlegungen zu einer Gruppe römischer Bronzegefäße jenseits der Provinzgrenzen Dacia und Moesia Inferior. In *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 423–432.
- Pridik, E.M. 1914: Novye kavkazskie klady [New Caucasian Treasures]. *Materialy po arkheologii Rossii* [Materials on Archaeology of Russia] 34, 94–110.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia. 2nd Century BC to 3rd Century AD. Funeral monuments]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E. 2009: Kompleks s bronzovoy i serebryanoy posudoy I v. n. e. iz Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v Krymu [A Complex with Bronze- and Silverware of the 1st Century AD from the Ust'-Al'ma Necropolis in the Crimea]. *Stratum plus* 4, 329–338.
- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 290–323.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017: Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2004–2007 gg. [Field Investigations of the Ust'-Al'ma Necropolis in 2004–2007] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust'-Al'ma Fortified Site and Necropolis in the South-Western Crimea], 2). Simferopol–Moscow.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 2013: Kompleks iz kurgana u aula Konchukokhabl': vzglyad cherez 50 Let [A Complex from the Kurgan near Aul Konchukokhabl': a View 50 Years Later]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 39, 162–184.
- Ratković, D. 2004: Bronze vessels from the Military Fort Diana. In C. Museteanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organised by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003*. Bucharest, 385–394.

- Ratković, D. 2005: *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu* /Roman Bronze Vessels in the Roman Collection of the National Museum in Belgrade (Antika/Antiquity IX). Beograd.
- Rostovtzeff, M.I. 1913–1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii* [*Ancient Decorative Painting in the South of Russia*]. Saint Petersburg.
- Sarnataro, T. 2002: Le patere con manico dall'area vesuviana e la loro funzione domestica. Case-study; la Casa di L. Volusius Faustus (I 2, 10). In A. Giomlia-Mair (ed.), *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi* (Instrumentum Monographies 21). Montagnac, 393–406.
- Schütz, J.-L. 2013: *La tombe 2 de Bois-et-Borsu*. Liège.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Sergackov, I.V. 1994: The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. In B. Genito (ed.), *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992* (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor, XLIV). Napoli, 263–277.
- Sharov, O.V. 2016: Sklep Demetry v Kerchi: neizvestnye stranicy (po materialam nauchnykh arkhivov IIMK RAN i Gosudarstvennogo Ermitazha) [The Crypt of Demeter in Kerch: unknown Pages (after the Materials of the Archives of the Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences and the State Hermitage)]. *Stratum plus* 4, 319–334.
- Shelov, D.B. 1965: Italiiskie i zapadnorimskie izdeliya v trgovle Tanaisa pervykh vekov n.e. [Italic and Western-Roman Items in the Trade of Tanais in the First Centuries AD]. *AAASH* XXV, 251–274.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2001: Bronzovaya amfora Kornelii Kvarty Rutilly [Bronze Amphora of Cornelia Quarta Rutilla]. In *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka. Materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. 25–30 maya 1998 g.* [International Relations in the Basin of the Black Sea in Antiquity and Middle Ages. Materials of the IX International Scientific Conference, 25–30 May, 1998]. Rostov-na-Donu, 119–122.
- Shilov, V.P. 1974: Bronzovaya patera iz Astrakhanskoy oblasti [A Bronze Patera from the Astrakhan Region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 226–231.
- Shilov, V.P. 1975: *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [Essays in the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Region]. Leningrad.
- Shkorpil, V.V. 1905: Otchet o raskopkakh v Kerchi i okrestnostyakh v 1903 g. [A Report on the Excavations in Kerch and Vicinities in 1903]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Reports of the Archaeological Commission] 17, 1–76.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 1–264.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Area]. Saint Petersburg.
- Skripkin, A.S. (ed.) 2013: *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum]. Volgograd.
- Smishko, M.Yu. 1957: Bogatoye pogrebenie nachala nashey ery v L'vovskoy oblasti [A Rich Burial of the Beginning of Christian Era in the Lvov Region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 238–243.
- Ștefănescu, A. 2004: Bronze Patera in Roman Dacia. In C. Museteanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of*

- Antique Bronzes, organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003*. Bucharest, 421–429.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tomasevic-Buck, T. 1984: Ein Bronzedepotfund aus Augusta Raurica. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 49, 143–196.
- Treister, M.Yu. 2007: Vstavki gemm (za isklyucheniem perstney) [Inlays of Gems (except for Finger Rings)]. In V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. 1. Simferopol–Bonn, 295–305.
- Treister, M.Yu. 2008: Importnaya metallichesкая posuda iz Tsemdolinskogo mogil'nika [Imported Metalware from the Tsemdolina Necropolis]. In A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika* [The Aspurgians in the South-East of the Asian Bosphorus: after the Materials of the Tsemdolina Necropolis] (Nekropoli Chernomor'ya [Necropoleis of the Black Sea Region], 2). Moscow, 181–187.
- Treister, M. 2013: Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum, 733–748.
- Treister, M. 2016: Kochevniki na perekrestke trans-evraziyskikh karavannykh putey (zapadnye importy v sarmatskom pogrebenii kurgana № 21 mogil'nika Magnitnyy) [The Nomads at the Crossroads of the Trans-Eurasian Caravan Routes (Western Imports in the Sarmatian burial of the Burial-mound no. 21 of the Magnitny Cemetery)]. In L.T. Yablonskiy, L.A. Kraeva (eds.), *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Orenburg, 279–286.
- Treister, M. 2018a: Dragocennyy pojasnoy nabor iz elitnogo pogrebeniya kochevnika u s. Kosika [A Precious Belt Set from an Elite Nomadic Burial near the Village of Kosika]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Herald] 17.1, 108–143.
- Treister, M. 2018b: Kitayskie “importy” v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine I tys. do n.e. – pervykh vekakh nashey ery [Chinese “Imports” in the Burials of the Nomads of Eastern Europe in the Second Half of the 1st Millennium BC – first Centuries AD]. *Stratum plus* 4, 153–200.
- Treister, M. 2018c: Parfyanskies i rannesasanidskies “importy” v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Parthian and Early Sassanian “Imports” in the Burials of the Nomads of Eastern Europe (2nd Century BC – 3rd Century AD)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 10, 118–210.
- Treister, M.Yu. 2018a: Blechkanne. Mednye kovanye kuvshiny pervykh vekov n.e. v Severnom Prichernomor'e i Sarmatii [Copper Hammered Jugs of the First Centuries AD in the North Pontic Area and in Sarmatia]. *Drevnosti Bospora* [The Antiquities of the Bosphorus] 22, 216–238.
- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018* (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.

- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 177–187.
- Treister, M. Yu. 2020a: Rimskie bronzovye kovshi iz pogrebenij kochevnikov Aziatskoy Sarmatii [Roman Bronze Casseroles from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia]. *Problemy istorii, fililogii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 5–60.
- Treister, M. Yu. 2020b: Rimskie bronzovye sosudy s medal'onami s figurnymi izobrazheniyami iz Sarmatii [Roman Bronze Vessels with Medaillions with Figural Images from Sarmatia]. In A. V. Belousov, E. V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statej v chest' 70-letiya A. V. Podosinova* [Homo omnium horarum: Collection of Articles dedicated to the 70th Anniversary of A. V. Podosinov]. Moscow, 565–610.
- Treister, M. Yu. 2020c: Rimskie bronzovye tazy Eggers 99–106 v Vostochnoy Evrope [Roman Bronze Basins of Eggers 99–106 Types in Eastern Europe]. *Problemy istorii, fililogii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 5–48.
- Treister, M. Yu. 2021: Rimskie bronzovye amfory iz sarmatskikh pogrebeniy Vostochnoy Evropy [Roman Bronze Amphorae from the Sarmatian burials of Eastern Europe]. *Problemy istorii, fililogii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 18–65.
- Uvarova, P. S. 1899: Bronzovaya ruchka iz Nedvigovskogo gorodischa [A Bronze Handle from Nedvigovka Fortified Settlement]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki* [Archaeological Reports and Notes] VII, 360–361.
- Voß, H.-U. 2005: Hagenow in Mecklenburg – ein frühkaiserzeitlicher Bestattungsplatz und Aspekte der römisch-germanischen Beziehungen. *BerRGK* 86, 19–59.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *BerRGK* 66, 123–320.
- Zasetskaya, I. P. 1979: Sauromatian and Sarmatian Burials of the Nikol'skoe Cemetery in the Lower Volga Region. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage] XX, 87–113.

ROMAN BRONZE PATERAS OF EGGERS 154–155 TYPES IN SARMATIA

Mikhail Yu. Treister

Bonn, Germany

mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. In the burials of the nomads of Asian Sarmatia there were found six intact or fragmented 1st century AD bronze pateras of types Eggers 154–155, one separate handle, one separate foot, as well as one patera medallion in secondary use. They are discussed in detail in this article with the involvement of also rare finds of Roman bronze pateras from the Dnieper region, South-Western Crimea, the territory of the Bosporan kingdom and the Kuban/Transkuban areas. Noteworthy are the rare examples of the transitional type from Eggers 154 (Hagenow) to Eggers 155 (Millingen). Many pateras have lost their handles or some of their feet. The patches fixed with rivets have been preserved on the pateras from the Lower Don and South Urals.

If bronze amphorae, basins, ladles, casseroles and hammered jugs in the burials of the nomads of Asian Sarmatia were found more or less frequently in the same burials, then bronze pateras fall out of the typical raster of mutual occurrence. The small number of finds does not provide grounds for their correlation with male or female burials – they are known in both. In Sarmatia there is no connection between the finds of pateras and oinochoai, which not only in the

Roman Empire and the European Barbaricum, but also in the necropoleis of the South-Western Crimea and the Bosporan Kingdom were found in the same complexes as part of one set.

In general, it is obvious that pateras belong to a relatively rare category of imported Roman bronze vessels in Asian Sarmatia (comparable in number to amphorae) and began to be distributed here already in the first half of the 1st century AD. These vessels were valued, among other things, because in a number of cases they are represented by luxurious specimens inlaid with silver and decorated with figural medallions. They were repaired, and the medallions of such pateras were reused. If the finds of the earlier pateras of the Eggers 154 type are concentrated in the Lower Don region, then the later pateras of the Eggers 155 type were spread in the Lower Volga region and even in South Urals. At the same time, there are no reliable finds that could be unequivocally attributed to the Eggers 154 pateras in the cities of the North Pontic area – on the contrary, Eggers 155 pateras became widespread here.

Keywords: Roman bronze vessels, pateras, Roman imports, Roman Empire, North Pontic area, Asian Sarmatia.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-61–89

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОРОКА ИОНЫ НА СВЕТИЛЬНИКЕ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

А.В. Белоусов¹, Д.В. Журавлев², Д.А. Костромичев³

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
abelv@yandex.ru

² *Государственный исторический музей, Москва, Россия*
Научно-исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия
denzhuravlev@mail.ru

³ *Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес
Таврический», Севастополь, Россия*
akfill@list.ru

Аннотация. Статья посвящена публикации уникального светильника с изображением пророка Ионы и морского монстра – кѣтос, который был найден Р.Х. Лепером при раскопках некрополя Херсонеса Таврического в 1910 г. На щитке светильника представлен момент, когда Иона был выброшен с корабля в открытое море, и был немного позже проглочен морским чудовищем. Ниже фигуры человека видны остатки греческих букв ΙΩ, которые мы интерпретируем как начальные буквы имени пророка – Ἰω[νᾱς]. Этот сюжет восходит к тексту Ветхого Завета, и был очень популярен. Иконография публикуемого изображения находит параллели в рельефах и фресках, традиционно связываемых с ранним христианством и обнаруженных в Риме и других городах империи. Комплекс херсонесского склепа, в котором был найден светильник, датируется по сопровождающему инвентарю не позднее середины III в. н.э. На дне светильника по сырой глине была сделана надпись ХОΛС/ΗΡ С, вероятно, являющаяся аббревиатурой имени мастера-изготовителя. Светильник был сделан в Малой Азии в русле синкретизма греко-римской и иудео-христианской религии. Использовать светильник мог любой житель города, знающий и почитающий традиции Ветхого завета. Учитывая столь раннюю датировку склепа, сложно трактовать иконографию этого светильника как однозначно раннехристианскую. Возможно, его можно связывать и с иудейской традицией.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, светильник, раннее христианство, иудаизм, иконография.

Данные об авторах: Белоусов Алексей Владиславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ; доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Журавлев Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников ГИМ; ведущий специалист НИЦ «Курчатовский институт»; Костромичев Даниил Александрович – кандидат исторических наук, заведующий сектором «Некрополь» отдела «Городище и некрополь» ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

Памяти Александру Аврама посвящается

1. СВЕТИЛЬНИК ИЗ ХЕРСОНЕСА

Как известно, в музейных коллекциях хранится немало памятников, на которые по той или иной причине не падал глаз специалиста. В нашей статье речь пойдет о глиняном светильнике с рельефным сюжетом на щитке (рис. 1–2), который был найден 10 августа 1910 г. заведующим раскопками в Херсонесе Р.Х. Лёпером при исследовании склепа 11 с правой стороны военного шоссе. В описании Р.Х. Лёпера он представлен как «лампочка с изображением ребенка и чудовища и с надписью ХОΛ Σ/ΗΡΟ¹». Нет необходимости говорить, что более ста лет этот светильник, подобно сотням других, не привлекал особого внимания исследователей². Предварительно этот светильник уже публиковался нами, в том числе в составе погребального инвентаря³, но значение этой лампы, а точнее, ее иконографии в исследовании религиозной жизни Херсонеса Таврического позднеантичного времени столь велико, что вызвало необходимость появления отдельной статьи⁴.

1.1. Описание светильника.

Светильник имеет тулово округлой формы. Плечики украшены рельефным фризом из дельфинов, развернутых попарно друг к другу. Вогнутый щиток окружен кольцевой бороздкой. На щитке в низком рельефе представлен сюжет с участием морского чудовища, человека и корабля. В правой части композиции изображен человек; одетый в тунику с короткими рукавами, его руки подняты вверх, ладони широко раскрыты. Лицо передано схематично, но обозначены глаза, рот и нос. Перед фигурой человека изображено фантастическое морское чудовище с длинным извивающимся телом, рыбьим хвостом, короткими лапами, протянутыми к человеку, крупной гипертрофированной головой, напоминающей змеиную, на которой выделен миндалевидный глаз; пасть раскрыта, из нее торчит язык. В левом верхнем углу композиции, над чудовищем, представлен одномачтовый корабль. Парус собран, его складки переданы диагональными штрихами. Носовая и кормовая части корабля переданы в виде загнутых кверху раструбов. На корме видна голова кормчего и правая рука, свешивающаяся за борт. Сзади схематично изображено рулевое весло. Вдоль корпуса судна продольными полосами показана обшивка; весла опущены в воду. Между чудовищем и кораблем – техническое круглое отверстие для заливания масла. Ниже фигуры человека видны остатки греческих букв ΙΩ. Видны первая и часть второй буквы надписи. Перед буквами – сквозное узкое отверстие. Ручка достаточно узкая, петлевидная, с круглым отверстием, изготовлена в одной форме со светильником. Лицевая поверхность ручки украшена тремя продольными полосами в верхней части ручки и двумя – в нижней. Дно плоское, окружено кольцевой бороздкой. На дне прочерчена двустрочная надпись: ΧΟΛΣ /ΗΡ ^{vac. 1 litt.} Σ.

¹ Лёпер 1927, 251.

² Надпись на дне лампы была перечислена без комментариев в ряду надписей на светильниках второй половины III в. из Херсонеса: Кадеев, Сорочан 1989, 57. При этом светильник был рассмотрен авторами публикации как беспаспортный: Кадеев, Сорочан 1989, прим. 485.

³ Журавлев, Костромичев 2017а, 39–42; 2017б, 110–112; табл. 46, 13; Белоусов и др. 2019, 40–50.

⁴ ГИИМЗ «Херсонес Таврический», п. № 2043; инв. № 937.

Рис. 1. Светильник из Херсонеса Таврического. ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Фото К.В. Зыковой.

Fig. 1. Lamp from Tauric Chersonesos. State Museum-Preserve "Tauric Chersonesos". Photo: K.V. Zyкова.

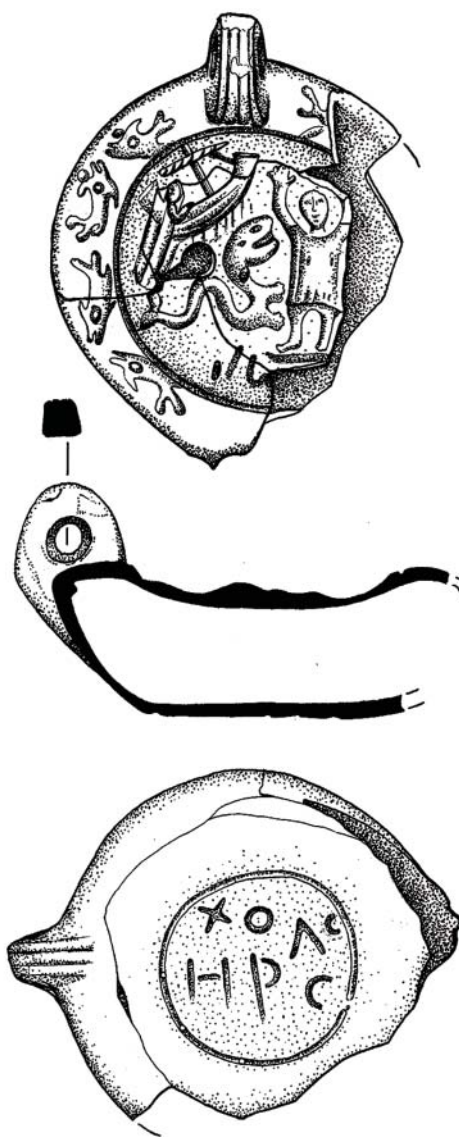

Рис. 2. Светильник из Херсонеса Таврического. ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Рисунок И.В. Михадюк.

Fig. 2. Lamp from Tauric Chersonesos. State Museum-Preserve "Tauric Chersonesos". Drawing: I.V. Mikhadyuk.

Часть тулова, плеч и рожок отсутствуют, лампа разбита на 4 фрагмента, склеена. Светильник изготовлен из светлой желто-коричневой мелкозернистой глины с примесью белых частиц (10YR7/3–2.5Y7/3)⁵, обжиг неравномерный. Лаковое покрытие отсутствует. Сохранившаяся длина 8.4 см; диаметр тулова 7.1 см; высота тулова 2.9 см; высота с ручкой 4.2 см.

1.2. Классификация и место производства светильника.

Публикуемый светильник по форме напоминает аттические или коринфские экземпляры III в. н.э., хотя и не идентичен им⁶. Типологически он может быть отнесен к типу XXVIII по О. Брониру⁷. Судя по форме и составу теста, из которого изготовлен светильник, местом его производства может быть Тарс или юго-восточное Средиземноморье⁸.

Учитывая массовость производства светильников в форме, удивляет практически полное отсутствие аналогий. Изучив сотни специальных публикаций, мы не обнаружили не только идентичной иконографии, но даже близкого по характеру оформления плеч в виде фигурок дельфинов⁹. Единственной известной нам прямой аналогией является недавно опубликованный небольшой фрагмент светильника из Ольвии, отнесенный автором статьи к изделиям коринфского производства¹⁰. Но здесь до нашего времени дошла лишь ручка с небольшим фрагментом плеч и щитка. Стоит отметить, правда, идентичность оформления плеч, а также верхней части мачты корабля с декором херсонесского экземпляра.

1.3. Хронология погребального комплекса.

Сохранившийся инвентарь склепа не выходит за рамки второй половины II–III вв. н.э. Найденные в склепе 11 предметы не отражают всей совокупности погребального инвентаря, так как склеп был разграблен. Тем не менее, находки, обнаруженные вместе со светильником, позволяют сделать определенные хронологические выводы. В склепе была найдена золотая нашивка, пять монет, бронзовый ключ, обломок бронзовой пряжки, бронзовая пронизь, пряслице, четыре светильника, краснолаковый кувшин, краснолаковая миска и две краснолаковые кружки¹¹. Монеты, происходящие из этого комплекса, относятся к середине I – рубежу II–III вв. Две наиболее поздние монеты датируются 192–211 гг.¹² Краснолаковые сосуды, подобные найденным в склепе, датируются первой половиной III в. н.э. Так, краснолаковая миска, происходящая из этого склепа, близка форме 14.5 по классификации Д.В. Журавлева¹³, хотя и отличается от нее в деталях.

⁵ Для определения цвета глины использованы цветовые таблицы Munsell Soil Colour Charts.

⁶ Белоусов и др. 2019, 40–41.

⁷ Broneer 1930, 102–114.

⁸ Мы признательны Л. Хршановски за консультации по предполагаемому месту производства этого светильника.

⁹ Фигурки дельфинов отдаленно напоминают более поздние штампы V в. н.э. на краснолаковой керамике Late Roman C/Phocian Red Slip (Hayes 1972, 358–359, fig. 76, n.o; Hayes 2008, 248, pl. 68, 1391).

¹⁰ Шейко 2017, 119–120, рис. 4, 1.

¹¹ Журавлев, Костромичев 2017b, табл. 46–47.

¹² Херсонес. Трессис. Асклепий/Гигиия. Анохин 1977, № 284 (определение С.А. Коваленко). Журавлев, Костромичев 2017b, 109; Коваленко 2017, 122.

¹³ Журавлев 2010, 54, табл. 23, Кат. 158. Датируется первой половиной III в. н.э.

Две краснолаковые кружки относятся к формам 1¹⁴ и 8 по Д.В. Журавлеву¹⁵. В склепе обнаружено еще несколько осветительных приборов разных типов, среди которых светильник с изображением петуха и «рубчатый» светильник¹⁶.

1.4. Анализ изображения на щитке.

Представленная на щитке лампы сцена полностью соответствует сюжету поглощения пророка Ионы морским монстром – *kētōs*, описанному в Ветхом завете. Корабль, несмотря на схематичность его изображения, соответствует типичным изображениям римских судов¹⁷.

Изображения дельфинов на щитках римских светильников относятся к достаточно распространенным¹⁸. Остатки греческой надписи под фигурой главного персонажа, которую мы реконструируем как *Ἰω[νᾱς]* подтверждают предположение¹⁹. Именно в таком написании имя воспроизведено под фигурой отдыхающего Ионы на мозаике V–VI вв. церкви в Бет Говрин (Израиль) (рис. 4, 4)²⁰.

2. СВЕТИЛЬНИКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ИОНЫ И ДРУГИХ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Светильник с изображением Ионы в пасти у рыбы/морского чудовища V в. н.э. хранится в Государственном историческом музее в Москве (рис. 3, 1)²¹. Светильник был опубликован как херсонесский, судя по всему, ошибочно. Внимательное изучение документации позволило усомниться в его херсонесском происхождении – по всей видимости, светильник в действительности происходит из коллекции П. Севастьянова, и был приобретен в Риме, а в ГИМ попал через ликвидированный после революции Московский публичный и Румянцевский музей. Ближайшей аналогией московскому светильнику является лампа африканского производства из Национальной библиотеки Франции в Париже²². Аналогии сюжету нашего светильника представлены на экземплярах другого типа из Британского музея – один из них африканского происхождения²³, второй – позднегре-

¹⁴ Журавлев 2010, 91, 92. Такие кружки датируются широко и относятся к последней четверти I – первой половине III в. н.э.

¹⁵ Журавлев 2010, 94, табл. 68, 585–587. Конец II – первая половина III в. н.э.

¹⁶ О хронологии рубчатых светильников см.: Сорочан 1982, 43–50; Chrzanowski, Zhuravlev 1998, 133–135; Журавлев, Костромичев 2017b, 21.

¹⁷ Об изображениях судов в античном искусстве см.: Casson 1979; Cat. Haifa 1975 (корабли на античных монетах); Dunbabin 1978 (мозаики); о римском флоте в целом – Viereck 1975. Изображение кораблей – широко распространенный сюжет на щитках светильников римского времени – Perlzweig 1961, 132, pl. 21, 1023; Bailey 1980, 46, fig. 49, Q1340; Goethert-Polaschek 1985, 244–245, M. 152–155; Hellmann 1987, 51, pl. XXII, 189–190; Böttger 2002, Taf. 39, 2107–2144; 40, 2150, 2160; и т.д. Подробный разбор иконографии судов на щитках римских осветительных приборов см.: Hermanns 2012, 145–161.

¹⁸ Perlzweig 1961, 129, 930–939, pl. 20; Goethert-Polaschek 1985, 263–265, N. 206–211; Böttger 2002, 166–169; Taf. 34, 1647–1690; и т.д.

¹⁹ Журавлев, Костромичев 2017a, 39–42.

²⁰ Foerster 1978, 289–291, fig. 1–3.

²¹ Chrzanowski, Zhuravlev 1998, 156–157, N 94; Яшаева и др. 2011, 305, 601; № 362.

²² Trost, Hellmann 1996, 65–66, N 2, pl. I.

²³ Bailey 1988, Q1798, 33–35, 198; fig. 38; pl. 23. На щитке изображен отдыхающий Иона после его появления из чрева морского монстра.

ческого²⁴. Если африканские светильники с той же иконографией (отдыхающий Иона и κῆτος) известны, например, из Туниса²⁵, Рима²⁶, а также из собрания Национальной библиотеки Франции²⁷ и нескольких других собраний, то сцена с лодкой и Ионой, бросаемым в море чудовищу, не встречена больше нигде, кроме экземпляра из Британского музея. Несмотря на то, что все эти светильники немного отличаются друг от друга трактовкой сюжета, они однозначно датируются не ранее V в. н.э.

Возможно, самым интересным осветительным прибором с исследуемой иконографией является светильник Wulff 1224 (рис. 3, 2), хранящийся ныне в музее Боде (Государственные музеи Берлина), и поступивший сюда в 1698 г.²⁸ О. Вулф датирует его III–IV вв. н.э.²⁹ Полных аналогий этому светильнику нет, что, по мнению П. Финней, не является доказательством его неподлинности – в своей книге он приводит данные термолюминисцентного анализа, которые были ему предоставлены сотрудниками музея, говорящие, что светильник имеет античное происхождение³⁰. Сотрудники музея Боде любезно сообщили нам, что действительно такой анализ был проведен и дал дату 290 +/- 425 гг.³¹ Но с подлинностью этого светильника не согласен В.Н. Шумахер, специально рассмотревшего ряд несоответствий в иконографии этого светильника и различий в его изображении³². Весной 2019 г. один из соавторов получил возможность изучить этот светильник *de visu* в Берлине. Сомнений в его подлинности у нас не возникло.

В центре щитка этого светильника представлен криофор – Добрый Пастырь, по бокам от которого мы видим два изображения Ионы – изрыгаемого κῆτος'ом и отдыхающего под деревом. Еще две фигуры, включенные в эту сложную композицию, могут быть интерпретированы как Сол и Луна³³. Светильник датируется 175–225 гг. и отмечен на дне маркой производителя FLORENT. Светильники с изображением криофора производили Annus Serapidorus и Saeculus, а также несколько других мастерских³⁴.

²⁴ Bailey 1988, Q3323, 33, 416, fig. 38; pl. 123. Д. Бейли датирует этот светильник второй половиной V–VI вв.

²⁵ Ennabli 1976, 48–49, nos. 53–58, pl. II.

²⁶ Cat. Essen 1962, 62, Kat. 64.

²⁷ Trost, Hellmann 1996, 77, N 42, pl. VIII.

²⁸ Wulff 1909, 244, Taf. LIX.

²⁹ Wulff 1909, 244.

³⁰ Finney 1994, 144, сноска 94.

³¹ Благодарим Э. Элер (Берлин) за любезное разрешение посмотреть этот светильник.

³² Schumacher 1977, 94–95.

³³ Finney 1994, 116–131, fig. 5.4–6.

³⁴ П. Финей утверждает, что Аннус Серапидорий не воспроизводил никаких других сцен, кроме криофора на щитках светильников (Finney 1994, 123–125). Таким образом, он, следуя за рядом других специалистов, допускает возможность того, что Серапидорий, мастерская которого располагалась в Остии, был христианином (ср.: Paleani 1993, 9), и намеренно отказался от изображений языческих богов, гладиаторов и эротических сцен, подобно другим мастерам керамической индустрии. Про светильник из музея Боде П. Финей пишет, что только христианин (или иудей) могли обратить внимание на подобную иконографию. Если светильник с криофором мог приобрести кто угодно, как христианин, так и язычник, здесь символика была уже однозначна. Но нам ближе мнение Ю. Сузавы (Suzawa 2008, 42), отмечающего, что, разумеется, христианин мог купить подобный светильник, но никаких доказательств, подтверждающих это, нет и быть не может, что не позволяет нам особо спекулировать на этой теме. Анализ изображений криофора на светильниках III в. не является темой нашей статьи, см. обзор: Chrzanowski, Zhuravlev 1998, 114–121 (с литературой).

Рис. 3. Светильники с изображениями Ионы: 1 – ГИМ (фото И.А. Седенькова (после реставрации); рис. А.Н. Трифионовой (до реставрации); 2 – Музей Боде, Берлин. Фото Д.В. Журавлева.

Fig. 3. Lamps with depiction of Jonah: 1 – State Historical Museum, Moscow. Photo: I.A. Sed-
enkov (after restoration); drawing: A.N. Trifonova (before restoration); 2 – Bode Museum, Ber-
lin. Photo: D.V. Zhuravlev.

Необходимо упомянуть еще несколько глиняных ламп, которые представляют собой сцены, связанные с иудаизмом. Самые распространенные из них – это изображения меноры, которые встречаются сравнительно часто³⁵. Кроме того, известны светильники с изображением персонажей Ветхого Завета: жертвоприношения Авраама (Быт 22:1–19)³⁶, Шадраха, Мешаха и Аведнего, брошенных в огненную печь и вышедших оттуда невредимыми (Дан 3: 20–29)³⁷, пророка Даниила между двух львов (Дан 6:16)³⁸, двух соглядатаев, несущих виноградную гроздь Есхола (Числ 13: 25)³⁹, и ряда других. Но все эти светильники североафриканского производства датируются опять же не ранее V в. н.э. и не имеют прямого отношения к нашему сюжету.

Упомянем и ряд античных экземпляров, имеющих параллели с деталями иконографии публикуемого экземпляра. На пергамском светильнике эпохи Августа-Тиберия представлен кетос и дельфин⁴⁰, аналогичная сцена представлена и на светильнике из ПUTEОЛ (?) в собрании Британского музея⁴¹. Еще два светильника с этим изображением хранятся в Лувре⁴². Но, разумеется, никаких человеческих персонажей рядом с морскими обитателями нет.

3. ИЗОБРАЖЕНИЯ ИОНЫ В РАННЕХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ

В позднеантичном искусстве сцена поглощения пророка Ионы воспроизводится в памятниках, которые традиционно рассматриваются как раннехристианские. Впервые сводку изображений Ионы представил О. Митиус в 1897 г.⁴³, с тех пор этот список постоянно пополняется.

Наиболее ранние христианские изображения в катакомбах в некоторых исследованиях, стремящихся удревить эти памятники, иногда датируют около 200 г., а наиболее ранние христианские саркофаги – первой третью III в. н.э. Необходимо отметить, что эти датировки не вполне корректны, т.к. никаких надежных подтверждений существования христианства в столь раннее время в письменных источниках нет. Молчит об этом и археология. Первые памятники, несущие раннехристианскую символику, и имеющие реальную хронологию – росписи гробниц в Риме, Неаполе и Ноле, саркофаги с рельефами, баптистерий в Дура-Европос – относятся приблизительно к 230 г.⁴⁴ Очевидно, что как минимум до 200 г. христиане не изготавливали никаких изделий со своей символикой⁴⁵. Они были полностью адаптированы к греко-римской культуре и не оставили заметных нам материальных следов.

³⁵ Goodenough 1988, fig. 6–8.

³⁶ Broneer 1930, 118, 286–287, fig. 53, No. 1468; Cat. Essen 1962, 101, Kat. 167.

³⁷ Ennabli 1976, 43–44, nos. 17–24, pl. I; Bailey 1988, 34–35, fig. 38 (с литературой и аналогиями).

³⁸ Ennabli 1976, 45–47, nos. 32–42, pl. I–II; Bailey 1988, 35, 197, Q1793, pl. 23 (с литературой и аналогиями).

³⁹ Broneer 1930, 118, 287, fig. 204, No. 1471; Bailey 1988, 35, 202; fig. 38, pl. 28 (с обзором изображений, представляющих этот сюжет).

⁴⁰ Heimerl 2001, 111, Taf. 5, Kat. 167, Motive 89.

⁴¹ Bailey 1980, 42, 139, pl. 3, fig. 46.

⁴² Bonnet 1988, 45, fig. 16, 18–19.

⁴³ Mitius 1897, 105–114.

⁴⁴ Grabar 1968, 7.

⁴⁵ Finney 1994, 131.

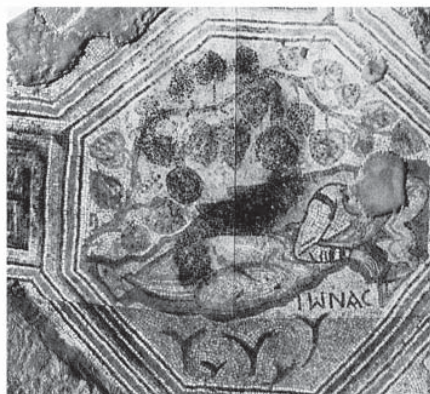
1

2

3

4

Рис. 4. Сцены с Ионой в раннехристианском искусстве: 1 – Большой Латеранский саркофаг, музеи Ватикана (по: Gerke 1940, Taf. 1, 1); 2 – деталь крышки саркофага, Рим, palazzo Сансеверино (по: Gerke 1940, Taf. 28, 2); 3 – мозаика из Аквилеи, фрагмент (по: Baudry 2010, 174, Abb. 1); 4 – мозаика из церкви Бет Говрин, V–VI вв. (по: Foerster 1978, fig. 1).
Fig. 4. Scenes with Jonah in Early Christian art: 1 – Lateran sarcophagus, Rome, Vatican museums (after: Gerke 1940, Taf. 1, 1); 2 – detail of the lid of the sarcophagus, Rome, palazzo Sanseverino (after: Gerke 1940, Taf. 28, 2); 3 – mosaic from Aquileia, detail (after: Baudry 2010, 174, Abb. 1); 4 – mosaic from the church at Beth Govrin, 5th – 6th centuries AD (after: Foerster 1978, fig. 1).

Сцена с морским чудовищем, Ионой и кораблем является одной из самых распространенных в раннехристианском искусстве⁴⁶. Самый известный, ставший уже хрестоматийным памятник с изображением Ионы – это Большой Латеранский саркофаг (рис. 4, 1), хранящийся ныне в музеях Ватикана. Он представляет нам историю Ионы практически полностью, выделяя три самых важных эпизода. Слева Иона изображен выброшенным с корабля и попадающим в пасть к чудовищу; в центральной части кѣтос извергает Иону из пасти на скалу (здесь же, посреди объектов флоры и фауны, изображены рыбак, удящий рыбу и пастух с овцами); в третьей части сцены Иона представлен отдыхающим под деревом⁴⁷. Именно эти три сцены получили самое широкое распространение и встречаются, в частности, на мраморных саркофагах второй половины III–IV вв. из Новой глиптотеки Карлсберга в Копенгагене⁴⁸, палаццо Сансеверино в Риме (рис. 4, 2)⁴⁹, Римского национального музея⁵⁰, Сингидунума⁵¹ и ряда других мест.

Многочисленны изображения этой сцены в римских катакомбах доконстантиновской эпохи⁵² – в частности, фреска из катакомбы на *via Latina*⁵³. Из катакомб на этой дороге происходит и мозаика, представляющая Иону⁵⁴. Временем около середины III в. н.э. датируется мозаика с восточной стены склепа Юлии (склеп М) и некрополя Ватикана с изображением Ионы, которого извергает из себя кѣтос (сам склеп относится к еще более раннему времени)⁵⁵. Ряд исследователей, например, С. Муррей, однозначно считают это изображение христианским.

Изображение Ионы, сбрасываемого с корабля, сохранилось на фреске из катакомбы святых Петра и Марцеллина (рис. 5, 1)⁵⁶ и на фреске из часовни на некрополе Багават (Харга оазис в Египте) (рис. 5, 2)⁵⁷, а также на напольной мозаике из базилики в Аквилее (рис. 4, 3)⁵⁸. Подробнее о мотивах, связанных с образом Ионы в росписи фресок из римских катакомб, см. обзор Я. Шпайгеля⁵⁹.

Второй половиной III в. н.э. (или, возможно, немного более поздним временем) датируются две мраморные композиции из музея в Кливленде – на одном Иону заглатывает кѣтос⁶⁰, на другом – извергает его из себя⁶¹. В этой же коллекции, происходящей из Восточного Средиземноморья (по словам продавца, они были найдены в одном сосуде) есть и другие изображения Ионы, а также «Доброго Пастыря». Известный мраморный рельеф из музея Метрополитен, происходя-

⁴⁶ Klauser 1993, 133–134; Jensen 2000, 10, 172, fig. 2.

⁴⁷ Gerke 1940, Taf. 1, 1; Finegan 1946, 394–395, fig. 173; Suzawa 2008, 41, fig. 43.

⁴⁸ Lawrence 1962, pl. 77, fig. 1; 78, fig. 5.

⁴⁹ Gerke 1940, Taf. 28, 2.

⁵⁰ Lawrence 1962, pl. 78, fig. 6.

⁵¹ Pilipović, Milanović 2016, 219–245.

⁵² Jensen 2000, 172.

⁵³ Claman 2000, 38–39, fig. 2.

⁵⁴ Baudry 2009, 104–105, Abb. 3–4.

⁵⁵ Murray 1981, 64–66, fig. 19; см. также: Suzawa 2008, 40–41, figs. 38–39.

⁵⁶ Baudry 2010, 132–133, Abb. 2.

⁵⁷ Martin 2006, 238, fig. 21; Baudry 2010, 132–133, Abb. 3.

⁵⁸ Lawrence 1962, pl. 78, fig. 9; Baudry 2010, 173–175, Abb. 1–2.

⁵⁹ Spiegel 1978, 1–15.

⁶⁰ De Bourguet 1972, 106–107; Kitzinger 1978, 657, fig. 7.

⁶¹ De Bourguet 1972, 108–109; Kitzinger 1978, 658, fig. 8.

1

2

Рис. 5. Изображения сцен с Ионой на фресках III–IV вв.: 1 – катакомба святых Петра и Марцеллина, Рим; 2 – часовня на некрополе Багават (Египет) (по: Baudry 2010, 132–133, Abb. 2–3).

Fig. 5. Depictions of scenes with Jonah in frescoes, 3rd–4th centuries AD: 1 – catacombs of Marcellinus and Peter, Rome; 2 – fresco from the Exodus chapel in al-Bagawat (Egypt) (after: Baudry 2010, 132–133, Abb. 2–3).

щий из Тарса, и датирующийся IV в., представляет сцену проглатывания Ионы, выброшенного с корабля, κῆτος'ом; рядом – извергаемый κῆτος'ом Иона⁶².

Среди изображений на бытовых предметах следует упомянуть стеклянную чашу первой половины IV в. н.э. из Кельна, на дне которой в круглом медальоне изображен момент сбрасывания Ионы с борта корабля, извергаемого из пасти κῆτος Ионы, а также отдыхающего под ветвями Ионы⁶³. Стеклянная чаша-патера из собрания Государственного Эрмитажа с гравированным изображением библейских сцен, в том числе пророка Ионы, датируется IV в. н.э.⁶⁴. Деталь изображения на большом блюде из клада в Милденхолле также представляет собой сцену, близкую мозаикам с историей Ионы, например, уже упомянутую выше мозаику в Аквилее⁶⁵.

Сцена с Ионой представлена в нижней части диптиха из слоновой кости, датированного VI в. н.э. Здесь изображение κῆτος ближе к нашему, во всяком случае, голова его лишена волчьих черт⁶⁶. Среди костяных изделий упомянем и пиксиду VI в. н.э. из собрания Государственного Эрмитажа, на которой представлена сцена сбрасывания Ионы в море и Ионы, отдыхающего на κῆτος под листьями кукурбиты⁶⁷.

В иконографии сцены, представленной на нашем светильнике, есть одна интересная особенность – обычно Иона изображается обнаженным. В нашем же случае он одет в тунику, близкую по облику *tunica dalmatica*⁶⁸. В качестве отдаленной параллели укажем на левую фигуру из трех плывущих на корабле, с которого Иону сбрасывают в воду, с аквилейской мозаики – он одет в *tunica dalmatica* в позе оранты⁶⁹. Более простые варианты туник представлены у кормчих с крышек саркофагов из Римского национального музея – их руки либо подняты вверх в позе оранты⁷⁰, либо разведены в стороны и немного подняты (рис. 4, 2)⁷¹. Подобная сцена на этих рельефах стала канонической – корабль с поднятым парусом, два человека на борту, один из которых – кормчий в короткой тунике с длинными рукавами, второй – обнаженный гребец⁷². Одетым Иона представлен также на уже упомянутых кливлендских статуэтках, а также на фреске из часовни некрополя

⁶² Lowrie 1901, 51–57, 51–57, fig. 1–2; Kitzinger 1978, 668–669, fig. 17; Göttlicher 1978, 23, Kat. 2, Taf. 1.

⁶³ Frühchristliches Köln 1965, 70–72, Abb. 18, Taf. 12. Чаша была найдена в Кельне в саркофаге в 1907 г.

⁶⁴ Банк 1966, 281, рис. 27, 30 (с предшествующей литературой); Bank 1985, 275, fig. 26; Залеская 2006, 248–249, Кат. 607. На чаше изображена традиционная сцена: Иона, ввергаемый в море с корабля, Иона, извергнутый из чрева и отдыхающий под кукурбитой, над ней надпись DIVNAN DE VENTRE QVETI LIBERATVS EST («Иона освобожден из чрева кита»). Чаша была найдена в 1870 г. близ Подгорицы (Черногория) и поступила в Государственный Эрмитаж из собрания А.П. Базилевского в Париже.

⁶⁵ Marcone 2014, 264–265, pl. 18. К сожалению, специальные публикации этого клада (Painter 1977; Hobbs 2016) остались нам недоступны.

⁶⁶ Mathews 1993, 58–59, fig. 38.

⁶⁷ Банк 1966, 283, рис. 45–46; Bank 1985, 277, fig. 41–42; Залеская 2006, 148, Кат. 286. Пиксида поступила из собрания А.П. Базилевского в Париже, ранее находилась в сокровищнице церкви Сан Амборджо в Милане.

⁶⁸ Белоусов, Журавлев, Костромичев 2019, 42.

⁶⁹ Schumacher 1977, 255, Taf. 51a.

⁷⁰ Gerke 1940, Taf. 26, 2; 30, 1.

⁷¹ Gerke 1940, Taf. 28, 1–2; 30, 3.

⁷² Gerke 1940, 162; Schumacher 1977, 255.

Багават в Египте⁷³ (в последнем случае это сложно утверждать однозначно в связи с плохой сохранностью фрески).

4. НЕКОТОРЫЕ ПРОТОТИПЫ ИЗОБРАЖЕНИЙ КНТОС/ДРАКОНА В АНТИЧНОМ ИСКУССТВЕ

Традиции изображения морского чудовища/рыбы с различными героями были широко представлены в античной иконографии⁷⁴. В первую очередь необходимо вспомнить Ясона, извергаемого из пасти дракона⁷⁵. Возможно, наиболее показательна роспись мастера Дурриса на краснофигурном килике 480–470 гг. до н.э. из Ватиканских музеев – стоящая Афина, перед ней морской дракон с Ясоном в пасти (рис. 6, 3)⁷⁶.

Как некий прототип можно рассматривать изображения Ариадны, Персея и морского чудовища⁷⁷, в том числе и на щитках античных светильников⁷⁸. Упоминанием близкий по времени глиняный сосуд IV в. н.э. из частного собрания в Кельне. – в центре изображена фигура обнаженной Андромеды, справа от которой – фигура Персея, а снизу от нее – кнѳос с открытой пастью (рис. 6, 2)⁷⁹. Обращает на себя внимание близость трактовки фигуры морского чудовища с этого сосуда и на саркофагах и мозаиках, изображающих Иону. Выразительны сцены сражения Персея с кнѳос – например, на черетанской гидрии ок. 510 г. до н.э.⁸⁰ (рис. 6, 5) или на берлинской позднекоринфской амфоре⁸¹ (рис. 6, 4). Интересно, что в последнем случае все персонажи, включая кнѳос, подписаны.

Мозаика из Гиппо-Диархите (Тунис) (очевидно, начало IV в. н.э.) представляет собой сцену рыбной ловли, при этом огромная рыба заглатывает голову одного мальчика⁸². Е. Китценгер отмечает, что мраморные скульптуры с изображением Ионы и кнѳос из кливлендских мраморов имеют прототипами римскую парковую и фонтанную скульптуру⁸³.

Впрочем, этой теме уже были посвящены специальные исследования⁸⁴, и нет никакой необходимости подробно рассматривать ее еще раз.

Возможным прототипом нашей сцены является известный сюжет о Дионисе и тирренских пиратах (Hom. Hymn. Dion. 7; Ovid. Met. III, 582–700)⁸⁵ – прыгнувшие в море разбойники были обращены богом в дельфинов⁸⁶. Эта сцена прекрасно

⁷³ Martin 2006, 238, note 40.

⁷⁴ Подробнее о морских монстрах: De Wahl 1896.

⁷⁵ Белоусов, Журавлев, Костромичев 2019, 42.

⁷⁶ Lawrence 1962, pl. 78, fig. 7; Neils 1990, 632; LIMC V.2, Iason 32.

⁷⁷ LIMC I.1 Andromeda I.53; I.61; I.69; I.73; I.75; i.84; I.87.

⁷⁸ LIMC I.1 Andromeda I.82; I.98; Schauenburg 1981, 783, Andromeda I.99.

⁷⁹ Salomonson 1973, 59–60, Abb. 45ab; LIMC I.2. Andromeda I.55; Schauenburg 1981, 780.

⁸⁰ LIMC VII.2, 304, Perseus 188; Roccos 1994, 343.

⁸¹ LIMC I.2, 622, Andromeda I.1; Schauenburg 1981, 775–776; Amix 1988, vol. III, pl. 123, 2a; Roccos 1994, 343, Perseus 188.

⁸² Lawrence 1962, pl. 78, fig. 8.

⁸³ Kitinger 1993, 132–133, figs. 7–10.

⁸⁴ См. например: Lawrence 1962, 294–295; Steffen 1995, 69–92 (с подробной литературой).

⁸⁵ Мы признательны Л. Хршановски и М. Бонифе, обративших наше внимание на эту параллель.

⁸⁶ См. подробнее: James 1975, 17–34; Harari 1997, 154–155; LIMC VIII.2, 115, Tyrsenoi 1, 5.

1

2

3

4

5

Рис. 6. Возможные прототипы сцены с Ионией в античном искусстве: 1 – мозаика из дома Диониса и Улисса в Дугте (Тунис) – тирренские пираты, превращаемые в дельфинов (по: Dunbabin 1978, pl. VIII, 16); 2 – керамический сосуд с изображением Андромеды, Персея и

морского чудовища, Северная Африка, IV в. н.э. Кельн, частное собрание (по: Salomonson 1973, Abb. 45a-b); 3 – краснофигурный килик, 480–470 гг. до н.э., музеи Ватикана – стоящая Афина, перед ней морской дракон с Ясоном в пасти (по: LIMK V.2, Iason 32); 4 – позднекоринфская амфора с изображением Персея, Андромеды и кетоса. 575–550 гг. до н.э. Берлин, Античное собрание (по: Amix 1988, pl. 123, 2a); 5 – черетанская гидрия, ок. 510 г. до н.э. Собрание Хиршмана, Швейцария (по: LIMC VII.1 Perseus 188).

Fig. 6. Possible prototypes of the scene with Jonah in Ancient art: 1 - mosaic from the house of Dionysus and Ulysses in Dougga (Tunisia) – Tyrrhenian pirates turning into dolphins (after: Dunbabin 1978, pl. VIII, 16); 2 – ceramic vessel depicting Andromeda, Perseus and a sea monster, North Africa, 4th century AD. Cologne, private collection (after: Salomonson 1973, Abb. 45a-b); 3 – red-figure cup, 480–470 BC, Vatican museums – standing Athena, in front of her is a sea dragon with Jason in its mouth (after: LIMK V.2, Iason 32); 4 – Late Corinthian amphora depicting Perseus, Andromeda and Ketos. 575–550 BC. Antikensammlung, Berlin (after: Amix 1988, pl. 123, 2a); 5 – Ceretana hydria, ca. 510 BC. Hirschmann Collection, Switzerland (after: LIMC VII.1 Perseus 188).

иллюстрирована, например, мозаикой из дома Диониса и Улисса в Дугге в Тунисе (рис. 6, 1)⁸⁷. В этом контексте связь сюжета на щитке и рельефные изображения дельфинов на плечах публикуемого светильника находят явный иконографический прототип⁸⁸, хотя не исключено, что дельфины лишь маркируют место действия, показывая, что оно происходит в морской стихии. Процесс превращения людей в дельфинов великолепно проиллюстрирован на чернофигурной этрусской гидрии из музея искусств в Толидо (Огайо) (рис. 7)⁸⁹. Дельфины, близкие представленным на плечах светильника, присутствуют и на других памятниках с иконографией Ионы⁹⁰.

5. НАДПИСИ НА СВЕТИЛЬНИКЕ

На верхней и нижней сторонах светильника имеются надписи на греческом языке, которые были сделаны еще в мастерской, по сырой глине до обжига. Размер букв: на внешней стороне – 0.5 см, на нижней – 0.3 до 2.1 см. Палеография надписи типична для римского времени. Следует отметить широкую *эту*, лунарную форму *сигмы* и курсивную *омегу*. На верхней стороне сохранились две буквы $\text{I}\Omega$, которые в связи с изображением логично восполнять как имя пророка Ионы: $\text{I}\omega(\nu\tilde{\alpha}\varsigma)$ ⁹¹.

Текст на донце светильника представляет определенные трудности⁹². Буквы здесь написаны не очень аккуратно (кроме *омикрона* в верхней строке после *хи*, который почти идеален) в две строки, чтение которых не однозначно. С наиболь-

⁸⁷ Dunbabin 1978, 19, 42, pl. VIII, 16; Romizzi 2003, 357, tav. VIII, fig. 3.

⁸⁸ См. подробнее об этом сюжете: Romizzi 2003, 352–361 (с литературой).

⁸⁹ CVA Toledo 1984, Fasc. 2, 14–16, pl. 90; Spivey, Rasmussen 1986, 3–4, fig. 3–6; LIMC VIII.2, 115, Tursenoi 1.

⁹⁰ Банк 1966, рис. 45.

⁹¹ Белоусов и др. 2019, 43.

⁹² Авторы благодарны коллегам за их мнения и советы относительно чтения и смысла надписи на донце светильника, а именно А.Ю. Виноградову, А.–Кр. Дан, А.И. Иванчику, А. Авраму, М. Сэву и Д. Фессэлю.

Рис. 7. Чернофигурная гидрия с изображением превращения тирренских пиратов в дельфинов. 510–500 гг. до н.э. Толлидо (Огайо), Музей искусств (по: CVA Toledo 1984, Fasc. 2, pl. 90).

Fig 7. Black-figure hydria depicting the transformation of Tyrrhenian pirates into dolphins, 510–500 BC. Toledo (Ohio) Museum of Art (after: CVA Toledo 1984, Fasc. 2, pl. 90).

шей степени вероятности, по нашему мнению, здесь можно предполагать написанными имя/имена изготовителей светильника⁹³:

ΧΟΛC

HP C

Χολ(–)C

HP(–)C

Поскольку сочетание –χολC- в греческом корне невозможно, мы можем предположить, что имеем дело с сокращенными именами в именительном падеже, в пользу чего говорит сигматическое окончание⁹⁴. Первое имя в таком случае можно было бы раскрыть только как Χόλ(κο)C. Имя Холк (LGPN IV, 356) вообще встречается в корпусе греческой эпиграфики со всей ойкумены всего дважды, и оба свидетельства сомнительны: CIRB 200 (IV в. до н.э.) (ΜαζιC / Χόλκο) и CIRB 1231 (II–III вв. н.э.) ([Δημή] τριος β', Χόλ[κοC]). Обе эти надписи происходят из Пантикапея. Л. Згуста объяснял это имя метатезой аспирации: Χόλκος < Κόλχος⁹⁵. Имя Κόλχος также встречается несколько раз в Северном Причерноморье: CIRB 230 (IV в. до н.э.) из Пантикапея, IOSPE I² 132 (II–III вв. н.э.) из Ольвии и SEG 43:507 (II в. н.э.) из Ольвии (здесь восстанавливается: [Κ]όλχου). Что касается раскрытия значения второго слова, то если

все же предположить здесь номинатив личного имени, нам придется иметь дело со слишком большим количеством возможных вариантов: HP(αῖο)C, HP(ακλείδη)C, HP(ακλείο)C, HP(ακλείτο)C, HP(ακλεόδορο)C, HP(ακλεο)C, HP(ακλιανό)C, HP(ακλία)C, HP(ακο)C, HP(απίδη)C, HP(έα)C, HP(όγειτο)C, HP(ογένη)C, HP(όδοτο)C, HP(όδορο)C, HP(οκράτη)C, HP(όνικο)C, HP(όξενο)C, HP(όστратο)C, HP(ότιμο)C, HP(όφαντο)C, HP(όφιλο)C, HP(ώίδα)C, HP(ώνυμο)C и др. (LGPN IV, 153–159).

Тем не менее, такая интерпретация текста надписи вызывает некоторые затруднения. Во-первых, структура текста представляется неупорядоченной: пер-

⁹³ Этим предположением мы обязаны Александру Авраму.

⁹⁴ HP(–)C могло бы быть генитивом патронимика, кажется, хотя имен, начинающихся на HP-, которые склоняются по III склонению (с генитивом на –οC), в Северном Причерноморье, и в Херсонесе, в частности, не так много: HPαῖων, HPακᾶς, HPακλᾶς (LGPN IV, 153), HPακλείων, HPακλῆς, HPράκων, HPᾶς, HPρογείτων (LGPN IV, 156), HPροκᾶς, HPροσῶν, HPροφῶν (LGPN IV, 158), HPρων (LGPN IV, 159). Кроме того, в сокращение попадала бы в этом случае слишком большая часть патронимика. Впрочем это же происходит и в случае номинатива имени.

⁹⁵ Cp. Zgusta 1955, S. 318, § 728: «Eine Methatase Κόλχος > Χόλκος zweimal anzunehmen, wäre zu gewagt».

вая строка, начатая уверенно и бодро, явно не уместилась, поэтому ее исполнителю пришлось уменьшить последнюю букву (*сигму* или *омикрон*), дабы она не соприкасалась с, очевидно прочерченной прежде надписи, кольцевой бороздкой, обрамляющей центр дна. Во-вторых, во второй строке, кажется, можно предполагать *vasat* после буквы *po*. Если последовать за этими наблюдениями, можно предположить, что финальная буква первой строки является недописанной, дабы не касаться круга, буквы *омикрон*, чья «открытая» форма известна по греческим папирусам, начиная с III в. до н.э.⁹⁶ Тем не менее, мы считаем, что разумнее предпочитать первое из предложенных чтений – $\text{Χολ}(-)\varsigma$ / $\text{Ἦρ}(-)\varsigma$ – с опять же предпочтительным раскрытием первого имени: $\text{Χόλ}(\kappa\omicron)\varsigma$. В пользу этого чтения могут свидетельствовать и те обстоятельства, что это имя четко засвидетельствовано в северопонтийском регионе, а именно в Ольвии.

Учитывая тот факт, что образ Ионы является одним из излюбленных сюжетов раннехристианского искусства и зафиксирован более двухсот шестидесяти раз в памятниках раннехристианской живописи и скульптуры⁹⁷, начиная с конца II в. н.э., присутствие Ионы на херсонесском светильнике III в. следует объяснять влиянием иудеохристианской культуры. А принимая во внимание то, что присутствие иудейского населения в Херсонесе засвидетельствовано со II в. н.э.⁹⁸, в этом, в принципе, ничего удивительного нет⁹⁹. Кроме того, из «Жития епископов Херсонских», по всей вероятности, описывающего события IV в., следует, что иудеи

⁹⁶ См. Narrauer 2010, 203, 212, 349. В надписях, в частности, см. Guarducci 1978, 522, fig. 212. Если это так, то финальная литера второй строки, может быть, является конечной буквой слова в первой строке (о таком построении текстов в греческой эпиграфике см. Wilhelm 1909, 1–13): $\text{χόλ}\rho/\varsigma$. Буквы HP , в таком случае, являются обычным сокращением для имени божества $\text{Ἦρ}(\eta\varsigma$ или $\alpha\varsigma)$. Таким образом, текст, с условной долей вероятности, можно прочесть как $\text{χόλ}\rho\varsigma$ $\text{Ἦρ}(\eta\varsigma$ uel. $\alpha\varsigma)$, то есть, «гнев Геры». Этот вариант чтения, тем не менее, мы считаем сугубо гипотетическим. Наша коллега из École normale supérieure (AOROC) Анка Дан предложила (per litteras) видеть в первом слове не личное имя $\text{Χόλ}(\kappa\omicron)\varsigma$ и не слово $\text{χόλ}\rho\varsigma$ в смысле «гнева», а $\text{χολ}<\acute{\alpha}>\varsigma$ или $\text{χόλ}<\omicron>\varsigma$ в смысле «внутренностей, кишечника», а во втором – слово $\text{ἦρ}\delta\varsigma$ (с лигатурой $\rho\omicron$ и \omicron микрона). «Кажется», – замечает она –, «между этими двумя словами нет синтаксической связи», и потому перед нами просто два номинатива, которые она предлагает переводить: «Внутренности. Герой», справедливо отмечая, что в III в. н.э. слово $\text{ἦρ}\omega\varsigma$ на надгробиях обозначает «покойника» и используется и в христианском узусе. В поддержку своей гипотезы о том, первое слово нужно понимать как «кишечник, внутренности» она остроумно указывает на Мф 12: 40: $\omega\varsigma\pi\epsilon\rho\gamma\acute{\alpha\rho}\ \eta\tilde{\nu}\ \text{Ἰων}\acute{\alpha}\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\eta\ \kappa\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \kappa\eta\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \tau\rho\epsilon\iota\varsigma\ \eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\rho\epsilon\iota\varsigma\ \nu\acute{\upsilon}\kappa\tau\alpha\varsigma,\ \omicron\upsilon\tau\omega\varsigma\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota\ \acute{\omicron}\ \nu\iota\delta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\nu\theta\rho\acute{\omega}\pi\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\eta\ \kappa\alpha\rho\delta\iota\alpha\ \tau\eta\varsigma\ \gamma\eta\varsigma\ \tau\rho\epsilon\iota\varsigma\ \eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\rho\epsilon\iota\varsigma\ \nu\acute{\upsilon}\kappa\tau\alpha\varsigma$, усматривая игру слов нашего $\text{χολ}<\acute{\alpha}>\varsigma$ или $\text{χόλ}<\omicron>\varsigma$ и евангельского $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\eta\ \kappa\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha$. Исходя из этого, Анка Дан уверена, что мы имеем дело с памятником раннехристианской эпиграфики. Однако, несмотря на всю свою остроумность, и эта гипотеза представляется нам немного надуманной. Хотя слова $\text{χολ}\acute{\alpha}\varsigma$ и $\text{χόλ}\rho\varsigma$ и происходят из общего и.-е. корня *ghol- («желтый», и однокоренное с русским «золото»), – см.: DELG, pp. 1267–1268, – и, разумеется, не исключено, что греки ощущали родственность этих слов, тем не менее, слово $\text{χόλ}\rho\varsigma$ за всю многовековую историю греческого языка ни разу не значило «внутренности». Во-вторых, восстановление во второй строке слова $\text{ἦρ}\delta\varsigma$, которое объясняется лигатурой $\rho\omicron$ и \omicron микрона, который сам, получается тогда, вписан в $\rho\omicron$ по ошибке (вместо омеги) под влиянием падения в эту эпоху различения количества долгих и кратких гласных, хотя и теоретически возможно, но, в виду отсутствия точных аналогий, весьма проблематично. Кроме того, пока что неизвестно ни одной лигатуры, связывающей таким образом $\rho\omicron$ и \omicron микрон.

⁹⁷ Steffen 1994, 59.

⁹⁸ См., например: Соломоник 1979; Ušakov, Žuravlev 2014, 287–297.

⁹⁹ Белоусов, Журавлев, Костромичев 2019, 44.

вместе с язычниками участвовали в гонениях на херсонесских христиан¹⁰⁰, так что в Херсонесе уже в III в. н.э. вполне могли сосуществовать как иудейские, так и христианские общины.

Библейские сюжеты и вообще знакомство с Септуагинтой лишь sporadически просачиваются в языческие литературу и искусство эллинистической эпохи¹⁰¹, поэтому до сих пор справедливо мнение В. Чериковекара, что у нас практически нет свидетельств того, что греки были знакомы с Библией до христианского времени¹⁰². Это мнение, однако, справедливо для элитарной греческой и римской культуры и может быть не совсем верно для грекоязычной иудейской среды и массовой греко-римской культуры¹⁰³. Во-первых, в связи или нет с христианским значением «знамения Ионы», которым, видимо, следует объяснять столь мощное распространение образа Ионы в раннехристианском искусстве и литературе (Юстин, Иреней, Ориген. Тертуллиан, Киприан, Мефодий)¹⁰⁴, нам известно, что Филон Александрийский (ок. 25 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.) сочинил гомилию «Об Ионе», которая дошла до наших дней в армянском переводе¹⁰⁵, в которой он сосредотачивает внимание на φιανθρωπία Бога, свободно, но без особых подробностей, излагая историю Ионы. Далее, Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 100 г. н.э.), рассказывая о правлении израильского царя Иеровоама II, пересказывает библейскую историю Ионы и добавляет к ней ряд интересных деталей, например, он говорит, что Иона был извергнут из чрева кита у берегов Эвксинского Понта (Antiq. 9. 10)¹⁰⁶. Последняя подробность, если допустить, что она могла быть известна иудеям или христианам Херсонеса, может иметь особое значение для истолкования публикуемого нами памятника¹⁰⁷.

Знаменитое место из Нового Завета — «Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение. Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему,

¹⁰⁰ Ἐνθεν τοι καὶ τοῦ ἀριθμοῦ προστιθεμένου τῶν πιστευόντων ὁ τοῖς καλοῖς εἰσὼς βασκαίνειν αἰεὶ διάβολος ὁπλίζει καὶ κατ' αὐτῶν ὁμοίως Ἰουδαίους καὶ Ἑλλήνας, οἱ καὶ τῶν ποδῶν ἐκείνων τῶν ὠραίων, ὡς εἰπεῖν, καὶ ἀγαθὰ πάντως εὐαγγελιζομένων σχοίνους ἐκδήσαντες εἴλκον καὶ ξύλοις καὶ λίθοις αὐτοὺς τῷ ἔλκεσθαι προσαπέκτειναν καὶ τῆς πόλεως, φεῦ, ἀπηνῶς εἰς βορὰν κυσί τε καὶ ὀρνέοις ἐξέρριψαν. ἔκτην ἔτρεχεν ὁ Δεκέμβριος μῆν. τῶν πιστῶν οὖν τινες ἀνελλόμενοι καὶ ταῦτα καὶ εἰκότως τιμήσαντες φιλοτίμως κατέθεντο (Когда вследствие сего стало умножаться число верующих, привыкший всегда завидовать добрым диавол вооружает и против них подобным образом иудеев и эллинов, которые, привязав веревки к ногам и сих прекрасных, так сказать, и всячески благовествующих добро, повлекли их, при влечении убили палками и камнями и, увы, безжалостно выбросили из города на съедение псам и птицам. Был шестой [день] декабря месяца. Некоторые из верных, подняв и эти [тела] и подобающим образом почтив, любочестно погребли (Пер. В.В. Латышева). См. также: Виноградов 2010, 169, Соломоник 1979, 120.

¹⁰¹ Немногочисленные свидетельства см.: Feldman 1993, 311–314. Систематический обзор см.: Cook 2004.

¹⁰² Tcherikover 1956, 177.

¹⁰³ Белоусов и др. 2019, 44.

¹⁰⁴ См. подробнее: Steffen 1994, 75–87; Dassman et al. 1998, 678–681.

¹⁰⁵ Siegert 1980, Bd. 1, 9–48; 1989, Bd. 2, 92–225.

¹⁰⁶ τὸν δὲ λόγος ὑπὸ τοῦ κήτους καταποθέντα τρεῖς ἡμέρας καὶ τοσαύτας νύκτας εἰς τὸν Εὐξείνιον ἐκβρασθῆναι πόντον ζῶντα καὶ μηδὲν τοῦ σώματος λελωβημένον (Существует предание, что он был проглочен китом и затем после трех дней и стольких же ночей, проведенных в ките, живым и здоровым изрыгнут у берегов Понта Евксинского. Пер. Г. Генкеля). Это предание сохранилось и в христианской традиции, см. Chron. Pasch. 102–103.

¹⁰⁷ Белоусов, Журавлев, Костромичев 2019, 45.

кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи. Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаются от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы» (Мф 12: 38–41)¹⁰⁸ – определило значение образа Ионы для христианского богословия и искусства. Иона понимается как прообраз самого Христа (единственный из малых пророков), претерпевшего смерть и на третий день воскресшего, знаменуя победу над смертью и искупление первородного греха. Христианские писатели, начиная с Климента Римского, постоянно обращаются к истолкованию образа и истории Ионы¹⁰⁹, а начиная с III в. появляются и полные комментарии Книги пророка Ионы¹¹⁰. Неудивительно поэтому, что почти все памятники искусства и ремесла с изображением Ионы принадлежат, за отсутствием предметов иудейского искусства с Ионой, целиком раннехристианской среде, или, по крайней мере, объясняются влиянием этой среды¹¹¹.

Важно также обратить внимание на ряд магических гемм (амулетов) II–V вв. н.э., на которых также фигурирует Иона, изображение которого сопровождается типичными магическими символами и образами¹¹². Здесь мы имеем дело не с памятниками высокоинтеллектуальной культуры, а с типичными представлениями массового населения первых веков нашей эры, на которых со всей очевидностью проступает взаимопереплетение инокультурных традиций, иные примеры которого мы находим в Герметическом корпусе и греческих магических папирусах¹¹³. Вероятно, значение символической смерти и воскресения Ионы имело особое значение для магических практик и, очевидно, не случайно, что Иона остается важной фигурой и в ранневизантийской магии¹¹⁴.

¹⁰⁸ Сюда же следует отнести Мф 16: 4: Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; Лк 11: 29–32: Когда же народ стал сходить к множеству, Он начал говорить: род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был знамением для Ниневитян, так будет и Сын Человеческий для рода сего. Царица южная восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона. Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаются от проповеди Иониной, и вот, здесь больше Ионы.

¹⁰⁹ Согласно *Biblia Patristica: Index des citations et allusions bibliques dans la littérature patristique* в сочинениях христианских писателей II–IV вв. находится более двухсот цитат и аллюзий на этот сюжет. См.: Лебедев и др. 2011.

¹¹⁰ Dassman, Engemann, Hoheisel 1998, 681–686.

¹¹¹ См., например: Steffen 1994, 61–62.

¹¹² См., например: CBd-1965 (II в.), CBd-1755 (II–III вв.), CBd-1515 (конец III – начало IV в.), CBd-1514 (с надписью: Ἰωνᾶς), CBd-822 (V в.). Об Ионе на магических геммах см.: Bonner 1948; Bonner 1950, 227–228; Michel 2004, 113, 115, 117, 127, 238, 301. Об Ионе в коптской магии см.: Korshi 2019.

¹¹³ Относительно недавние раскопки в римском источнике Анны Перенны явили еще один типичный пример религиозности массового слоя римской эпохи. Здесь главным магическим божеством святилища была вовсе не Анна Перенна (Pugliese Carratelli 1951), а Абрксас (Barb 1957; Marco Simón 1992), который считался в античности богом времени, демоном года, чье имя, состоящее как на греческом (Ἀβραξᾶς) так и на латинском языке (Abraxas) из семи букв, символизирующих семь планет, в числовом чтении означает 365 дней года. Исходя из ряда текстов, можно установить, что Иисус Христос в местной магической практике является сыном Абраксаса (Ересь такого рода упоминается Ирнеем Лионским (Adv. haeres. 1.24.3 sqq), Тертуллианом (De praescript. 46) и Иеронимом (Ep. 75.3), которые сообщают, что такого воззрения об отцовстве Христа придерживался александрийский богослов II в. Василид). См. также: Белоусов 2017, 250–251, 260–261.

¹¹⁴ Так, например, в магическом по сути рецепте константинопольского врача Аэция Амидийского (502–572 гг.) для лечения застрявшей в горле кости, в котором рекомендуется посадить паци-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, публикуемый светильник из некрополя Херсонеса Таврического, происходящий из комплекса не позднее середины III в. н.э., является одним из самых древних изображений данного сюжета, синхронным раннехристианским саркофагам из Рима и самым ранним фрескам из римских катакомб. Обнаружение столь раннего памятника с библейским сюжетом в Херсонесе является дополнительным аргументом мысли о том, что в Херсонесе не существовало никакого культурного «запаздывания». Все синхронные новшества духовной и материальной культуры греко-римского мира немедленно становились известны херсонеситам¹¹⁵, обитавшим на краю античной ойкумены.

Светильник был изготовлен в Малой Азии в русле синкретизма греко-римской и иудео-христианской религии. В Херсонесе светильник нашел применение в погребальной обрядности как предмет, связанный с представлениями о смерти и воскрешении. Использовать светильник мог любой житель города, знающий и почитающий традиции Ветхого завета. Учитывая хронологию склепа (не позднее середины III в. н.э.), не очень вероятно трактовать иконографию этого светильника как однозначно раннехристианскую. Весьма вероятно, его можно связывать и с иудейской традицией. С учетом нетерпимости христиан к языческим богам, скорее всего, этот светильник принадлежал представителю «не элитарной» греко-иудейской религии.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Банк, А.В. 1966: *Византийское искусство в собраниях Советского Союза*. Л.–М.
- Белоусов, А.В. 2017: [Рецензия:] Boschung D., Bremmer J.N. *The Materiality of Magic*. Paderborn, 2015 (Morphomata 20). *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* XV. М., 241–273.
- Виноградов, А.Ю. 2010: «Миновала уже зима языческого безумия...». *Церковь и церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики*. М.
- Даньшин, Д.И. 1993: Фанагорийская община иудеев. *ВДИ* 1, 59–72.
- Журавлев, Д.В. 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь. (МАИЭТ. Suppl. 9).
- Журавлев, Д.В., Костромичев, Д.А. 2017а: Светильник с ветхозаветным сюжетом из херсонесского некрополя. В сб.: *Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Севастополь, 6–8 июня 2017 г.* Севастополь, 39–42.
- Журавлев, Д.В., Костромичев, Д.А. 2017б: *Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. 1. Материалы раскопок Р.Х. Лёпера в 1909–1910 гг.* М.
- Залесская, В.Н. 2006: *Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции*. СПб.

ента напротив и произнести следующую формулу: «Выйди, кость, будь ты костью или щепкой или чем бы то ни было, как Иисус Христос вывел Лазаря из могилы и как вывел он Иону из кита» (Aët. 8.54.18–20 Olivieri: ἀνέλθε, ὅστων, εἴτε ὅστων ἢ κάρφος ἢ ἄλλο ὅτιον, ὡς Ἰησοῦς Χριστὸς Λάζαρον ἀπὸ τάφου ἀνήγαγε, καὶ ὡς Ἰωνᾶν ἐκ τοῦ κήτους). См.: Roesper 1850; Collins 2008, 120.

¹¹⁵ Белоусов и др. 2019, 46.

- Золотарев, М.И., Коробков, Д.Ю., Ушаков, С.В., Макленнан, Р., Оверман, А., Оливье, Дж., Эдвардс, Д., Линстром, Г., при участии Е.Ф. Олениной. 2013: *Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. (Византия и ее окружение)*. М.–Севастополь.
- Кадеев, В.И., Сорочан, С.Б. 1989: *Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (по материалам Херсонеса)*. Харьков.
- Коваленко, С.А. 2017: Монеты из раскопок некрополя Херсонеса 1909 и 1910 гг. В кн.: Д.В. Журавлев, Д.А. Костромичев, *Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя*. Ч. 1. *Материалы раскопок Р.Х. Лёпера в 1909–1910 гг.* М., 121–124.
- Лебедев, П.Ю., Эйделькинд, Я.Д., Петров, А.Е., Моисеева, С.А., Макаров, Е.Е., Журавлёва, И.А., Орецкая, И.А. 2011: Иона. В кн.: *Православная энциклопедия*. Т. 25. М., 372–392.
- Лёпер, Р.Х. 1927: Дневники раскопок Херсонесского некрополя. *ХСб* 2, 189–256.
- Соломоник, Э.И. 1979: К вопросу о населении Херсонеса Таврического. *Античная древность и средние века* 16, 119–125.
- Сорочан, С.Б. 1982: Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса. *Археологія* 38, 43–50.
- Уваров, А.С. 2001: *Христианская символика*. Ч. I. *Символика древнехристианского периода*. М.–СПб.
- Шейко, І.М. 2017: Коринфські світильники перших віків з Ольвії. В сб.: Н.О. Гаврилюк (ред.), *Північне Причорномор'я за античної доби. На пошану С.Д. Крижицького*. Київ, 116–121.
- Яшаева, Т., Денисова, Е., Гинькут, Н., Залеская, В., Журавлев, Д. 2011. *Наследие византийского Херсона*. Севастополь–Остин.
- Amyx, D.A. 1988: *Corinthian Vase-Painting of the Archaic Period*. Vol. III. *Indexes, Concordances, Plates*. University of California Press. Berkeley–Los Angeles–London.
- Bailey, D.M. 1980: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum*. II. *Roman Lamps Made in Italy*. London.
- Bailey, D. 1988: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum*. III. *Roman Provincial Lamps*. London.
- Bank, A. 1985: *Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums*. Leningrad.
- Barb, A. 1957: Abraxas-Studien. In *Hommages à W. Deonna*. Bruxelles, 67–87.
- Baudry, G.-H. 2010: *Handbuch der frühchristlichen Ikonographie*. 1. Bis 7. Jahrhundert. Freiburg–Basel–Wien.
- Bonner, C. 1948: The Story of Jonah on a Magical Amulet. In *The Harvard Theological Review*. 41: 1, 31–37.
- Bonner, C. 1950: *Studies in Magical Amulets Chiefly Graeco-Egyptian*. Ann Arbor.
- Böttger, B. 2002: *Die keiserzeitlichen Lampen vom Kerameikos*. Kerameikos. Bd. XVI. München.
- Bonnet, J. 1988: *Lampes céramiques signées. Définition critique d'ateliers du Haut Empire*. *Documents d'archéologie Française* 13. Paris.
- Broneer, O., 1930: *Terracotta Lamps*. Corinth IV, 2. Cambridge.
- de Bourguet, P. 1972: *Early Christian Art*. London.
- Casson, L. 1978: *Die Seefahrer der Antike*. München.
- Cat. Essen. 1962: *Frühchristliche Kunst aus Rom. [Ausstellung]. 3. September bis 15. November 1962 in Villa Hügel, Essen*. Essen.
- Cat. Haifa 1975: A.L. Ben-Eli (ed.), *Ships and Parts of Ships on Ancient Coins*. I. The National Maritime Museum Haifa. Haifa.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow*. *Studia archaeologica* 96. Roma.
- Claman, H.N. 2000: *Jewish Images in the Christian Church. Arts as the Mirror of the Jewish-Christian Conflict 200–1250 C.E.* Macon.
- Collins, D. 2008: *Magic in the Ancient Greek World*. Oxford.

- Cook, J.G. 2004: *The Interpretation of the Old Testament in Greco-Roman Paganism*. Tübingen.
- CVA Toledo 1984: Boulter, C.G., Luckner, K.T. *CVA. The Toledo Museum of Arts*. Fasc. 2. Mainz.
- Dassman, E., Engemann, J., Hoheise, K. 1998: Jonas. *RAC* XVIII, 670–699.
- Dunbabin, K.M. 1978: *The Mosaics of Roman North Africa. Studies in Iconography and Patronage*. Oxford.
- Ennabli, A. 1976: *Lampes chrétiennes de Tunisie* (Musées du Bardo et de Carthage). Paris.
- Feldman, L.H. 1993: *Jew and Gentile in the Ancient World: Attitudes and Interactions from Alexander to Justinian*. Princeton.
- Finegan, J. 1946: *Light from the Ancient Past. The Archaeological Background of the Hebrew-Christian Religion*. Princeton.
- Finney, P.C. 1994: *The Invisible God. The Earliest Christians on Art*. Oxford.
- Foerster, G. 1978: The story of Jonah on the mosaic pavement of a church at Beth Govrin (Israel). In *Atti del IX congresso internazionale di archeologia Cristiana. Roma 21–27 settembre 1975*. Roma, 289–294.
- Frühchristliches Köln 1965: *Frühchristliches Köln*. Köln.
- Ganszyniec, R. 1927: Lychnomanteia. *RE* 13, 2115–2119.
- Gerhards M. 2003: Zum motivgeschichtlichen Hintergrund der Verschlingung des Jona. *Theologische Zeitschrift* 59: 3, 222–247.
- Gerke, F. 1940: *Die christlichen Sarkophage der vorkonstantinischen Zeit. Studien zur spätantiken Kunstgeschichte* 11. Berlin.
- Goodenough, E.R. 1988: *Jewish Symbols in the Greco-Roman Period*. Abridged Edition. Bollingen Series. Princeton.
- Göttlicher, A. 1978: *Materialien für ein Corpus der Schiffmodelle im Altertum*. Mainz.
- Grabar, A. 1968: *Christian Iconography. A Study of Its Origins*. Princeton.
- Guarducci, M. 1978: *Epigrafia greca*. Vol. III. Roma.
- Harari, M. 1997: Tyrsenoi. In *LIMC* VIII.1 Zürich, Düsseldorf, 154–155.
- Harrauer, H. 2010: *Handbuch der griechischen Paläographie. Textband*. Stuttgart.
- Hayes, J.W. 1972: *Late Roman Pottery*. London.
- Hayes, J.W. 2008: *Roman pottery. Fine Ware Imports. The Athenian Agora*. Vol. XXXII. Princeton.
- Heimerl, A. 2001: *Die römischen Lampen aus Pergamon. Vom Beginn der Kaiserzeit bis zum Ende des 4. Jhs. n. Chr. PF. Bd. 13*. Berlin–New York.
- Hellmann, M.-C. 1987: *Lampes antiques de la Bibliothèque Nationale. II. Fonds général: Lampes pré-romanes et romaines*. Paris.
- Hermanns, M.H. 2012: Staatsallegorie oder Technikstolz? Anmerkungen zu Schiffsdarstellungen auf römischen Lampen. In L. Chrzasowski (dir.), *Lychnological Acts 3. Actes du 3e Congrès International d'études de l'ILA. Université d'Heidelberg. 21–26. IX. 2009. Monographies instrumentum* 44. Montagnac, 145–161.
- Hobbs, R. 2016: *The Mildenhall Treasure: late Roman silver Plate from East Anglia*. London.
- James, A.W. 1975: Dionysus and the Tyrrhenian Pirates. *Antichthon* 9, 17–34.
- Jensen, R.M. 2000: *Understanding Early Christian Art*. London and New York.
- Jeremias, J. 1938: Ἰωνᾶς. In *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament*. Stuttgart 3, 410–413.
- Kitzinger, E. 1978: The Cleveland Marbles. In *Atti del IX Congresso internazionale di archeologia cristiana, Roma 21-27 settembre 1975*. Vol. I. *I monumenti cristiani precostantiniani*. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana (*Studi di antichità cristiana* 32), 653–675.
- Klauser, Th. 1993: Studien zur Entstehungsgeschichte der Christlichen Kunst IV. In P.C. Finney (ed.), *Art, Archaeology and Architecture of Early Christianity (Studies in Early Christianity)*. Vol. XVIII). New York–London, 140–157.

- Korshi, D. 2019: Giant Fish and Judicial Prayers: Jonah in Coptic Magic. In *Coptic Magical Papyri: Vernacular Religion in Late Roman and Early Islamic Egypt*. 21/02/2019, <http://www.coptic-magic.phil.uni-wuerzburg.de/index.php/2019/02/21/giant-fish-and-judicial-prayers-jonah-in-coptic-magic>.
- Kroll, W. 1932: Minium. *RE*. 15, 1848–1854.
- Lawrence, M. 1962: Ships, Monsters and Jonah. *AJA* 66. No. 3, 289–296.
- Lowrie, W. 1901: A Jonah Monument in the New York Metropolitan Museum. *AJA* V, 51–57.
- Marco Simón, F. 1992: Abraxas. Magia y religión en la Hispania tardoantigua. In J. Alvar et al. (eds.), *Héroes, semidioses y daimones*. Madrid, 485–510.
- Marcone, A. 2014: Alla ricerca di un'identità. Tradizione classica nella prima iconografia Cristiana. In S. Birk, T.M. Kristensen, B. Poulsen (ed.), *Using Images in Late Antiquity*. Oxford–Philadelphia, 253–267.
- Martin, M. 2006: Observations on the Paintings of the Exodus Chapel, Bagawat Necropolis, Kharga Oasis, Egypt. In J. Burke, U. Betka, P. Buckley, K. Hay, R. Scott, A. Stephenson (eds.), *Byzantine Narrative. Papers in Honour of Roger Scott*. Australian Association for Byzantine Studies. Melbourne, 233–257; 539–544. (*Byzantina Australiensia* 16).
- Mathews, T. 1993. *The Clash of Gods. A Reinterpretation of Early Christian Art*. Princeton.
- Michel, S. 2001: *Die magischen Gemmen im Britischen Museum*. London.
- Michel, S. 2004: *Die magischen Gemmen. Zu Bildern und Zauberformeln auf geschnittenen Steinen der Antike und Neuzeit*. Berlin.
- Mitius, O. 1897: *Jonas auf den Denkmälern des christlichen Altertums. Archäologische Studien zum christlichen Altertum und Mittelalter*. Viertes Heft. Freiburg.
- Murray, S.A. 1981: Rebirth and Afterlife. *A Study of the Transmutation of some Pagan Imagery in Early Christian Funerary Art*. Oxford. (BAR Int. Series 100).
- Neils, J. 1990: Iason. In *LIMC* V.1. Zürich–München, 629–638.
- Nilsson, M.P. 1967: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. München.
- Painter, K.S. 1977: *The Mildenhall Treasure: Roman Silver from East Anglia*. London.
- Paleani, M.T. 1993: *Le lucerne paleocristiane (Monumenti, Musei e Gallerie Pontificie Antiquarium Romanum. Cataloghi, 1)*. Roma.
- Perlzweig, J. 1961: *Lamps of the Roman Period*. Princeton. (The Athenian Agora, VII).
- Pilipović, S., Milanović, L. 2016: The Jonah Sarcophagus from Singidunum: A Contribution to the Study of Early Christian Art in the Balkans. *Classica et Christiana*, 11, 219–245.
- Roccos, L.D. 1994: Perseus. In *LIMC* VII.1. Zürich–München. 332–348.
- Roeper, G. 1850. Homerischer talisman. (Eine philologische humoreske). *Philologus*. Bd. 5, 162–165.
- Romizzi, L. 2003. Il mito Dioniso e I Pirati Tirreni in epoca romana. *Latomus. Revue d'études Latines*, 62, 352–361.
- Salomonson, J. W. 1973: Kunstgeschichtliche und ikonographische Untersuchungen zu einem Tonfragment der Sammlung Benaki in Athen. *BABesch* 48, 3–82.
- Schauenburg, K. 1981: Andromeda I. In *LIMC* I.1. Zürich–München. 774–790.
- Schmidt, H. 1907: *Jona. Eine Untersuchung zur vergleichenden Religionsgeschichte. Forschungen zur Religion und Literatur des Alten und Neuen Testaments*. 9 Heft. Göttingen.
- Schumacher, W.N. 1977: *Hirt und „Guter Hirt“*. Studien zum Hirtenbild in der römischen Kunst vom zweiten bis zum Anfang des vierten Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Mosaiken in der Südhalle von Aquileja. *Römische Quartalschrift* 34. Supplementheft. Rom–Freiburg–Wien.
- Siegert, F. 1980: *Drei hellenistisch-jüdische Predigten*. Bd. 1. Tübingen.
- Siegert, F. 1989: *Drei hellenistisch-jüdische Predigten*. Bd. 2. Tübingen.
- Speigl, J. 1978: *Das Bildprogramm des Jonasmotivs in den Malereien der römischen Katakomben*, *Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte* 73, 1–15.

- Spivey, N. J., Rasmussen, T. 1986: Dioniso e i pirati nel Toledo Museum of Art. *Prospettiva. Rivista di storia dell'arte antica e moderna* 44, 2–8.
- Steffen, U. 1985: *Jona und der Fisch: Der Mythos von Tod und Wiedergeburt*. Stuttgart.
- Steffen, U. 1994: *Die Jona-Geschichte: Ihre Auslegung und Darstellung im Judentum, Christentum und Islam*. Neukirchen-Vluyn.
- Steffen, U. 1995: Jona und der grosse Fisch: im Judentum, Christentum und Islam. *Deutsches Schifffahrtsarchiv* 18, 69–92.
- Stommel, Ed. 1958: Zum Problem der frühchristlichen Jonadarstellungen. *Jahrbuch für Antike und Christentum* I, 112–115.
- Suzawa, Y. 2008: *The Genesis of Early Christian Art. Syncretic juxtaposition in the Roman world*. Oxford. (BAR Int. Series 1892).
- Tcherikover, V. 1956: Jewish Apologetic Literature Reconsidered. *Eos* 48, 169–193.
- Trost, C., Hellmann, M.-C. 1996: *Lampes antiques du département des Monnaies, Médailles et Antiques*. III. *Fonds general; Lampes chrétiennes*. Paris.
- Ušakov, S., Žuravlev, D. 2014: Juden im antiken Schwarzmeerraum. *Das Altertum* 59, 279–302.
- Viereck, H.D.L. 1975: *Die römische Flotte: classis Romana*. Herford.
- de Wahl, T. 1896: *Quomodo monstra marina artifices Graeci finxerint*. Bonnae.
- Wilhelm, A. 1909: *Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde*. Wien.
- Wischmeyer, W. 1984: Zur Entstehung und Bedeutung des Jonasbildes. *Actes du Xe Congrès International d'archéologie chrétienne*. Vol. II. *Communications*. Città del Vaticano, 707–719.
- Wulff, O. 1909: *Altchristliche und mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke. Teil I: Altchristliche Bildwerke*. Königliche Museen zu Berlin. *Beschreibung der Bildwerke der Christlichen Epochen*. Dritter Band. Berlin.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältniss der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung*. Praha.

REFERENCES

- Amyx, D.A. 1988: *Corinthian Vase-Painting of the Archaic Period*. Vol. III. *Indexes, Concordances, Plates*. University of California Press. Berkeley–Los Angeles–London.
- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.) [The Coinage of Chersonesos (the 4th century BC – 12th century AD)]*. Kiev.
- Bailey, D. 1988: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum*. III. *Roman Provincial Lamps*. London.
- Bailey, D.M. 1980: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum*. II. *Roman Lamps Made in Italy*. London.
- Bank, A. 1985: *Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums*. Leningrad.
- Bank, A.V. 1966: *Vizantiyskoe iskusstvo v sobraniyakh Sovetskogo Soyuza [Byzantine Art in the Collections of the USSR]*. Leningrad–Moscow.
- Barb, A. 1957: Abraxas-Studien. In *Hommages à W. Deonna*. Bruxelles, 67–87.
- Baudry, G.-H. 2010: *Handbuch der frühchristlichen Ikonographie. 1. Bis 7. Jahrhundert*. Freiburg–Basel–Wien.
- Bonner, C. 1948: The Story of Jonah on a Magical Amulet. In *The Harvard Theological Review*. 41: 1, 31–37.
- Bonner, C. 1950: *Studies in Magical Amulets Chiefly Graeco-Egyptian*. Ann Arbor.
- Bonnet, J. 1988: *Lampes céramiques signées. Définition critique d'ateliers du Haut Empire. Documents d'archéologie Française* 13. Paris.
- Böttger, B. 2002: *Die keiserzeitlichen Lampen vom Kerameikos*. Kerameikos. Bd. XVI. München.
- de Bourguet, P. 1972: *Early Christian Art*. London.
- Broneer, O., 1930: *Terracotta Lamps*. Corinth IV, 2. Cambridge.

- Casson, L. 1978: *Die Seefahrer der Antike*. München.
- Cat. Essen. 1962: *Frühchristliche Kunst aus Rom. [Ausstellung]. 3. September bis 15. November 1962 in Villa Hügel, Essen*. Essen.
- Cat. Haifa 1975: A.L. Ben-Eli (ed.), *Ships and Parts of Ships on Ancient Coins*. I. The National Maritime Museum Haifa. Haifa.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow*. *Studia archaeologica* 96. Roma.
- Claman, H.N. 2000: *Jewish Images in the Christian Church. Arts as the Mirror of the Jewish-Christian Conflict 200–1250 C.E.* Macon.
- Collins, D. 2008: *Magic in the Ancient Greek World*. Oxford.
- Cook, J.G. 2004: *The Interpretation of the Old Testament in Greco-Roman Paganism*. Tübingen.
- CVA Toledo 1984: Boulter, C.G., Luckner, K.T. *CVA. The Toledo Museum of Arts*. Fasc. 2. Mainz.
- Danshin, D.I. Phanagoriyskaya obschina iudeev [Phanagorian Community of Jews]. *Vestnik Drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 1, 59–72.
- Dassman, E., Engemann, J., Hoheise, K. 1998: Jonas. *RAC* XVIII, 670–699.
- Dunbabin, K.M. 1978: *The Mosaics of Roman North Africa. Studies in Iconography and Patronage*. Oxford.
- Ennabli, A. 1976: *Lampes chrétiennes de Tunisie* (Musées du Bardo et de Carthage). Paris.
- Feldman, L.H. 1993: *Jew and Gentile in the Ancient World: Attitudes and Interactions from Alexander to Justinian*. Princeton.
- Finegan, J. 1946: *Light from the Ancient Past. The Archaeological Background of the Hebrew-Christian Religion*. Princeton.
- Finney, P.C. 1994: *The Invisible God. The Earliest Christians on Art*. Oxford.
- Foerster, G. 1978: The story of Jonah on the mosaic pavement of a church at Beth Govrin (Israel). In *Atti del IX congresso internazionale di archeologia Cristiana. Roma 21–27 settembre 1975*. Roma, 289–294.
- Frühchristliches Köln 1965: *Frühchristliches Köln*. Köln.
- Ganszyniec, R. 1927: *Lychnomanteia*. *RE* 13, 2115–2119.
- Gerhards M. 2003: Zum motivgeschichtlichen Hintergrund der Verschlingung des Jona. *Theologische Zeitschrift* 59: 3, 222–247.
- Gerke, F. 1940: *Die christlichen Sarkophage der vorkonstantinischen Zeit. Studien zur spätantiken Kunstgeschichte* 11. Berlin.
- Goodenough, E.R. 1988: *Jewish Symbols in the Greco-Roman Period*. Abridged Edition. Bollingen Series. Princeton.
- Göttlicher, A. 1978: *Materialien für ein Corpus der Schiffsmodelle im Altertum*. Mainz.
- Grabar, A. 1968: *Christian Iconography. A Study of Its Origins*. Princeton.
- Guarducci, M. 1978: *Epigrafia greca*. Vol. III. Roma.
- Harari, M. 1997: Tyrsenoi. In *LIMC* VIII.1 Zürich, Düsseldorf, 154–155.
- Harrauer, H. 2010: *Handbuch der griechischen Paläographie. Textband*. Stuttgart.
- Hayes, J.W. 1972: *Late Roman Pottery*. London.
- Hayes, J.W. 2008: *Roman pottery. Fine Ware Imports. The Athenian Agora*. Vol. XXXII. Princeton.
- Heimerl, A. 2001: *Die römischen Lampen aus Pergamon. Vom Beginn der Kaiserzeit bis zum Ende des 4. Jhs. n. Chr. PF. Bd. 13*. Berlin–New York.
- Hellmann, M.-C. 1987: *Lampes antiques de la Bibliothèque Nationale. II. Fonds général: Lampes pré-romanes et romaines*. Paris.
- Hermanns, M.H. 2012: Staatsallegorie oder Technikstolz? Anmerkungen zu Schiffsdarstellungen auf römischen Lampen. In L. Chrzavoski (dir.), *Lychnological Acts 3. Actes du 3e Congrès International d'études de l'ILA. Université d'Heidelberg. 21–26. IX. 2009. Monographies instrumentum* 44. Montagnac, 145–161.

- Hobbs, R. 2016: *The Mildenhall Treasure: late Roman silver Plate from East Anglia*. London.
- James, A.W. 1975: Dionysus and the Tyrrhenian Pirates. *Antichthon* 9, 17–34.
- Jensen, R.M. 2000: *Understanding Early Christian Art*. London and New York.
- Jeremias, J. 1938: Ἰωνῆς. In *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament*. Stuttgart 3, 410–413.
- Kadeev, V.I., Sorochan, S.B. 1989: *Ekonomicheskie svyazi antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (po materialam Khersonesa)* [Economic contacts of ancient cities of the Northern Black Sea (on the Materials from Chersonesos)]. Kharkov.
- Kitzinger, E. 1978: The Cleveland Marbles. In *Atti del IX Congresso internazionale di archeologia cristiana, Roma 21-27 settembre 1975*. Vol. I. *I monumenti cristiani precostantiniani*. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana (*Studi di antichità cristiana* 32), 653–675.
- Klauser, Th. 1993: Studien zur Entstehungsgeschichte der Christlichen Kunst IV. In P.C. Finney (ed.), *Art, Archaeology and Architecture of Early Christianity (Studies in Early Christianity*. Vol. XVIII). New York–London, 140–157.
- Korshi, D. 2019: Giant Fish and Judicial Prayers: Jonah in Coptic Magic. In *Coptic Magical Papyri: Vernacular Religion in Late Roman and Early Islamic Egypt*. 21/02/2019, <http://www.coptic-magic.phil.uni-wuerzburg.de/index.php/2019/02/21/giant-fish-and-judicial-prayers-jonah-in-coptic-magic>.
- Kovalenko, S.A. 2017: Monety iz raskopok nekropolya Khersonesa 1909 i 1910 gg. [Coins from the Excavations of Chersonesos Necropolis in 1909–1910]. In D.V. Zhuravlev, D.A. Kostromichev (eds.), *Kompleksy s yuvelirnymi izdeliyami iz khersonesskogo nekropolya*. Ch. 1. *Materialy raskopok R.Kh. Loepera v 1909–1910 gg.* [Contexts with Jewelry from Chersonesos Necropolis. P. 1. Materials from the excavations of R.Kh. Loepera]. Moscow, 121–124.
- Kroll, W. 1932: Minium. *RE*. 15, 1848–1854.
- Lawrence, M. 1962: Ships, Monsters and Jonah. *AJA* 66. No. 3, 289–296.
- Lebedev, P.Yu., Eydelkind, Ya.D., Petrov, A.E., Moiseeva, S.A., Makarov, E.E., Zhuravleva, I.A., Oreckaya, I.A. 2011: Iona [Jonah]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 25. Moscow, 372–392.
- Loeper, R.H. 1927: Dnevnik raskopok Khersonesskogo nekropolya [Diary of the Excavations of Chersonesos Necropolis]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection] 2, 189–256.
- Lowrie, W. 1901: A Jonah Monument in the New York Metropolitan Museum. *AJA* V, 51–57.
- Marco Simón, F. 1992: Abraxas. Magia y religión en la Hispania tardoantigua. In J. Alvar et al. (eds.), *Héroes, semidioses y daimones*. Madrid, 485–510.
- Marcone, A. 2014: Alla ricerca di un'identità. Tradizioni classiche nella prima iconografia Cristiana. In S. Birk, T.M. Kristensen, B. Poulsen (ed.), *Using Images in Late Antiquity*. Oxford–Philadelphia, 253–267.
- Martin, M. 2006: Observations on the Paintings of the Exodus Chapel, Bagawat Necropolis, Kharga Oasis, Egypt. In J. Burke, U. Betka, P. Buckley, K. Hay, R. Scott, A. Stephenson (eds.), *Byzantine Narrative. Papers in Honour of Roger Scott*. Australian Association for Byzantine Studies. Melbourne, 233–257; 539–544. (*Byzantina Australiensia* 16).
- Mathews, T. 1993. *The Clash of Gods. A Reinterpretation of Early Christian Art*. Princeton.
- Michel, S. 2001: *Die magischen Gemmen im Britischen Museum*. London.
- Michel, S. 2004: *Die magischen Gemmen. Zu Bildern und Zauberformeln auf geschnittenen Steinen der Antike und Neuzeit*. Berlin.
- Mitius, O. 1897: *Jonas auf den Denkmälern des christlichen Altertums. Archäologische Studien zum christlichen Altertum und Mittelalter*. Viertes Heft. Freiburg.
- Murray, S.A. 1981: Rebirth and Afterlife. *A Study of the Transmutation of some Pagam Imagery in Early Christian Funerary Art*. Oxford. (BAR Int. Series 100).
- Neils, J. 1990: Iason. In *LIMC* V.1. Zürich–München, 629–638.
- Nilsson, M.P. 1967: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. München.

- Painter, K.S. 1977: *The Mildenhall Treasure: Roman Silver from East Anglia*. London.
- Paleani, M.T. 1993: *Le lucerne paleocristiane (Monumenti, Musei e Gallerie Pontificie Antiquarium Romanum. Cataloghi, 1)*. Roma.
- Perlzweig, J. 1961: *Lamps of the Roman Period*. Princeton. (The Athenian Agora, VII).
- Pilipović, S., Milanović, L. 2016: The Jonah Sarcophagus from Singidunum: A Contribution to the Study of Early Christian Art in the Balkans. *Classica et Christiana*, 11, 219–245.
- Roccas, L.D. 1994. Perseus. In *LIMC* VII.1. Zürich–München. 332–348.
- Roeper, G. 1850. Homerischer talisman. (Eine philologische humoreske). *Philologus*. Bd. 5, 162–165.
- Romizzi, L. 2003. Il mito Dioniso e I Pirati Tirreni in epoca romana. *Latomus. Revue d'études Latines*, 62, 352–361.
- Salomonson, J. W. 1973: Kunstgeschichtliche und ikonographische Untersuchungen zu einem Tonfragment der Sammlung Benaki in Athen. *BABesch* 48, 3–82.
- Schauenburg, K. 1981: Andromeda I. In *LIMC* I.1. Zürich–München. 774–790.
- Schmidt, H. 1907: *Jona. Eine Untersuchung zur vergleichenden Religionsgeschichte. Forschungen zur Religion und Literatur des Alten und Neuen Testaments*. 9 Heft. Göttingen.
- Schumacher, W.N. 1977: *Hirt und „Guter Hirt“*. Studien zum Hirtenbild in der römischen Kunst vom zweiten bis zum Anfang des vierten Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Mosaiken in der Südhalle von Aquileja. *Römische Quartalschrift* 34. Supplementheft. Rom–Freiburg–Wien.
- Sheyko, I.M. 2017: Korinfs'ki svitil'niki pershikh vekiv z Ol'vii [Corinthian Lamps of the First Centuries AD from Olbia]. In N.O. Gavriyuk (ed.), *Pivnichne Prichornomor'ya za antichnoi dobi. Na poshanu S.D. Krizhich'kogo [Northern Black Sea Region in Antiquity]*. Kiev, 116–121.
- Siegert, F. 1980: *Drei hellenistisch-jüdische Predigten*. Bd. 1. Tübingen.
- Siegert, F. 1989: *Drei hellenistisch-jüdische Predigten*. Bd. 2. Tübingen.
- Solomonik, E.I. 1979: K voprosu o naselenii Khersonesa Tavricheskogo. *Antichnaya drevnost' i srednie veka, Sotsial'noe razvitiie Vizantii [Antiquity and Middle Ages. Social Development of Byzantine]* 16, 119–125.
- Sorochan, S.B. 1982: Pro tak zvani rubchasti svitil'niki iz Khersonesa [About so-called rubchasti lamps from Chersonesos]. *Arkheologiya [Archaeology]* 38, 43–50.
- Speigl, J. 1978: *Das Bildprogramm des Jonasmotivs in den Malereien der römischen Katakomben, Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte* 73, 1–15.
- Spivey, N. J., Rasmussen, T. 1986: Dioniso e i pirati nel Toledo Museum of Art. *Prospettiva. Rivista di storia dell'arte antica e moderna* 44, 2–8.
- Steffen, U. 1985: *Jona und der Fisch: Der Mythos von Tod und Wiedergeburt*. Stuttgart.
- Steffen, U. 1994: *Die Jona-Geschichte: Ihre Auslegung und Darstellung im Judentum, Christentum und Islam*. Neukirchen–Vluyn.
- Steffen, U. 1995: Jona und der grosse Fisch: im Judentum, Christentum und Islam. *Deutsches Schiffsarchiv* 18, 69–92.
- Stommel, Ed. 1958: Zum Problem der frühchristlichen Jonadarstellungen. *Jahrbuch für Antike und Christentum* I, 112–115.
- Suzawa, Y. 2008: *The Genesis of Early Christian Art. Syncretic juxtaposition in the Roman world*. Oxford. (BAR Int. Series 1892).
- Tcherikover, V. 1956: Jewish Apologetic Literature Reconsidered. *Eos* 48, 169–193.
- Trost, C., Hellmann, M.-C. 1996: *Lampes antiques du département des Monnaies, Médailles et Antiques*. III. Fonds général; Lampes chrétiennes. Paris.
- Ušakov, S., Žuravlev, D. 2014: Juden im antiken Schwarzmeerraum. *Das Altertum* 59, 279–302.
- Uvarov, A.S. 2001: *Khristianskaya simbolika. Ch. I. Simbolika drevnekhristskogo perioda [Christian Symbolic. Pt. 1. Symbolic of Early Christian Period]*. Moscow–Saint Petersburg.

- Viereck, H.D.L. 1975: *Die römische Flotte: classis Romana*. Herford.
- Vinogradov, A.Yu. 2010: "Minovala uzhe zima yazycheskogo bezumiya..." *Tserkov' i tserkvi Khersona v IV veke po dannym literaturnykh istochnikov i epigrafiki* ["The Winter of Pagan Madness Has Already Passed..." *The Church and Churches of Cherson in the 4th Century According to Literary Sources and Epigraphy*]. Moscow.
- de Wahl, T. 1896: *Quomodo monstra marina artifices Greaci finxerint*. Bonnae.
- Wilhelm, A. 1909: *Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde*. Wien.
- Wischmeyer, W. 1984: *Zur Entstehung und Bedeutung des Jonasbildes. Actes du Xe Congrès International d'archéologie chrétienne. Vol. II. Communications*. Città del Vaticano, 707–719.
- Wulff, O. 1909: *Altchristliche und mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke. Teil I: Altchristliche Bildwerke. Königliche Museen zu Berlin. Beschreibung der Bildwerke der Christlichen Epochen. Dritter Band*. Berlin.
- Yashaeva, T., Denisova, E., Ginkut, N., Zalesskaya, V., Zhuravlev, D. 2011. *Nasledie vizantiyskogo Khersona* [*The Heritage of the Byzantine Cherson*]. Sevastopol–Ostin.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältniss der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung*. Praha.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny)* [*Red Slip Pottery from the South-Western Crimea (on the materials of the Late Scythian Necropoleis of the Belbek Valley)*]. Simferopol. (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Suppl. 9).
- Zhuravlev, D.V., Kostromichev, D.A. 2017a: Svetil'nik s vethozavetnym syuzhetom iz khersonesskogo nekropolya [A Lamp with Depiction from the Old Testament]. In *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye i religioznye svyazi Kryma s Siriei i gosudarstvami Blizhnego Vostoka. Sevastopol, 6–8 iyunya 2017 g."* [International Scientific Conference "Historical, Cultural, international and religious links of Crimea with Syria and Middle East states. Sevastopol, June 6–8, 2017"]. Sevastopol, 39–42.
- Zhuravlev, D.V., Kostromichev, D.A. 2017b: *Kompleksy s yuvelirnymi izdeliyami iz khersonesskogo nekropolya. Ch. 1. Materialy raskopok R.Kh. Loepera v 1909–1910 gg.* [Contexts with jewelry from Chersonesos Necropolis. P. 1. Materials from the excavations of R.Kh. Loepera]. Moscow.
- Zolotarev, M.I., Korobkov, D.Yu., Ushakov, C.V., Maklennan, R., Overman, A., Oliv'e, Dzh., Edvards, D., Linstrom, G., E.F. Olenina. 2013: *Drevnyaya sinagoga v Khersonese Tavricheskom: Materialy i issledovaniya Prichernomorskogo Proekta 1994–1998 gg.* [Ancient synagogue in Tauric Chersonesos. Materials and Investigations of Black Sea Project 1994–1998]. Moscow–Sevastopol.

A LAMP FROM TAURIC CHERSONESOS WITH
THE IMAGE OF PROPHET JONAH

Aleksey V. Belousov¹, Denis V. Zhuravlev², Daniil A. Kostromichev³

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

denzhuravlev@mail.ru

² *State Historical Museum, Moscow, Russia*

Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia

denzhuravlev@mail.ru

³ *State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos", Moscow, Russia*

akfill@list.ru

Abstract. The article is a publication of a unique lamp with the depiction of the prophet Jonah and the sea monster – κῆτος. This lamp was found by R.Kh. Loeper during the excavations of the necropolis of Tauric Chersonesos in 1910. The image on the discus of the lamp depicts the moment when Jonah was thrown from the ship into the open sea, and was swallowed up later by a sea monster. Below the human figure are the traces of the Greek letters ΙΩ, which we interpret as the initial letters of the prophet's name - Ἰω[νᾱς]. The story goes back to the text of the Old Testament, and was very popular. This iconography has many parallels in reliefs and frescoes discovered in Rome and other cities of the empire and traditionally associated with early Christianity. The context of the Chersonesos crypt, in which the lamp was found, is dated according to the accompanying inventory no later than the middle of the 3rd century AD. At the base of the lamp, the inscription ΧΟΛC / HP C was made on wet clay, which is probably an abbreviation of the name of the lamp-maker. This lamp was produced in Asia Minor in line with the syncretism of the Greco-Roman and Judeo-Christian religions. Any resident of the city, who knew and honoured the traditions of the Old Testament, could use the lamp. Considering such an early dating of the crypt, it is difficult to interpret the iconography of this lamp as unambiguously early Christian. Perhaps it can be associated with the Jewish tradition.

Keywords: lamp, Tauric Chersonesos, Jonah, early Christianity, Judaism, iconography.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-90–144

АМФОРЫ С SNP I: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ

А.В. Сазанов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
andreï.v.sazanov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена классификации и хронологии синопских амфор C Snr I по Д. Кассаб Тезгер, соответствующих типу Зеест-100. Безусловен факт производства амфор C Snr I в Синопе в первой половине IV в. н.э. и их циркуляция в середине – второй половине IV – начале V в. н.э. Присутствие в более поздних контекстах связано с характером формирования открытых комплексов, содержащих разновременные группы материала. Амфоры класса C Snr I делятся на два выпускавшихся в одних и тех же мастерских типа: C Snr I-1 и C Snr I-2. Амфоры C Snr I-1, не являющиеся «примесью снизу», обнаружены в контекстах, датирующихся первой половиной IV в., второй половиной IV в. и первой третью V в. Ясно, что рассматриваемые амфоры происходят от позднесинопских B Snr I и B Snr II. В рамках каждого из типов разработана подробная типология, включающая как типологию целых форм, так и профильных фрагментов. Проведенный анализ контекстов показывает, что тип C Snr I-1 может датироваться временем от начала до третьей четверти IV в. (время производства) с окончанием цикла в первой трети V в. (время выхода из обращения). Амфоры типа C Snr I-2 датируются первой четвертью IV (после начала производства C Snr I-1) – кон. третьей четверти IV в. с окончанием цикла в первой половине V в. (время выхода из обращения). Какое-то время во второй половине IV в. тип C Snr I-1 продолжает производиться, сменяясь характерным типом C Snr II с вытянутым горлом и типом C Snr III, что зафиксировано и раскопками гончарных мастерских в Демирчи.

Ключевые слова: ранневизантийские амфоры, Синопа, типология, хронология, амфоры класса C Snr I, Демирчи, Северное Причерноморье.

Настоящая статья посвящена проблемам типологии и хронологии синопских амфор C Snr I или Зеест-100. На наш взгляд, оптимальным является последовательное рассмотрение вопросов современного состояния разработок типологии и хронологии этих сосудов, определение датировок контекстов, содержащих C Snr I, с выделением хронологических периодов и типологизацией C Snr I по каждому из них, создание на этой основе общей типологии с хронологическими выкладками.

Данные об авторе: Сазанов Андрей Владимирович – научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ИА РАН.

Ареал подавляющей части амфор C Snp I ограничен Причерноморьем; известны также редкие находки на Кипре, в Палестине (Джаламе) и Фессалониках¹. Амфоры C Snp I имеют обширную историографию, значение которой, однако, практически нивелируется работами Д. Кассаба Тезгера 2010 и 2021 гг.² Поэтому мы опираемся на работы, вышедшие после 2010 г. и учитывающие разработки этой исследовательницы. Типологии этих амфор и ее обоснованию посвящены несколько статей Д. Кассаба Тезгера и важнейший раздел в коллективной монографии под ее редакцией³.

В статьях 2009 и 2011 гг. Д. Кассаба Тезгера дает краткую характеристику выделенных ей амфор на материалах Демирчи и других причерноморских центров⁴. В краткой статье, опубликованной в 2011 г., излагающей материалы доклада на конференции PATABS II (2007 г.), Д. Кассаба Тезгера отмечает, что амфоры группы C, характеризующиеся красной глиной, включают варианты типов, производившихся между нач. IV и кон. V – нач. VI в., среди которых выделяется тип C Snp I-1⁵.

Подробное обоснование типологии амфор представлено в монографии 2010 г., содержащей результаты раскопок в Демирчи, где были обнаружены мастерские, производившие в том числе и амфоры типа C Snp I⁶. В целом для этого типа характерны: коническое горло с широким устьем, венчик, возвышающийся над ручками не более 7 см, трапециевидная форма корпуса с небольшим перехватом в нижней трети, заканчивающаяся треугольным доньем, профилировка ручки одним или двумя валиками, слабое рифление на горле⁷.

Выделяются два варианта: C Snp I-1 и C Snp I-2, отличающиеся формой корпуса и вытянутостью горла. В рамках C Snp I-1 выделены три модуля: крупный (L), средний (M) и мелкий (S). Для второго варианта отмечен только мелкий модуль (S)⁸. Место этих амфор в общей типологии синопской тары римского времени показано в статье С.Ю. Внукова (2010 г.)⁹.

Типология Д. Кассаба Тезгера (2010 г.) представляется на рис. 1. Однако вышедший в 2021 г. корпус амфор Причерноморья римского времени не только серьезно дополняет первоначальную типологию, но и дает основания для ее изменения. Группируя опубликованные в корпусе амфоры C Snp I и C Snp II в соответствии с указанными в описании типологическими единицами, мы получаем следующую картину (рис. 2).

Следует также отметить, что в 2010 г. А. Опайт предложил несколько иную типологию, разделив группу ‘Sinopean “Carrot” Amphorae’ на Subtype 1, включающий ‘Large Sinopean “Carrot” Amphorae’, соответствующий типу Зеест-100 и C Snp I-1 по Д. Кассабу Тезгеру; Subtype 2, включающий ‘Medium Sinopean “Carrot”

¹ Находки в Фессалониках (Музей Византийской культуры) и на Кипре – наблюдения автора. Находки в Джаламе см. Johnson 1988, fig. 7–51, 750, 751.

² Историографический обзор см. Шаров 2007; Яшная 2015.

³ Kassab Tezgör 2010a; 2010b; 2010c; 2010d; 2010e; 2021.

⁴ Kassab Tezgör 2011, 198–199.

⁵ Kassab Tezgör 2011, 198–199.

⁶ Kassab Tezgör 2010e, 121–140.

⁷ Kassab Tezgör 2010e, 128.

⁸ Kassab Tezgör 2010, 128–129.

⁹ Vnukov 2010, Fig. 2, 12–14.

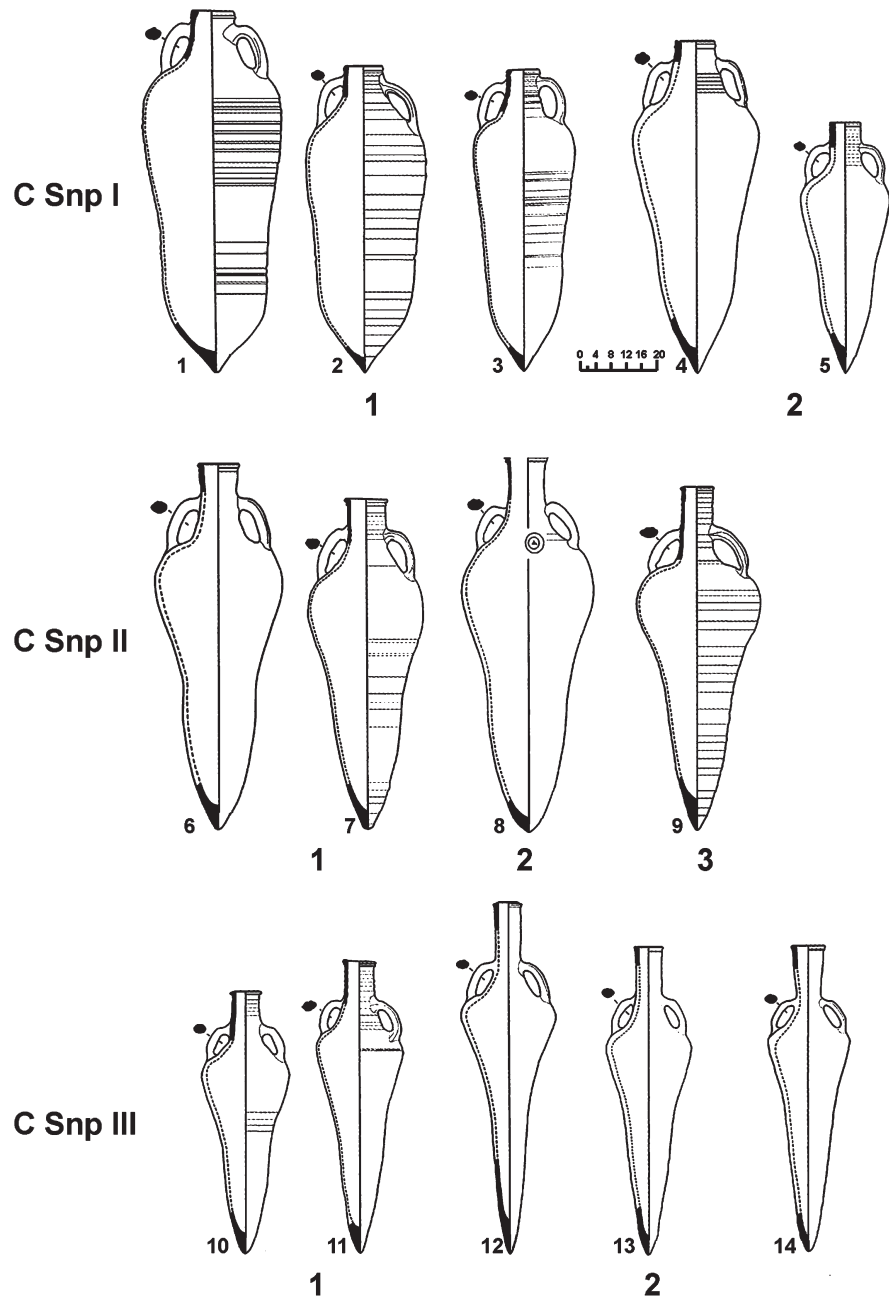

Рис. 1. Типология Д. Касса́б Тезгө́р (Kassab Tezgör 2010c). C Snp I: 1 – C Snp I-1 модуль L; 2, 3 – C Snp I-1 модуль M; 4, 5 – C Snp I-2 модуль S; C Snp II: 6, 7 – C Snp II-1; 8 – C Snp II-2; 9 – C Snp II-3; C Snp III: 10, 11 – C Snp III-1a, b; 12 – C Snp III-2; 13, 14 – C Snp III-2b.
 Fig. 1. D. Kassab Tezgör's classification (Kassab Tezgör 2010c). C Snp I: 1 – C Snp I-1 L; 2, 3 – C Snp I-1 M; 4, 5 – C Snp I-2S; C Snp II: 6, 7 – C Snp II-1; 8 – C Snp II-2; 9 – C Snp II-3; C Snp III: 10, 11 – C Snp III-1a, b; 12 – C Snp III-2; 13, 14 – C Snp III-2b.

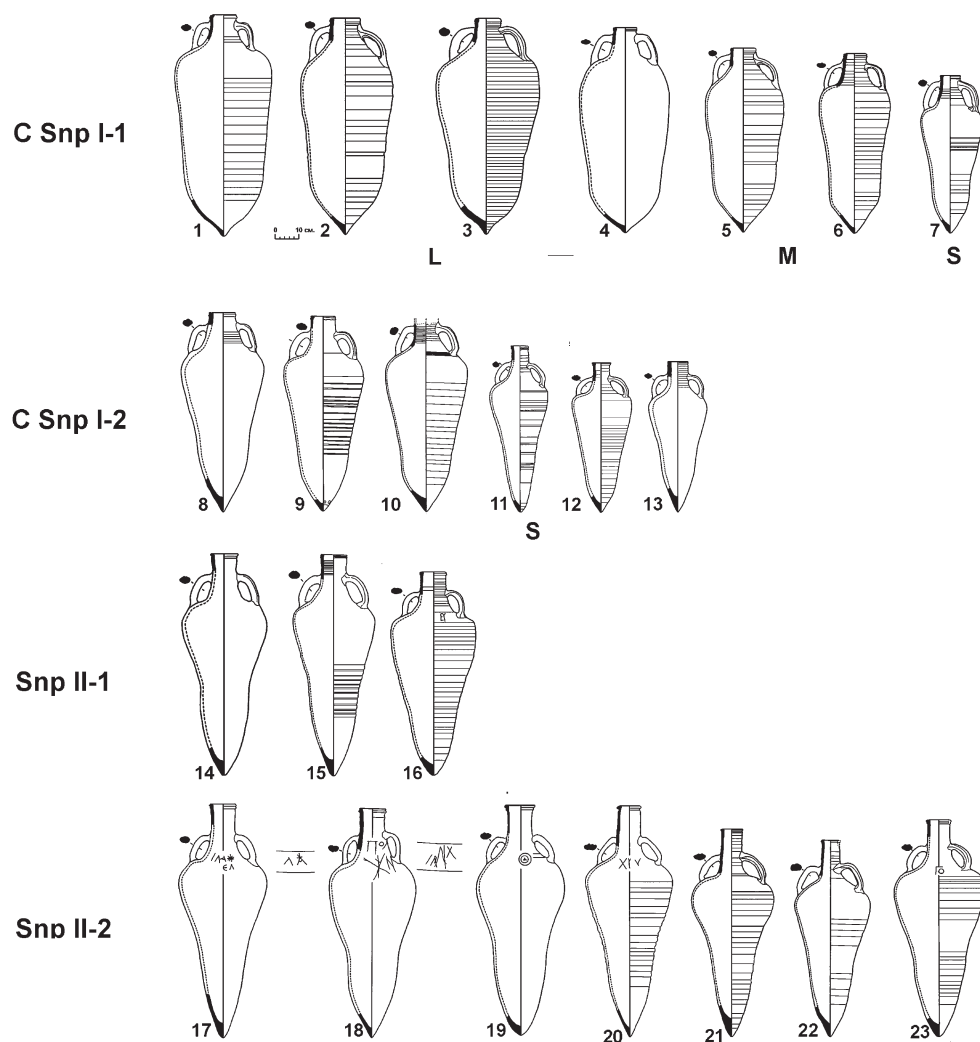

Рис. 2. Типология Д. Кассаб Тезгөр (Kassab Tezgör 2021). C Snp I: 1–4 – C Snp I-1 модуль L; 5, 6 – C Snp I-1 модуль M; 7 – C Snp I-1 модуль S; 8–10 – C Snp I-2; 11–13 – C Snp I-2 модуль S; C Snp II: 14–16 – C Snp II-1; 17–19 – C Snp II-2; 20–23 – C Snp II-3.

Fig. 2. D. Kassab Tezgör's classification (Kassab Tezgör 2021). C Snp I: 1–4 – C Snp I-1 L; 5, 6 – C Snp I-1 M; 7 – C Snp I-1 S; 8–10 – C Snp I-2; 11–13 – C Snp I-2 S; C Snp II: 14–16 – C Snp II-1; 17–19 – C Snp II-2; 20–23 – C Snp II-3.

Amphorae', соответствующий C Snp III-1a, b (по Д. Кассаб Тезгер), и Subtype 3, 'Small Sinopean "Carrot" Amphorae', соответствующий C Snp III-2 a, b (по Д. Кассаб Тезгер)¹⁰. Для нас важен первый подтип, полностью соответствующий C Snp I.

На основе анализа типологии Д. Кассаб Тезгер возникает принципиальный вопрос об отличиях типов C Snp I-1, C Snp I-2 и C Snp II-1. Ясно, что они различаются высотой горла, которая имеет выраженную тенденцию к вытягиванию, отражающую хронологическую эволюцию. В тексте корпуса Д. Кассаб Тезгер характерные черты этих типов определены следующим образом¹¹ (сопоставительные группировки сделаны автором данной статьи):

Таблица 1. Отличия типов C Snp I и C Snp II

C Snp I	C Snp II
Горло имеет форму усеченного конуса, заканчивается широким устьем, венчик немного возвышается над ручками.	Венчик наиболее часто имеет форму двойного валика (вариант b), на некоторых экземплярах типа C Snp II-3 он треугольный (вариант a). Горло с венчиком вытянуто над ручками; корпус конической формы с небольшим перехватом в нижней трети сосуда.
	Ручки профилированы одним или чаще двумя валиками. Внутренний угол обычно сглажен и отмечен западиной.
Ножка широкая, заостренная.	Ножка заостренная, с пухлыми стенками.
Обработка поверхности: - на редких экземплярах одно или несколько ребер на горле на высоте ручек и на тулове в месте соединения горла и тулова. - широкие и плоские слабо выраженные ребра иногда покрывают поверхность горла и тулова.	

C Snp I-1 модуль L	C Snp I-1 модули M и S	C Snp I-2 модули M и S
Венчик образован широким вертикальным, более или менее вогнутым поясом переменной толщины; расширяющимся, иногда достаточно для того, чтобы сформировался двойной валик. Верхняя часть вогнутая, наклонена внутрь или наружу, внутренний край может выступать.	Венчик образуют два более или менее близко расположенных друг относительно друга валика различной толщины.	Венчик образует двойной валик.
		Горло с венчиком немного вытянуто над ручками.
Ручки имеют одно ребро (иногда два).	Ручки имеют одно ребро (иногда два).	Ручки имеют одно ребро (иногда два).

¹⁰ Opait 2010.

¹¹ Kassab Tezgör 2021, 23–24.

Корпус трапециевидной формы имеет небольшой перехват в последней трети.	Корпус трапециевидной формы, менее подчеркнутой, чем у сосудов модуля S. Имеет небольшой перехват в последней трети.	Корпус формы близкой к конической, т.к. более узок в последней трети сосуда.
Ножка широкая и заостренная; стенка ниже сужения (перехвата) имеет полое килевидное завершение.	Заостренная ножка имеет или пухлые, или иногда прямые стенки.	Заостренная ножка имеет пухлые стенки.
C Snp II-1	C Snp II-2	C Snp II-3 а и b
Широкое цилиндрическое горло, часто сжатое перпендикулярно ручкам, что придает ему форму воронки.	Цилиндрическое горло более широкое и более высокое, всегда сжатое перпендикулярно ручкам.	Цилиндрическое горло высокое и узкое, как правило не сжатое. Горло может быть посажено прямо на плечи сосуда, без косого перехода на высоте ручек.
		Вариант а: – венчик треугольный в сечении, – горло иногда подчеркивает венчик Вариант b: – венчик в виде двух валиков.
		Верхняя часть ручек иногда крепится к нижней части горла в месте соединения горла и корпуса.

Из этой таблицы ясно, что Д. Касса́б Тезгер выделяет типы, модули и варианты, причем варианты двух уровней. Первый, обозначаемый арабскими цифрами, определяется степенью вытянутости горла, второй, обозначаемый буквами, – формой венчика, который может быть треугольным (а) или в виде двойного валика (двух валиков) (b). Модуль определяется размерами сосуда, что не вызывает сомнения. Таким образом, схема Д. Касса́б Тезгер включает следующие типологические единицы (сверху вниз): Тип (C Snp I, C Snp II, C Snp III), вариант (C Snp I-1, C Snp I-2, C Snp II-1, C Snp II-2, C Snp II-3), модуль (C Snp I-1 L, C Snp I-1 M, C Snp I-2 M, C Snp I-2 S) и снова вариант (C Snp II-1a, C Snp II-1b, C Snp II-1 c). Предложенная исследовательницей типология в основе своей вполне приемлема, однако нуждается в корректировке. Корректнее выделение следующих типологических единиц: тип – подтип – вариант – стандарт (модуль) или тип – подтип – стандарт (модуль) – вариант, где подтип заменяет вариант первого уровня Д. Касса́б Тезгер.

Также необходима корректировка подтипов. Как уже говорилось, главными критериям их выделения являются вытянутость горла и его ширина. Если выделение C Snp I-1 сомнений не вызывает, то границы между C Snp I-2 и C Snp II-1 спорны. На наш взгляд, более корректно отнести к C Snp II-1 амфоры №№ 18, 19, 25 из каталога Д. Касса́б Тезгер¹², а амфоры №№ 21, 24 – к C Snp II-1¹³. Из этих корректировок мы и будем дальше исходить при определении сосудов по типологии Д. Касса́б Тезгер (рис. 3).

¹² Kassab Tezgör 2021, pl. XXXIV, 2, 3; XXXV, 7.

¹³ Kassab Tezgör 2021, pl. XXXIV, 5, 6.

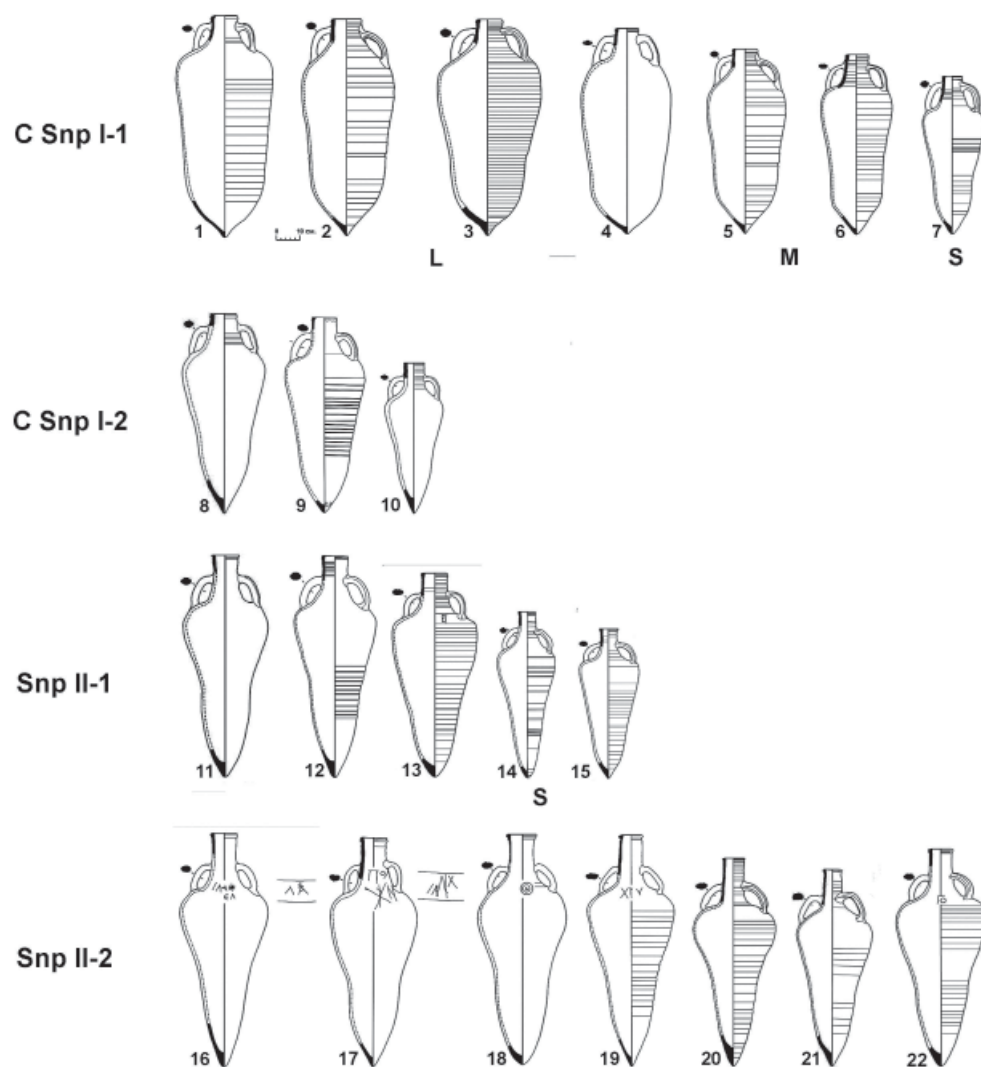

Рис. 3. Скорректированная типология Д. Кассаба Тезгера: C Snp I-1: 1–4 – модуль L; 5, 6 – модуль M; 7 – модуль S; 8–10 – C Snp I-2; 11–15 – C Snp II-1; 16–22 – C Snp II-2.

Fig. 3. Adjusted D. Kassab Tezgör's classification: C Snp I-1: 1–4 – module L; 5, 6 – module M; 7 – module S; 8–10 – C Snp I-2; 11–15 – C Snp II-1; 16–22 – C Snp II-2.

Вместе с тем, подавляющая часть амфор C Snp I, опубликованных Д. Кассаба Тезгера, происходит из музейных собраний Турции, а не из датированных контекстов. Безусловно, опубликованные целые амфоры дают хороший материал для типологии, но минимальный или вообще отсутствующий – для хронологии. Это обстоятельство заставляет нас, с одной стороны, придерживаться общей типологии Д. Кассаба Тезгера, с другой – при построении типологии и определении дат сосудов идти по пути анализа только амфор из датированных контекстов. Далее мы выстраиваем типологию с учетом только этих амфор.

КОНТЕКСТЫ И ХРОНОЛОГИЯ

Перейдем к рассмотрению амфор из надежно датированных контекстов. Хронологически амфоры C Snp I встречены в контекстах от нач. IV в. до кон. VI – нач. VII в.¹⁴ Отдельные экземпляры известны и в более поздних контекстах. Возникает вопрос о времени прекращения выпуска этих амфор и необходимости отделения контекстов, в которых эти амфоры являются уже «примесью снизу». «Граница отсечения» дискуссионна. Однако вряд ли подлежит сомнению, что к таковым «примесным» относятся контексты, датированные после втор. четв. VI в. Важный пример подобной примеси показывает публикация амфор C Snp I из контекстов Мангула, среди которых нет закрытых комплексов¹⁵. Использовать их для определения хронологии рассматриваемых амфор невозможно.

Остальные контексты, содержащие C Snp I, могут быть разделены на следующие хронологические периоды: перв. пол. IV в., втор. пол. IV в., перв. пол. V в., втор. пол. V в., перв. пол. VI в.

Рассматриваемые амфоры встречены в контекстах Ятруса периодов А, В и С, относящихся к перв. пол. IV в., втор. пол. IV – нач. V в. и перв. трети V в.¹⁶ В Тананисе амфоры C Snp I происходят из контекстов последнего периода существования города, относящихся ко втор. пол. IV – перв. пол. V в.¹⁷ На городище «Белинское» они обычны в контекстах перв. четв. IV в. и редки в более поздних, второй четверти и втор. пол. IV в.¹⁸ К тому же времени – перв. четверти или трети IV в. – относится комплекс с городища Батарейка I¹⁹. В Херсонесе они зафиксированы в контекстах втор. пол. IV – нач. V в., последней четв. V в.²⁰, второй и третьей четвертей VI в., кон. VI – нач. VII в.²¹. На городище «Золотое Восточное в бухте» в Восточном Крыму один венчик обнаружен в слое начала второй четверти VI в.²²

А.В. Смокотина полагает, что пик синопского импорта на Боспор приходится на первую половину – середину V в., аргументируя тем, что амфоры Зеест-100 составляют в комплексах Боспора этого времени 20–30%. К кон. V – нач. VI в. их доля уменьшается до 10–15%, на протяжении перв. пол. VI в. она стремительно сокращается, а в закрытом комплексе втор. пол. VI в. составляет 1.1% и является явной «примесью снизу»²³. Общая же дата, по мнению исследовательницы, IV – кон. V / нач. VI в.²⁴

¹⁴ Яшная 2015, 131–132

¹⁵ Яшная 2015, 129, 134.

¹⁶ Böttger 1982, Taf. 21, 14, 15; Böttger 1991, Taf. 47, 683; Tab. 1, Type I.6; Conrad 2007, Tab. IV, Type I.6.

¹⁷ Науменко 2019, рис. 6, 1, 2; Шелов 1965, рис. 59, 1; Arsen'eva, Böttger 1996, Abb. 29, 1; 34, 1; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 45, 2; 46, 4.

¹⁸ Зубарев, Ярцев 2019, 244.

¹⁹ Сазанов 1999, 224–225; Сазанов 2012, 345–348.

²⁰ Сазанов 1999, 237–238.

²¹ Голофаст 2001, табл. 3; 4; рис. 9, 4; 18, 7.

²² Сазанов, Мокроусов 1996, рис. II, 4. Остальные амфоры из вышележащих слоев, определенные в тексте как Зеест-100 типом C Snp I не являются.

²³ Smokotina 2016, 715.

²⁴ Смокотина 2011, 358.

В Ольвии рассматриваемые амфоры происходят из слоя кон. III – третьей четв. IV в.²⁵, в Тире – из комплекса сер. IV в.²⁶ Наконец, в Демирчи обнаружены печи, где эти амфоры, датирующиеся перв. пол. IV в.²⁷, обжигались. Судя по итоговым таблицам типов амфор из контекстов Демирчи, амфоры C Snp I составляют большинство в контекстах только двух печей перв. пол. IV в.²⁸ Согласно каталогу, фрагменты амфор C Snp I обнаружены в контекстах: Contexte A. Ia, 1: four A. I, L; Contexte A. Ia, 1bis; Contexte A. Ia, 4: fosse B; Contexte A. IIa, 2: intérieur du four A. II, 2; Contexte A. IIa, 2: alandier du four A. II, 2; Contexte A. IIa, 3: intérieur du four A. II, 31; Contexte A. IVa, 1-1: couches 1 à 4 et sondage à l'intérieur du four; Contexte A. IVa, 1-2: couche de tubulures (couche 5); Contexte A. IVa, 1-3: couches 6 et 7 à l'intérieur du four; Contexte A. IVa, 1: alandier du four A. IV; Contexte B. IIa, 1-1: intérieur du four B. II, L; Contexte B. IIa, 1-2: alignement de cols d'amphores. Эти контексты относятся к печам A. I, A. II, A. IV, B. II. Первые две печи, как уже отмечалось, относятся к перв. пол. IV в., вторые две – ко втор. пол. IV–V вв.²⁹

Из приведенного обзора безусловен факт производства амфор C Snp I в Синопе в перв. пол. IV в. и их циркуляция в сер. – втор. пол. IV / нач. V в. Присутствие в более поздних контекстах связано с характером формирования открытых комплексов, содержащих разновременные группы материала. Ярким примером являются открытые комплексы Херсонеса³⁰. Необычно высокая статистика этих амфор на Боспоре, зафиксированная А.В. Смокотиной для втор. пол. V в., противоречит единичным находкам в слоях этого времени городищ «Золотое Восточное в бухте» и «Зеленый мыс»³¹. На участке XXV Тиритаки также единичные венчики амфор C Snp I происходят не из комплекса гибели постройки 2, а из ям, содержащих разновременной материал³².

Исходя из приведенных данных для корректной типологии и хронологии, мы будем рассматривать контексты IV – нач. V в. с амфорами C Snp I. Хронологически грубо они могут быть разделены на контексты перв. пол. IV в., втор. пол. IV и перв. пол. V в. Общий список используемых для типологии и хронологии контекстов следующий:

Таблица 2. Контексты IV – перв. пол. V в. с амфорами C Snp I.

Памятник	Контекст	Публикация	Хронологический период
Демирчи	Contexte A. Ia, 1: four A. I, L	Kassab Tezgör 2010a, 43–45, 145–146	Перв. пол. IV в.
	Contexte A. Ia, 1bis: four A. I, 1bis 3	Kassab Tezgör 2010a, 43–45, 147–148	
	Contexte A. IIa, 2: intérieur du four A. II, 2	Kassab Tezgör 2010a, 56, 152–154	

²⁵ Krapivina 2010a, pl. 303, L-381–L-383; 304; 305, L-387; Krapivina 2010b, 73, pl. 38, 11–20; Сазанов 2012, 347.

²⁶ Сазанов 2012, 344.

²⁷ Kassab Tezgör 2010c, 133.

²⁸ Kassab Tezgör 2010d, Tab. 1; 2.

²⁹ Kassab Tezgör 2010e, Tab. 1; 2.

³⁰ Сазанов 2012, 345–348; Шаров 2007, 157–164.

³¹ Сазанов, Мокроусов 1996, рис. II, 4.

³² Сазанов, Ивашенко 1989, рис. 10, 12, 13.

	Contexte A. IIa, 2 – al: alandier du four A. II, 2	Kassab Tezgör 2010a, 56, 57, 155	
Белинское	Помещение 5, яма 7.	Юрочкин, Зубарев 2001	
	Помещение 7.	Зубарев 2002, 123	
	Помещение 8.	Зубарев 2005, рис. 5	
	Яма 117	Зубарев, Шапцев 2016, 88, рис. 6–11, 12, 1–9	
	Помещение 55.	Зубарев, Ярцев 2020, 164, рис. 11	
Батарейка I	Раскоп «Д» (1963 г.), помещение «А»	Сазанов 1999, рис. 1	
Тира	«Послеготский дом»	Кравченко, Корпусова 1975	
Ятрус	Период «А»	Böttger 1982, 75, Tab. 6, Taf. 21, 14, 15	
Демирчи	Contexte A. IVa, 1-1: couches 1 à 4 et son- dage à l'intérieur du four	Kassab Tezgör 2010a, 165–169	Втор. пол. IV в.
	Contexte A. IVa. 1-al: alandier du four A. IV	Kassab Tezgör 2010a, 67–72, 174	
	Contexte A. IIa, 2-al: alandier du four A. II, 2	Kassab Tezgör 2010a, 56, 152–154	
	Contexte B. IIa, 1-1: intérieur du four B. II, 1	Kassab Tezgör 2010a, 83–85, 176–177	
	Contexte B. IIa, 1-2: alignement de cols d'amphores	Kassab Tezgör 2010a, 83–85, 178, 179	
	Contexte B. IIa, 2: inté- rieur du four B. II, 2	Kassab Tezgör 2010a, 86–88, 180	
	Contexte B. IIa, 2 – al: alandier du four B. II	Kassab Tezgör 2010a, 83–85, 181.	
Танаис	Контексты первой и второй фазы поздне- античного слоя	Науменко 2019, рис. 6, 1, 2; Ше- лов 1965, рис. 59, 1; Arsen'eva, Böttger 1996, Abb. 29, 1; 34, 1; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 45, 2; 46, 4	
Белинское	Контексты III периода	Зубарев 2005, рис. 3; 6; 2002, 124, рис. 5, 33, 37; рис. 6, 7	
Каменка-Ан- чекрак	Раскоп II, помеще- ние IX	Магомедов 1991, рис. 16, 5; 17, 1, 2	
Александров- ка	Раскоп I, помещение 2	Магомедов 1987, рис. 8, 2–5; 9, 1–3	
Поселение на Ю–З склоне г. Сокол.	Комплексы раскопок 1967 и 1999 гг.	Джанов 2012	
Ятрус	Период C	Böttger 1991, Taf. 47, 683; 1982, Taf. 21, 250	Перв. пол. V в.
Бабадаг-То- прайчий	No. II	Opait 1991, Taf. 23, 1; 2004, pl. 18, 5a	
	No. III	Opait 1991, Taf. 21, 4; 24, 2; 2004, pl. 18, 7	

I. КОНТЕКСТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IV В. И ТИПОЛОГИЯ АМФОР С SNP I ЭТОГО ВРЕМЕНИ

Используемые для типологии и хронологии контексты этого времени представлены в Демирчи, Белинском, Батарейке I, Ятрусе, Тире.

1. Демирчи

Для определения хронологии исходным является датировка амфор в местах их производства, которые выявлены в Демирчи. Печи перв. пол. IV в. группируются по следующим контекстам:

Таблица 3. Печи перв. пол. IV в. н.э. в Демирчи.

Тип амфор	Количество фрагментов	%	Количество фрагментов	%	Количество фрагментов	Количество фрагментов	Всего	%
C Snp III			2 в. + 1 дно	16.7		8 в. + 1 в.	9	19.6
C Snp III-1						2 донья	2	4.3
C Snp III-2			1 дно	5.6		1 донье	1	2.2
C Snp I var. 1	1 в. +	14.3	11 в.	61.1	13 в. + 3 донья	6 в. + 7 доньев	29	63
Snp I-2					3 в.	1 в.	4	8.7
C Snp I ou II					1 дно		1	2.2
B Snp III	1 в.	14.3	1 дно	5.6				
A (Snp) I	4 в. + 1 стенка	71.4	2 в.	11.2				
Всего	7		18	25	20	26	46	
Контексты	Contexte A. Ia, 1: four A. I, 1		Contexte A. Ia, 1bis: four A. 1. 1 bis 3		Contexte A. IIa, 2: intérieur du four A. II, 2	Contexte A. IIa, 2 – al : alandier du four A. II, 2		
Периоды	Период 1		Период 2.1		Период 2.2			

Общая хронологическая схема печей, предложенная Д. Касаб-Терзгор, может быть сведена к следующему. В нач. IV в. амфоры группы C Snp I производились в печах A. I, 1 и A. I, 1 bis, A. II, 1 и A. II, 2³³. В хронологической таблице печи A. I, 1 и A. II, 1 отнесены к первому этапу функционирования мастерской, A. I, 1 bis и A. II, 2 – ко второму³⁴. Согласно таблице контекстов, большую часть находок в контекстах печей A. I, 1 и A. I, 1 bis составляли амфоры типов A Snp I и C Snp I, а в контексте A. II, 2 – C Snp I³⁵. Рассмотрим эти материалы.

A. Период 1. Печь A. I, 1 (рис. 4, 1)

³³ Kassab Tezgör 2010, 99

³⁴ Kassab Tezgör 2010, 102, Tabl. 1.

³⁵ Tableaux 2010, 197, Tabl. I.

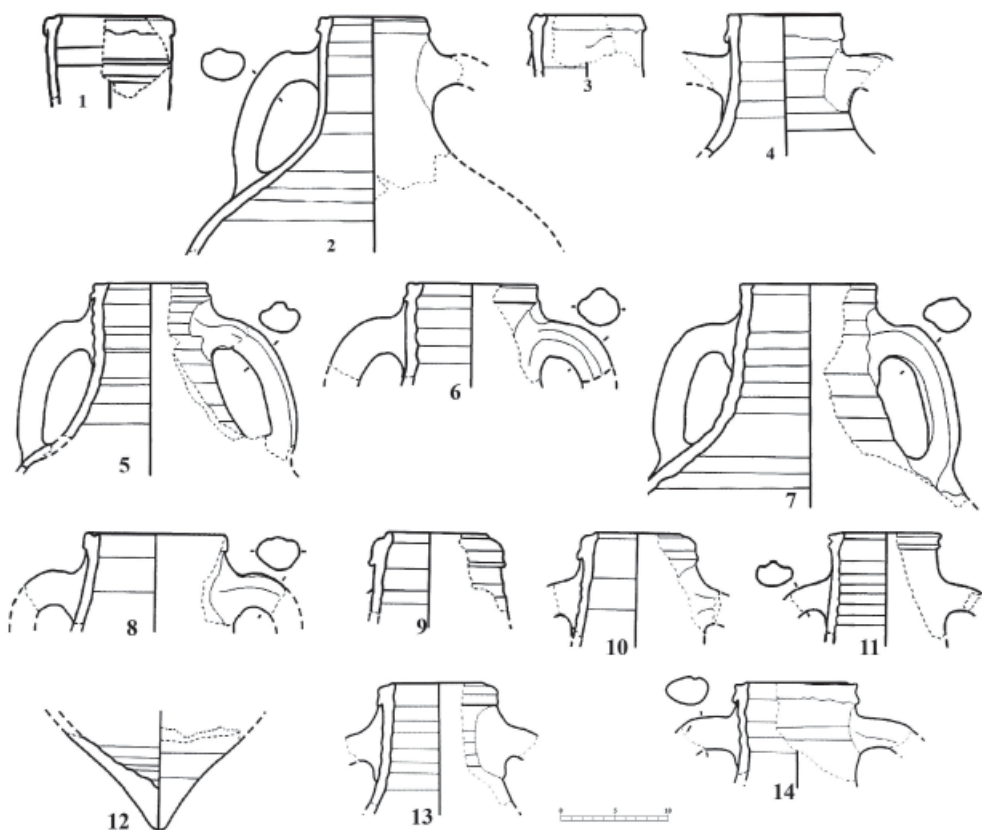

Рис. 4. Амфоры C Snp I из мастерских Демирчи (Синопа) перв. пол. (четв.) IV в. 1 – печь А. I, 1; 2–4 – печь А. I, 1bis 3; печь А. II, 2; 5–12 – из заполнения обжигательной камеры; 13, 14 – из топочной части (1–10, 12–14 – C Snp I-1, 11 – C Snp I-2).

Fig. 4. C Snp I amphorae from Demirci (Sinope) workshops dating to AD 300–325/350. 1 – Kiln A. I, 1; 2–4 – Kiln A. I, 1bis 3; Kiln A. II, 2; 5–12 – from filling of the firing chamber; 13, 14 – from firebox (1–10, 12–14 – C Snp I-1, 11 – C Snp I-2).

Судя по весьма схематичному разрезу, эта печь – наиболее ранняя, т.к. находится ниже уровня перекрывающей ее печи А. 1bis³⁶. От этой печи сохранилась нижняя часть топочной камеры с подпорочными столбами. На полу камеры был выявлен слой глины, образовавшийся при сооружении перекрывающей печи А. 1bis. С контекстом печи А. I, 1 связаны находки фрагментов амфор А (Snp) I, В Snp III, С Snp I и Dressel 24³⁷. Фрагментов амфор обнаружено мало, всего 8 экземпляров, из которых один венчик амфоры Dressel 24 является безусловной примесью раннего материала. Из оставшихся 7 фрагментов 5 относятся к типу А Snp I, по одному – к В Snp III и С Snp I. Конечно, для хорошо обоснованных выводов этих материалов недостаточно. С наибольшей вероятностью в этой печи

³⁶ Kassab Tezgör 2010b, 43, fig. 5.

³⁷ Kassab Tezgör 2010a, 145–146.

обжигались амфоры A Snp I, возможно, с амфорами B Snp III и C Snp I. Если это так, то мы имеем хронологически важный рубеж нач. – перв. пол. IV в., фиксирующий конец производства амфор A Snp I, B Snp III и начала C Snp I.

Б. Период 2.1. Печь А. 1, 1 bis 3 (рис. 4, 2–4)

Эта печь, сменившая печь А. 1. 1, имеет аналогичную конструкцию. Контекст, с ней связанный, содержал фрагменты абсолютно преобладающих амфор C Snp I (11 фрагментов), а также амфор C Snp III (4 фр.), A Snp I (2 фр.), B Snp III (1 фр.) и ножку коричневоглиняной амфоры с перехватом³⁸. Здесь, несомненно, обжигались амфоры C Snp I и C Snp III, остальные фрагменты, по всей видимости, являются примесью раннего материала. В этом случае мы имеем случай обжига в одной печи амфор C Snp I и сменяющих этот тип амфор с характерным вытянутым горлом C Snp III.

В. Период 2.2. Печь А. II, 2 (рис. 4, 5–14)

Д. Кассаб Тезгер выделяет два контекста, связанных с этой печью: заполнение самой печи и топочной части. Заполнение обжигательной камеры показывает однозначную картину абсолютного преобладания амфор C Snp I (17 из 20 фр.) (рис. 4, 5–10, 12) и появление переходного типа с вытянутым горлом C Snp I/III, соответствующему варианту C Snp 1–2 Д. Кассаб Тезгер (рис. 4, 11)³⁹. Важным для хронологии контекста является находка венчика амфоры LRA 2, имеющего параллели с венчиком амфоры из Караново, обнаруженной с монетой Константина I (306–337 гг.)⁴⁰. Автор раскопок отнес этот комплекс ко второму строительному периоду, датирующемуся временем от начала до третьей четв. IV в.

Статистика типов амфор, обнаруженных в топочной части печи, несколько иная: примерно равное количество фрагментов C Snp I (рис. 4, 13, 14) и C Snp III⁴¹. Отметим находки в топочной камере венчиков LRA 2, аналогичных упомянутым выше.

Таким образом, анализ комплексов, связанных с производством амфор C Snp I показывает, что на первом, самом раннем этапе производились амфоры A Snp I, B Snp III и C Snp I. При этом основной продукцией, был, видимо, тип A Snp I, а производство C Snp I только начиналось. На втором этапе главным становится производство амфор C Snp I и начинается производство C Snp III, которое постепенно увеличивается. С точки зрения хронологии оба эти этапа укладываются в пер. пол. IV в. В печи А. II, 3, залегавшей стратиграфически выше рассмотренных печей, доминируют уже типы C Snp II и C Snp III, при этом в одном контексте заполнения печи обнаружено 48 фрагментов C Snp III и только 16 C Snp I⁴². В заполнении обжигательной камеры обнаружен 1 фрагмент C Snp I и 25 – C Snp III⁴³, т.е. здесь уже однозначно основным типом становится C Snp III, а производство C Snp I заканчивается. Некоторую хронологическую зацепку дает находка в контексте заполнения печи венчика амфоры LRA 1A⁴⁴. Профиль венчика находит аналогии на амфорах LRA 1A из контекстов втор. пол. IV в., которые в целом да-

³⁸ Kassab Tezgör 2010a, 147–148.

³⁹ Kassab Tezgör 2010a, 154, pl. 38, 36.

⁴⁰ Kassab Tezgör 2010a, 154, pl. 38, 37; Борисов 1985, 40, рис. 1а.

⁴¹ Kassab Tezgör 2010a, 155.

⁴² Kassab Tezgör 2010a, 157; 2010c, 132.

⁴³ Kassab Tezgör 2010a, 159.

⁴⁴ Kassab Tezgör 2010a, 158, pl. 39, Cat. 50.

тируются временем от втор. пол. IV до сер. V в.⁴⁵ Наиболее близки параллели из контекстов втор. пол. IV в.⁴⁶ и перв. пол. V в.⁴⁷ Таким образом, время окончания производства амфор С Snр I может быть определено в пределах втор. пол. IV в.

Теперь обратимся к стратифицированным датированным контекстам, содержащим массовые находки амфор С Snр I, исключаяющие их как примесь в более поздних комплексах. Здесь крайне показательны контексты городища «Белинское» в Восточном Крыму, городища Батарейка I и горизонта «А» Ятруса.

2. «Белинское»

Исследователями выделены слои последней четв. III – сер. IV в. н.э. (жёлто-коричневый суглинок, местами с включениями золы и щебня толщиной до 0.5 м) и третьей четв. IV – перв. пол. V в. н.э. (преимущественно золистая супесь с щебнем толщиной до 0.4 м)⁴⁸. Общая сводка комплексов слоя второго периода функционирования городища, относящегося к последней трети III – сер. IV в. на раскопах «Северный», «Центральный» и «Южный» представлена в статье В.Г. Зубарева и Е.Е. Седых⁴⁹. В восточной части городища к слою последней четв. III – перв. четв. IV в. относятся помещения 55 и 56. Их перекрывал зольник третьей четв. IV – перв. пол. V в. К этому же времени относятся помещения 59 и 60⁵⁰.

В одной из статей В.Г. Зубарев отмечал, что в слое разрушения городища на рубеже первой и второй четв. IV в. амфоры С Snр I доминируют, составляя до 60% общего числа амфорного материала⁵¹. В слое, перекрывающем разрушения первой – второй четв. IV в., количество этих амфор резко сокращается⁵².

Рассмотрим опубликованные материалы из комплексов, прекративших свое существование в перв. четв. IV в.

А. Помещение 5, яма 7 (рис. 5, 1–3)

Комплекс опубликован В.В. Зубаревым и В.Ю. Юрочкиным⁵³. Отметим, что в публикации на основании восстановления профиля венчика с одной ручкой сосуда как двуручной амфоры выделены сомнительные «амфоры с гофрированными ручками», на наш взгляд, являющиеся крупными красноглиняными кувшинами⁵⁴. За вычетом этих фрагментов контекст содержал примерно равное количество амфор С Snр I и узкогорлых светлоглиняных F.

⁴⁵ Böttger 1982, 33; Costello 2011, 64–65, 270.

⁴⁶ Costello 2011, 344, fig. 6.50; Böttger 1982, Taf. 22, 136, 137; Арсеньева, Науменко 1995, рис. 2, 2.

⁴⁷ Böttger 1982, Taf. 22, 254; Remola 2000, fig. 79, 6; Orăiț 1991, Taf. 21, 2.

⁴⁸ Зубарев, Ярцев, Смекалов 2020, 109–110.

⁴⁹ Зубарев, Седых 2013: 259, 260, рис. 11.

⁵⁰ Зубарев, Ярцев, Смекалов 2020а, 70–71.

⁵¹ Зубарев, Шапцев 2016, 91.

⁵² Зубарев, Ярцев 2019, 244; Зубарев 2005.

⁵³ Юрочкин, Зубарев 2001.

⁵⁴ Юрочкин, Зубарев 2001, рис. 1, 2, 3, 5, 14–16.

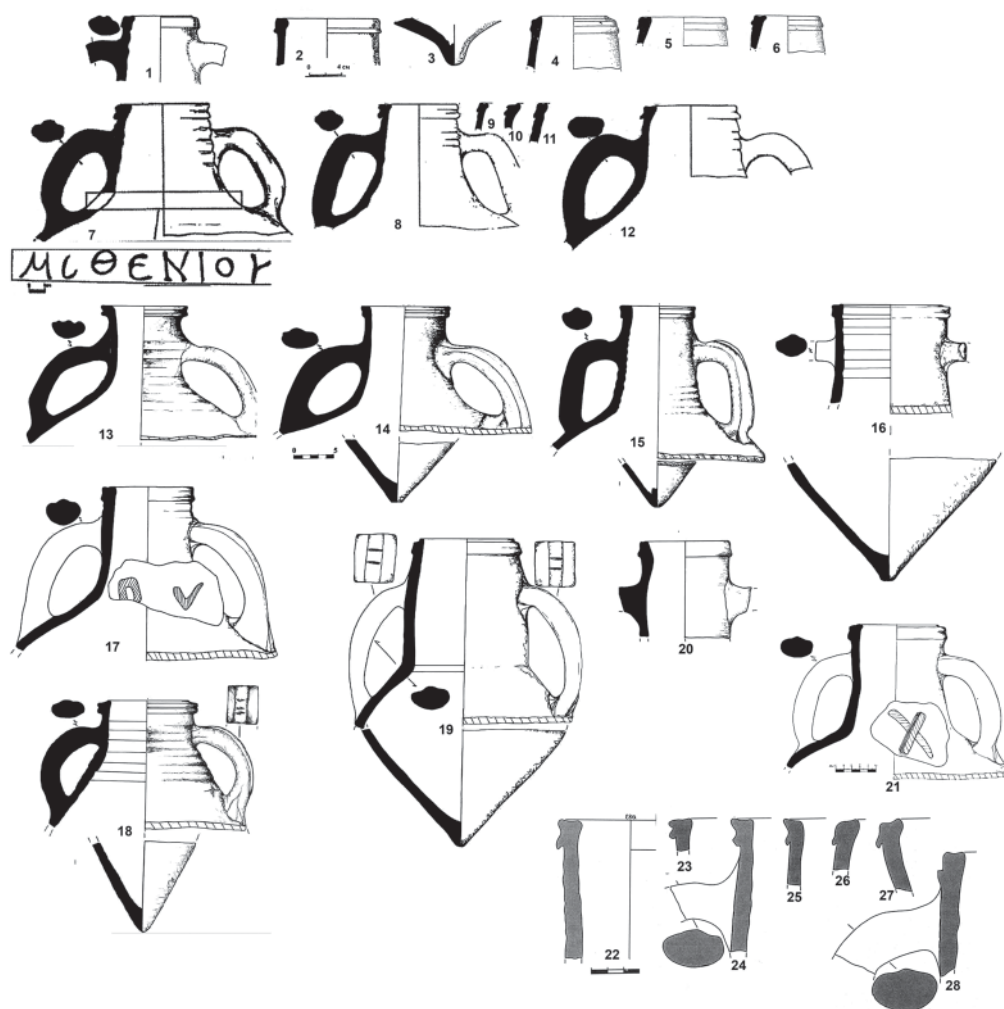

Рис. 5. Амфоры C Snp I из контекстов перв. четв. IV в. городища «Белинское». 1–3 – помещение 5, яма 7; 4–6 – помещение 7; 7–12 – помещение 8; 13–20 – помещение 52, яма 117; 21 – яма 133; 22–28 – помещение 55 (1–3, 5–12, 18, 24, 28 – C Snp I-1; 4, 13–20 – C Snp I-2).
 Fig. 5. C Snp I amphorae from AD 300–325 contexts at Belinskoe Settlement. 1–3 – Room 5, pit 7; 4–6 – Room 7; 7–12 – Room 8; 13–20 – Room 52, pit 117; 21 – pit 133; 22–28 – Room 55 (1–3, 5–12, 18, 24, 28 – C Snp I-1; 4, 13–20 – C Snp I-2).

Таблица 4. Амфоры C Snp I из городища «Белинское» (помещение 5, яма 7).

Тип	Венчики (гор- ла)	Ручки	Донья	Всего	%	Условно целые сосуды, %	%	Публикация
C Snp I	2		1	3	59.1	42.9	50	Юрочкин, Зубарев 2001, рис. 1, 1, 4, 7
Узкогорлые светлогли- няные F	1	2	1	4	18.2	57.1	50	Юрочкин, Зубарев 2001, рис. 1, 6, 9, 10, 12
Всего	3	2	2	7		4		

Важна находка в заполнении ямы монет Радамсада 317–322 гг.⁵⁵

Б. Помещение 7 (рис. 5, 4–6)

К слою заполнения помещения 7, относящемуся к гибели комплекса в первой четверти IV в., могут быть надежно отнесены амфоры C Snp I, узкогорлые светлоглиняные F и, возможно, коричневоглиняные с перехватом⁵⁶.

Таблица 5. Амфоры C Snp I из городища «Белинское» (помещение 7).

Тип	Венчики (горла)	Ручки	Всего	%	Условно целые сосуды	%	Публикация
C Snp I	3		3	60	3	60	Зубарев 2002, 123, рис. 3, 17–19
Узкогорлые светло- глиняные F		1	1	20	1	20	Зубарев 2002, 123, рис. 3, 8
Коричневоглиняные «с перехватом»	1		1	20	1	20	Зубарев 2002, 123, рис. 3, 14
Всего	4	1	5		5		

В. Помещение 8 (рис. 5, 7–12)

В изданном виде материал комплекса документирован только как «II период» в таблице «Амфорный материал из помещения 8» статьи В.Г. Зубарева 2005 г.⁵⁷ С учетом попавших как «примесь сверху» в слой более раннего периода 1 статистика контекста может быть следующей:

Таблица 6. Амфоры C Snp I из городища «Белинское» (помещение 8).

⁵⁵ Юрочкин, Зубарев 2001, 455. Датировка не совсем верная: дата окончания правления Радамсада – 318/319 г. н.э. (прим. гл. ред.).

⁵⁶ Зубарев 2002, 123.

⁵⁷ Зубарев 2005, рис. 5.

Тип	Венчики (горла)	Ручки	Ножки	Всего	%	Условно целые сосуды	%	Публикация
С Snr I	5	2	1	8	61.5	5	62.5	Зубарев 2005, рис. 5
Зеест- 72	2		1	3	23.1	2	25.0	
Узкогорлые светло-глиняные F	1		1	2	15.4	1	12.5	
Всего	8	2	3	13		8		

Г. Яма 117 (рис. 5, 13–20)

Яма 117 внутри помещения 52 содержала 8 горл и 5 ножек амфор С Snr I, 3 венчика и 1 ручка амфор Зеест- 72, один венчик и одна ручка определены как Зеест- 77, три не определены и не описаны⁵⁸.

Таблица 7. Амфоры С Snr I из городища «Белинское» (яма 117).

Тип	Венчики (гор- ла)	Ручки	Донья	Всего	%	Условно це- лые сосуды	%	Публикация
С Snr I	8		5	13	59.1	8	53.3	Зубарев, Шапцев 2016, рис. 6; 7, 1; 8–10; 11, 1
Зеест- 72	3	1		4	18.2	3	20	Зубарев, Шапцев 2016, рис. 12, 1, 2, 5, 6
Зеест- 77	1	1		2	9.1	1	6.7	Зубарев, Шапцев 2016, рис. 12, 4, 8
Неопределенные		3		3	13.6	3	20	Зубарев, Шапцев 2016, рис. 12, 3, 7, 9
Всего	12	5	5	22		15		

Нетрудно заметить, что при любом подсчете доля амфор С Snr I чрезвычайно высока, составляя от 53 до 59% амфор контекста. Следующих за ними амфор Зеест- 72, производившихся на Боспоре, почти в 2.5 раза меньше. Крайне важна находка в комплексе монеты Рескупорида VI 324–325 гг.⁵⁹

Д. Помещение 55 (рис. 5, 22–28)

При зачистке и прокопке пола помещения 55 были обнаружены венчики и ручки амфор С Snr Ib и фрагмент амфоры Зеест- 72. На таблице в статье представлены 8 венчиков С Snr I без статистики комплекса⁶⁰. Также принципиально важна находка в комплексе монеты Рескупорида VI.

Как мы видим, опубликованные контексты Белинского первой четв. IV в. показывают устойчивую статистику типа С Snr I, составляющего около 60% ам-

⁵⁸ Зубарев, Шапцев 2016, 88, рис. 6–11; 12, 1–9.

⁵⁹ Зубарев, Шапцев 2016, 91, рис. 7, 2.

⁶⁰ Зубарев, Ярцев 2020, 164, рис. 11.

форного комплекса при подсчете по фрагментам или 42–62.5% при пересчете в условно целые сосуды.

3. Батарейка I (рис. 6, 1, 2)

Контексты первой четв. IV в. со статистикой опубликованы и скорректированы автором данной статьи⁶¹. Статистика по помещению «А» раскопа «Д» 1963 г., содержащему амфоры C Snp I следующая:

Таблица 8. Амфоры из городища Батарейка I (раскоп «Д» (1963 г.), помещение «А»).

Тип	Венчики (гор-ла)	Донья	Всего	%	Условно целые сосуды	%	Публикация
C Snp I	2		2	25	2	28.9	Сазанов 1999, рис. 1, 6, 7
Зеест- 96–97	3	1	4	50	3	42.9	Сазанов 1999, рис. 1, 1–4
Зеест- 72	1		1	12.5	1	14.4	Сазанов 1999, рис. 1, 5
Узкогорлые светлоглиняные “F”	1		1	12.5	1	14.4	Сазанов 1999, рис. 1, 8
Всего	7	1	8		7		

С комплексом связана монета Рискупорида VI 324 г. н.э. Здесь мы видим существенно меньший процент амфор C Snp I (почти вдвое), хотя контекст синхронен рассмотренным выше контекстам Белинского.

4. Тира (рис. 6, 3)

Комплекс так называемого «послеготского дома» Тиры публиковался и исследовался неоднократно. На наш взгляд, наиболее адекватна дата образования комплекса около сер. IV в.⁶² Состав комплекса следующий:

Таблица 9. Комплекс амфор около сер. IV в. н.э. из Тиры.

Тип	Условно целые сосуды	%	Публикация
C Snp I	1	14.3	Кравченко, Корпусова 1975, рис. 5, 3
Кравченко, Корпусова 1975, рис. 3, 2	1	14.3	Кравченко, Корпусова 1975, рис. 3, 2; Сазанов 2012, рис. 6
Зеест- 72	1	14.3	Сазанов 2012, рис. 2, 1; 3, 1
Узкогорлые светлоглиняные “F”	1	14.3	Кравченко, Корпусова 1975, рис. 5, 1
Кравченко, Корпусова 1975, рис. 5, 4	1	14.3	Сазанов 2012, рис. 7

⁶¹ Сазанов 1999, 224–225, рис. 1; 2; 2012, 345–346.

⁶² Сазанов 2012, 340–344.

Кравченко, Корпусова 1975, рис. 5, 5	1	14.3	Кравченко, Корпусова 1975, рис. 5, 5
Всего	7		

Здесь амфор С Snp I одинаковое количество с другими (14.3%).

5. Ятрус (рис. 6, 4, 5)

В контекстах периода «А» Ятруса, датирующихся перв. пол. IV в., по новейшим разработкам от 291/292 до 347/348 гг.⁶³ доля амфор С Snp I составляет от 4.6 до 9%⁶⁴.

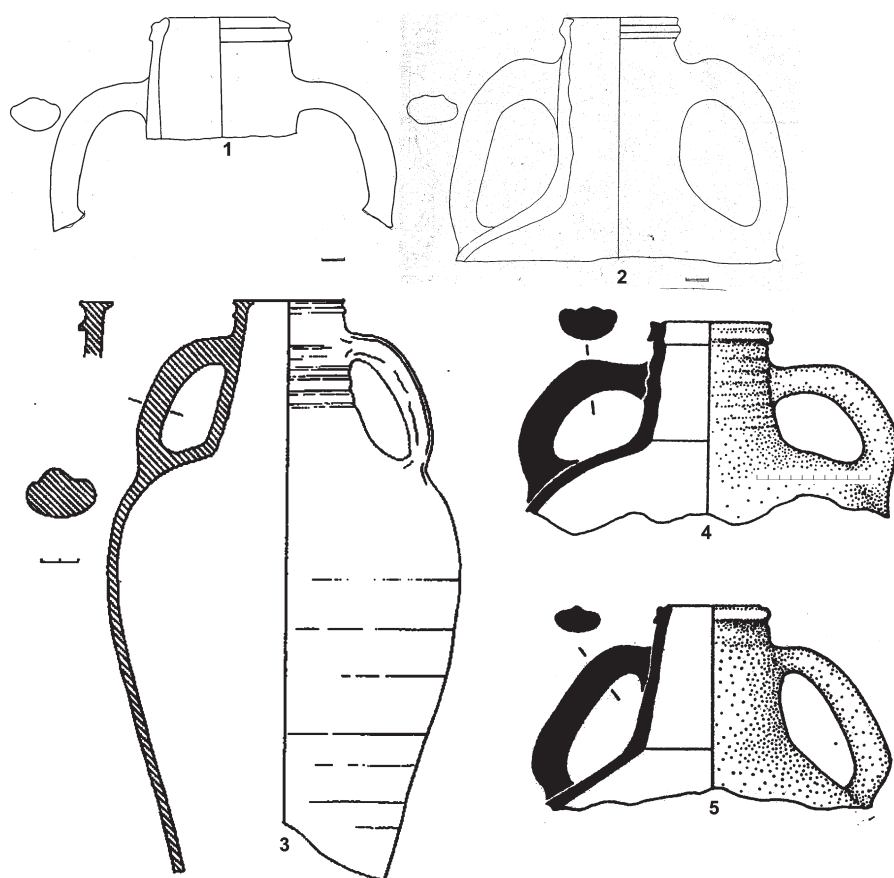

Рис. 6. Амфоры С Snp I из контекстов Батарейки I, Тира и Ятруса перв. пол. (четв. IV в.): 1, 2 – Батарейка I (помещение «А»); 3 – Тира, «послеготский дом»; 4, 5 – Ятрус, контексты слоя «А» (1, 5 – С Snp I-2; 2–4 – С Snp I-1).

Fig. 6. C Snp I amphorae from AD 300–325/350 contexts: 1, 2 – Batareyka I Settlement (Room A); 3 – Tyras, 'post-Gothic House'; 4, 5 – Yatrus Fortress, layer "A" (1, 5 – C Snp I-2; 2–4 – C Snp I-1).

⁶³ Vagalinski 2003, 46; 2016, 223.

⁶⁴ Böttger 1982, 75, Tab. 6; 21, 14, 15; 1991, 157; Conrad 2007, 253, Tab 4.

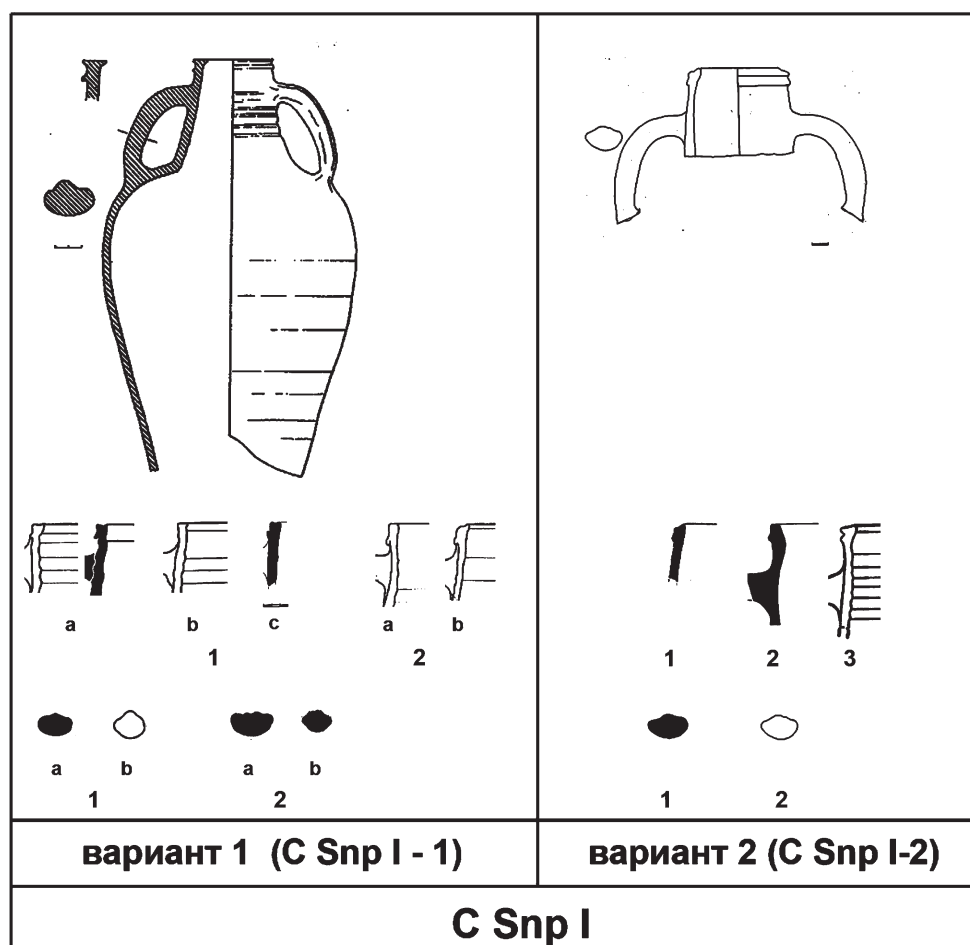

Рис. 7. Типология амфор C Snp I из контекстов перв. пол. IV в.
Fig. 7. Typology of C Snp I amphorae from AD 300–325/350.

С точки зрения типологии амфор C Snp I для перв. пол. IV в. можно выделить два варианта, соответствующие вариантам 1 и 2 Д. Кассаб Тезгер, отличающиеся высотой горла (рис. 7). В рамках амфор варианта 1 выделяются два типа венчиков с вариантами а, б, с в первом и а, б во втором. Ручки у амфор варианта 1 двух типов в зависимости от профилировки верхней плоскости: с одним валиком (тип 1) или двумя (тип 2) и двух вариантов (обычная ручка – вариант 1 или уплощенная – вариант 2). Амфоры варианта 2 имеют три типа венчиков и два типа ручек.

Проведенный анализ контекстов первой половины IV в. с амфорами C Snp I показывает их абсолютное преобладание в месте производства (что и следовало ожидать), доминирование в контекстах Белинского (50–60%), второе место в комплексе Батарейки 1 (28.9%), одинаковое количество с другими типами в комплексе «послеготского дома» Тиры и незначительное количество в контекстах Ятруса. Создается впечатление, что главным потребителем этих амфор был европейский Боспор.

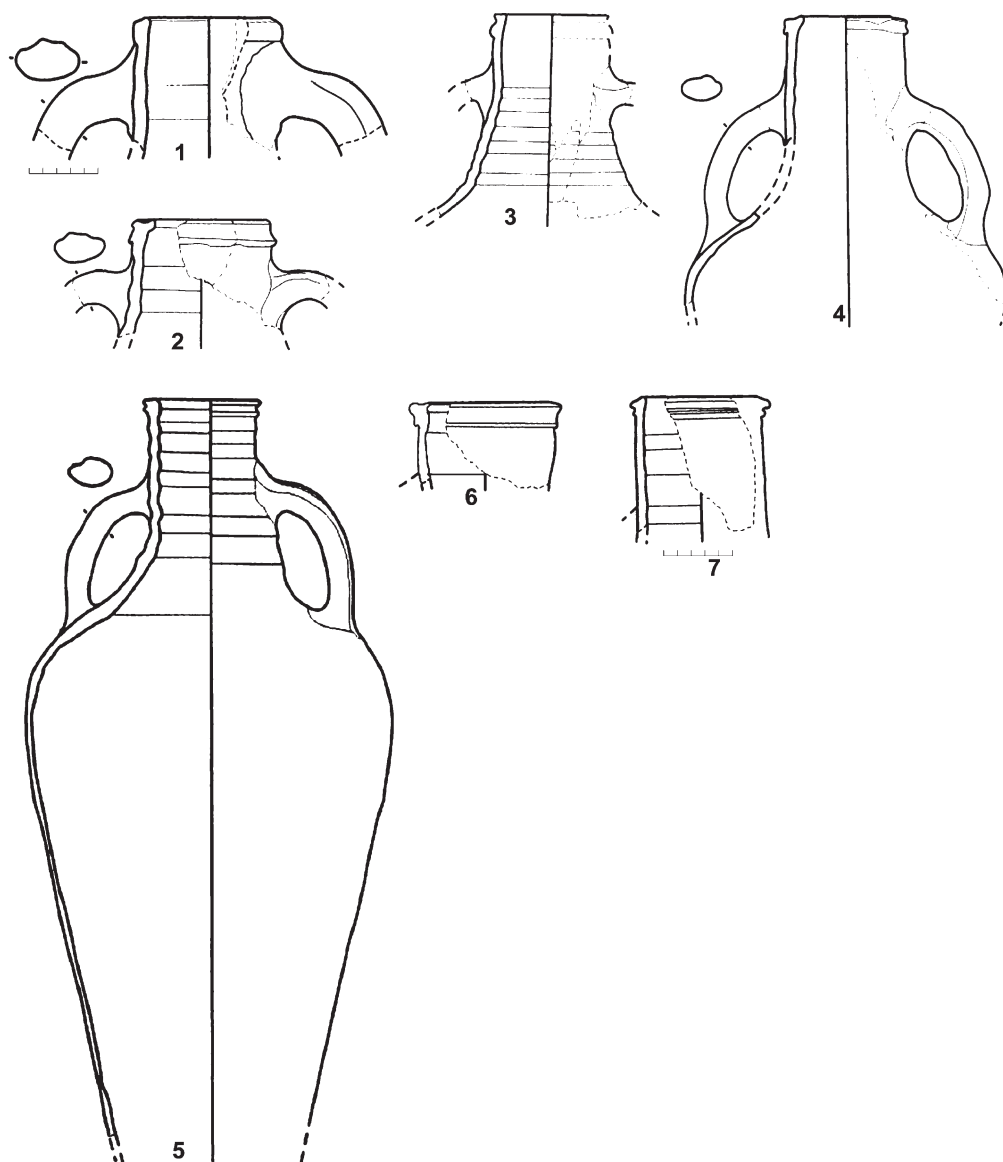

Рис. 8. Амфоры C Snp I и C Snp II из контекстов сер. – втор. пол. IV в. мастерских в Демирчи: 1–4 – печь A.IVa; 5–7 – печь B. II.1 (1, 2 – C Snp I-1; 3–5 – C Snp I-2; 6, 7 – C Snp II).
 Fig. 8. C Snp I and C Snp II amphorae from AD 350–400 contexts of Demirci (Sinope) workshops. 1–4 – Kiln A. IVa; 5–7 – Kiln B. II.1 (1, 2 – C Snp I-1; 3–5 – C Snp I-2; 6, 7 – C Snp II).

II. КОНТЕКСТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV В. И ТИПОЛОГИЯ АМФОР C Snp I ЭТОГО ВРЕМЕНИ

Этот этап представлен контекстами Демирчи, Танаиса, Белинского, Каменки-Анчекрак, Александровки, поселения на г. Сокол. Важным хронологическим индикатором является появление в контекстах Белинского городища, Танаиса, Каменки-Анчекрак и Александровки узкогорлых светлоглиняных амфор типа E, датирующихся втор. четв. IV в. – нач. V в.⁶⁵

1. Демирчи

В Демирчи фрагменты амфор C Snp I, составляющие примерно 10–15% от амфорного комплекса, обнаружены в контекстах печей A. IVa и B. II. 1, датированных второй половиной IV–V вв.

A. Печь A. IVa (рис. 8, 1–4)

Контексты печи содержали фрагменты амфор: C Snp III – 70%, C Snp I – 15%, C Snp II – 10%⁶⁶. Несомненно, основной продукцией здесь были амфоры C Snp III. Возможно, какое-то время в незначительном количестве производились амфоры C Snp I и C Snp II, если фрагменты амфор этих типов не являются примесью из более ранних комплексов.

Таблица 10. Комплекс амфор из печи A. IVa в Демирчи.

Тип, подтип, модуль, вариант	Фрагменты			Всего	Всего по типам	%
C Snp I	1 горло			1	27	15.3
C Snp 1-1	1 дно	1 ножка + 1 венч.	1 горло	4		
C Snp 1-1 module L	4 горла + 5 венч.			9		
C Snp 1-1 module S	2 горла + 1 дно			3		
C Snp 1-2	3 ножки			3		
C Snp 1-2 module S	1 горло	1 венчик		3		
C Snp I ou Snp II-1			3 венч. + 1 ножка	4		
C Snp II	1 горло + 5 ножек		5 ножек	11	18	10.2
C Snp II-1	6 горл			6		
C Snp II-2			1 горло	1		
C Snp III			2 горла + 4 ножки	6	125	71
C Snp III-? b	34 венч. + 7 горл		1 горло + 19 венч.	61		
C Snp III-1	5 ножек	2 ножки		7		
C Snp III-lb	8 горл		2 горла	10		
C Snp III-1 ou 2b	4 горла	2 горла		6		
C Snp III-2a	3 венч.			3		

⁶⁵ Сазанов 2011, 326.

⁶⁶ Kassab Tezgör 2010a, 67–72, 165–169, 174.

C Snp III-2b	1 венч. + 1 горло	4 венч. + 2 горла	1 горло	9		
C Snp III-2	19 ножек	1 ножка	3 ножки	23		
D Snp I	1 ножка			1	1	0.6
LRA 1	3 стенки			3	3	1.8
Production colchidienne	1 венч.			1	1	0.6
Production d'Héraclée du Pont	1 горло			1	1	0.6
Bcero				176	176	
	Contexte A. IVa, 1-1: couches 1 à 4 et sondage à l'intérieur du four	Contexte A. Iva, 1 – al: alandier du four A. IV	Contexte A. IIa, 2–al: alandier du four A. II. 2			

Б. Печь В. II. 1 (рис. 8, 5–7)

Контексты этой печи дают близкую картину, однако отличающуюся присутствием амфор D Snp I и D Snp III⁶⁷. Основной продукцией по-прежнему были амфоры C Snp III (те же 70%), но появляются и амфоры типа D. Скорее всего, в этих контекстах амфоры C Snp I-1 уже являются примесью, тем более что некоторые сосуды, определенные Д. Кассаб Тезгер как C Snp I-2, по нашей поправке являются амфорами C Snp II.

Таблица 11. Комплекс амфор из печи В. II. 1 в Демирчи.

Тип, подтип, модуль, вариант	Фрагменты						
					Все-го	Всего по типам	%
C Snp I	1 ножка			1	2	22	10.1
C Snp 1-1			1 горло	1	2		
C Snp 1-2	1 венч. + 1 горло	1 венч. + 1 горло		3	7		
C Snp 1-2 module S				3	3		
C Snp I ou Snp II-1			3 венч. + 1 ножка	4	8		
C Snp II	2 венч. + 2 ножки		5 ножек	11	20	20	9.2
C Snp III	2 ножки			1 венч.	3	148	68.2
C Snp III-? b	5 венч.	5 горл + 6 венч.		61	77		
C Snp III-lb		2 горла		10	12		
C Snp III-la		1 венч.			1		
C Snp III-1 ou 2b				6	6		

⁶⁷ Kassab Tezgör 2010a, 83–88, 176–181.

C Snp III-2a		4 горла		3	7		
C Snp III-2b		8 горл		9	17		
C Snp III-2		3 горла		23	26		
D Snp I				3 целые реставр. амфоры	3	3	1.4
D Snp III			6 горл + 1 венч. + 11 ножек + 1 плечо + 2 стенки	1 горло + 2 ножки	24	24	11.1
LRA 2	1 венч.				1	1	1.4
Всего					217		
	Contexte B. IIa, 1-1: inté- rieur du four B. II. 1	Contexte B. IIa, 1-2: alignement de cols d'am- phores 3	Contexte B. IIa.2: intérieur du four B. II. 2	Contexte B. IIa, 2 – al: alandier du four B. II. 24			

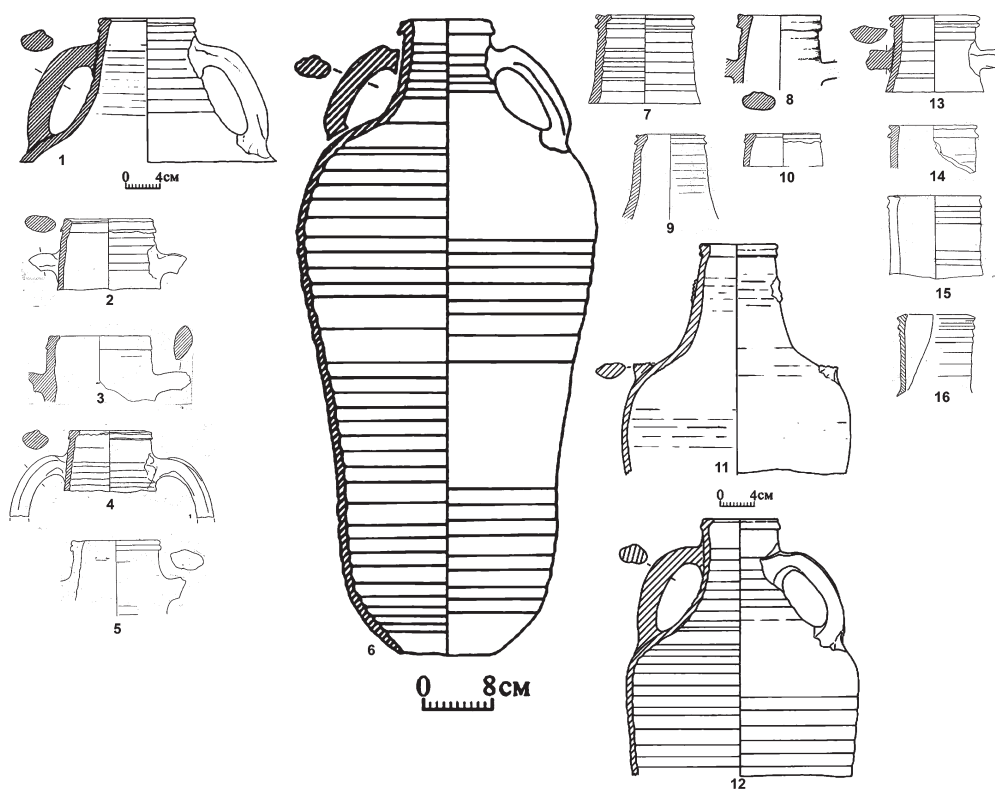

Рис. 9. Амфоры C Snp I и C Snp II из контекстов Танаиса втор. пол. IV в.: 1–10 – C Snp I-1; 11–13 – C Snp I-2; 14–16 – C Snp II-1.

Fig. 9. C Snp I and C Snp II amphorae from AD 350–400 contexts at Tanais: 1–10 – C Snp I-1; 11–13 – C Snp I-2; 14–16 – C Snp II-1.

2. Танаис (рис. 9)

В контекстах Танаиса втор. пол. IV в. амфоры C Snp I-1 (рис. 9, 1–10) встречаются наряду с амфорами C Snp I-2 (рис. 9, 11–13) и C Snp II-1 (рис. 9, 14–16). Параллели фрагментам C Snp I-2 и C Snp II-1 происходят из контекстов Демирчи, где эти амфоры производились⁶⁸. Амфоры C Snp I происходят из контекстов 1 и 2 фаз, относящихся к сер. – втор. пол. IV в.⁶⁹

3. «Белинское» (рис. 10, 1–4)

Контексты III периода, перекрывающие слой II периода, относятся ко времени от втор. четв. IV в. до, по-видимому, кон. IV – нач. V в.⁷⁰ Эти контексты содержали, наряду с амфорами C Snp I-1, амфоры C Snp II, узкогорлые светлоглиняные E и узкогорлые светлоглиняные F⁷¹. Также необходимо отметить сочетание амфор C Snp I и Bottger III.1 в контекстах Танаиса, Александровки и поселения на Ю–З склоне г. Сокол.

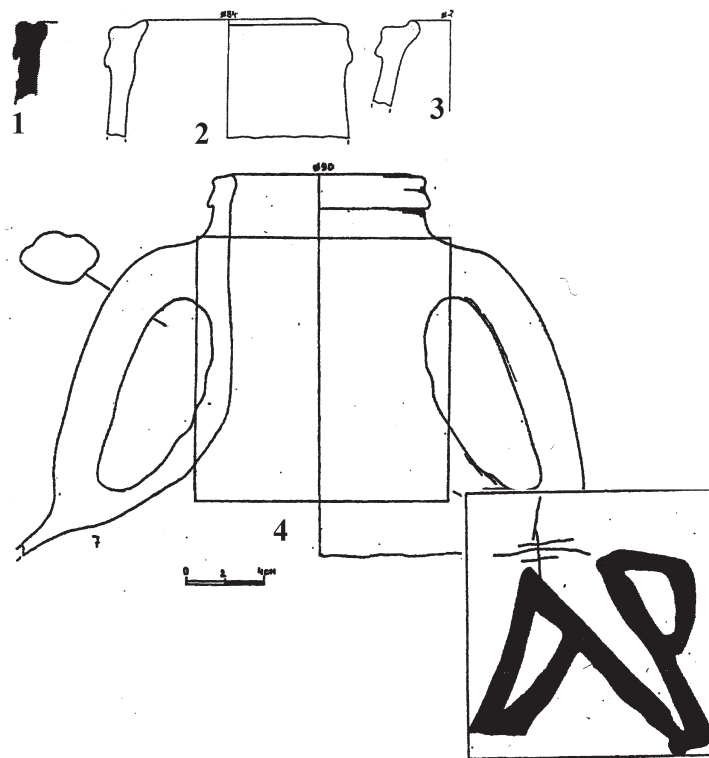

Рис. 10. Амфоры C Snp I-1 из контекстов городища «Белинское» втор. четв. – втор. пол. IV в.
Fig. 10. C Snp I-1 amphorae from AD 325–400 contexts at the Belinskoe Settlement.

⁶⁸ Kassab Tezgör 2010b, cat. 34, 36, 113, 51, 79, 110.

⁶⁹ Науменко 2019, рис. 6, 1, 2; Шелов 1965, рис. 59, 1; Arsen'eva, Böttger 1996, Abb. 29, 1; 34, 1; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 45, 2; 46, 4.

⁷⁰ Зубарев, Ярцев 2019, 245.

⁷¹ Зубарев 2005, рис. 3; 6; 2002, 124, рис. 5, 33, 37; 6, 7.

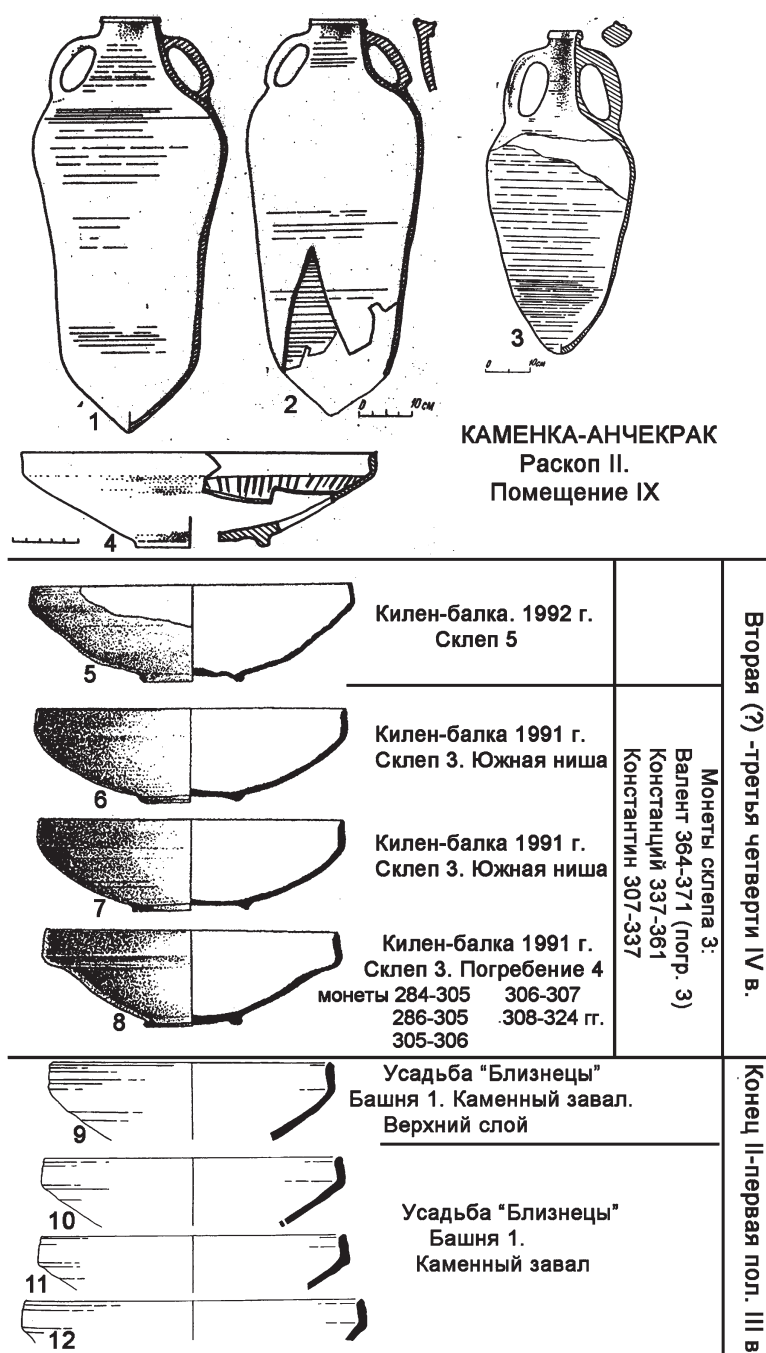

Рис. 11. Амфоры С Snp I-1 (1, 2) из контекста втор. пол. IV в. помещения IX раскопа II поселения Каменка-Анчекрак и аналогии краснолаковой миски (4-12).

Fig. 11. C Snp I-1 amphorae from (1, 2) from AD 350-400 contexts of Room IX, excavation site II, Kamenska-Anchekrak Settlement, and analogies of the red-lacquer bowls (4-12).

4. Каменка-Анчекрак (рис. 11)

На раскопе II в помещении IX у очага на полу были расчищены раздавленные амфоры. В том же помещении была найдена краснолаковая миска (рис. 11, 1–4).

Амфоры принадлежали к типам C Snp I и узкогорлой светлоглиняной E⁷². Узкогорлые светлоглиняные E датируются временем от втор. четв. IV до нач. V в.⁷³ Более узка датировка краснолаковой миски⁷⁴ (рис. 11, 4).

Эволюционные предшественники таких мисок зафиксированы в комплексе кон. II – сер. III в. из усадьбы «Близнецы» (рис. 11, 9–12)⁷⁵. Дальнейшие аналогии этой миски происходят из склепов 3 и 5 могильника Килен-Балка (рис. 11, 5–8)⁷⁶. В склепе 3 обнаружены три миски, одна из них относится к погребению 4 (рис. 11, 8), две стояли в южной нише. В погребении 4 обнаружены следующие монеты: Диоклетиана (284–305 гг.) (чекан Кизика – 3 экз.), Максимиана (286–305 гг. (чекан Кизика), Максимиана 286–305 гг. (чекан Гераклеи), Констанция I (305–306 гг. (чекан Сердики), Севера II 306–307 гг. (чекан Кизика), Лициния I (308–324 гг.) (чекан Рима) (рис. 11, 8)⁷⁷. Таким образом, самая поздняя монета, датирующая, видимо, погребение, относится к 308–324 гг.

Насколько нам известно, в нишах монет не было, по крайней мере, в публикации монет С.Г. Демьянчука о них ничего не сказано. В этой связи представляют интерес самые поздние монеты из этого склепа. К ним, безусловно, относятся монеты Константина II (337–340 гг.), Констанция II (337–361 гг.) и Валента (364–378 гг.). Последние датируют самые поздние погребения склепа.

Сказанное означает, что миски из склепа 3 могут датироваться в пределах от 320-х до конца 370-х гг., что позволяет относить рассматриваемый комплекс из Каменки ко времени около второй – третьей четв. IV в., что соответственно и датируют амфоры C Snp I этого контекста.

5. Александровка (рис. 12)

На раскопе I в помещении 2 наряду с амфорами C Snp I были также обнаружены корпус узкогорлой светлоглиняной амфоры типа E и нижняя часть красноглиняной амфоры типа Bottger III.1.⁷⁸ Общая статистика контекста следующая (преобладание C Snp I очевидно):

⁷² Магомедов 1991, рис. 16, 5; 17, 1, 2.

⁷³ Сазанов 2011, 326.

⁷⁴ Магомедов 1991, рис. 19, 6.

⁷⁵ Клемина 2004, рис. 13, 134–136; 14, 142.

⁷⁶ Нессель 2003, рис. 4, 2–5.

⁷⁷ Демьянчук 2003, 19.

⁷⁸ Магомедов 1987, рис. 8, 2–5; 9, 1–3.

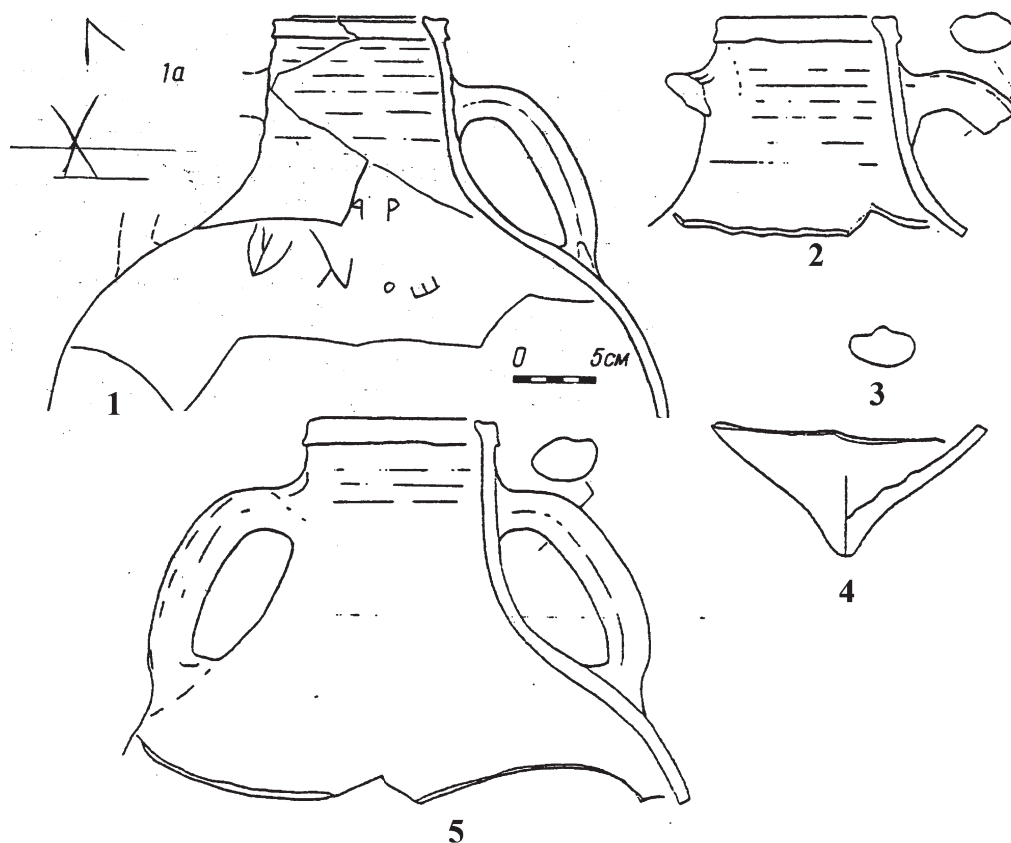

Рис. 12. Амфоры С Snp I-1 из контекста втор. пол. IV в. помещения 2 раскопа I поселения у с. Александровка.

Fig. 12. C Snp I-1 amphorae from AD 350–400 contexts of Room 2, excavation site I, Alexandrovka Settlement.

Таблица 12. Комплекс амфор из Александровки (раскоп I, помещение 2).

Тип	Горла	Ручки	Донья	Нижние части корпуса	Всего	%	Условно целые сосуды	%	Публикация
С Snp I	3	1	1		5	71.4	3	60	Магомедов 1987, рис. 8, 2–5; 9, 1
Узкогорлые светлоглиняные E				1	1	10.2	1	20	Магомедов 1987, рис. 9, 2
Böttger III.1 (Böttger 1982, Taf. 26, 168)				1	1	10.2	1	20	Магомедов 1987, рис. 9, 3
Всего	3	1	1	2	7		6		

6. Поселение на юго-западном склоне г. Сокол (рис. 13)

Важный комплекс амфор, включающий целые сосуды и крупные фрагменты, был обнаружен при исследованиях в 1967 и 1999 гг. поселения на ЮЗ склоне г. Сокол⁷⁹. А.В. Джанов датировал прекращение существования поселения сер. – втор. пол. V в., что, однако, полностью противоречит опубликованному им материалу⁸⁰. В статье фигурируют амфоры C Snp I-1, C Snp I-2, Agora M 273, Bottger III.1, LRA 3 (Зеест- 95), венчики краснолаковых кувшинов и лепная посуда.

Таблица 13. Комплекс амфор с ЮЗ склона г. Сокол.

Тип	Горла	Нижняя часть корпуса и ножки	Ножки	Целые сосуды	Всего	%	Условно целые сосуды	%	Публикация
C Snp I-1	2	2	1	3	8	42.1	6	35.3	Джанов 2012, рис. 4, 5; 5, 1, 2, 4; 6, 4, 5
C Snp I-2	4			1	5	26.3	5	29.4	Джанов 2012, рис. 4, 2; 5, 3; 6, 1–3
Bottger III.1	3			1	4	21.1	4	23.5	Джанов 2012, рис. 4, 1, 3, 4
Agora M 273	1				1	5.3	1	5.9	Джанов 2012, рис. 6, 7
LRA 3		1			1	5.3	1	5.9	Джанов 2012, рис. 6, 6
Всего	10	3	1	5	19		17		

Параллель амфорам с вытянутым горлом C Snp I-2 (рис. 13, 9–12)⁸¹ происходит из контекста слоя периода В Ятруса, относящегося ко втор. пол. IV – нач. V в.⁸² Отметим, что по новейшим исследованиям период В1 датируется третьей четв. IV в. (после 347 г.), период В2 – последней четв. IV – нач. V в.⁸³

Аналогии амфорам Bottger III.1 из публикации А.В. Джанова⁸⁴ происходят из контекстов втор. пол. IV и перв. трети V в. Танаиса и Ятруса⁸⁵.

Амфоры M 273 или типа Ягнятин⁸⁶ относятся к середине – втор. пол. III–IV в., т.н. мешковидный вариант с расширением в нижней части относят к кон. IV в.⁸⁷ В нашем случае наиболее близкие аналогии датируются втор. пол. IV в.⁸⁸

Принципиальна дата двуручной амфоры LRA 3⁸⁹. Считается, что наиболее ранний экземпляр двуручной амфоры этого типа, происходящий из Сан Систо Веччио в Риме, датируется по контексту кон. IV в.⁹⁰ Однако отметим, что эта дата нечеткая.

⁷⁹ Джанов 2012.

⁸⁰ Джанов 2012, 80.

⁸¹ Джанов 2012, рис. 5, 3; 6, 1–3.

⁸² Conrad 2007, Abb. 1, 249.

⁸³ Vagalinski 2016, 223–227.

⁸⁴ Джанов 2012, рис. 4, 1, 3, 4.

⁸⁵ Арсеньева, Науменко 1995, рис. 2, 7; Böttger 1982, Taf. 26, 167, 316; Conrad 2007, Abb. 1, 1068.

⁸⁶ Джанов 2012, рис. 6, 7.

⁸⁷ Магомедов 2006, 53, рис. 2, 5, 6.

⁸⁸ Сазанов 2012, 314, рис. 7, 3–5.

⁸⁹ Джанов 2012, рис. 6, 6.

⁹⁰ Annis 1975, 31, N 1, 2.

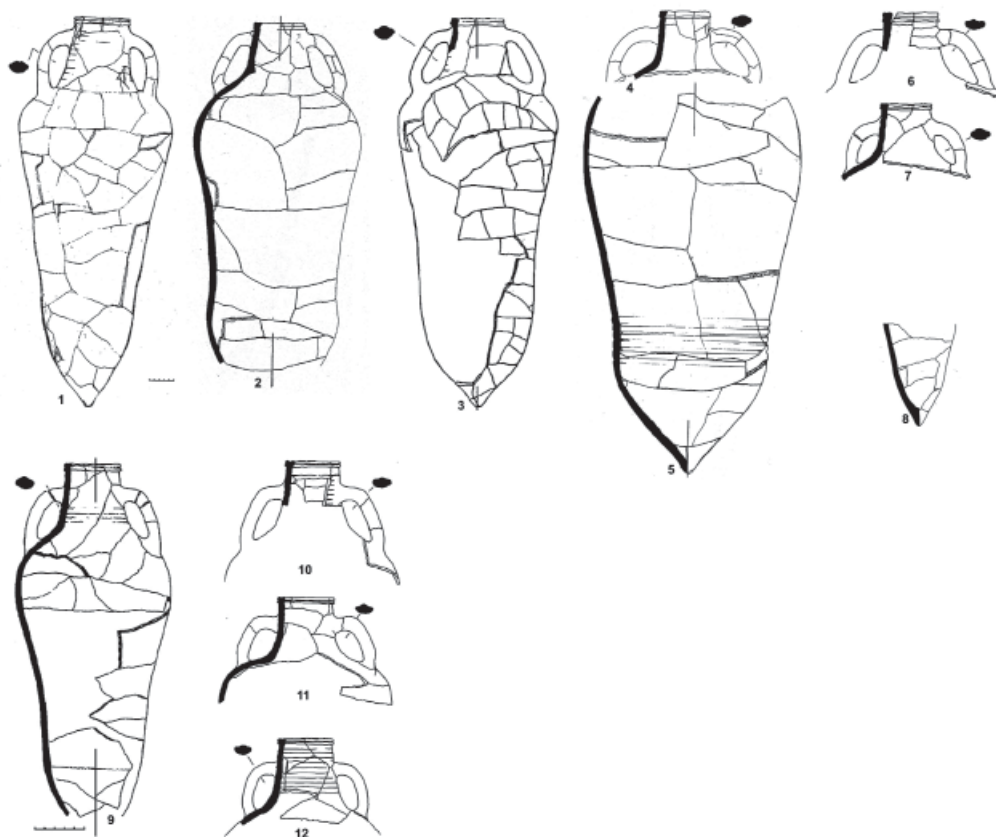

Рис. 13. Амфоры C Snp I-1 (1–7) и C Snp I-2 (8–12) из контекстов втор. пол. IV в. поселения на ЮЗ склоне г. Сокол.

Fig. 13. C Snp I-1 (1–7) and C Snp I-2 (8–12) amphorae from AD 350–400 contexts of the settlement on the SW slope of Mount Sokol.

По материалам Афинской Агоры первое появление двуручных амфор, соответствующих типу LRA 3, приходится на слой IX. Дата этого слоя была определена Г. Робинсоном как кон. IV в. При этом исследователь отметил, что нет доказательств для точной датировки этого слоя, ясно лишь, что он раньше слоя X, относящегося к нач. V в. В свою очередь основанием для отнесения слоя X к нач. V в. стало наличие в нем римских мисок со штампами типа M 289, которые обычно находят в комплексах с монетами кон. IV и V в.⁹¹ (рис. 14, 10).

Тем самым дата появления этих амфор в конце IV в. основана по принципу *terminus ante quem* вышележащего слоя, т.е. до нач. V в. Попробуем уточнить эту дату. Судя по известной таблице 41 в той же книге Г. Робинсона, в нижележащем слое VIII обнаружены только одноручные амфоры типа M 255 (рис. 14, 17).

⁹¹ Robinson 1959, 83, 110, M 282.

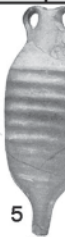

тип	LRA 3	MRA 3		
вариант	1	1 	2 	
	  5 6 LR Amphora 3 Athenian Тиритака -1940 Уч. XIV кв. 47 Agora M 307			V в.
	↓	 8 Athenian Agora M 275 9 Jalame 731 10 Athenian Agora M 282		конец IV в.
		   11 Каменка погр. 8 12 Каменка погр. 5 13 Суворово-I Склеп 47		IV в.
		 14 Athenian Agora M 256	 17 Athenian Agora M 255	Середина IV в.
	MRA 3 7 Танаис 1983 Усадьба 21 Подвал КЕ Статер 234 г.	 15 Athenian Agora J 47 16 Benghazi Deposit 145 Benghazi C 538 SK S13.5		II-первая половина III в.

Рис. 14. Аналогии и эволюционные ряды к амфоре LRA 3 из контекста втор. пол. IV в. поселения на ЮЗ склоне г. Сокол.

Fig. 14. Analogies and evolutionary series to LRA 3 amphora from AD 350–400 contexts of the settlement on the SW slope of Mount Sokol.

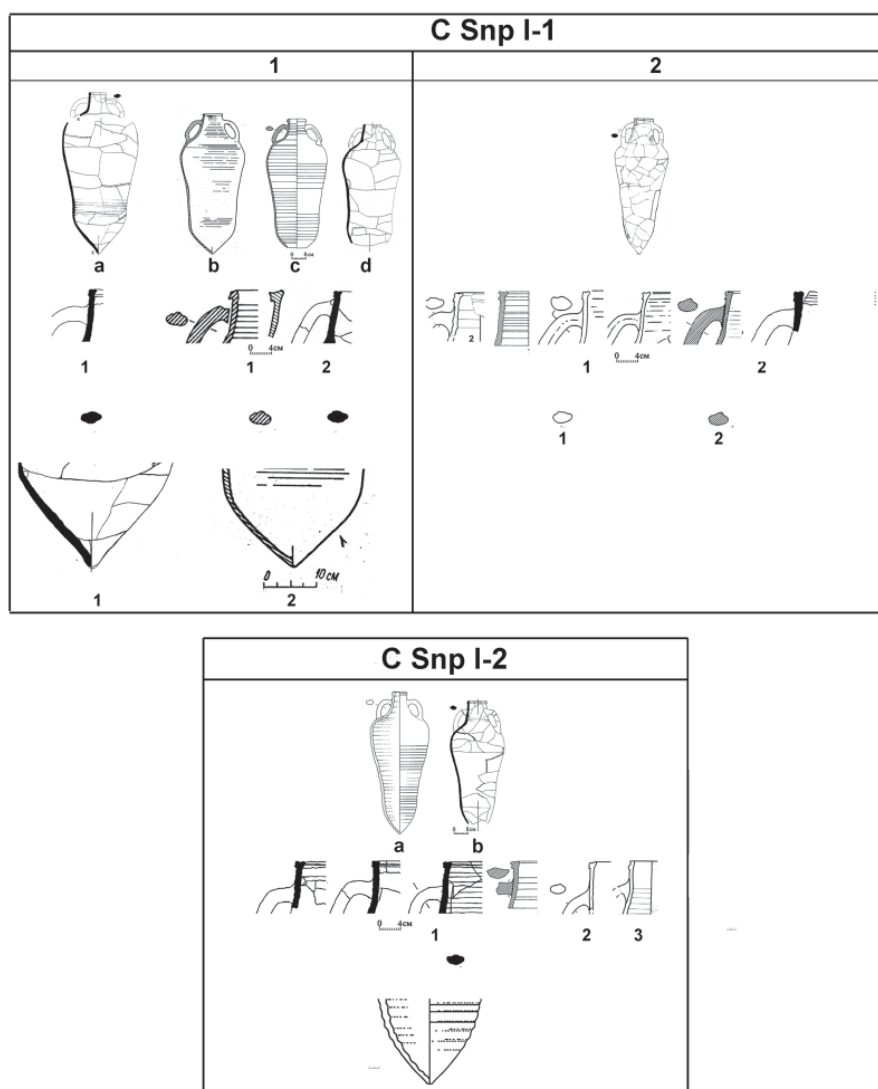

Рис. 15. Типология амфор C Snp I из контекстов втор. пол. IV в.
 Fig. 15. Classification of C Snp I-1 amphorae from AD 350–400 contexts.

Слой VIII датирован Г. Робинсоном сер. IV в.⁹² Тем самым время формирования слоя IX произошло в промежутке между серединой и кон. IV в., что и дает грубую нижнюю дату для двуручных амфор LRA 3 (Зеест- 95) с полкой ножкой в пределах сер. – втор. пол. IV в. (рис. 13). От сер. IV в. отмечена общая дата этих амфор (М 373 Агоры) в последней публикации комплексов афинских колодцев⁹³. Все эти материалы однозначно указывают на втор. пол. IV в. как на дату образования комплексов с амфорами C Snp I на Ю–З склоне горы Сокол.

⁹² Robinson 1959, pl. 41, M 255.

⁹³ Kouveli, Manoli 2021, 121, Tabl. 3.

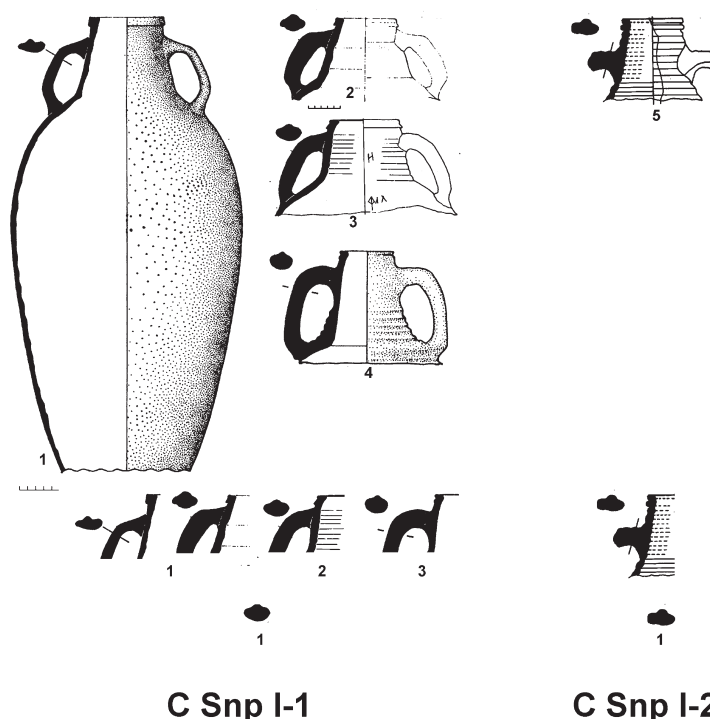

Рис. 16. Типология амфор C Snp I из контекстов первой трети V в.: 1, 4 – Ятрус, период C; 2, 3, 5 – Топрайчиой: 2 – слой II (AD 395–408); 3, 5 – слой III (AD 408–423).

Fig. 16. Typology of C Snp I amphorae from the contexts of the first third of the 5th c.: 1, 4 – Yatrus, period C; 2, 3, 5 – Topraichioi: 2 – layer II (AD 395–408); 3, 5 – layer III (AD 408–423).

Общая типология амфор C Snp I из рассмотренных контекстов втор. пол. IV в. представляется следующей (рис. 15). В рамках C Snp I-1 выделяются два подтипа с четырьмя вариантами в первом (a–d) и двумя во втором (a, b). Ручки могут иметь один или два валика. C Snp I-2 имеет три типа венчиков и один ручек.

III. КОНТЕКСТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V В. И ТИПОЛОГИЯ АМФОР C Snp I ЭТОГО ВРЕМЕНИ

Надежные контексты этого периода представлены в Ятрусе и Топрайчиой.

1. Ятрус (рис. 16, 1, 4)

Амфоры C Snp I обнаружены в контекстах горизонта C, датируемого в пределах перв. трети V в., верхняя граница которого принимается как 425–440 гг. н.э.⁹⁴

2. Топрайчиой (рис. 16, 2, 3, 5)

В Топрайчиой рассматриваемые амфоры обнаружены в слоях N II и III. Слой N II датируется 395–408 гг., N III – 408–423 гг.⁹⁵

⁹⁴ Böttger 1982, Taf. 21, 250; 1991, Taf. 47, 683; Vagalinski 2016, 227–229.

⁹⁵ Opait 1991, Taf. 21, 4; 23, 1; 24, 2; 2004, 103, pl. 18, 5a, 7.

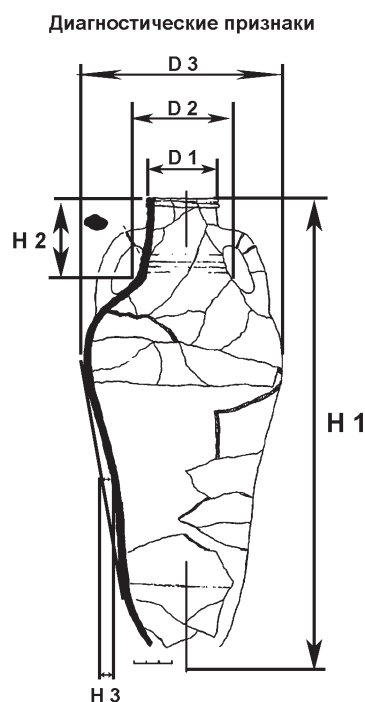

Рис. 17. Диагностические признаки амфор C Snp I.

Fig. 17. Diagnostic signs of C Snp I amphorae.

вариант	a	b	c	d		a	b	c	a	b	c	
подтип	1				2	3			1	2		
тип	C Snp I-1									C Snp I-2		

Рис. 18. Типология амфор C Snp I из датированных контекстов Причерноморья.

Fig. 18. Typology of C Snp I amphorae from the dated contexts of the Black Sea region.

Общая типология и хронология C Snp I по датированным контекстам

Рассмотренные выше контексты с амфорами C Snp I позволяют выстроить предварительную типологию этих сосудов, в основе которой лежат следующие признаки: вытянутость горла (отличие типов C Snp I-1 от C Snp I-2, соотношение H2, D1, D2), форма корпуса (наличие выраженного «перехвата» или «шва» в средней или нижней части – отличие подтипов H3), высота и максимальный диаметр корпуса (отличие вариантов H1, D3) (рис. 17). Выделяются два типа C Snp I-1 и C Snp I-2 (рис. 18)

Тип C Snp I-1 (рис. 19–20). Целые или почти целые амфоры C Snp I-1 могут быть разделены на три подтипа, первый и третий в свою очередь делятся на варианты (рис. 18). Для первого подтипа характерен выраженный «перехват» («шов», «переход»), во втором этот переход слабо выражен, в третьем – не выражен вообще.

Таблица 14. Характеристика типа C Snp I-1.

Тип	Под-тип	Вариант	D3	H1	Рисунок	Публикация	Дата контекста
C Snp I-1	1	a	44	93 (восст.)	рис. 12, 5	Джанов 2012, рис. 4, 5(?), 7	Втор. пол. IV в.
		b	37	81	рис. 10, 1	Магомедов 1991, рис. 17, 1	Втор. пол. IV в.
		c	35	77 (восст.)	рис. 8, 6	Науменко 2019, рис. 6, 1	Втор. пол. IV в.
		d	34	74 (восст.)	рис. 12, 2	Джанов 2012, рис. 5, 4	Втор. пол. IV в.
	2		31	79	рис. 12, 1	Джанов 2012, рис. 5, 1	Втор. пол. IV в.
	3	a	36	80 (восст.)	рис. 15, 1	Böttger 1991, Taf. 47, 683	Перв. треть V в.
		b	34	77 (восст.)	рис. 10, 2	Магомедов 1991, рис. 17, 2	Втор. пол. IV в.
		c	31	63 (восст.)	рис. 6, 3	Кравченко, Корпусова 1975, рис. 5, 3.	Перв. пол. – сер. IV в.

Представленные в типологии амфоры происходят в основном из контекстов втор. пол. IV в., в одном случае – из контекста перв. пол. – сер. IV и перв. трети V в.

Детальная типология хронологии венчиков, ручек и ножек C Snp I-1, а также их взаимосвязь показана на рис. 19 и 20.

Венчики. Венчики могут быть разделены на два типа. Первый тип имеет три подтипа и варианты внутри подтипов, второй – два подтипа (рис. 19).

Тип 1. Тип 1.1 а известен в контекстах перв. и втор. пол. IV в.⁹⁶, типы 1.1b и 1.1c – перв. пол. IV в.⁹⁷.

Тип 1.2 а обнаружен на амфорах из контекстов перв. пол. IV, втор. пол. IV и перв. трети V в.⁹⁸ Тип 1.2b зафиксирован на сосудах перв. пол. IV в.⁹⁹ Типы 1.2c, 1.2d известны на амфорах перв. пол. IV в., втор. пол. IV и перв. трети V в.¹⁰⁰ Тип 1.2e зафиксирован на амфорах из контекстов перв. и втор. пол. IV в.¹⁰¹, тип 1.2f – перв. пол. IV в.¹⁰², тип 1.2g – перв. и второй пол. IV в.¹⁰³, тип 1.2h – также перв. и втор. пол. IV в.¹⁰⁴

⁹⁶ Kassab Tezgör 2010a, 146, pl. 21, 7; 34, 7; 41, 72.

⁹⁷ Kassab Tezgör 2010a, 148, pl. 35, 13; 27, 30; 37, 30.

⁹⁸ Kassab Tezgör 2010a, 147–148, pl. 21, 11; 35, 11; Шелов 1965, рис. 59, 1; Böttger 1991, Taf. 47, 683.

⁹⁹ Kassab Tezgör 2010a, pl. 23, 40; 38, 40.

¹⁰⁰ Kassab Tezgör 2010a, pl. 37, 29; 44, 96; Науменко 2019, рис. 6, 2; Opait 1991, Taf. 21, 4; 23, 1.

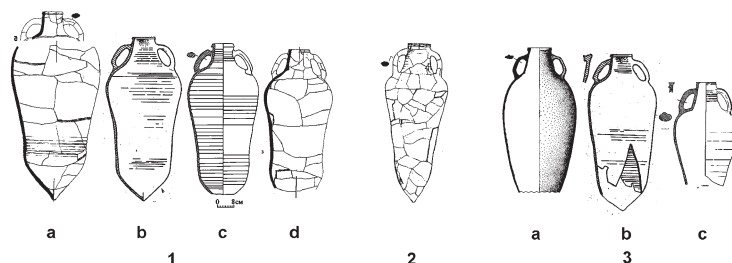
¹⁰¹ Kassab Tezgör 2010a, pl. 23, 39; 38, 39; Науменко 2019, рис. 2, 5.

¹⁰² Kassab Tezgör 2010a, pl. 37, 31.

¹⁰³ Зубарев 2002, рис. 3, 17; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 45, 2.

¹⁰⁴ Зубарев, Шапцев 2016, рис. 10; 11, 1; Джанов 2012, 71–80, рис. 6, 4.

C Snp I - 1

Первая половина V в.									
Вторая половина IV в.									
Первая половина IV в.									
вариант	a b c	a b c	d e f g h						
подтип	1	2					3	1	2
тип	1							2	

первая половина V в.			
вторая половина IV в.			
первая половина IV в.			
вариант	a b	a b	
тип	1		2

Вторая половина IV в.		
Первая половина IV в.		
тип	1	2

Рис. 19. Типология амфор C Snp I из датированных контекстов Причерноморья.

Fig. 19. Typology of C Snp I amphorae from the dated contexts of the Black Sea region.

Тип 1. 3 известен на амфоре из контекста перв. пол. IV в.¹⁰⁵

Тип 2. Оба подтипа происходят из контекстов перв. пол. IV в.¹⁰⁶

Представляется весьма вероятным, что тип 2 более ранний, чем тип 1, существование типа 2 ограничивается перв. пол. IV в.

Ручки. Ручки C Snp I-1 делятся на два типа (с одним валиком и с двумя), которые в свою очередь делятся на два варианта в зависимости от соотношения ширины и толщины (овальные в сечении и уплощенные).

¹⁰⁵ Зубарев, Ярцев 2020, рис. 11, 8.

¹⁰⁶ Kassab Tezgör 2010a, pl. 21, 12; 23, 27; pl. 37, 28.

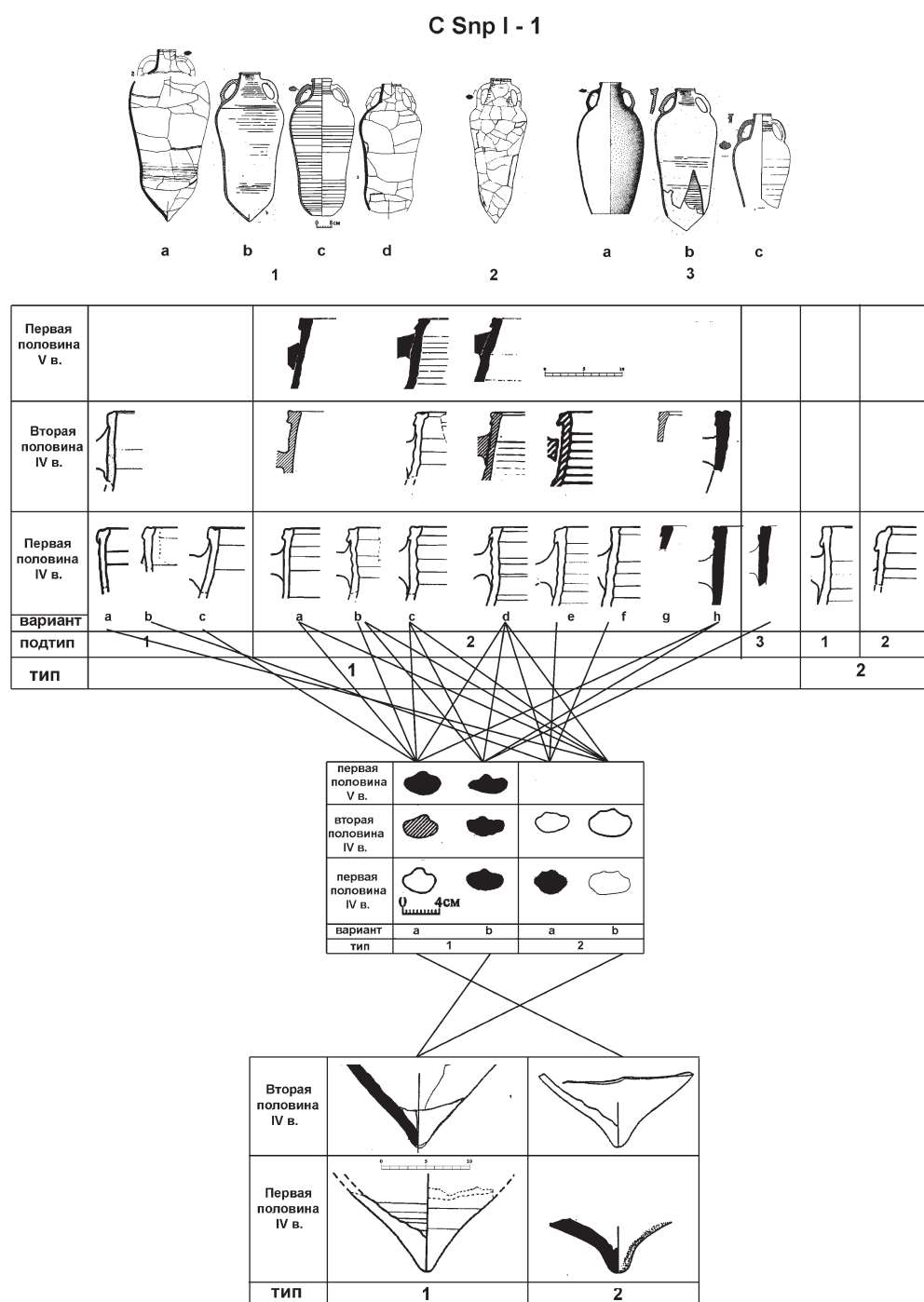

Рис. 20. Типология амфор C Snp I из датированных контекстов Причерноморья.
 Fig. 20. Typology of C Snp I amphorae from the dated contexts of the Black Sea region.

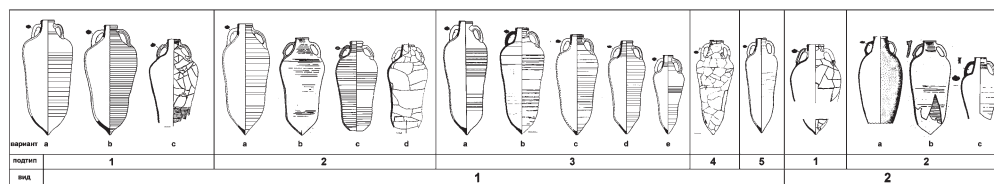

Рис. 21. Общая типология амфор C Snp I-1 с учетом целых сосудов из музейных и частных собраний Турции.

Fig. 21. C Snp I amphorae general typology, taking into account whole vessels in museum and private collections in Turkey.

Тип 1 а известен на амфорах из контекстов перв. пол. IV в., втор. пол. IV в. и перв. трети V в.¹⁰⁷ Тип 1b также фиксируется на амфорах из контекстов перв. пол. IV в., втор. пол. IV в. и перв. пол. V в.¹⁰⁸

Тип 2а встречается на амфорах из контекстов перв. и втор. пол. IV в.¹⁰⁹ Тип 2b также фиксируется на амфорах из контекстов перв. и втор. пол. IV в.¹¹⁰

В целом вероятным представляется эволюция ручек, профилированных одним валиком (тип 1а) от овальных в сечении в направлении уплощения.

Ножки. Ножки могут быть разделены на два типа. Первый – подтреугольная в сечении ножка¹¹¹, второй – подтреугольная с более пологими стенками¹¹².

Представленная на рис. 18–21 типология амфор C Snp I-1 основывается исключительно на амфорах из датированных контекстов. Однако для репрезентативности общей типологии необходимо привлечение целых амфор C Snp I-1, хранящихся в музеях, контексты находок которых не указаны. Данные амфоры были опубликованы в корпусе Д. Кассаба Тезгера.

Привлечение этих материалов позволяет предложить следующую общую типологию амфор C Snp I-1 (рис. 21). Она включает два вида: с выраженным в той или иной мере швом-перехватом (вид 1) или без него (вид 2), пять подтипов в рамках первого вида с вариантами в подтипах 1–3, два подтипа в рамках второго вида с вариантами в подтипе 2. Приведенные на таблице амфоры 1.2b–d, 1.4, 2.2b происходят из контекстов втор. пол. IV в.¹¹³, амфоры 1.1с, 2.1 – из контекста, содержащего группы материалы как первой, так и втор. пол. IV в.¹¹⁴, 2.2а – из кон-

¹⁰⁷ Kassab Tezgör 2010a, pl. 37, 29, 32; Зубарев, Шапцев 2016, рис. 8, 1; 11, 1; Науменко 2019, рис. 6, 2; Arsen'eva, Böttger 1996, Abb. 29, 1; Джанов 2012, рис. 4, 5; 5, 2; Opait 1991, Taf. 23, 1; 21, 4; Böttger 1982, Taf. 21, 250.

¹⁰⁸ Зубарев, Шапцев 2016, рис. 7, 1; 12, 10; Зубарев, Ярцев 2020, рис. 11, 2, 8; Джанов 2012, рис. 6, 4; Böttger 1991, Taf. 47, 683.

¹⁰⁹ Kassab Tezgör 2010a, pl. 37, 31, 44, 96; Зубарев 2005, рис. 5; Зубарев 2002, рис. 6, 7; Магомедов 1987, рис. 8, 3.

¹¹⁰ Сазанов 1999, рис. 1, 7; Böttger 1982, Taf. 21, 14; Науменко 2019, рис. 6, 1; Kassab Tezgör 2010a, pl. 41, 72; Шелов 1965, рис. 59, 1; Arsen'eva, Böttger 1996, Abb. 34, 1; Джанов 2012, рис. 5, 1.

¹¹¹ Kassab Tezgör 2010a, pl. 37, 33; Зубарев, Шапцев 2016, рис. 6, 1; 7, 1; 8, 1; 9, 10; Джанов 2012, рис. 4, 5, 7; Магомедов 1991, рис. 17, 1.

¹¹² Магомедов 1987, рис. 8, 4; Юрочкин, Зубарев 2001, рис. 1, 1.

¹¹³ Джанов 2012, рис. 5, 1, 4; Магомедов 1991, рис. 17, 1, 2; Науменко 2019, рис. 6, 1.

¹¹⁴ Ушаков, Дюженко, Струкова 2015, рис. 16, 2, 3.

текста перв. трети V в.¹¹⁵, 2.2с – из контекста перв. пол. – сер. IV в.¹¹⁶ Остальные сосуды (1.1a–b, 1.2a, 1.3a, с–е, 1.5) происходят из музейных собраний Турции¹¹⁷ и не датирующего амфору подводного контекста из Фанагории (1.3b)¹¹⁸.

Хронология. Как уже отмечалось, С Snr I-1, не являющиеся «примесью снизу», обнаружены в контекстах, датирующихся перв. пол. IV в., втор. пол. IV и перв. третью V в. Ясно, что амфоры происходят от позднесинопских В Snr I и В Snr II, однако время перехода одного типа в другой надежно определить пока не удастся¹¹⁹. Д. Касса́б Тезгер отмечает, что в Демирчи два контекста, содержащие большое количество амфор группы В Snr в наилучшей сохранности, соответствуют наиболее ранним печам, функционирование которых прекратилось в перв. пол. IV в.¹²⁰ В хронологической таблице для группы В указана дата от 100–150 до 250–300 гг. н.э.¹²¹

Несколько комплексов Горгиппии с этими амфорами, давших основание для нижней даты типа около 240 г., скорее всего, мешанные, хотя аргументация А.В. Смокотиной в пользу этого только косвенная, не следующая из анализов конкретных контекстов с амфорами С Snr I¹²². Вместе с тем нельзя не отметить, что в других контекстах сер. III в. эти амфоры отсутствуют.

Самые ранние контексты с амфорами С Snr I датируются перв. четв. IV в.¹²³ Керамические мастерские в Демирчи (Синопа) надежно зафиксировали производство рассматриваемых амфор в перв. пол. IV в., причем в два этапа¹²⁴. Все это указывает на начальную дату типа в пределах нач. IV в.

При этом максимально высокий процент (до 60% амфор контекстов) наблюдается в контекстах Боспора перв. четв. IV в., маркированных самыми поздними монетами 322, 324, 324/325¹²⁵. Иная пропорция характерна для контекстов перв. пол. IV в. Ятруса, где их доля составляет от 4.6 до 9%¹²⁶.

Верхняя граница типа еще более дискуссионна. Д. Касса́б Тезгер полагает, что в Демирчи амфоры типа С Snr I производились на протяжении всего IV и V вв., до нач. VI в.¹²⁷ Соответственно, на хронологической таблице в своей последней работе она поместила амфоры С Snr I в промежуток времени между 250/300–450/500 гг.¹²⁸, что противоречит ее же хронологии печей, в которых эти амфоры обжигались. С предложенной хронологией согласилась А.В. Смокотина, по мне-

¹¹⁵ Böttger 1991, Taf. 47, 683.

¹¹⁶ Кравченко, Корпусова 1975, рис. 5, 3.

¹¹⁷ Kassab Tezgör 2021, pl. XXXIII, 1, 3, 5, 6; XXXIV, 1; 2010c, pl. 18, 1, 3; Kassab Tezgör, Lemaître, Pieri 2003, pl. IX, 15.

¹¹⁸ Голофаст, Ольховский 2013, рис. 4, 1.

¹¹⁹ Kassab Tezgör 2021, pl. XXXII, 5; XXXIII, 1, 4; Vnukov 2010, fig. 2, 11, 12.

¹²⁰ Kassab Tezgör 2021, 20; Vnukov 2010, 368.

¹²¹ Kassab Tezgör 2021, 119.

¹²² Алексеева, 1997, табл. 124, 14; 156, 1; 172, 21; Шаров 2007, 156, 170; Смокотина 2011, 355–356.

¹²³ Зубарев, Шапцев 2016, 89, 90, 92, 93; Böttger 1982, Taf. 21, 14, 15.

¹²⁴ Kassab Tezgör 2010a, 102, Tab. 1; Tableaux 2010, Tab. 1.

¹²⁵ Зубарев, Шапцев 2016, 191, рис. 7, 2; Юрочкин, Зубарев 2001, 466; Зубарев 2005, 82; 2002, 124; Сокольский 1963, 189; Сазанов 1999, рис. 1, 7.

¹²⁶ Böttger 1982, 75, Tab. 6; 21, 14, 15; Böttger 1991, 157; Conrad 2007, 253, Tab. 4.

¹²⁷ Kassab Tezgör 2010a, 132.

¹²⁸ Kassab Tezgör 2021, 119, Tab. IV.

нию которой кон. V – нач. VI в. является вероятной верхней границей типа¹²⁹. В более поздней статье А.В. Смокотина отмечает, что эти амфоры доминировали в контекстах Боспора перв. пол. – сер. V в., составляя 20–30%¹³⁰. О.В. Шаров считает сер. V в. датой вероятного выхода этих амфор из обращения ввиду появления другой керамической тары во втор. пол. V в.¹³¹ А. Опайт в целом датирует рассматриваемые амфоры IV в., некоторые экземпляры заходят в нач. V в.¹³²

В контекстах мастерских Синопы (Демирчи) втор. пол. IV в., производящих C Snp I-1, доля этих амфор резко падает, составляя максимум 15%. Статистика показывает, что в сер. – втор. пол. IV в. производство амфор C Snp I-1 уступило место амфорам C Snp III. Доля амфор C Snp I-1 в контекстах Северного Причерноморья разная. В Белинском ситуация близка Демерчи с той лишь разницей, что в контекстах Белинского после разрушений 322–325 гг. амфоры C Snp I единичны, почти не встречаются¹³³. Однако они по-прежнему доминируют на некоторых черняховских памятниках, часты их находки в Танаисе¹³⁴. Показательна пропорция поселения на Ю–З склоне г. Сокол под Судаком, где они составляют около 35% амфорного комплекса.

Наиболее поздними находками амфор C Snp I-1 являются контексты периода Ятруса (408–430 гг.), Танаиса нач. V в. и Топрайчиой.

Корректно определить процент амфор C Snp I-1 в комплексах Ятруса не представляется возможным, так как в тип I.6 по Б. Беттгеру включены как амфоры C Snp I, так и C Snp II¹³⁵. Общая доля этих амфор в контекстах первой и втор. пол. IV в. составляет 9%, перв. пол. V в. – 5% от всех обнаруженных фрагментов амфор по изданию 1982 г.¹³⁶ По изданию 1991 г. цифры еще меньше: 4,6% в контекстах перв. пол. IV в., 3,6% – втор. пол. IV в. и 2,6% в контекстах перв. пол. V в.¹³⁷ Из опубликованных амфор C Snp I Ятруса две происходят из контекстов периода C 408–430 гг.¹³⁸

Раскоп XIX Танаиса показывает встречаемость рассматриваемых амфор в контекстах фаз 1 и 2, т.е. сер./втор. пол. IV – рубежа IV и V в. Отметим большую перемешанность слоев и открытый характер этих контекстов¹³⁹. Статистика амфор из контекста фазы 1 следующая:

Таблица 15. Статистика амфор из Танаиса (раскоп XIX, дом С, фаза 1).

Тип	Венчики и горла	Всего фрагментов	%	Публикация
MR 3 или LRA 10	1	1	6.7	Беттгер, Ульрих 2000, рис. 3, 1
Узкогорлые светло-глиняные E	4	4	26.7	Беттгер, Ульрих 2000, рис. 3, 1

¹²⁹ Смокотина 2011, 358.

¹³⁰ Smokotina 2016, 715.

¹³¹ Шаров 2007, 170.

¹³² Opaiť 2010, 375.

¹³³ Зубарев 2005, 82.

¹³⁴ Последняя сводка амфор C Snp I на черняховских памятниках см. Діденко 2018.

¹³⁵ Böttger 1982, Taf. 21, 14, 15; Kassab Tezgör 2010b; 2010c, pl. 18, 7; 19, 1.

¹³⁶ Böttger 1982, 75, Tab. 6.

¹³⁷ Böttger 1991, 157.

¹³⁸ Böttger 1982, Taf. 21, 250; Böttger 1991, Taf. 47, 683.

¹³⁹ Беттгер, Ульрих 2000, 287, 296.

LRA 1		5	33.3	Беттгер, Ульрих 2000, 287
C Snr I-1		5	33.3	Беттгер, Ульрих 2000, 287
Всего	5	15		

Таблица 16. Статистика амфор из Танаиса (раскоп XIX, дом С, фаза 2).

Тип	Венчики и горла	Всего фрагментов	%	Публикация
Узкогорлые светлоглиняные E	1	7	46.7	Беттгер, Ульрих 2000, 287
LRA 1		5	33.3	Беттгер, Ульрих 2000, 287 рис. 3, 7
C Snr I-1		3	20	Беттгер, Ульрих 2000, 287, рис. 3, 6
		15		

Таблица 17. Статистика амфор пос. четв. IV в из Танаиса (раскоп XIX, дом F, фаза 2).

Тип	Венчики и горла	Всего фрагментов	%	публикация
Узкогорлые светлоглиняные E	2	2	50	Беттгер, Ульрих 2000, 290
LRA 10		1	25	Беттгер, Ульрих 2000, 290, рис. 5, 1
C Snr I-1		1	25	Беттгер, Ульрих 2000, 287, 290, рис. 3, 6
		4		

Характерно, что в контексте 3 фазы дома R, датирующемся перв. пол. V в., амфоры C Snr I-1 обнаружены не были, но присутствовали уже сменяющие их амфоры C Snr II¹⁴⁰.

На раскопе XXв. фрагменты амфор C Snr I были обнаружены в нижнем слое заполнения дома Б, относящемся к первой фазе (сер. IV в. – 480-е гг.), вместе с узкогорлыми светлоглиняными E. На таблицах приведены одно горло C Snr I-1, одно – C Snr I-2 и два – амфор узкогорлых светлоглиняных E¹⁴¹.

Приведенные материалы по Танаису показывают, что доля амфор C Snr I в контекстах сер. IV – нач. V в. составляет примерно 20–30% и имеет тенденцию к уменьшению с последующим практическим исчезновением в перв. пол. V в. Отметим, что существенный процент этих амфор в контекстах Танаиса во многом является отражением немногочисленности амфорных находок, влияющей на репрезентативность процентных показателей.

Таблица 18. Статистика по контекстам в Топрайчиой.

Номер слоя	Количество фрагментов C Snr I-1	%	Дата слоя по: Opat 2004, 103
I	1	10.0	370–395 гг.
II	5	14.3	395–408 гг.
III	7	10.6	408–423 гг.
IV	1	0.7	423–433 гг.
V	5	3.0	433–441 гг.

¹⁴⁰ Беттгер, Ульрих 2000, 292, рис. 6, 7.¹⁴¹ Арсеньева, Науменко 2001, 70–71, рис. 46, 1–4.

Хотя абсолютные процентные показатели почти в три раза меньше, но общая закономерность здесь та же, что и в Танаисе – снижение доли амфор в контекстах от кон. IV – нач. V в. к сер. V в. Аналогичная тенденция прослеживается и в Ятруссе.

Приведенные данные показывают, что в более поздних контекстах амфоры С Snp I являются явной «примесью снизу». Нам представляется, что решающими для определения верхней границы рассматриваемых амфор являются даты комплексов в месте их производства в Демирчи и максимальная встречаемость амфор С Snp I-1 в датированных контекстах городища «Белинское». И то и другое, безусловно, указывают на перв. пол. IV в. Какое-то время во втор. пол. IV в. тип С Snp I-1 продолжает производиться, сменяясь характерным типом С Snp II с вытянутым горлом и типом С Snp III, что зафиксировано и раскопками гончарных мастерских в Демирчи¹⁴². Определенное короткое время эти типы могли выпускаться параллельно. Соответственно верхняя дата типа С Snp I-1, по всей видимости, должна приходиться на сер. – третью четв. IV в. Выпускались эти амфоры, видимо, до сер. – третьей четв. IV в., после чего оседали в комплексах, доживая свой цикл уже после конца выпуска. По всей вероятности, весь цикл отражает встречаемость С Snp I-1 в контекстах слоя последнего периода существования Ольвии, верхняя дата которого приходится на конец третьей четв. IV в.¹⁴³ Таким образом, тип амфор С Snp I-1 может датироваться временем от начала до третьей четв. IV в.

Возникает вопрос о причине популярности амфор С Snp I-1 в Северном Причерноморье, где они подчас доминируют в контекстах перв. пол. IV в. и более поздних черняховских памятниках. Ответ на этот вопрос был предложен Б.В. Магомедовым, который полагает, что с сер. IV в. амфоры С Snp I полностью преобладают на южных поселениях черняховской культуры и практически не известны в других местах. По мнению Б.В. Магомедова, это связано с договором Константина I с готами 332 г. После этого синопское вино в специально изготовленных больших амфорах и другие товары стали массово поступать в черняховские земли путем торговли и как составная часть вознаграждения за отряды федератов¹⁴⁴. Такая интерпретация в принципе возможна для ареала черняховской культуры, но вряд ли может быть распространена на все Северное Причерноморье, в частности, на ареал Боспора, где в контекстах Белинского эти амфоры абсолютно преобладают в более ранних контекстах, чем 332 г. Несомненно, что начало производства этих амфор в Синопе не связано с договором 332 г., т.к. произошло значительно раньше. Вместе с тем выраженная северо-причерноморская направленность в торговле этими амфорами не вызывает сомнений, хотя и вызвана другими причинами.

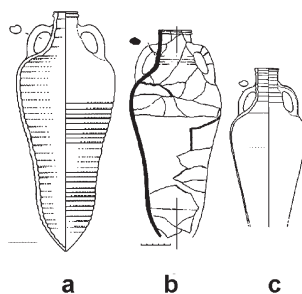
Тип С Snp I-2 (рис. 22; 23). Целые или почти целые амфоры С Snp I-2 из датированных контекстов могут быть разделены на два подтипа (с выраженным и невыраженным переходом) и три варианта. Конкретные значения и сведения представлены в следующей таблице:

¹⁴² Зубарев 2005, рис. 6; Kassab Tezgör 2010b, 129–133; 2010c, pl. 18, 6, 7; 19, 2.

¹⁴³ Krapivina 2010a, pl. 303, L-381–L-383; 304; 305, L-387; Krapivina 2010b, 73, pl. 38, 11–20; Сазанов 2012, 347.

¹⁴⁴ Магомедов 2011, 370–371.

C Snp I-2

первая половина V в.					
вторая половина IV в.					
первая половина IV в.					
вариант	a	b	c	d	
тип	1				2

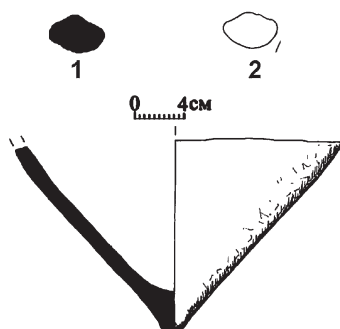
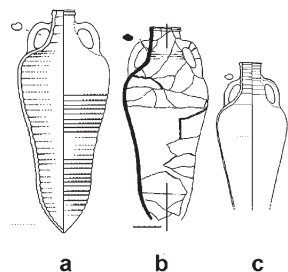

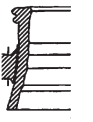

Рис. 22. Типология амфор C Snp I-2 по датированным контекстам Причерноморья.
Fig. 22. Typology of C Snp I amphorae from the dated contexts of the Black Sea region.

C Snp I-2

первая половина V в.					
вторая половина IV в.					
первая половина IV в.					
вариант	a	b	c	d	
тип			1		2

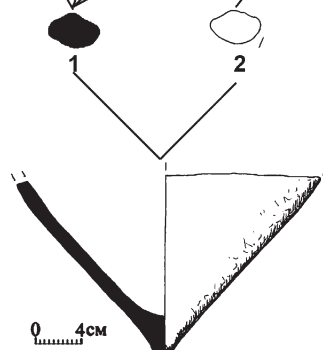

Рис. 23. Типология амфор C Snp I-2 по датированным контекстам Причерноморья.
Fig. 23. Typology of C Snp I-2 amphorae from the dated contexts of the Black Sea region.

Таблица 19. Характеристика типа C Snp I-2.

Тип	Подтип	Вариант	D3	H1	Рисунок	Публикация	Дата контекста
C Snp I-2	1	A	34	82	рис. 15	Conrad 2007, Abb. 1, 949	Втор. пол. IV в.
		B	31.5	74 (восст.)	рис. 12, 9	Джанов 2012, рис. 5, 3	Втор. пол. IV в.
	2	C	27	65 (восст.)	рис. 7, 5	Kassab Tezgör 2010a, 172, pl. 44, 97	Втор. пол. IV в.

Детальная типология хронология венчиков, ручек и ножек C Snp I-1, а также их взаимосвязь показана на рис. 22 и 23.

Венчики

Тип 1. В рамках первого можно наметить варианты a–d. Венчик 1a зафиксирован на амфоре из контекста втор. пол. IV в.¹⁴⁵, 1b – на амфорах из контекстов первой и второй пол. IV в.¹⁴⁶, 1c – на амфорах из контекстов перв. пол. IV в., втор. пол. IV и перв. трети V в.¹⁴⁷, 1d – на амфорах из контекстов первой и второй пол. IV в.¹⁴⁸.

Тип 2. Венчики этого типа встречены на амфорах из контекстов первой и второй пол. IV в.¹⁴⁹

Ручки

Тип 1. Профилированы одним валиком. Встречены на амфорах из контекстов перв. пол. IV, втор. пол. IV и перв. трети V в.¹⁵⁰

Тип 2. Профилированы двумя валиками. Встречены на амфорах из контекстов первой и второй пол. IV в.¹⁵¹

Ножки. Подтреугольная в сечении ножка, хронологически невыразительная. Зафиксирована на амфорах из контекстов первой и второй пол. IV в.¹⁵²

Взаимосвязь типов ручек, венчиков и ножек показана на рис. 23.

Представленная на рис. 22–23 типология амфор C Snp I-2 также основывается исключительно на амфорах из датированных контекстов. Однако для репрезентативности общей типологии необходимо привлечение целых амфор C Snp I-2, хранящихся в музеях, контексты находок которых не всегда указаны. Большая часть амфор были опубликованы в корпусе Д. Кассаба Тезгера, некоторые – в других изданиях.

¹⁴⁵ Джанов 2012, рис. 6, 3.

¹⁴⁶ Зубарев, Шапцев 2016, рис. 10; Джанов 2012, рис. 6, 2.

¹⁴⁷ Kassab Tezgör 2010a, pl. 37, 34; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 46, 2; Opait 1991, Taf. 24, 2.

¹⁴⁸ Сазанов 1999, рис. 1, 6; Kassab Tezgör 2010a, pl. 41, 76.

¹⁴⁹ Зубарев, Шапцев 2016, рис. 8, 2; Kassab Tezgör 2010a, pl. 41, 75.

¹⁵⁰ Зубарев, Шапцев 2016, рис. 8, 1; 9; 10; Джанов 2012, рис. 5, 3; 6, 1–3, 5; Conrad 2007, Abb. 1, 949; Kassab Tezgör 2010a, pl. 41, 76, 95; Opait 1991, Taf. 24, 2.

¹⁵¹ Зубарев, Шапцев 2016, рис. 6, 1, 2; Сазанов 1999, рис. 1, 6; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 46, 2; Науменко 2019, рис. 6, 7.

¹⁵² Зубарев, Шапцев 2016, рис. 6, 1; 8, 1; 9; 10; Conrad 2007, Abb. 1, 949.

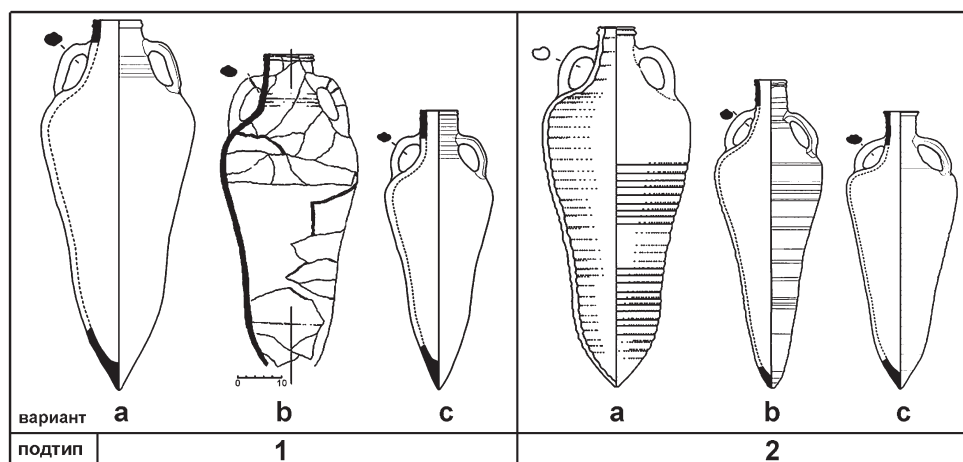

Рис. 24. Общая типология амфор C Snp I-2 с учетом целых сосудов из музейных и частных собраний Турции.

Fig. 24. C Snp I-2 amphorae general typology, taking into account whole vessels in museum and private collections in Turkey.

С учетом этих материалов может быть выстроена следующая типология (рис. 24). Выделяются два подтипа с тремя вариантами в каждом. Приведенные на таблице амфоры 1b и 2a происходят из контекстов втор. пол. IV в.¹⁵³, остальные – из музейных собраний Турции без сведений о контекстах находок¹⁵⁴.

Хронология. Амфоры C Snp I-2, так же, как и C Snp I-1, обнаружены в контекстах перв. пол. IV, втор. пол. IV и перв. трети V в. Выявлено их производство в тех же мастерских Демирчи нач. – перв. пол. IV в., что и C Snp I-1. Однако хронологически начало производства C Snp I-2 приходится на чуть более поздний период. Если амфоры C Snp I-1 начали производиться в печи A. I, 1, относящейся к первому периоду функционирования мастерской (Contexte A. Ia, 1: four A. I, 1), то амфоры C Snp I-2 – в печи A. IIa, 2 (Contexte A. IIa, 2: intérieur du four A. II, 2), относящейся уже ко второму периоду ее функционирования, когда оба эти типа выпускались параллельно¹⁵⁵. Это подтверждает генетическую преемственность и общую эволюционную линию типов. При безусловной относительной хронологии в пределах перв. пол. IV в. абсолютные даты появления типов C Snp I-1 и C Snp I-2 не столь очевидны. Учитывая то обстоятельство, что амфоры C Snp I-2 зафиксированы в самых ранних контекстах перв. четв. IV в. в городищах «Белинское» и Батарейка I, можно говорить о появлении этого типа в перв. четв. IV в., чуть позже, чем C Snp I-1¹⁵⁶. Хронологически разница между временем начала производства амфор C Snp I-1 и C Snp I-2 минимальна и находится, видимо, в пределах десятилетия. Условно, если амфоры C Snp I-1 начали производиться в начале – первом десятилетии IV в., то амфоры C Snp I-2 – в начале второго десяти-

¹⁵³ Джанов 2012, рис. 5, 3; Conrad 2007, Abb. 1, 949.

¹⁵⁴ Kassab Tezgör 2021, pL. XXXIV, 2, 5–7.

¹⁵⁵ Kassab Tezgör 2010a, 154, pl. 37, 34; 38, 36.

¹⁵⁶ Зубарев, Шапцев 2016, рис. 6, 1, 2; 8, 1, 2; 9–10; Сазанов 1999, рис. 1, 6.

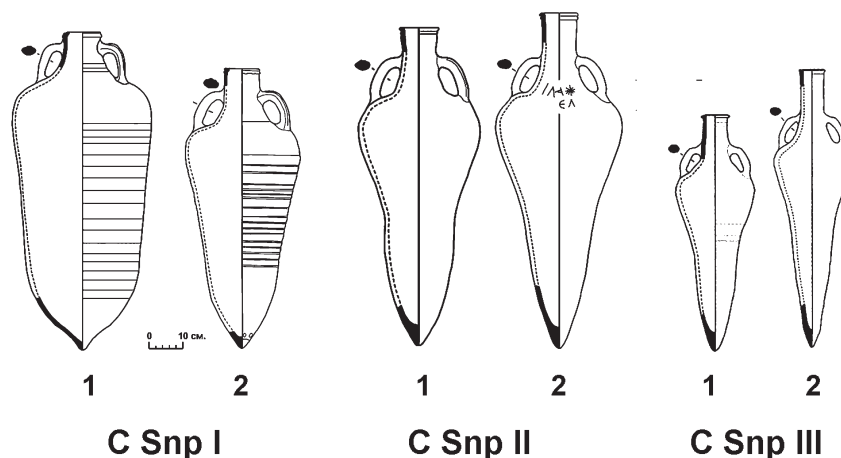

Рис. 25. Амфоры C Snp I, C Snp II, C Snp III.
Fig. 25. C Snp I, C Snp II, C Snp III amphorae.

тилетию IV в. Реально разрыв между ними может быть и меньше. Зафиксировано и продолжение производства амфор C Snp I-2 в Демирчи в сер. – втор. пол. IV в., где они производились вместе с C Snp II и C Snp III (печь А. IVa, возможно, печь В. II. 1)¹⁵⁷. Амфоры C Snp I-2 представлены в контекстах втор. пол. IV в. на поселении у г. Сокол и в Танаисе.¹⁵⁸ Самые поздние контексты, в которых C Snp I-2 не является «примесью», относятся к перв. трети V в.¹⁵⁹ Скорее всего, цикл завершается в то время, когда их сменяют амфоры C Snp II и C Snp III, на что указывают контексты Ятруса¹⁶⁰. Таким образом, по всей видимости, амфоры C Snp I-2, начав производиться в пределах перв. четв. IV в. чуть позже, чем C Snp I-1, продолжали выпускаться в сер. – начале втор. пол. IV в. вплоть, видимо, до третьей четв. IV в., далее они доживают свой цикл до перв. трети V в. Опубликованные экземпляры C Snp I-2 из Ольвии показывают присутствие этих амфор в контекстах последнего периода существования города, завершившегося в конце третьей четв. IV в.¹⁶¹

Таким образом, представляется несомненной общая эволюционная линия C Snp I-1 – C Snp I-2 – C Snp II – C Snp III (рис. 25). При этом амфоры C Snp I-1, по всей видимости, производились в начале – третьей четв. IV в., C Snp I-2 – в перв. четв. IV (после начала производства C Snp I-1) – конце третьей четв. IV в. Во втор. пол. IV – нач. V в. их сменяют C Snp II, максимальная встречаемость которых в стратифицированных контекстах приходится на перв. пол. V в.

В целом амфоры C Snp I можно датировать периодом от перв. четв. IV в. до третьей четв. IV в. с окончанием цикла в перв. трети V в., т.е. период выхода из обращения, видимо, охватывал последнюю четв. IV – перв. треть V в.

¹⁵⁷ Kassab Tezgör 2010a, 167, 170–172, pl. 41, 75, 76; 44, 97.

¹⁵⁸ Джанов 2012, рис. 5, 3; 6, 2, 3; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 46, 2; Науменко 2019, рис. 6, 7; Conrad 2007, Abb. 1, 949.

¹⁵⁹ Opait 1991, Taf. 24, 2.

¹⁶⁰ Böttger 1982, Taf. 21, 249; 24, 158; 28, 334–337.

¹⁶¹ Krapivina 2010a, pl. 303, L-382; 304, L-386; 305, L-387.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгиипия*. М.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1995: Танаис IV–V вв. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.). *БС* 6, 45–58.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2001: Раскопки Танаиса в центре восточной части городища. *ДБ* 4, 56–124.
- Бёттгер, Б., Ульрих, М. 2000: Позднеантичное поселение в Танаисе (результаты работ на раскопе XIX). *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона* 1, 282–307.
- Борисов, Б. 1985: Ранновизантийские амфоры (IV–VI в.) от Сливенски окръг, *Археология* 1, 38–45.
- Голофаст, Л.А. 2001: Стекло ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ* VIII, 87–187.
- Голофаст, Л.А., Ольховский, С.В. 2013: Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани. *ПИФК*, 55–78.
- Демьянчук, С.Г. 2003: Монеты из раскопок могильника в Килен-балке, *Одиннадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений*. СПб, 19–20.
- Джанов, А.В. 2012: Поселение на юго-западном склоне г. Сокол. *Археологический альманах Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака*, 28, 71–80.
- Діденко, С.В. 2018: *Античний керамічний імпорт у черняхівській культурі на території України. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук (доктора філософії) за спеціальністю 07.00.04. «Археологія»*. – Київ: Інститут археології НАН України, 2018. Режим доступа: http://chtyvo.org.ua/authors/Didenko_Serhii/Antychnyi_keramicnyi_import_u_cherniakhivskii_kulturi_na_terytorii_Ukrainy/
- Зубарев, В.Г. 2002: Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское». *ДБ* 5, 120–132.
- Зубарев, В.Г. 2005: Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское»). *БИ* X, 80–89.
- Зубарев, В.Г., Седых, Е.Е. 2013: Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н. э. *БИ* XXVIII, 250–274.
- Зубарев, В.Г., Шапцев, М.С. 2016: Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища «Белинское». *БИ* 32, 86–106.
- Зубарев, В.Г., Ярцев, С.В. 2019: Предварительные итоги и перспективы археологических раскопок в восточной части городища «Белинское». В сб.: Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции*. Симферополь–Керчь, 241–249. (XX Боспорские чтения).
- Зубарев, В.Г., Ярцев, С.В. 2020: Погребальные каменные сооружения на городище «Белинское» в Восточном Крыму. *ДБ* 25, 155–175.
- Зубарев, В.Г., Ярцев, С.В., Смекалов, С.Л. 2020а: Материалы позднеантичного и раннесредневекового времени из раскопок городища «Белинское» в 2019 году. *Таврические Студии* 22, 67–73.
- Зубарев, В.Г., Ярцев, С.В., Смекалов, С.Л. 2020б: Особенности планировки и основные этапы освоения восточного участка городища «Белинское». *БИ* XL, 109–139.
- Кленина, Е.Ю. 2004: *Керамические сосуды II–III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы»*. Познань.
- Кравченко, Н.М., Корпусова, В.Н. 1975: Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри, *Археологія* 18, 20–42.

- Магомедов, Б.В. 1987: Черняховское городище у с. Александровка. В сб.: *Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. Сборник научных трудов*. Киев, 26–41.
- Магомедов, Б.В. 1991: *Каменка-Анчекрак: поселение черняховской культуры*. Киев.
- Магомедов, Б.В. 2006: Римские амфоры в черняховской культуре. В кн.: *Готы и Рим*. Киев, 52–59.
- Магомедов, Б.В. 2011: Об амфорах типа «Делакеу». В кн.: *Петербургский Апокриф. Послание от Марка*. СПб, 367–372.
- Науменко, С.А. 2019. Позднеантичный Танаис и его амфоры. *Вестник Танаиса*. Т. 2/5. Ростов-на-Дону, 86–101.
- Нессель, В.А. 2003: Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка. *ХС XII*, 107–123.
- Сазанов, А.В. 1999: Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. *ПИФК VII*, 224–293.
- Сазанов, А.В. 2011: Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии Боспора позднеримского времени. *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда*. Т. I. СПб–Нижний Новгород, 325–327.
- Сазанов, А.В. 2012: Хронология амфор мирмекийского типа (Zeest- 72 – Bottger I.5) римского времени. *ДБ 16*, 321–347.
- Сазанов, А.В., Иващенко, Ю.Ф. 1989: К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора. *СА 1*, 84–102.
- Сазанов, А.В., Мокроусов, С.В. 1996: Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени. *ПИФК I*, 88–107.
- Смокотина, А.В. 2011: О хронологии амфор типа C SNPI («Делакеу»). В сб.: В сб.: Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимосвязь культур*. Симферополь–Керчь, 355–365. (XII Боспорские чтения).
- Сокольский, Н.И. 1963. Крепость на городище у хутора Батарейка I. *СА 1*, 179–191.
- Ушаков, С.В., Дюженко, Т.В., Струкова, Е.В. 2015: Исследование засыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Херсонеса (квартал XCVII, Помещение 4). *Археологический альманах. Древняя и средневековая Таврика* 32, 108–156.
- Шаров, О.В. 2007: *Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами*. СПб.
- Шелов, Д. Б. 1965: Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955–1957). В кн.: *Древности Нижнего Дона*, 56–129. (МИА 127).
- Юрочкин, В.Ю. Зубарев, В.Г. 2001: Комплекс с монетами IV века из раскопок городище Белинское. *ДБ 4*, 454–473.
- Яшная, О.С. 2015: Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа. *ПИФК 3*, 120–139.
- Annis, M.B. 1975: Amphora sexti «Festoen» opgedragen von A.N.Zadoks-Josephus Jitta bij haar zeventiyste verjaardag. *Scripta archeologica Groningiana* 6, 29–40.
- Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1996: Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1993–1995. *Eurasia Antiqua* 2, 428–469.
- Böttger, B. 1982: Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus, In *Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau*. Bd. II. Berlin, 33–148.
- Böttger, B. 1991: Die gefasskeramischen Funde (1975–1981), In *Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau*. Bd. IV. Berlin, 33–94.
- Conrad, S. 2007: Die Gefäßkeramik, In *Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau*. Bd. VI. *Ergebnisse der ausgrabungen 1992–2000*. Berlin, 210–264. (Limesforschungen 28).
- Costello, B. 2011: *An Analysis of the Architecture and Material Culture from the Earthquake House at Kourion, Cyprus. Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University at Buffalo, State University of New York in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy, Department of Classics*. New York.

- Johnson, B.L. 1988: The Pottery, In *Excavations at Jalame: site of a glass factory in late Roman Palestine: excavations conducted by a joint expedition of the University of Missouri and the Corning Museum of Glass*. Columbia, 137–226.
- Kassab Tezgör, D. 2009: Le réseau commercial des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. de notre ère. In *Varia Anatolica XXI*, 167–173.
- Kassab Tezgör, D. 2010a: Étude du matériel amphorique de la zone A et de la zone B. In *Varia Anatolica XXII*, 141–186.
- Kassab Tezgör, D. 2010b: Les fouilles de la zone A et de la zone B. In *Varia Anatolica XXII*, 43–94.
- Kassab Tezgör, D. 2010c: Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. In *Varia Anatolica XXII*, 121–140.
- Kassab Tezgör, D. 2010d: Tableaux récapitulatifs des contextes étudiés dans les zones A et B. In *Varia Anatolica XXII*, 197.
- Kassab Tezgör, D. 2010e: Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci. In *Varia Anatolica XXII*, 95–104.
- Kassab Tezgör, D. 2011: Types amphoriques romains tardifs produits simultanément à Demirci près de Sinope et dans d'autres centres. In *PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007*. Sofia, 197–202.
- Kassab Tezgör, D. 2021. *Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire (Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya))*. Oxford.
- Kassab Tezgör, D., Lemaître, S., Pieri, D. 2003: La Collection d'amphores d'İsmail Karakan à Sinop. *Anatolia Antiqua* 11, 169–200.
- Kouveli, A., Manoli E. 2021: The Amphorae from the Wells of an Athenian House, 2nd–6th Centuries AD. Exploring Trends, Trading Routes, and Contacts. In *Proceedings of a Conference. Byzantine Athens. October 21–23, 2016*. Athens, 104–127.
- Krapivina, V.V. 2010a: Transport Amphorae, Roman Period. In N.A. Lejpunskaia, P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.V. Krapivina, S.D. Kryžickij (eds.), *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD*. Aarhus, 407–409. (Black Sea Studies 13)
- Krapivina, V.V. 2010b: Amphorae of the 3rd–4th centuries A.D. in Olbia Pontica. In *Varia Anatolica XXI*, 69–73.
- Opait A., 1991: Ceramica. In M. Zahariade, Gh. Poenaru-Bordea, C. Opait, *Fortificatia si aseza-reia romana tirzie de la Babadag-Topraichioi*. Peuce 10, 211–260.
- Opait, A. 2004: *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th-6th Centuries AD)*. Oxford. (BAR IS 1274).
- Opait, A. 2010: Sinopean, Heraklean and Chersonesan “Carrot” Amphorae. *ACSS* 16.1–2, 371–556.
- Remolà, J.A., 2000: *Las ánforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis)*. Barcelona. (Colección Instrumenta 7)
- Robinson, H. 1959: *Pottery of the Roman period*. Princeton. (The Athenian Agora, vol. V).
- Smokotina, A. 2016: Late Roman amphorae from Tyritake. *Rei Cretariae Romanae Favtorvm Acta* 44, 715–724.
- Vagalinski, L. 2003: Ne varietatem timeamus - über die Chronologie des spätantiken Kastells Iatrus an der unteren Donau (Objekt XLIV). *Archaeologia Bulgarica* VII, 243–282.
- Vagalinski, L. 2016: Problem der chronologie des spätantiken kastells Iatrus an der unteren Donau 2016. In A. Schwarcz, P. Soustal, A. Tcholakova (Hrsg.), *Der Donaulimes in Spätantike und im Frühmittelalter*, 217–233. (Miscellanea Bulgarica 22).
- Vnukov, S. 2010: Sinopean Amphorae of the Roman Period. *ACSS* 16, 361–370.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya* [Gorgippia, the ancient city]. Moscow.
- Annis, M.B. 1975: Amphora sexti "Festoen" opgedragen von A.N. Zadoks-Josephus Jitta bij haar zeventiyste verjaardag. *Scripta archeological Groningiana* 6, 29–40.
- Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1996: Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1993–1995. *Eurasia Antiqua* 2, 428–469.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 1995: Tanais IV–V vv. (po materialam raskopok 1989–1992 gg.) [Tanaïs in 4th–5th centuries AD (based on materials from excavations in 1989–1992)]. *Bosporskiy sbornik* 6 [Bosporus Collection] V, 45–58.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2001: Raskopki Tanaisa v centre vostochnoj chasti gorodishha [Excavations at Tanais, in the central eastern part of the settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 4, 56–124.
- Borisov, B. 1985: Rannovizantijske amfori (IV–VI v.) ot Slivenski okrug [Early Byzantine amphorae (4th–6th century) from Slivenski district]. *Arkheologiya* [Archaeology] 1, 38–45.
- Böttger, B. 1982: Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus, In *Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau*. Bd. II. Berlin, 33–148.
- Böttger, B. 1991: Die gefasskeramischen Funde (1975–1981), In *Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau*. Bd. IV. Berlin, 33–94.
- Byottger, B., Ulrix, M. 2000: Pozdneantichnoe poselenie v Tanais (rezul'taty` rabot na raskope XIX) [Late Antique settlement in Tanais (results of work at the excavation site XIX)]. *Sarmaty i ix sosedi na Donu: Materialy` i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don: Materials and Studies on the Archaeology of the Don] 1, 282–307.
- Conrad, S. 2007: Die Gefäßkeramik, In *Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau*. Bd. VI. *Ergebnisse der ausgrabungen 1992–2000*. Berlin, 210–264. (Limesforschungen 28).
- Costello, B. 2011: *An Analysis of the Architecture and Material Culture from the Earthquake House at Kourion, Cyprus*. Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University at Buffalo, State University of New York in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy, Department of Classics. New York.
- Demyanchuk, S. G. 2003. Monety iz raskopok mogilnika v Kilen-balke [Coins from the excavations of the burial ground in Kilen-balka]. *Odinnadsataya vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Saint Peterburg, 14–18 aprelya 2003 g. Tezisy dokladov i soobshheniy* [Eleventh All-Russian Numismatic Conference. Saint Petersburg, April 14–18, 2003 Abstracts and papers]. Saint Petersburg, 19–20.
- Dzhanov, A. V. 2012: Poselenie na yugo-zapadnom sklone g. Sokol [Settlement on the southwestern slope of Sokol]. *Arkheologicheskiy al'manakh. Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statey, posvyashhenny 1800-letiyu goroda Sudaka* [Archaeological Almanac. Ancient and medieval Tavrika. Collection of Articles Dedicated to the 1800th Anniversary of Sudak] 28, 71–80.
- Didenko, S.V. 2018: *Antichniy keramichniy import u chernyakhivskiy kul'turi na teritorii Ukrainy. Disertatsiya na zdobuttya naukovogo stupenya kandidata istorichnix nauk* [Antique ceramic import from Chernyakhov culture on the territory of Ukraine. PhD Dissertation]. Kiev.
- Golofast, L.A. 2001: Steklo rannevizantiyskogo Khersonesa [Glass of Early Byzantine Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. [Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavrii] VIII, 87–187.
- Golofast, L.A., Olkhovskiy, S.V. 2013: Amfornaya tara iz podvodnykh raskopok v akvatorii Fanagoriyskoy gavanii [Amphorae from underwater excavations in the water area of

- Phanagoria harbor]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 55–78.
- Johnson, B.L. 1988: The Pottery, In *Excavations at Jalame: site of a glass factory in late Roman Palestine: excavations conducted by a joint expedition of the University of Missouri and the Corning Museum of Glass*. Columbia, 137–226.
- Kassab Tezgör, D. 2009: Le réseau commercial des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. de notre ère. In *Varia Anatolica* XXI, 167–173.
- Kassab Tezgör, D. 2010a: Étude du matériel amphorique de la zone A et de la zone B. In *Varia Anatolica* XXII, 141–186.
- Kassab Tezgör, D. 2010b: Les fouilles de la zone A et de la zone B. In *Varia Anatolica* XXII, 43–94.
- Kassab Tezgör, D. 2010c: Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. In *Varia Anatolica* XXII, 121–140.
- Kassab Tezgör, D. 2010d: Tableaux récapitulatifs des contextes étudiés dans les zones A et B. In *Varia Anatolica* XXII, 197.
- Kassab Tezgör, D. 2010e: Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci. In *Varia Anatolica* XXII, 95–104.
- Kassab Tezgör, D. 2011: Types amphoriques romains tardifs produits simultanément à Demirci près de Sinope et dans d'autres centres. In *PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007*. Sofia, 197–202.
- Kassab Tezgör, D. 2021: *Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire (Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya))*. Oxford.
- Kassab Tezgör, D., Lemaître, S., Pieri, D. 2003: La Collection d'amphores d'İsmail Karakan à Sinop. *Anatolia Antiqua* 11, 169–200.
- Klenina, E.Yu. 2004: *Keramicheskie sosudy` II–III vv. n.e`. iz usadby "Bliznecy"* [Ceramic vessels of the 2nd–3rd centuries AD from the estate "Bliznecy"]. Poznan.
- Kouveli, A., Manoli E. 2021: The Amphorae from the Wells of an Athenian House, 2nd–6th Centuries AD. Exploring Trends, Trading Routes, and Contacts. In *Proceedings of a Conference. Byzantine Athens. October 21–23, 2016*. Athens, 104–127.
- Krapivina, V.V. 2010a: Transport Amphorae, Roman Period. In N.A. Lejpunskaia, P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.V. Krapivina, S.D. Kryžickij (eds.), *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD*. Aarhus, 407–409. (Black Sea Studies 13)
- Krapivina, V.V. 2010b: Amphorae of the 3rd–4th centuries A.D. in Olbia Pontica. In *Varia Anatolica* XXI, 69–73.
- Kravchenko, N.M., Korpuseva, V.N. 1975: Deyaki risi material'noy kul'tury pizdnerimskoy Tiri [Some features of the material culture of the Late Roman Tyra]. *Arkheologiya* [Archaeology] 18, 20–42.
- Magomedov, B. V. 2006: Rimskie amfory v chernyakhovskoy kul'ture [Roman amphorae in the Chernyakhov culture]. In *Goty i Rim* [The Goths and Rome]. Kiev, 52–59.
- Magomedov, B.V. 1987: Chernyakhovskoe gorodishhe u s. Aleksandrova [Chernyakhovs' settlement near the village. Aleksandrova]. In *Dnestro-Dunayskoe mezhdurech'e v I – nachale II tys. n.e. Sbornik nauchnykh trudov* [Dniester-Danube interfluvium in the 1st–early 2nd millennium AD]. Kiev, 26–41.
- Magomedov, B.V. 1991: *Kamenka-Anchekrak: poselenie chernyakhovskoy kul'tury* [Kamenka-Anchekrak: a settlement of the Chernyakhov culture]. Kiev.
- Magomedov, B.V. 2011: Ob amforakh tipa "Delakeu" [On amphorae of the "Delakeu" type]. In *Peterburgskiy Apokrif. Poslanie ot Marka* [Saint Petersburg Apocrypha. Message from Mark]. Saint Petersburg, 367–372.

- Naumenko, S.A. 2019: Pozdneantichnyy Tanais i ego amfory` [Late Antique Tanais and its amphorae]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais], 2.5. Rostov-on-Don, 86–101.
- Nessel, V.A. 2003: Krasnolakovaya keramika iz mogil`nika Kilen-balka [Red-slipped pottery from the Kilen-balka burial ground]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection] XII, 107–123.
- Opait A., 1991: Ceramica. In M. Zahariade, Gh. Poenaru-Bordea, C. Opait, *Fortificatia si aseza-rea romana tirzie de la Babadag-Topraichioi*. Peuce 10, 211–260.
- Opait, A. 2004: *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th-6th Centuries AD)*. Oxford. (BAR IS 1274).
- Opait, A. 2010: Sinopean, Heraklean and Chersonesan “Carrot” Amphorae. *ACSS* 16.1–2, 371–556.
- Remolà, J.A., 2000: *Las ánforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis)*. Barcelona. (Colección Instrumenta 7)
- Robinson, H. 1959: *Pottery of the Roman period*. Princeton. (The Athenian Agora, vol. V).
- Sazanov, A.V. 1999: Keramicheskie komplekсы Severnogo Prichernomor'ya vtoroy poloviny IV–V vv. [Pottery contexts of the Northern Black Sea region of the second half of the 4th–5th centuries AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] VII, 224–293.
- Sazanov, A.V. 2011: Pozdnie tipy uzkogorlykh svetloglinyanykh amfor i problemy khronologii Bospora pozdnerimskogo vremeni [Late types of narrow-necked light clay amphorae and problems of the chronology of the Bosphorus of the late Roman time]. In *Trudy` III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. I, 325–327.
- Sazanov, A.V. 2012: Khronologiya amfor mirmekiyskogo tipa (Zeest 72 – Bottger I.5) rimskogo vremeni [Chronology of amphorae of the Mirmekion type (Zeest 72 – Bottger I.5) of Roman period]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 16, 321–347.
- Sazanov, A.V., Ivashhenko, Yu.F. 1989: K voprosu o datirovkax pozdneantichnykh sloev gorodov Bospora [On the dating of the late antique layers of the cities of the Bosphorus], *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 84–102.
- Sazanov, A.V., Mokrousov, S.V. 1996: Poselenie Zolotoe Vostochnoe v bukhte (Vostochnyy Krym): opyt issledovaniya stratigrafii rannevizantiyskogo vremeni [Settlement Zolotoe Vostochnoye in the bay (Eastern Crimea): the experience of studying the stratigraphy of the early Byzantine time]. *Problemy, istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] I, 88–107.
- Sharov, O.V. 2007: *Keramicheskiy kompleks nekropol'ya Chaty'r-Dag. Khronologiya kompleksov s rimskimi importami* [Ceramic complex of the Chatyr-Dag necropolis. Chronology of complexes with Roman imports]. Saint Petersburg.
- Shelov, D.B. 1965: Raskopki severo-vostochnogo uchastka Tanaisa (1955–1957) [Excavation of the northeastern section of Tanais]. *Drevnosti Nizhnego Dona*, 56–129. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Antiquities of the Lower Don. Materials and Studies on the Archaeology of the USSR] 127).
- Smokotina, A.V. 2011: O khronologii amfor tipa C SNP I (“Delakeu”) [On the chronology of amphorae type C SNP I (Delakeu)]. In *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov`ya. Vzaimovliyaniye kul'tur* [Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Mutual influence of cultures]. Simferopol–Kerch, 355–365. (*Bosporskie chteniya* [Bosporus readings]) XII).
- Smokotina, A. 2016: Late Roman amphorae from Tyritake. *Rei Cretariae Romanae Favtorvm Acta* 44, 715–724.
- Sokolskiy, N. I. 1963: Krepost` na gorodishhe u khutora Batareyka I [Fortress on the settlement near the Battereika I]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 179–191.

- Ushakov, S.V., Dyuzhenko, T.V., Strukova, E.V. 2015: Issledovanie zasypki kolodtsa rannenvizantiyskogo vremeni v severo-vostochnom rayone Khersonesa (kvartal XCVII, pomeshhenie 4) [Investigation of the backfill of an early Byzantine well in the northeastern region of Chersonesos (quarter XCVII, room 4)]. *Arkheologicheskiy al'manakh. Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [Archaeological Almanac. Ancient and medieval Taurica] 32, 108–156.
- Vagalinski, L. 2003: Ne varietatem timeamus - über die Chronologie des spätantiken Kastells Iatrus an der unteren Donau (Objekt XLIV). *Archaeologia Bulgarica* VII, 243–282.
- Vagalinski, L. 2016: Problem der chronologie des spätantiken kastells Iatrus an der unteren Donau 2016. In A. Schwarcz, P. Soustal, A. Tcholakova (Hrsg.), *Der Donaulimes in Spätantike und im Frühmittelalter*, 217–233. (Miscellanea Bulgarica 22).
- Vnukov, S. 2010: Sinopean Amphorae of the Roman Period. *ACSS* 16, 361–370.
- Yashnaya, O.S. 2015: Amfory tipa Delakeu iz raskopok Mangupa [Delakeu-type amphorae from the excavations of Mangup]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 120–139.
- Yurochkin, V.Yu., Zubarev, V.G. 2001: Kompleks s monetami IV veka iz raskopok gorodishhe Belinskoe [A complex with coins of the IV century from the excavations of the Belinskoe settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 4, 454–473.
- Zubarev, V.G. 2002: Nekotory'e voprosy' pozdneantichnoy istorii Evropeyskogo Bospora po rezul'tatam raskopok gorodishha u sela "Belinskoe" [Some questions of the late antique history of the European Bosporus based on the results of excavations of a settlement near the village of "Belinskoe"]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 5 120–132.
- Zubarev, V.G. 2005: Vozmozhnosti ispol'zovaniya amfornykh innovatsiy pri datirovaniy sloyov i kompleksov poseleniy (iz praktiki raskopok gorodishha «Belinskoe») [Possibilities of using amphora innovations in the dating of layers and complexes of settlements (from the practice of excavation of the settlement "Belinskoe")]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] X, 80–89.
- Zubarev, V.G., Sedykh, E.E. 2013: Planirovka i osnovny'e etapy zastroyki gorodishha «Belinskoe» vo II – pervoy polovine V vv. n. e' [Planning and main stages of development of the settlement "Belinskoe" in the 2nd – first half of the 5th centuries], *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] XXVIII, 250–274.
- Zubarev, V.G., Shaptsev, M.S. 2016: Kompleksy s amforami pozdnerimskogo vremeni iz raskopok gorodishha "Belinskoe" [Complexes with amphorae of the late Roman time from the excavations of the settlement "Belinskoe"]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] 32, 86–106.
- Zubarev, V.G., Yartsev, S.V. 2019: Predvaritel'nye itogi i perspektivy arkheologicheskikh raskopok v vostochnoy chasti gorodishha "Belinskoe" [Preliminary results and prospects of archaeological excavations in the eastern part of the Belinskoye settlement]. In V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovny'e itogi i perspektivy issledovaniy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. The main results and prospects of research. Materials of the international scientific conference]. Simferopol–Kerch, 241–249. (XX Bosporskie chteniya [Bosporus Readings]).
- Zubarev, V.G., Yartsev, S.V. 2020: Pogrebal'ny'e kamenny'e sooruzheniya na gorodishhe "Belinskoe" v Vostochnom Krymu [Burial stone structures at the settlement "Belinskoe" in the Eastern Crimea]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] XXV, 155–175.
- Zubarev, V.G., Yartsev, S.V., Smekalov, S.L. 2020a: Materialy pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo vremeni iz raskopok gorodishha "Belinskoe" v 2019 godu [Materials of the late antique and early medieval times from the excavations of the Belinskoye settlement in 2019]. *Tavricheskie Studii* [Tauric Studies] 22, 67–73.

Zubarev, V.G., Yartsev, S.V., Smekalov, S.L. 2020b: Osobennosti planirovki i osnovny'e etapy osvoeniya vostochnogo uchastka gorodishha Belinskoe [Features of the layout and the main stages of development of the eastern section of the Belinskoye settlement]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporus studies*] XL, 109–139.

C Snp I AMPHORAE: PROBLEMS OF CLASSIFICATION AND CHRONOLOGY

Andrey V. Sazanov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
andrei.v.sazanov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the classification and chronology of the C Snp I amphorae by D. Kassab Tezgör's typology, corresponding to the Type Zeest-100. There is no doubt that Sinope produced C Snp I amphorae during the first half of the 4th century, and they circulate in the mid-second half of the 4th/early 5th century. Their presence in later contexts is due to mixed ones (residual fragments). C Snp I class amphorae are divided into two types: C Snp I-1 and C Snp I-2, produced in the same workshops. C Snp I-1, which is not "impurity from below", is found in contexts dating to the first half of the 4th century, the second half of the 4th century and the first third of the 5th century. It is clear that the amphorae in question derive from the Late Sinope B Snp I and B Snp II. Within each of the types a detailed typology has been developed, including both the typology of the whole forms and the profile fragments. The analysis of the contexts shows that type C Snp I-1 can be dated from the beginning to the third quarter of the 4th century (time of production) with the end of the cycle in the first third of the 5th century (time of withdrawal from circulation). Amphorae of C Snp I-2 type date from the first quarter of the 4th century (after the beginning of C Snp I-1 production) to the end of the third quarter of the 4th century with the end of the cycle in the first half of the 5th century (time of withdrawal from circulation). For some time in the second half of the 4th century, type C Snp I-1 continues to be produced, being replaced by the characteristic type C Snp II with an elongated neck and type C Snp III, as recorded also by pottery excavations in Demirci.

Keywords: Early Byzantine amphorae, Sinope, typology, chronology, C Snp I amphorae, Demirci, Northern Black Sea.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-145–156

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТИРИТАКИ В IV–VI вв.

В.Н. Зинько, А.В. Зинько

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
zinko@bf-demetra.ru, alex-zinko@mail.ru

Аннотация. В последние два десятилетия впервые были исследованы постройки IV–VI вв. на нескольких участках возвышенной части Тиритаки. Установлено, что в основе планировки этого боспорского города в ранневизантийское время была городская усадьба, состоявшая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Тиритакские усадьбы были сравнительно невелики по размерам: от 150 до 300 м², что свидетельствует об однородности городского населения. Археологические исследования дают картину последовательного и динамичного развития ритуальной культуры и религиозных воззрений населения Тиритаки. Градостроительной доминантой в центральной части верхнего города являлось большое культовое здание, состоявшее из двух помещений. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно определить, каких именно языческих божеств в нем почитали. Рядом со святилищем открыто небольшое домовладение, где проживали приверженцы иудаизма, судя по найденным фрагментам стенок амфор, на которые красной краской были нанесены изображения менор. Выявленные при раскопках ритуальные предметы и строительные комплексы свидетельствуют, что в IV–V вв. городское население придерживалось языческих воззрений, в основе которых были греческие и местные боспорские культы. В то же время в городе проживало незначительное число адептов иудаизма и христианства. В последней трети V в., после официального принятия Боспорским царством христианства в качестве государственной религии, церковь начинает играть определяющую роль в религиозном мировоззрении и культовой жизни. В это время окончательно оформляется городская христианская община Тиритаки. Языческое святилище в центральной части города прекращает функционировать, а в припортовой строится христианская трехнефная базилика. С этого времени в городскую верхушку, вероятно, входят и немногочисленные представители клира во главе с местным епископом.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, ранневизантийские постройки, религия, языческое святилище, иудаизм, христианская базилика.

Данные об авторах: Зинько Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; Зинько Алексей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского.

Публикация подготовлена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Археологические исследования городища Тиритаки дают новые важные материалы для реконструкции городской жизни, в том числе, картины развития ритуальной культуры и религиозных воззрений населения на протяжении всего периода существования города. Несмотря на заметное запустение в результате походов варваров второй половины III в., в последующие три столетия Тиритака остается важным центром южной части европейского побережья Боспора Киммерийского. Кварталы с городскими усадьбами, открытые еще В.Ф. Гайдукевичем, в южной и восточной припортовой (нижней) части города сохраняют регулярную застройку¹. Тиритака в это время представляет собою совершенно оригинальный тип боспорского города, значительная часть территории которого была занята производственно-хозяйственными постройками². С севера на юг проходила главная уличная магистраль, по обеим сторонам которой располагались жилые дома, принадлежащие тиритакским рыбопромышленникам и виноделам, а вся остальная площадь города была занята главным образом производственными постройками³.

В последние два десятилетия нами впервые были исследованы постройки IV–VI вв. на нескольких участках верхнего города⁴. Они дают информацию о более сложной планировке Тиритаки, чем предполагал в свое время В.Ф. Гайдукевич. Так, на раскопе XXVI площадью более 1000 м² были открыты жилищно-хозяйственные постройки и участки мощения нескольких улиц, в основе своей повторяющие городскую планировку, заложенную еще в архаическую эпоху. Здания располагались на двух разноуровневых террасах. Верхнюю террасу с ЮЗ ограничивает подпорная стена шириной 0.8–1.0 м; с СВ к ней примыкает улица шириной до 2 м, мощенная амфорным боем. Улица существовала долго, на что указывают два уровня керамической мостовой, а также материалы из развала, перекрывшего улицу, датируемые временем не ранее третьей четверти VI в.⁵

К западу от главной улицы открыта большая городская усадьба площадью около 300 м², состоявшая из нескольких помещений, двух комплексов цистерн и хозяйственного двора. В восточной части двора усадьбы исследован рыбозасолочный комплекс из трех цистерн. При расчистке пола в северной цистерне выявлен слой костных останков керченской сельди. По-видимому, эти цистерны предназначались для производства рыбных соусов наподобие римского гарума⁶. С западной стороны от входных ворот этой усадьбы в начале VI в. н.э. был возведен комплекс для обработки кожи, состоявший из четырех небольших ванн. Судя по находкам керамики, данный комплекс ванн, как и сама городская усадьба, просуществовали до третьей четверти VI в.⁷

В восточной части раскопа XXVI открыто ещё несколько городских усадеб, от которых сохранились фрагменты стен одно- и двухкамерных построек, а также хозяйственные дворы с зерновыми ямами и винодельнями. Часть комплексов была сооружена еще в первые века н.э., а остальные – в IV – второй половине

¹ Гайдукевич 1952; 1958.

² Гайдукевич 1949, 173.

³ Гайдукевич 1949, 378.

⁴ Зинько, Зинько 2006; 2008; Зинько 2008; Зинько, Зинько, Пономарев 2020.

⁵ Зинько 2008, 329.

⁶ Зинько 2006, 182.

⁷ Зинько 2010.

V в.⁸ Серединой V – третьей четвертью VI в. датируются многочисленные хозяйственные ямы, часть которых составляют ямы-зернохранилища, обложенные камнем и имевшие каменные оголовки с крышками. В заполнении ям обнаружены многочисленные фрагменты амфор, краснолаковых мисок и кубков, стеклянных сосудов. Во дворах находились вкопанные в землю пифосы и большие боспорские амфоры⁹.

В ходе археологических исследований установлено, что в основе планировки Тиритаки в ранневизантийское время, как и в предшествующие эпохи, оставалась городская усадьба, состоявшая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Размеры тиритацких усадеб были сравнительно невелики¹⁰ – от 150 до 300 м². Это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население. Городские усадьбы блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га, ограниченную крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. Основными занятиями жителей Тиритаки были рыбный промысел и сельское хозяйство, а также некоторые ремесла.

Наши раскопки выявили, что градостроительной доминантой в центральной части верхнего города выступает большое культовое здание, состоявшее из двух помещений (рис. 1). В глубине дальнего от входа помещения II вдоль задней стены святилища сохранились остатки двух алтарей в виде прямоугольных известняковых ящиков из поставленных на ребро плоских камней (рис. 2). Алтарь 1 примыкал с востока к СЗ стене святилища. От этой конструкции уцелел только один плоский камень, установленный на продольное ребро. К югу от камня, на уровне его подошвы, прослежена подсыпка морского песка толщиной 0.01–0.02 м, которую перекрывал небольшой завал бутового камня. В 1.26 м к ЮВ от алтаря 1 находился алтарь 2, от которого сохранились три поставленные под прямым углом камня. Внутри алтаря 2 также выявлена подсыпка морского песка толщиной до 2 см. Подобные алтари известны на позднеантичных памятниках Боспора и связаны с местными культами и верованиями. В помещении I, в отличие от помещения II, культовые конструкции или хозяйственно-бытовые устройства не выявлены. К ЮЗ торцовой стене святилища, прикрывая вход, были пристроены две стены, которые могли являться остатками ограды или крытого навеса. Само здание святилища было одноэтажным и имело, по-видимому, двухскатную кровлю, крытую боспорской и синопской черепицей. Святилище прекратило функционировать не позднее середины V в. н.э. СВ часть здания (помещение II с алтарями) было разобрано, а ЮВ помещение I перестроено и используется вплоть до середины VI в.

Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать, каких именно языческих божеств в нем почитали. Тем не менее, связанные с этим святилищем отдельные культовые находки, прежде всего мелкие вотивы, все же уцелели. К их числу, вероятно, можно отнести семь фрагментов терракотовых статуэток и один обломок терракотовой маски Диониса, компактно сгруппированные к востоку от святилища в слое, перекрывшем постройки I–III вв. Найденные во дворе святилища фрагменты терракот

⁸ Зинько 2008, 334.

⁹ Зинько, Зинько 2008, 94.

¹⁰ Зинько, Зинько, Пономарев 2020, 457.

Рис.1. Здание святилища в центральной части верхнего города Тиритаки. Вид с ЮВ.
Fig.1. Sanctuary Building in the central part of the upper part of Tyritace. View from the southeast.

Рис.2. Алтари в помещении II святилища. Вид с ЮВ.
Fig.2. Altars in the Room 2 of the Sanctuary. View from the southeast.

свидетельствуют, что первоначально в нем могли поклоняться синкретическим хтоническим божествам. На последнем этапе существования святилища это также могли быть божества хтонического круга, выполнявшие функции охранные и неких дионисийских персонажей. Сохранялась долговременная преемственность всех этих традиций, несмотря на различные потрясения и перемены. Все это было обусловлено общеисторическим фоном и этно-демографической ситуацией как на Боспоре в целом, так и непосредственно в Тиритаке. Важно отметить, что тиритакское святилище было заброшено во второй половине V в., когда в припортовой части города возводиться трехнефная христианская базилика, внутреннее пространство которой было лишь немногим больше, чем недавно оставленное языческое святилище в верхнем городе¹¹.

Между тем среди жителей Тиритаки в IV–V вв. были не только adeпты языческих культов. Рядом с языческим святилищем открыто небольшое домовладение, где проживали приверженцы иудаизма, судя по найденным в хозяйственной яме № 26 середины IV – первой половины V в. фрагментам стенок амфор с дипинти в виде менор, нанесенными красной краской¹². Одно дипинти в виде меноры-семисвечника нанесено на стенку амфоры типа Carotte. Внизу красной краской прочерчено дипинти в виде крестообразного знака (рис. 3, КО.46). Второе дипинти – в виде меноры-семисвечника – нарисовано на стенке оранжевоглиняной амфоры с розоватым ангобом (рис. 3; КО.44).

Иудейские символы на транспортной таре являлись знаками кошерности содержащихся в них продуктов и наносились в соответствии с иудейскими законами ритуальной чистоты. Амфоры ранневизантийского времени с изображением меноры открыты в ряде боспорских городов и поселений. Так, в припортовом предместье Пантикапея в слое V–VI вв. найдены фрагменты амфор с изображением менор¹³. В этой связи следует также отметить, что граффити с упоминанием иудея Анания из города Боспора, найденное в херсонесской иудейской молельне, свидетельствует о существовании в среде горожан в V в. иудейской общины. Кроме того, adeпты иудаизма имели отдельный некрополь, расположенный к югу от Пантикапея¹⁴. Две амфоры с дипинти в виде меноры были найдены в 2019 г. в Фанагории в слое пожара второй половины VI в.¹⁵. Дипинти с изображением менор на стенках амфор VI – началом VII в. дали и раскопки двух сельских поселений на азовском побережье Керченского полуострова¹⁶.

Тиритакское языческое святилище функционировало несколько столетий и было заброшено лишь во второй половине V в. Это происходит в тот момент, когда христианство становится государственной религией Боспорского царства. Именно тогда появляются бесспорные свидетельства присутствия христиан среди жителей Тиритаки, вероятно, уже организованных в самостоятельную христианскую общину. События, связанные с принятием боспорской правящей верхушкой христианства в лице царя Тиберия Юлия Дуптуна, коренным образом изменили

¹¹ Зинько, Зинько 2015, 384

¹² Зинько 2011, 131.

¹³ Айбабин 2016, 14.

¹⁴ Айбабин 1999, 88.

¹⁵ Голофаст 2020, 161, прим. 2.

¹⁶ Могаричев 2003, 294–295.

Рис.3. Дипинти красной краской на стенках амфор с изображением менор из ямы № 26.
Fig.3. Menorah-dipinti with red paint on amphorae walls from Pit No. 26.

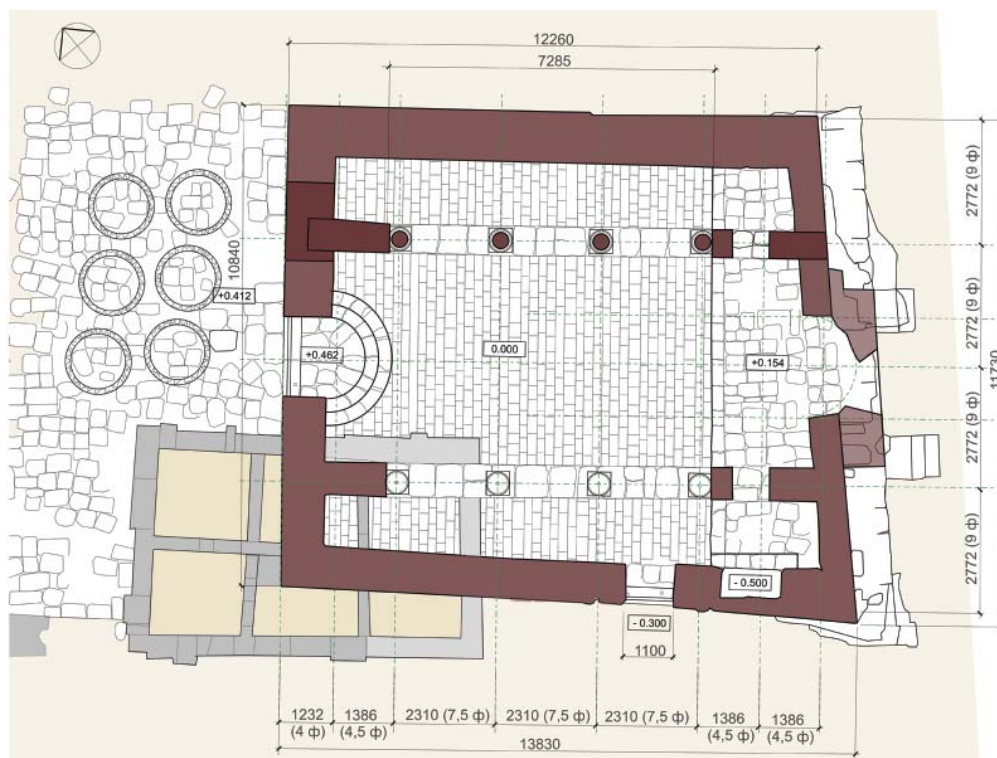

Рис.4. План тиритакской базилики (реконструкция В.В. Житникова и В.Н. Зинько).
Fig.4. Plan of the Tiritač basilica. Reconstruction by V.V. Zhitnikov and V.N. Zinko.

Рис.5. Верхняя часть пифоса с граффити в виде креста и греческой надписи.

Fig.5. Pythos' upper part bearing a graffiti in form of the cross and Greek inscription.

публичную религиозную практику: забрасываются языческие святилища, и под опекой Византии начинается строительство христианских базилик в боспорских городах. В то же время в частной жизни в той или иной степени сохранились прежние языческие верования и обряды. Отсюда период второй половины V – начала VI вв. можно рассматривать как время перехода общественной культовой жизни от языческих обрядов к христианским литургиям¹⁷.

Среди раннехристианских храмов Боспора наиболее хорошо сохранилась базилика в ЮВ части Тиритаки. Она была построена в нижней части города на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса первых веков н.э. Уцелевшая часть постройки демонстрирует, что базилика была трехнефная и ориентирована на В–ЮВ. Внутренние размеры здания: ширина – 9 м, длина до алтарной части – около 10.2 м, ширина среднего нефа – 4.75 м, ширина боковых нефов – 1.35 м. Площадь базилики была лишь немногим больше, чем заброшенного несколькими десятилетиями ранее языческого святилища в верхнем городе. Стены и фундаменты базилики сложены из грубо обработанных квадров местного известняка или просто бута. Некоторые части этого здания были сложены из кирпича-плинфы, а кровля была черепичная¹⁸. Долгое время предполагалось, что алтарная часть была пристроена на отдельном фундаменте впритык к основному корпусу здания базилики. Однако при расчистке фундамента постройки в 2007 г. нами вместе с архитек-

¹⁷ Зинько 2003, 114.

¹⁸ Гайдукевич 1952, 70.

тором В.В. Житниковым было установлено, что с восточной стороны находилась не пристройка, а два контрфорса, а в толще же очень массивной восточной стены была устроена небольшая овальная апсида (рис. 4). Ранее при исследовании базилики В.Ф. Гайдукевичем было обнаружено большое количество фрагментов мраморных архитектурных деталей, позволившие исследователю датировать эту постройку в пределах второй половины или конца V – начала VI вв.¹⁹ Очевидно, что только в последние десятилетия V в. начинается активная христианизация городских жителей Тиритаки. Ведущую роль в этом процессе, естественно, играла Византия, вероятно, обеспечившая финансирование строительства базилики для христианской общины города.

В начале VI в. Византийская империя активизирует свою политику в Крыму, в том числе и на Боспоре. Материалы раскопок свидетельствуют о сохранении во время Юстиниана I прежней планировки и границ Тиритаки. В первой половине VI в. строительство ведется в центральной части города, где перестраиваются дома и возводятся новые производственные и хозяйственные постройки²⁰. Однако крупные рыбоперерабатывающие комплексы не строятся; их сменяют лишь небольшие отдельно стоящие цистерны, предназначенные для засолки рыбы для личных нужд. Во дворах и постройках городских усадеб Тиритаки открыто много хозяйственных ям и пифосов, служивших для хранения зерна, вина и рыбы. В одной из ранневизантийских усадеб в восточной части раскопа XXVI найден винный склад из 9 амфор. Общий объем хранимого вина составлял около 147,5 л. Такое небольшое количество вряд ли предназначалось для продажи, но хранилось для личного потребления одной семьи²¹.

Для этого периода жизни города характерно присутствие среди столовой керамики большого количества краснолаковой посуды с христианской символикой, в первую очередь креста, а также полное исчезновение из обихода горожан терракотовых статуэток языческих божеств. Важная находка была сделана рядом с усадьбой с винным складом. На хозяйственном дворе соседней усадьбы открыт биконический пифос, вкопанный внутри небольшой каменной загородки, примыкающей к двухкамерному дому. На его горле по сырой глине было прочерчено графито в виде равноконечного христианского креста и надписи ΦΙΛΕ. Под срезом венчика, над граффити, нанесено пальцами шесть «медальонов», сгруппированных в виде двух треугольников (рис. 5). Пифос использовался на протяжении длительного периода, и постепенно почти до уровня горловины вокруг него отложился культурный слой. Археологический материал перекрывавшего постройки и прилегающий двор желто-суглинистого слоя из заполнения пифоса свидетельствует о прекращении жизни в этой городской усадьбе одновременно с другими строительными комплексами в третьей четверти VI в.

В 2012 г. при раскопках в западной части города была обнаружена небольшая мраморная плитка с эпитафией церковного чтеца Феодора, датируемая VI в.²² Она свидетельствует о высоком иерархическом статусе предстоятеля христианской общины Тиритаки. Имя «Феодор» фигурировало и на одной находке из раскопок

¹⁹ Гайдукевич 1952, 71

²⁰ Зинько 2008, 333–334.

²¹ Зинько, Зинько 2019.

²² Twardecki 2013, 549–550.

В.Ф. Гайдукевича. При исследованиях в припортовой части города на участке XV была найдена фляга с двумя ручками, датируемая V–VI вв. В самом центре ее выпуклого бока изображен крест, а на плоской стороне процарапана греческая надпись – обращение к святому Феодору²³.

Судя по археологическим материалам и немногочисленным эпиграфическим находкам, подавляющее большинство населения Тиритаки в IV–VI вв. составляли, как и ранее, боспорские греки (в основной массе невысокого достатка), занятые в рыболовстве и сельскохозяйственном производстве, а также ремесле и мелкой торговле. Самые крупные городские усадьбы с производственными и хозяйственными постройками, без сомнения, принадлежали незначительной по численности социальной верхушке из среды зажиточных горожан. Выявленные при раскопках отдельные ритуальные предметы и строительные комплексы свидетельствуют, что в IV–V вв. городское население в основной массе придерживалось, как и в прежние века, языческих верований, в основе которых были греческие и местные боспорские культы. Одновременно существовало незначительное число адептов иудаизма и христианства. Все это в целом соответствует общим тенденциям развития религиозного мировоззрения боспорян данной эпохи²⁴.

В последней трети V в., после официального принятия христианства в качестве государственной религии Боспора, церковь начинает играть определяющую роль в религиозном мировоззрении и культовой жизни. Окончательно оформляется и городская христианская община Тиритаки. Перестает функционировать языческое святилище в центральной части города, а в припортовой строится христианская трехнефная базилика. С этого момента в городскую верхушку входят и немногочисленные представители клира во главе с местным епископом. Этот период завершает тюркский погром 576 г., в результате которого Тиритака сильно пострадала. Город, по-видимому, был оставлен жителями, однако жизнь в нем после недолгого перерыва продолжалась еще несколько десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1999: *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Айбабин, А.И. 2016. Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре. *БЧ* XVII, 12–15.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Гайдукевич, В.Ф. 1952: Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. *МИА* 25, 15–134.
- Гайдукевич, В.Ф. 1958: Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. *МИА* 85, 149–218.
- Голофаст, Л.А. 2020: Раннесредневековая амфора с древнееврейской надписью на свинцовой пломбе из Фанагории. *РА* 3, 159–172.
- Зинько, А.В. 2006: Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н.э. *БИ* XI, 177–186.
- Зинько, А.В. 2008: Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. *Византия в контексте мировой культуры: к 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк, 1906–1984: материалы конференции*. (ТГЭ XLII). СПб, 329–337.
- Зинько, А.В. 2010: О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака. *БЧ* XI, 145–150.

²³ Гайдукевич 1958, 172–173; рис. 28а, б.

²⁴ Зинько 2010.

- Зинько, А.В. 2011: Амфоры с менорами из раскопок ранневизантийской Тиритаки. *БЧ* XII, 131–132.
- Зинько, В.Н., Зинько, А.В. 2006: Ранневизантийские слои Тиритаки (по материалам раскопок 2002–2005 гг.). *Византия в контексте мировой культуры. Тезисы докладов*. СПб., 12–13.
- Зинько, В.Н., Зинько, А.В. 2008: Тиритака в V–VI вв. н.э. *МАИЭТ* XIV, 91–102.
- Зинько, В.Н., Зинько, А.В. 2019: Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки. *МАИЭТ* XXIV, 173–185.
- Зинько, В.Н., Зинько, А.В., Пономарев, Л.Ю. 2020: *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. III. *Археологические комплексы III–VII вв.* Симферополь–Керчь.
- Зинько, Е.А. 2003: Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов. *МАИЭТ* X, 78–89.
- Зинько, Е.А. 2010: Процесс христианизации Боспорского царства. *БИ* XXIII, 424–433.
- Зинько, Е.А., Зинько, В.Н. 2015: Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака. *Византия в контексте мировой культуры. (ТГЭ LXXIV)*. СПб., 377–388.
- Могаричев, Ю.М. 2003: К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах Крыма. *ХС* XII, 287–300.
- Twardecki, A. 2013: New Greek Inscription and Graffito from Tyritake. *БЧ* XIV, 545–551.

REFERENCES

- Aybabin, A.I. 1999: *Etnicheskaya isporiya rannevizantiyskogo Kryma* [Ethnic history of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol.
- Aybabin, A.I. 2016: Evreyskaya obshchina v pozdneantichnom Pantikapee i rannesrednevekovom Bospore [The Jewish Community in the Late Antique Panticapaeum and Early Medieval Bosporus.]. *Bosporskie chteniya* [Bosporan Readings] XVII, 12–15.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [The Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Gaydukevich, V.F. 1952: Raskopki Tyritaki v 1935–1940 gg. [Excavations at Tyritace in 1935–1940]. In *Materialy i Issledovaniya po Arkheologii SSSR* [Materials and Studies on the Archaeology of USSR] 25, 15–134.
- Gaydukevich, V.F. 1958: Raskopki Tyritaki i Mirmekiya v 1946–1952 gg. In *Materialy i Issledovaniya po Arkheologii SSSR* [Materials and Studies on the Archaeology of USSR] 85, 149–218.
- Golofast, L.A. 2020: Rannesrednevekovaya amfora s drevneevreyskoy nadpis'yu na svintsovoy plombe iz Fanagorii [An early medieval amphora with a Hebrew inscription on a lead seal from Phanagoria]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 159–172.
- Mogarichev, Yu.M. 2003: K voprosu o rannesrednevekovykh iudeyskikh obshchinakh Kryma [The Early Medieval Jewish communities of the Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonese Collection] XII, 287–300.
- Twardecki, A. 2013: New Greek Inscription and Graffito from Tyritake. *Bosporskie chteniya* [Bosporan Readings] XIV, 545–551.
- Zinko, A.V. 2006: Rybolovnyy promysel v Tyritake v III v.n.e. [Fishing in Tyritace in the 3rd century AD]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XI, 177–186.
- Zinko, A.V. 2008: Bosporskiy gorod Tyritaka v rannevizantiyskuyu epokhu. Po materialam raskopok 2002–2005 gg. [Tyritace, the Bosporan City, in the Early Byzantine Period. Based on the Materials of 2002–2005 Excavations]. *Proceedings of the State Hermitage Museum. XLII: Byzantine Empire in the Context of World Culture: on the 100th Anniversary of the Birth of Alice Vladimirovna Bank, 1906–1984: Conference Materials*. Saint Petersburg, 329–337.
- Zinko, A.V. 2010: O kozhevennom dele v bosporskom gorode Tyritake [On the leather business in the Bosporan city of Tyritake]. *Bosporskie chteniya* [Bosporan Readings] XI, 145–150.

- Zinko, A.V. 2011: Amfory s menorami iz raskopok rannevizantiyskoy Tyritake [Amphorae with Menorahs from the Excavations of the Early Byzantine Tyritace]. *Bosposkie chteniya* [Bosporan Readings] XII, 131–132.
- Zinko, E.A. 2003: Khristianskie motivy v rospisyakh pantikapeyskikh skleпов [Christian motifs in the paintings of the Panticapaeon crypts]. *Materialy i issledovaniya po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavridy* [Materials and Studies on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris] X, 78–89.
- Zinko, E.A. 2010: Prozess khristianizatsii naseleniya bosporskogo goroda Tyritake [The process of Christianization of the Bosporan Kingdom]. *Bosposkie chteniya* [Bosporan Readings] XXIII, 424–433.
- Zinko, E.A., Zinko, V.N. 2015: [The process of Christianization of the Population of the Bosporan City of Tyritace]. In *Proceedings of the State Hermitage Museum. LXXIV: Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury* [Byzantine Empire in the Context of World Culture]. Saint Petersburg, 377–388.
- Zinko, V.N., Zinko, A.V. 2006: Rannevizantiyskie sloi Tyritake (po materialam raskopok 2002–2005 gg.) [Early Byzantine layers of Tyritace (based on the materials of excavations 2002–2005)]. *Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. Tezisy dokladov* [Byzantine Empire in the Context of World Culture]. Saint Petersburg, 12–13.
- Zinko, V.N., Zinko, A.V. 2008: Tyritake v V–VI vv. n.e [Tyritace in 5th and 6th centuries]. *Materialy i issledovaniya po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavridy* [Materials and Studies on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris] XIV, 91–102.
- Zinko, V.N., Zinko, A.V. 2019: Amfornyy sklad iz raskopok rannevizantiyskoy Tyritake [An Amphorae warehouse from the Excavations of the Early Byzantine Tyritace]. *Materialy i issledovaniya po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavridy* [Materials and Studies on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris] XXIV, 173–185.
- Zinko, V.N., Zinko, A.V., Ponomarev, L.Yu. 2020: Tyritake. Raskop XXVI [Tyritace. Excavation Site XXVI]. Vol. III: *Arheologicheskie komplekсы III–VII vv.* [Archaeological Complexes of 3rd to 7th century]. Simferopol–Kerch.

RELIGIOUS BELIEFS OF RESIDENTS OF TYRITACE IN THE 4th–6th CENTURIES

Viktor N. Zinko, Aleksey V. Zinko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
zinko@bf-demetra.ru, alex-zinko@mail.ru

Abstract. During the last two decades, buildings of the 4th–6th centuries have been discovered for the first time in several areas of the elevated part of Tyritace. Studies show that during the Early Byzantine period, the planning of Tyritace was based on the urban estate composed of a residential building and economic complexes located in the courtyard. The sizes of Tyritace estates were relatively small, ca. 150–300 m². All this indicates that a homogeneous urban population lived here. Excavations provide a picture of a consistent and dynamic development of the ritual culture and religious beliefs of the urban population. The large cult building consisting of two rooms was a kind of urban planning dominant in the central part of the Upper city. Further reconstructions destroyed most of the cult objects from the sanctuary. Hence, it is difficult to assert which pagan deities were worshiped there. A small household was discovered next to the sanctuary. Adeptes of Judaism lived there, judging by found fragments of amphora walls, on which red menorahs were drawn. The ritual objects and building complexes revealed

during excavations testify the majority of Tyritace residents were adepts of the Greek and local Bosporan cults in the fourth and fifth centuries. At the same time, a small number of adepts of the Judaism and Christianity lived in the town. After the official adoption of Christianity as a state religion in the Bosporan Kingdom in the last third of the fifth century, the Church began to play a decisive role in the religious worldview and cult life. As a result, the urban Christian community was finally formed in Tyritace. The pagan sanctuary in the central part of the town ceased its functioning, and the Christian three-nave basilica was built in the port area. Since that time, representatives of the clergy, headed by the local bishop, probably became a part of the urban elite.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Tyritace, early Byzantine buildings, religion, pagan sanctuary, Judaism, Christian Basilica.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 157–181
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 157–181
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-157–181

МОРЕПЛАВАНИЕ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В
КОНТЕКСТЕ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X – НАЧАЛЕ XIII ВВ.
(ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАННЫХ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ)

В.В. Лебединский¹, Н.В. Гинькут², Ю.А. Пронина³

¹ *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия*

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
v_lebedinski@mail.ru

² *Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес
Таврический», Севастополь, Россия*
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
n-ginkut@yandex.ru

³ *Институт востоковедения РАН, Москва*
julia_pronina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному изучению мореплавания в Причерноморье во второй половине X – начале XIII вв. (период наивысшей активности византийской торговли в регионе). Рассматриваются основные письменные источники, касающиеся византийской морской торговли с городами Северного Причерноморья. Результаты подводных археологических исследований в Северном Причерноморье проясняют картину важнейших торговых путей в регионе. Места кораблекрушений маркируют маршруты морской торговли, идущие вдоль побережья Крыма до Таманского полуострова. Важнейшие транзитные пути соединяли Константинополь с Херсоном и Таматархой. Груз затонувших кораблей составляли в основном плоскодонные амфоры-кувшины «таманского» типа и амфоры типов Gunsanin I, II, II–III, III, IV и XX. Основным продуктом, перевозимым на судах, было вино, поступавшее из центров Эгеиды и Мраморного моря. Не исключена также и торговля маслом из Эгеиды. Часть судов, шедших вдоль крымского берега, возможно, транспортировала в амфорах нефть с Таманского полуострова. Исследования кораблекрушений у Южного берега Крыма демонстрируют возрастающую роль Гурзуфа-Партенита и Сугдеи как торговых портов в X–XI вв. Находки кораблекрушений свидетельствуют об оживленных морских контактах в Северном Причерноморье и активной торговле с некоторыми районами Византийской империи.

Данные об авторах: Лебединский Виктор Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, зав. кафедрой «Востоковедение» СевГУ; Гинькут Наталия Витальевна – ученый секретарь ГИАМЗ «Херсонес Таврический», научный сотрудник ИВ РАН; Пронина Юлия Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50332\20.

Ключевые слова: византийский период, мореплавание, морская торговля, кораблекрушение, амфоры, подводные археологические исследования, Причерноморье.

Морская торговля играла первостепенное значение в экономике Византии. Выгодное географическое положение империи, контролирующей главные перекрестки морских путей с запада на восток и с севера на юг и обладавшей протяженной береговой линией Средиземного, Эгейского и Черного морей, предопределило доминирование Византии в морской торговле во второй половине X – начале XIII вв. В средневековье, как и во все исторические периоды, морские перевозки были намного прибыльнее сухопутных, и портовые города были обязаны своим процветанием именно морской торговле. В полной мере это относится и к Северному Причерноморью¹.

Ведущую роль центра морских коммуникаций Византии играл Константинополь. Северное Причерноморье на протяжении всего периода существования империи являлось связующим звеном между Романией и варварской периферией. В X–XII вв. особая роль в качестве северного форпоста империи здесь принадлежала Херсону².

В начале XIII в. в связи с утратой Византией контроля над Босфором характер торговли в Причерноморье меняется. Регион становится все более открытым для итальянских негодантов. Именно итальянцы со своим передовым опытом кораблестроения, навигации и совершенством кредитно-финансовых отношений инкорпорируют Причерноморье в мировую торговую коммуникацию шелкового пути от Италии до Китая³. Особая роль отводится северопричерноморскому региону.

1. ВИЗАНТИЙСКАЯ МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В X–XIII ВВ.: КРАТКИЙ ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Византийская морская торговля является предметом огромного круга специальных исследований (вся обширная литература не может быть перечислена здесь). В большинстве работ рассматриваются отдельные аспекты торговли, условия и пути распространения товаров, особенности налоговых сборов и т.д.⁴ В последнее время активно публикуются результаты новейших подводных археологических исследований, детализирующие общую стратегию понимания торговых отношений в Византийской империи. Расширяется также круг публикаций, посвященных изучению технических возможностей кораблей, составу грузов, их транспортировке в средиземноморско-причерноморском регионе и, в связи с этим, развитию торговли⁵.

¹ Necipoğlu 2017, 436–447; Zelenko 2017, 449–464.

² Айбабин 2003а, 82.

³ Еманов, Попов 1988, 76–87.

⁴ Обзор литературы см. Jacoby 2017, 627–648.

⁵ van Doorninck 2002, 899–905; Koutsouflakis 2021, 447–481; Pulak et. al 2015, 39–73; Vroom 2016, 157–177.

Между тем, источниковедческая база, освещающая аспекты морской торговли Византии в X–XIII вв., достаточно узка: это сравнительно небольшой круг письменных источников, содержащих часто лишь косвенные сведения о морской торговле⁶. Основным правовым документом Византийской империи, регламентирующим все отношения на море, являлся Родосский морской закон, действовавший вплоть до конца XI в.⁷ Сборник освещает многие аспекты экономических отношений в империи, способствующих процветанию морской торговли. Морской закон родосцев носил международный характер и применялся на широком пространстве – от Восточного Средиземноморья до Северного Причерноморья.

Круг источников по морской торговле в Северном Причерноморье также не велик. В трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» упоминаются портовые города Аспрон у устья Днестра, Херсон в Таврике, Таматарха; сообщение между различными портами Северного Причерноморья было хорошо налажено (Const. Parth. 53). В арабских источниках этого периода также отражается торговля в Причерноморье, перечисляются пошлины, взимаемые с товаров, указываются торговые пункты; однако авторы демонстрируют малую осведомленность о портах и торговле в X в. Наиболее полным источником по картографии Причерноморья является труд ал-Идриси «Развлечение истомлённого в странствиях по областям» (1154 г.), который содержит важную информацию о Херсоне и полное навигационное описание торговых путей в северопричерноморском регионе⁸.

Важнейшими источниками, характеризующими роль морской торговли в середине – третьей четверти XII в., являются хрисовул Мануила I Комнина с венецианцами 1148 г. и договор 1169 г. с лигурийским посольством во главе с Амико ди Мурта. Документы отражают ареал торговых операций итальянских купцов во всей Романии, от сирийских до черноморских портов: «Корабли генуэзских купцов имеют право проходить во все земли, кроме России и Матреги, если только его (императора) властью им будет туда разрешение»⁹. Они демонстрируют византийскую монополию на морские коммуникации в Восточном Средиземноморье, Эгеиде и Понтийском регионе, а также особое значение Северного Причерноморья для империи. В отношении Северного Причерноморья последний документ особенно важен, фиксируя начальный этап проникновения итальянской торговли в Таврику. Ряд черноморских морских маршрутов постоянно использовался еще с античной эпохи. Например, между Херсоном и Трапезундом в начале XIII в., даже после падения Константинополя в 1204 г., после IV Крестового похода, были хорошо налажены систематические морские сообщения (отправка ежегодной государственной подати)¹⁰.

Развитие морской торговли неразрывно связано как с политикой и экономикой, так и эволюцией мореплавания, кораблестроения, навигационных систем, картографии и, наконец, освоением гаваней и заливов в качестве торговых локаций. Средневековые купцы и мореплаватели пользовались традиционными

⁶ Анализ см. Jacoby 2017, 627–648.

⁷ Сюзюмов 1969, 3–54.

⁸ Калинина 2013, 196–97.

⁹ Цитата по: Еманов 1982, 63, прим. 13.

¹⁰ Богданова 1991, 56.

Рис. 1. Схема черноморских течений. Текстурированная модель с платформы GoogleEarth. Снимок от 14.12.2015 г. (Maxar Technologies).

Fig. 1. Scheme of the Black Sea currents. A textured model from the Google Earth platform. Snapshot from 12/14/2015 (Moxa Technologies).

древними торговыми путями, определяемыми гидрологическими и климатологическими особенностями морей¹¹. Так, навигация в Черном море вплоть до позднего средневековья зависела от течений. Существует основное замкнутое кольцо течения шириной 20–50 миль, проходящее в 2–5 милях от береговой линии против часовой стрелки, и несколько соединительных струй между его отдельными частями. Средняя скорость течения в этом кольце составляет 0,5–1,2 узла, но при сильных и штормовых ветрах может достигать 2–3 узлов. Весной и ранним летом, когда реки приносят в море большое количество воды, течение усиливается и становится более устойчивым¹². Штормовые ветры бушуют с конца осени до начала весны; отсюда навигационный период длился с начала весны и до конца осени¹³ (рис. 1).

Другим важным фактором для успешного мореплавания является наличие удобных гаваней. Перипл Черного моря характеризуется изрезанностью береговой линии. Большое количество естественных бухт и заливов, широких устьев рек, пригодных для стоянки судов, локализуется вдоль северного побережья Понта. Но малоазийское и кавказское побережья не имеют такого множества удобных

¹¹ Zelenko 2017, 449–464.

¹² Агбунов 1987, 5, рис. 2; Vroom 2016, 174, fig. 6; Зеленко 2008, 17.

¹³ Карпов 1984, 31.

естественных бухт¹⁴: они открыты северным и северо-восточным ветрам, делавшим навигацию в зимнее время опасной. Зависимость жизни приморских городов от морской торговли и наличия удобной гавани ярко демонстрирует судьба Фанагории в конце IX – начале X вв., когда обмеление гавани приводит город к потере статуса важного портово-торгового центра и диктует необходимость поиска альтернативных сухопутных торговых путей, а также использования других близлежащих портов – Таматархи и Кеп¹⁵.

Активность морских торговых контактов в регионе в X – начале XIII вв. подтверждают немногочисленные описания в источниках узловых портов, пунктов остановок, гаваней, особенностей навигационных путей. В частности, Константин Багрянородный упоминает основные пункты морской торговли. Важнейшим центром, соединявшим черноморскую торговлю и Средиземноморье, оставался, естественно, Константинополь¹⁶; в Северном Причерноморье крупнейшими центрами были Херсон и Таматарха (Const. Parth. 42), являясь конечными пунктами прямой торговли.

В ряде греческих ареографических текстов отмечается наличие в Черном море удобных гаваней. В источниках также акцентируется внимание на отдельных крупных пунктах транзитной торговли, таких как Синоп, Трапезунд, Амис, Херсон, Солдая, Боспор, Зихия, Фитиос и др.¹⁷ Например, произведения Иоанна Лазаропуллы содержат сведения о морском сообщении того времени между Синопом и Херсоном¹⁸.

Ал-Идриси упоминает целую цепь пунктов и городов по всему черноморскому побережью, в том числе на пути из Херсона в Матраха: Гурзуби (Гурзуф) – «населенный город на берегу моря», Бартанити (Партенит) – «небольшой, оживленный город с верфью», Шалуста (Алушта) – «красивый большой город на берегу моря», Матраха – «... большой город с множеством жителей, с процветающими округами, в нем имеются рынки и собираются ярмарки, посещаемые людьми из дальних стран»¹⁹. Определение роли порта как крупного торгового центра у ал-Идриси, по мнению В.М. Бейлиса, можно сделать по описательным данным: например, наибольшего внимания арабского автора удостоились Атрабзунда и Матраха, на западном побережье – Барнас (Варна) и Армукастро (Эрмукастро); крупными городами названы и Гурзуби, и Шалуста. Однако этот географ далеко не всегда мог определить, идет ли речь о крупном торговом центре и порте, или о селении²⁰.

Для морского путешествия первостепенное значение имеет точное определение расстояний между пунктами и времени пребывания в пути. Константин Багрянородный упоминает расстояние от Днепра до Херсона «...300 миль, а в промежутке болота и бухты, в которых херсониты добывают соль. От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние – 300 миль...» (Const. Parth. 42). Подробной инструкцией по навигации в Черном море является труд ал-Идриси, где указано время, затраченное на путешествия, и точные расстоя-

¹⁴ Карпов 1984, 31.

¹⁵ Плетнева 2003, 183.

¹⁶ Jacoby 2017, 628–629.

¹⁷ Chotzakogiu 2013, 95–96.

¹⁸ Богданова 1991, 56.

¹⁹ Бейлис 1988, 69–70.

²⁰ Бейлис 1988, 69–70.

ния между отдельными пунктами²¹: касательно плавания в районе Таврики ал-Идриси сообщает, что от устья Днепра далее в Херсон чуть менее 1 дня плавания, т.е. 80 миль, из Херсона в Джайлиту – 30 миль, из Джайлиты – в Гурзуф, цветущий город на берегу моря, – 12 миль; также определяется расстояние от Херсона до Матрахи²².

Историографические исследования византийской морской торговли рассматриваемого периода преимущественно оценивают общеэкономическую ситуацию в империи, поставки определенных статей товаров на рынки²³. Ряд работ посвящен роли тех или иных гаваней и портов средиземноморско-причерноморского региона в жизни средневекового общества²⁴. Новейшие исследования подчеркивают, что морская торговля в средневизантийский период изменилась под воздействием ряда внешних факторов: начало XI в. отмечено экономическим подъемом империи, демографическим ростом, особенно за счет городов, что влекло увеличение покупательской способности и накопление богатств²⁵. Особое значение приобретают городские гавани с их портовой инфраструктурой, которая быстро адаптируется под меняющиеся требования²⁶. Это приводит к оживлению морской торговли, которая развивается в трех основных вариантах: внутреннее каботажное плавание на небольшие расстояния, транзитное прямое плавание в конкретные пункты, диктуемое рыночным спросом, и, наконец, транзитное плавание на большие расстояния с заходом в важнейшие торговые пункты²⁷. Последний вариант морской торговли получил широкое распространение в Причерноморье, особенно в связи с активностью венецианских и генуэзских купцов.

В случае транзитной дальней навигации часть груза на борту могла предназначаться для доставки в конкретный пункт, в то время как остальная часть товара могла продаваться по пути где угодно. Судходство на короткие и средние расстояния характерно особенно для X–XI вв. в связи с предпочтениями для монастырей, торгующими излишками своей продукции, что фиксирует ряд типиконов²⁸.

Эти процессы подтверждаются и данными письменных источников. Так, например, в трактате «Об управлении империей» Константин Багрянородный отмечает прямой маршрут из Херсонеса в Южный Понт – к Ираклии Понтийской, Амастриде, Синопу, Амису, с конкретной целью торговли. Историк пишет о потребности Херсона в хлебе и вине: «Затем же должны быть посланы три василика: один — на побережье фемы Армениаки, другой — на побережье фемы Пафлагония, третий — на побережье фемы Вукелларии, чтобы захватить все суда херсонские, конфисковать и груз, и корабли, а людей связать и запереть в государственные тюрьмы и потом донести об этих делах, как их можно устроить. Кроме того, нужно, чтобы эти василики препятствовали пафлагонским и вукелларийским кораблям и береговым суденышкам Понта переплывать через море в Херсон с хлебом или вином, или с каким-либо иным продуктом, или с товаром» (Const. Parth.

²¹ Рыбаков 1952, 3–44.

²² Рыбаков 1952, 16–17; Богданова 1991, 66; Бейлис 1988, 67–76.

²³ Обзор литературы см.: Jacoby 2017, 627.

²⁴ Karagianni (ed.) 2013.

²⁵ Jacoby 2017, 630–631.

²⁶ Günsenin 2009a, 99–105.

²⁷ Jacoby 2017, 633.

²⁸ Jacoby 2017, 632–633.

53). Также отмечается, что в Романию купцы Херсона отправляются со шкурами и воском (Const. Parth. 53)²⁹.

В географии ал-Идриси упоминается два направления периплов по Черному морю. Это каботажное плавание от Трапезунда к Константинополю и Бармунию, от Трапезунда вдоль восточного побережья к Матрахе, от Херсона вдоль Крымского побережья до Матрахи, а также транзитные прямые пути – Трапезунд – Дунай, Трапезунд – Матраха³⁰.

В этой связи особое значение приобретают данные, полученные при археологических исследованиях. В новейшее время особое внимание уделяется результатам исследований кораблекрушений. Данное направление приобретает самостоятельный статус: устанавливаются типы судов, состав груза, место производства тары, товара и пр. Активно применяются естественно-научные методы в археологии: радиоуглеродный анализ дерева, археометрия и т.д. Расширение спектра таких исследований позволяет пролить новый свет на динамику мореплавания в средиземноморско-причерноморском регионе³¹.

2. МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ

Впервые византийские суда X–XIII вв. были обнаружены в Средиземноморье: корабль XI в. в заливе Серче Лимани (Турция); корабль X–XI вв., потерпевший крушение у мыса Стоба (Хорватия); судно XIII в., обнаруженное у Тартуса (Сирия); сразу несколько кораблей, открытых в районе Йеникапы в Стамбуле (Турция).

В Эгейском море на данный момент выявлено 56 кораблекрушений средневекового периода, из которых 46 относятся к концу IX–XIII вв. Груз кораблей состоял в большинстве случаев из амфор, парадной поливной посуды, а также продуктов (например, сыра)³².

В 1973 г. в заливе Серче Лимани в Средиземном море экспедиция под руководством Дж. Басса обнаружила судно XI в.³³ Место крушения корабля располагается к юго-западу от берегов Турции, напротив Родоса. Небольшая глубина залегания объекта (32 м) позволила провести подводно-археологические исследования данного корабля в 1977–1979 гг. Груз судна составляли преимущественно изделия из стекла (кроме 80 целых предметов тысячи фрагментов стекла были найдены на морском дне), исламская поливная керамика, красноглиняная столовая посуда, медная посуда, амфоры, а также специи и изюм. Стекло перевозили в 32 специальных плетеных корзинах (общий вес 3 000 кг)³⁴. Исследованы остатки деревянного корпуса корабля, особенности его конструкции и оснащения. Длина двухмачтового судна составляла примерно 15 м. Недалеко от места крушения был обнаружен якорь, брошенный при попытках удержать судно, прежде чем оно

²⁹ Богданова 1991, 55.

³⁰ Рыбаков 1952, 17–19, рис. 14.

³¹ Pulak et al. 2015, 39–73; Morozova et al. 2021, 429–446; Vroom 2016, 157–177.

³² Koutsouflakis 2021, 447–481.

³³ Об этом кораблекрушении детали см.: Bass et al. 1989; van Doorninck 1989, 247–257.

³⁴ Bass et al. 2009, 500.

разбилось о рифы. Археологический контекст кораблекрушения позволил предположить, что судно направлялось из Константинополя в Восточное Средиземноморье.

В районе Еникапы (Стамбул) в ходе подводно-археологических исследований в 2004–2013 гг. было обнаружено 37 судов V – начала XI вв. Среди них 11 объектов располагались в слоях X – начала XI вв. (суда №№ УК 1, 2, 4–8, 18, 21, 24, 25)³⁵. Эти корабли, затонувшие во время штормов, были занесены песком, что обеспечило хорошую сохранность деревянных конструкций, оснастки, груза. Выявлено два типа кораблей: т. н. «круглые суда» небольшого размера и большие галеры длиной 30 м и шириной 4 м. Обнаруженные объекты были тщательно изучены, составлены их 3D-реконструкции, проведены радиоуглеродные анализы образцов древесины.³⁶

Следы кораблекрушения X–XI вв. у мыса Стоба были обнаружены на глубине 21–28 м возле о-ва Млет, в 35 км к СЗ от Дубровника (Хорватия). Предположительно, место нашли аквалангисты еще в 1960-х гг.³⁷, но первые подводно-археологические исследования этого района были предприняты в 1975 г. К тому времени памятник уже подвергся разграблению: более 30 амфор были подняты и проданы в частные коллекции. Сохранившийся на месте археологический слой содержал только амфорный бой. Однако в ходе обследования данного района в 2009 г. была обнаружена целая амфора, запечатанная пробкой, а затем под разрушившимися амфорами был выявлен нетронутый археологический слой. Составлен фотограмметрический план места крушения судна, а в 2010–2012 гг. обнаружено и поднято более 100 амфор и фрагменты 50 изделий из стекла³⁸. В верхнем слое памятника фрагментов конструкций корабля не зафиксированы, но найден поврежденный якорь. Археологический контекст кораблекрушения позволил предположить, что данное торговое судно перевозило груз из Восточного Средиземноморья к восточному или северному побережью Адриатики³⁹.

В 1983 г. у побережья Сирии, к северу от Тартуса, в 3 км от берега на глубине 32 м случайно было обнаружено место крушения византийского судна XIII в. В 1985–1987 гг. Сирийско-Японская подводно-археологическая экспедиция под руководством проф. Ш. Танабе⁴⁰ открыла здесь скопление множества амфор и сохранившиеся конструкции судна длиной более 25 м и шириной 7–8 м. Изучение судна проводилось с использованием фотограмметрии. Груз судна составляли более 5 000 амфор, из которых около 1200 были подняты вместе с фрагментами деревянного корпуса и такелажа.

Современные глубоководные исследования позволяют выявить хорошо сохранившиеся корабли. Так, целое судно X в. было обнаружено у побережья Болгарии на глубине 94 м⁴¹. В настоящее время у берегов Болгарии реализуется крупный международный Черноморский морской археологический проект (Black Sea MAP), в который вовлечены специалисты нескольких научных организаций. С по-

³⁵ Pulak et al. 2015, 43; Kocabaş 2015, 12.

³⁶ Jones, 2015, 91–114.

³⁷ Kisić 1988, 153–167.

³⁸ Miholjek et al. 2017, 231–242.

³⁹ Kralj et al. 2016, 56.

⁴⁰ Tanabe 1989.

⁴¹ См. Black Sea shipwreck.

мощью новейшего оборудования (в том числе с использованием телеуправляемых необитаемых аппаратов – ТНПА) и специально оснащенного экспедиционного судна исследователям удалось зафиксировать более 40 кораблекрушений различных эпох, в том числе судов византийского и османского периодов. Данные исследования позволили уточнить типы и формы якорей. Для средневизантийского периода характерны железные якоря Т-образной и Y-образной формы (типы D и E), относящиеся к VII–IX и X–XI вв.⁴² Такие типы якорей были обнаружены у Ясси-Ада⁴³ и Серче-Лимани⁴⁴.

Исследования кораблекрушений в восточном Средиземноморье и Южном Понте показали, что в период развитого средневековья для морской торговли преимущественно использовались небольшие суда, длина которых не превышала 20 м. Несколько найденных судов позволили реконструировать корпуса кораблей, которые претерпели изменения на рубеже X–XI вв.⁴⁵ Размеры кораблей позволяли следовать недалеко от береговой полосы или идти вдоль цепочки островов в каботажном плавании на короткие расстояния.

Археометрические анализы амфорного материала выявили целый ряд региональных и межрегиональных однотипных мест производства тары⁴⁶. Уменьшился объем амфор, что облегчало процесс разгрузки–погрузки товара, сокращало время пребывания в порту, позволяя максимально эффективно использовать инфраструктуру небольшого порта или причала. Количество амфор, перевозимых на кораблях, колебалось от 850 до 2000, а общий вес груза не превышал 30 тонн⁴⁷. Это повышало выгодность торговли, поскольку Василий II предоставил, например, Афонской Лавре налоговое освобождение для судов, способных перевозить 6000 морских модиумов или 36 тонн⁴⁸.

Основным товаром, перевозившимся в амфорах, несомненно, было вино, о чем свидетельствуют находки на местах кораблекрушений виноградных косточек и амфор, запечатанных специальными деревянными пробками, а также граффити на стенках сосудов⁴⁹. Известно, что монастырские хозяйства активно использовали корабли для транспортировки вина, при этом, возможно, не имея собственных судов⁵⁰.

Керамика, в том числе кухонная и столовая (поливная), тоже являлась предметом морской торговли⁵¹. По-видимому, посуда была сопутствующим товаром, своеобразным «балластом» при транспортировке таких товаров, как текстиль, вино, зерно и пр. Она обеспечивала кораблю устойчивость, а ее продажа в различных пунктах приносила определенный доход⁵².

⁴² Kapitan 1984, 33–44.

⁴³ Bass, van Doorninck 1982, 121–140.

⁴⁴ Bass, van Doorninck 1978, 124.

⁴⁵ Pulak et al. 2015, 68–70.

⁴⁶ Waksman et al. 2016, 1111–1121; Morozova et al. 2021, 429–446.

⁴⁷ Vroom 2016, 169.

⁴⁸ Jacoby 2017, 633.

⁴⁹ Vroom 2016, 169; Miholjek et al. 2017, 231–232.

⁵⁰ Jacoby 2017, 634.

⁵¹ Dellaporta 1999, 118–121; Vroom 2016, 157–177; Зеленко и др. 2012, 129.

⁵² Vroom 2016, 176.

Наконец, изучение кораблекрушений с большой осторожностью позволяет реконструировать маршрут плавания и установить порт отправления и конечный пункт назначения.

3. МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ

Археологические исследования кораблекрушений в Северном Причерноморье, активизировавшиеся во второй половине XX в., на рубеже тысячелетий становятся еще интенсивнее с применением широкого спектра естественно-научных методов для комплексной интерпретации объекта⁵³.

В конце 1950-х – 1960-е гг. в ходе нескольких подводно-археологических разведок в бухте Лимен возле совр. пос. Новый Свет были зафиксированы многочисленные фрагменты керамики⁵⁴. Дальнейшие исследования на рубеже 1980–1990-х гг. позволили предположить открытие здесь места кораблекрушения, которое по обнаруженному керамическому материалу было предварительно датировано XIII–XIV вв.⁵⁵ В 1999 г. в бухте были начаты планомерные подводно-археологические раскопки экспедицией под руководством С.М. Зеленко⁵⁶. В 3 км к ЮЗ от Судака на небольшой глубине было локализовано затонувшее судно, сильно пострадавшее от волнового воздействия. Близость места кораблекрушения к берегу сделало его доступным для регулярного разграбления. Было найдено большое количество амфор, кухонной и столовой посуды конца XIII в. со следами пожара, что свидетельствует о причине гибели корабля⁵⁷. Среди находок присутствовали металлические изделия и клад серебряных монет⁵⁸. При изучении документов из генуэзского архива, относящихся ко времени данного кораблекрушения, обнаружено упоминание о гибели в 1277 г. пизанской галеры возле Солдайи (Судак), предположительно ассоциируемой с найденным судном⁵⁹. Также вблизи Судака и пос. Новый Свет были найдены остатки еще несколько кораблей средневизантийского периода с грузом византийских амфор типа Günsenin I–III.⁶⁰

В 2006–2010 гг. у крымского побережья проводились подводно-археологические исследования международной экспедиции под рук. Р. Балларда с использованием ТНПА на больших глубинах, позволившие выявить несколько десятков объектов на глубинах более 100 м, в том числе два кораблекрушения византийского периода. Первое судно было зафиксировано в 2006 г. в 23 км от ЮЗ побережья на глубине 135 м, получив условное обозначение по расположенному вблизи порту «Херсонес А»⁶¹. Судно небольшого размера (8 x 3 м), датируется по керамическому материалу X–XI вв. Фрагменты корпуса судна хорошо сохранились благодаря большой глубине залегания и особенности сероводородного слоя Черного моря –

⁵³ Назаров 2003, 7–14.

⁵⁴ Пропп 1958; Блаватский, Кошеленко 1963.

⁵⁵ Баранов 1990.

⁵⁶ Зеленко 2000.

⁵⁷ Зеленко и др. 2012, 129.

⁵⁸ Зеленко 2008, 166–167.

⁵⁹ Зеленко 2008, 142–143.

⁶⁰ Зеленко 1999, 223–254; Зеленко 2001, 82–92.

⁶¹ Brennan et al. 2011, 182.

прекрасного природного консерванта органики на морском дне⁶². Основной груз корабля составляли 200 кувшинов «таманского» типа⁶³.

Второй корабль (условное название «Форосский византиец») обнаружен в 20 км от берега на глубине 128 м на траверзе мыса Форос⁶⁴. Большая часть судна оказалась покрыта иловыми наносами, носовая и кормовая часть не сохранились. Видимая длина судна составляла 32 м, ширина – около 5 м; оно было определено как парусно-весельное⁶⁵. Груз корабля составляли амфоры; 20 грушевидных амфор с дуговидными ручками XII–XIII вв. удалось поднять вместе с деревянными фрагментами корпуса. Радиоуглеродные анализы подтвердили датировку 1020–1190 гг.⁶⁶

В 2014–2015 гг. совместной экспедицией Музея-заповедника «Судакская крепость» и Института востоковедения РАН под рук. В.В. Лебединского в центре бухты возле пос. Новый Свет на глубине 12 м был выявлен археологический материал. Фрагменты амфор IX–X вв. при штормах переносились к месту кораблекрушения XIII в. В 2015 г. специалистами данной экспедиции с помощью ГБО (гидролокатор бокового обзора) был обследован район рейдовой стоянки средневековых кораблей, где выявлено скопление железных византийских якорей и фрагментов керамики⁶⁷.

Также в 2014–2015 гг. в результате проведенной подводно-археологической разведки с использованием ГБО у мыса Мальчин в Коктебельской бухте было локализовано место кораблекрушения, найдены амфоры XI в. и железные якоря.⁶⁸ Напомним, что предыдущие исследования в Коктебельской бухте проводились еще в середине 1980-х гг. На расстоянии 120–150 м от берега, в 1 км от средневекового поселения на холме Тепсень, было обнаружено скопление керамики IX–XI вв., в котором присутствовало горло амфоры, закупоренное пробкой. В.В. Назаров интерпретировал данный комплекс как место кораблекрушения⁶⁹.

В начале 2000-х гг. в ходе работ подводной экспедиции С.М. Зеленко у южного и юго-восточного побережья Крыма найден археологический материал X–XIII вв. К западу от мыса Плака на глубине 6–10 м зафиксировано кораблекрушение, датированное по керамическому материалу, включавшему 60 амфор, IX–XI вв. У некоторых из сосудов в верхней части сохранились следы пробки. К западу от мыса Меганом в 100 м от берега на глубине 8 м было определено вероятное место кораблекрушения: найден якорь и фрагменты амфор X–XI вв. Собранный в ходе разведки археологический материал в районе мыса Меганом (керамика VI–XIII вв. и якоря) и мыса Бугас (Капсель) (VII–XIII вв.) позволяет предположить существование в этих районах якорных стоянок⁷⁰. На отрезке мыс Мальчин – Коктебель, на подводной гряде, также обнаружены фрагменты керамики разного времени, что позволило определить данный участок как опасную зону для навигации. В Пер-

⁶² Ballard 2007, 64–67.

⁶³ Buxton et al. 2008.

⁶⁴ Подробнее об этих кораблекрушениях см. Вахонеев, Лебединский 2016, 73–82.

⁶⁵ Воронов 2010, 58.

⁶⁶ Воронов 2010, 59.

⁶⁷ Зеленко и др. 2016б, 20.

⁶⁸ Зеленко и др. 2016а, 28; 2016б, 13–14.

⁶⁹ Назаров 2003, 97–98.

⁷⁰ Зеленко 2000; Morozova, Albertson 2012, 209, 210–211.

вой Гравийной бухте мыса Мальчин найдены средневековые якоря и фрагменты амфор VIII–X вв., свидетельствующие о вероятном кораблекрушении⁷¹.

В 2015 г. в ходе подводно-археологической разведки в акватории Балаклавы экспедицией Института востоковедения РАН под руководством В.В. Лебединского при участии водолазов-глубоководников клуба «Ростов-дайв» на глубине 85 м было обнаружено затонувшее судно. Данное кораблекрушение, обозначенное как «Балаклава-1», датируется по керамическому материалу XI в. В 2018 г. исследование памятника было продолжено совместной экспедицией Института востоковедения РАН и Севастопольского госуниверситета с ТНПА⁷². Была проведена фото- и видеофиксация объекта, составлен фотограмметрический план места крушения и создана его 3D-модель. На месте гибели корабля сохранились элементы корпуса судна, деревянные фрагменты которого были подняты для изучения. По результатам радиоуглеродного анализа они были датированы 970 ± 25 BP, что совпадает с датировкой керамики. Груз судна составляли амфоры одного типа – Günsenin II b (переходный тип к Günsenin III), которые позволили датировать это кораблекрушение не ранее 1040-х гг. – середины XI в. н.э.⁷³ В верхнем слое памятника найдено 250–255 амфор. Размеры поднятых сосудов варьируются от 46 до 54 см, диаметры венчиков – 10.2–11 см, высота горла – 10.2–17 см, соответственно размерам сосудов; максимальный диаметр тулова – 24–25 см. Объем данных амфор составляет около 10–11 л, что соответствует приблизительно 10.250 л – морскому метру, стандарту, предписанному Книгой епарха для продаж вина⁷⁴. О транспортировке партии амфор с вином свидетельствует находка амфоры с сохранившейся сосновой пробкой с небольшим сквозным отверстием в центре. Предположительно, торговое судно следовало из Константинополя через Синопу в Херсон.

В 2018 г. в ходе исследований с помощью ГБО района кораблекрушения «Балаклава-1» в 1200 м от него было обнаружено еще одно затонувшее судно на глубине 86 м. Размер объекта, получившего наименование «Балаклава-2», составил 22 x 6 м. Среди сохранившихся деревянных фрагментов судна выделяется мачта диаметром 50 см в основании. Фрагменты керамики не выявлены. По фрагментам древесины со следами горения это судно датируется XI–XII вв. (976 ± 35 BP). Вероятной причиной гибели корабля стал пожар. Археологический контекст и местоположение обнаруженных двух судов, их удаленность от берега (более 5 км) позволяют предположить, что оба корабля затонули одновременно.

На месте кораблекрушения «Балаклава-2» был обнаружен якорь, предварительно отнесенный к типу В⁷⁵ римского периода (II–III вв.). Однако поскольку радиоуглеродный анализ древесины корабельных конструкций показал датировку кораблекрушения XI–XII вв., следует говорить, что наряду с типом Е в этот период использовались якоря, схожие по конструкции с типом В.

Таким образом, на данный момент в ходе проведенных исследований побережья от м. Херсонес до м. Меганом найден целый ряд мест кораблекрушений, одни

⁷¹ Зеленко 2008, 118–123.

⁷² Лебединский и др. 2019, 36–45.

⁷³ Гинькут, Лебединский 2018, 151–165.

⁷⁴ Барабанова, Платонов 1982, 132–133, рис. 14. Булгаков 2000ю

⁷⁵ Kapitan 1984, 33–44.

из которых находятся у побережья, другие – на расстоянии около 5 км от берега. В отдельных бухтах зафиксировано по несколько объектов (рис. 2).

В основном корабли, обнаруженные в Крыму и относящиеся к концу IX – первой половине XIII вв., перевозили амфоры, заполненные вином, маслом или нефтью. За исключением единственного судна из района Балаклавы, все они содержали груз в виде керамической тары – плоскодонных кувшинов «таманского» типа, амфор, плоскодонных двуручных сосудов.

Таблица 1. Находки амфор X–XIII вв. в кораблекрушениях у побережья Крыма.

Место кораблекрушения	Тип амфор	Датировка
«Херсонес А»	Плоскодонные кувшины «таманского» типа	Кон. IX–XI в.
У мыса Плака	Плоскодонные кувшины «таманского» типа	Кон. IX–XI в.
Новый Свет	Плоскодонные кувшины «таманского» типа	Кон. IX–XI в.
Новый Свет	Günsenin I	Втор. пол. X – сер. XI в.
Новый Свет	Günsenin II Günsenin II amphorae of the transitional type II–III	Втор. пол. XI – нач. XII в.
Новый Свет	Günsenin III	Кон. XII – перв. пол. XIII в.
Новый Свет	Günsenin XX	XIII в.
Судак, мыс Меганом	Günsenin I Günsenin II	Сер. X – сер. XI в.
«Балаклава-2»	Günsenin II b (или Günsenin II amphorae of the transitional type II–III)	1040-е гг. / сер. XI в. – втор. пол. XI в.
«Форосский византиец»	Günsenin IV плоскодонные амфоры	Перв. пол. XIII в.
Судак (Кип-Коба, Ай-Фока)	Günsenin III Günsenin IV плоскодонные амфоры	Перв. пол. XIII в.

Плоскодонные кувшины «таманского» типа конца IX–XI вв., обнаруженные в трех кораблекрушениях (у м. Херсонес, в бухте пос. Новый Свет, у м. Плака), перевозились на кораблях, следовавших каботажным маршрутом из Таматархи в Херсон. Данный вид тары, по-видимому, предназначался для транспортировки нефти с побережья Таманского полуострова⁷⁶. Константин Багрянородный упоминает о добыче нефти в этом регионе (Const. Parth. 53). Находки фрагментов этих кувшинов при раскопках Константинополя⁷⁷ предполагают поступление последних в византийскую столицу морским путем. Доставка нефти («греческого огня») могла осуществляться, согласно свидетельству ал-Идриси, из Таматархи по основному морскому маршруту вдоль восточного побережья Черного моря, к Трапезунду и далее в Константинополь⁷⁸.

⁷⁶ Майко 2014, 99.

⁷⁷ Haеys 1992, 58, fig. 213.

⁷⁸ Рыбаков 1952, 17–19, рис. 14; Бейлис 1988, 73–74.

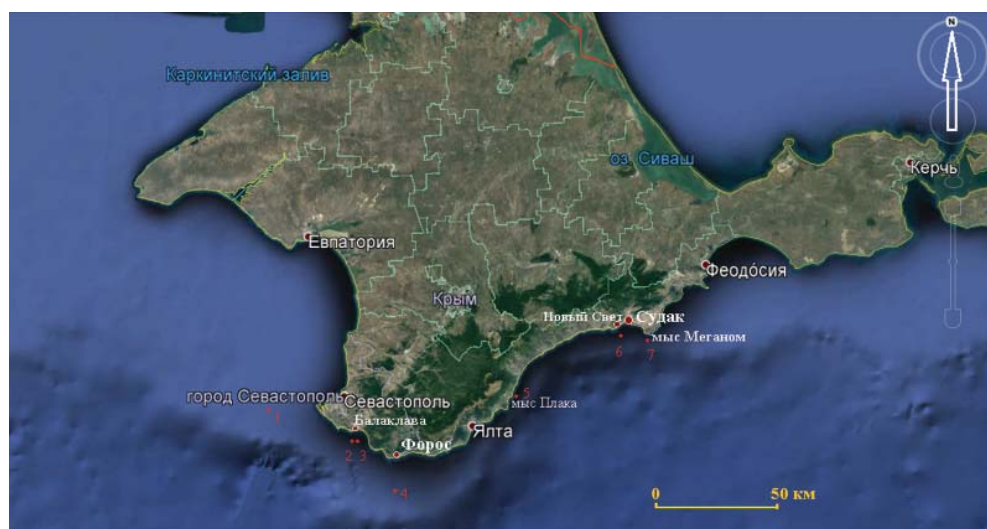

Рис. 2. Локализация кораблекрушений X – начала XIII вв. у побережья Крыма: 1 – Херсонес-А; 2 – Балаклава-1; 3 – Балаклава-2; 4 – «Форосский византиец»; 5 – мыс Плака; 6 – Новый Свет; 7 – мыс Меганом.

Fig. 2. Localization of shipwrecks of the 10th – beginning of the 13th centuries near the Crimean coast: 1 – Chersonese-A; 2 – Balaklava-1; 3 – Balaklava-2; 4 – “foros Byzantine”; 5 – Cape Plaka; 6 – New Light; 7 – Cape Meganom.

Византийские амфоры представлены традиционно встречающимися в Восточном Средиземноморье и Причерноморье типами: это амфоры второй половины X – первой половины XI вв. типов Günsenin I, II, II–III, III. Датировка данных амфор в основном охватывает XI в. Новейшие археометрические исследования лаборатории Лионского университета выявили неоднородность амфор этого типа, происходящих из нескольких центров. Ряд анализируемых сосудов принадлежит производству Халкиса⁷⁹. Среди амфор Günsenin II и II–III из кораблекрушений в бухте у пос. Новый Свет также присутствуют экземпляры из Халкиса⁸⁰. Возможно, часть амфор Günsenin III и XX относится к продукции того же центра⁸¹. Близкие по форме к сосудам из кораблекрушения у пос. Новый Свет (Günsenin II–III) амфоры из кораблекрушения «Балаклава-1» также скорее всего произведены в Халкисе.

Не исключено, что найденные амфоры типа Günsenin IV принадлежат производству Ганоса или представляют имитацию продукции этого центра. Они встречаются в кораблекрушениях на протяжении всего XIII в.⁸²

Амфоры типа Günsenin в большинстве случаев использовались для транспортировки вина, о чем свидетельствуют сосуды, запечатанные деревянными пробками с отверстиями, найденные, например, в кораблекрушениях в Судакской бухте и «Балаклава-1»⁸³.

⁷⁹ Waksman et al. 2016, 1111–1121.

⁸⁰ Morozova et al. 2021, 429–446.

⁸¹ Morozova et al. 2021, 429–446.

⁸² Gunsenin 2018, 107–108; Vroom 2016, 157–177.

⁸³ Зеленко, 2008, 46–47, 121; Гинькут, Лебединский 2018, 160.

Амфоры с вином представляли один из основных грузов византийских кораблей в X–XI вв. и активно распространялись на всей территории империи⁸⁴. Вино – важнейший компонент симпозиумов и праздничной жизни ромеев в средне- и поздневизантийский периоды⁸⁵. В X–XII вв. отмечается растущий спрос на потребление вина. Активно торгуют вином монастыри, транспортируя его на различные расстояния, хотя вряд ли монастырские хозяйства имели собственные корабли и скорее всего нанимали суда для доставки вина к месту назначения⁸⁶. Небольшие по объему амфоры типа Günsenin XX использовались для транспортировки мелких партий специального церковного вина для Евхаристии или для освященного масла⁸⁷.

Находки амфор в кораблекрушениях в Северном Причерноморье подчеркивают роль крупных городов и пунктов, вовлеченных в транзитную морскую торговлю. Главным портом средневековой Таврики безусловно выступает Херсон⁸⁸, в слоях которого выявлены все типы амфор, встречаемых в кораблекрушениях⁸⁹. Конечным пунктом морских коммуникаций в северо-восточном Причерноморье была Таматарха, упомянутая ал-Идриси как один из крупнейших городов. Находки амфорной тары всех упомянутых типов X–XII вв. в ее слоях также весьма многочисленны⁹⁰.

В рассматриваемый период возрастает роль еще двух торговых центров Южного берега Крыма, упомянутых ал-Идриси. Это Гурзуф-Партенит и Сугдея. В археологических слоях этих городов присутствует заметное количество того же амфорного материала. Византия в X в. восстанавливает крепость в Горзувитах, отстраивается и Партенит⁹¹, в котором даже функционирует верфь⁹². Значение этого пункта как крупного рынка подчеркивает вероятная связь с активной деятельностью Готской епархии, которая владела здесь одним из крупнейших в Таврике монастырем⁹³. Возвышение Сугдеи связывают с образованием фемы и активной внешней торговлей⁹⁴. Византийское присутствие в Сугдее ярко отражено не только массовым амфорным материалом, но и сфрагистическими находками⁹⁵.

Другой важный вопрос, ответ на который дают результаты археометрических исследований амфорной тары, касается начальных и конечных пунктов транзитного торгового маршрута. Присутствие в грузах кораблекрушений Северного Причерноморья амфор Ганоса маркирует поступление винной продукции непосредственно с побережья Мраморного моря и возможно говорит о прямых поставках вина и масла из Константинополя. Амфоры производства Халкиса (Негропонта) свидетельствуют о поступлении товара из Греции на побережье Таврики. Перегрузка амфор на большой корабль, такой как, например, «Балаклава-1» или

⁸⁴ Günsenin 2009 b, 145–153.

⁸⁵ Anagnostakis., Papamastorakis 2005, 154–155.

⁸⁶ Jacoby 2017, 634.

⁸⁷ Morozova et al. 2021, 429–446.

⁸⁸ Sedikova 2013, 133.

⁸⁹ Романчук и др. 1995, 68–70.

⁹⁰ Чхаидзе 2008, 158–161.

⁹¹ Айбабин 2003б, 78.

⁹² Бейлис 1988, 69–70.

⁹³ Паршина 1991, 64–100.

⁹⁴ Майко 2014, 87–99.

⁹⁵ Майко 2014, 41.

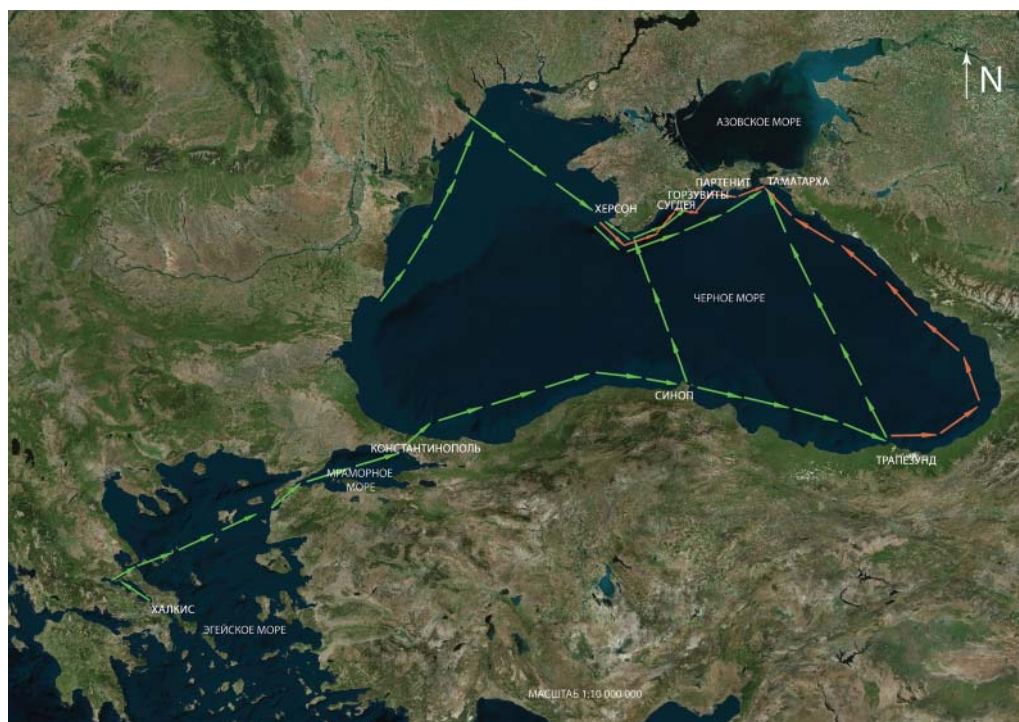

Рис. 3. Схема торговых путей в Северном Причерноморье в X – начале XIII вв. Зеленой стрелкой обозначены основные транзитные пути, красной – внутренние каботажные пути.
Fig. 3. Scheme of maritime trade routes in the Northern Black Sea region in the 10th – the beginning of the 13th century. The green arrow indicates the main transit routes, the red one indicates the internal coaster routes.

суда, найденные в районе Восточного Крыма, представляется нам достаточно сложным, маловыгодным и хлопотным процессом. Не исключено, что корабли из Восточного Средиземноморья шли транзитом через Константинополь к черноморским портам⁹⁶. Присутствие судов из Халкиса в Черном море в конце XI–XII вв., предположительно, связано с появлением первых итальянских купцов, активно осваивающих транзитную торговлю в Причерноморье. Однако данных пока недостаточно, чтобы говорить об этом уверенно, тем более что в X–XII и на рубеже XIII вв. Константинополь оставался основным портом, связывающим Средиземноморье и Причерноморье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя предварительные итоги изучения кораблекрушений в Северном Причерноморье, подчеркнем, что морская торговля в регионе в X – начале XIII вв. была очень интенсивной. Источники единодушно указывают, что главными центрами северопричерноморской торговли в этот период являлись Херсон и Тама-

⁹⁶ Jacoby 2017, 634.

тарха, которые были не только конечными пунктами транзитной византийской торговли, но и играли связующую роль между поселениями внутри региона. Также особенно возрастает в этот период роль области Гурзуфа-Партенита и Сугдеи (рис. 3).

Торговые пути шли как по прямому транзитному маршруту, пересекающему Черное море, так и традиционным каботажным маршрутом вдоль крымских берегов до Таманского п-ова. Полная идентичность археологического материала из кораблекрушений и ближайших к ним портов или торговых пунктов дают возможность говорить о транзитных морских плаваниях между прибрежными центрами Эгейского моря, Константинополем и северопричерноморскими городами. Основным товаром, перевозимым в амфорах на кораблях по внутренним каботажным черноморским маршрутам, была нефть с Таманского полуострова. Транзитным способом из Эгеиды через Константинополь в Причерноморье поставлялось, прежде всего, вино, а также, возможно, масло.

Таким образом, исследования кораблекрушений и использование естественно-научных методов в археологии, открывают новые перспективы в изучении морской торговли и мореплавания в Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 2003а: Херсон. В сб.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Археология. Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М., 82–86.
- Айбабин, А.И. 2003б: Степь и Юго-Западный Крым. В сб.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Археология. Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М., 74–81.
- Агбунов, М.В. 1987: *Античная лоция Черного моря*. М.
- Барабанова, О.О., Платонов, С.Б. 1982: К методике изучения объемов средневековых амфор. *АДСВ* 19, 127–133.
- Баранов, И.А. 1990: *Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на мысе Ай-Фока близ пос. Морское в 1990 г.* Архив ИА АН УССР. № 1990/23.
- Бейлис, В. М. 1988: Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними. В сб.: *Торговля и мореплавание в бассейне Чёрного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 67–76.
- Блаватский, В.Д., Кошеленко, Г.А. 1963: *Открытие затонувшего мира*. М.
- Богданова, Н.М. 1991: Херсон в X–XV вв. Проблемы истории Византийского города. В кн.: С.П. Карпов (ред.), *Причерноморье в средние века*. М., 8–172.
- Булгаков, В.В. 2000: Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы. *Восточноевропейский археологический журнал* 4(5). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>
- Вахонеев, В.В., Лебединский, В.В. 2016: Глубоководные средневековые кораблекрушения акватории Крыма. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 5, 73–82.
- Воронов, С.О. 2010: Дослідження підводно-археологічної експедиції біля південного узбережжя Криму. *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.* Київ, 58–60.
- Гинькут, Н.В., Лебединский, В.В. 2018: «Воротничковые амфоры» типа Günsenin II с затонувшего близ Балаклавы византийского корабля. *АДСВ* 46, 151–165.

- Зеленко, С.М. 1999: Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. *Vita Antiqua* 2, 223–234.
- Зеленко, С.М. 2001а: Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте. В кн.: *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ, 82–92.
- Зеленко, С.М. 2001б: Подводные разведки на юго-восточном побережье Крыма в 1994 году. *Восточноевропейский археологический журнал*. 1(8). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archaeology.kiev.ua/journal/010101/zelenko.htm>
- Зеленко, С.М. 2008: *Подводная археология Крыма*. Киев.
- Зеленко, С.М., Тесленко, И.Б., Ваксман, С.Й. 2012: Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым). В кн.: *1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття)*. Киев, 129–148.
- Зеленко, С.М., Лебединский, В.В., Кузьминов, В.В., Новицкая, Р.С., Царенко, С.А., Морозова, Я.И., Пронина, Ю.А. 2016а: *Подводно-археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2014 г.* М.–Судак.
- Зеленко, С.М., Лебединский, В.В., Кузьминов, В.В., Новицкая, Р.С., Царенко, С.А., Морозова, Я.И., Пронина, Ю.А. 2016б: *Подводно-археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2015 г.* Феодосия.
- Еманов, А. Г. 1982: К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма. *АДСВ* 19, 62–68.
- Еманов, А.Г., Попов, А.И. 1988: Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. В сб.: *Торговля и мореплавание в бассейне Чёрного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 76–87.
- Калинина, Т. М. 2013: Херсон в арабской географической литературе. В сб.: *Ρωμαϊός: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорокана*. Харьков, 188–205. (Нартекс. Byzantina Ucrainensi. Т. 2.).
- Карпов, С.П. 1984: *Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв.* М.
- Лебединский, В.В., Пронина, Ю.А., Татарков, Д.Б., Двухшорстнов, В.И. 2019: Византийское кораблекрушение у Балаклавы: опыт глубоководных исследований в Черном море. *Вестник Института востоковедения РАН* 4, 36–45.
- Майко, В.В. 2014: *Восточный Крым во второй половине X–XII вв.* Киев.
- Назаров, В.В. 2003: *Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины (памятники античной и средневековой эпох)*. Киев.
- Паршина, Е.А. 1991: Торжище в Партенитах. В сб.: П.П. Толочко, В.Л. Мыц, И.А. Баранов (ред.), *Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византистов)*. Киев. 64–100.
- Плетнева, С.А. 2003: Фанагория. В кн.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнев (ред.), *Археология. Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М., 179–183.
- Пропп, М.В. 1958: *Отчет о подводных археологических разведках в районе Нового Света Крымской области. 1957–1958 гг.* Архив кафедры археологии и музееведения Киевского университета им. Тараса Шевченко. Киев.
- Романчук, А.И., Сазанов, А.В., Седикова, Л.В. 1995: *Амфоры из комплексов византийского Херсона*. Екатеринбург.
- Рыбаков Б.А. 1952: Русские земли по карте Идриси 1154 года. *КСИИМК* 43, 3–44.
- Сюзюмов, М. Я. 1969: Морской закон. *АДСВ* 6, 3–54.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. М.
- Anagnostakis, I., Papamastorakis, T. 2005: "...and Radishes for Appetizers". On Banquets, Radishes, and Wine. In D. Papanikola-Bakirtzi (ed.), *Food and Cooking in Byzantium. Proceedings of the Symposium "On Food in Byzantium"*. Athens, 147–174.
- Ballard, R.D. 2007: Archaeological Oceanography. *Oceanography* 20.4, 62–67.

- Bass, G.F., Brill, R.H., Lledó, B., Matthews, Sh.D. 2009: *Serçe Limani*. Vol. II. *The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck*. Texas.
- Bass, G.F., Matthews, Sh.D., Steffy, J.R., van Doorninck, F.H. 2004: *Serçe Limani*. Vol. I. *The Ship and its Anchorage, Crew, and Passengers*. Texas.
- Bass, G.F., van Doorninck, F.H. 1978: An XIth century shipwreck at Serçe Limani, Turkey. *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration* 7.2, 119–132.
- Bass, G.F., van Doorninck, F.H. 1982: *Yassi Ada*. Vol. I. *A Seventh-Century Byzantine Shipwreck*. Texas.
- Black sea shipwrecks: 2,500 years of sea-faring history revealed deep in the Black Sea*, <https://cma.soton.ac.uk/research/black-sea-map/2500-years-sea-faring-history-revealed-deep-black-sea>
- Brennan, M.L., Ballard, R.D., Croff Bell, K.L., Piechota, D. 2011: Archaeological oceanography and environmental characterization of shipwrecks in the Black Sea. *Geology and Geoarchaeology of the Black Sea Region: Beyond the Flood Hypothesis* 477, 179–188.
- Buxton, B., Ballard, R., Brennan, M., Coleman, D., Croff, K., Roman, C., Davis, D., Piechota, D., Voronov, S. 2008: *Byzantium beneath the Black Sea*. Poster presented at 2008 Annual Meeting, Archaeological Institute of America, Chicago, Ill., 3–8 Jan. 2008.
- Chotzakogiu, Ch. 2013: Harbors and sea-routes of the Black Sea according to Greek hagiographical texts. In F. Karagianni (ed.), *Medieval Ports in North Aegean and the Black Sea. Links to the maritime Routes of the East* Proceedings. *International Symposium Thessalonike, 4–6 December 2013*. Thessalonike, 94–100.
- Günsenin, N. 2009a: 'City' Harbours from Antiquity through Medieval Times. In N. Günsenin (ed.), *BETWEEN CONTINENTS. Proceedings of the Twelfth Symposium on Boat and Ship Archaeology Istanbul*, 99–105.
- Günsenin, N. 2009b: Ganos wine and circulation in the 11th century. In M.M. Mango (ed.), *Byzantine Trade, 4th–12th centuries* Ashgate, 145–153.
- Günsenin, N. 2018: La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle. *Anatolia Antiqua* XXVI, 89–124.
- Dellaporta, A.P. 1999: Byzantine Shipwrecks and Underwater evidence for Byzantine Pottery. In D. Papanikola-Bakirtzi (ed.), *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens, 118–121.
- van Doorninck, F.H.Jr. 1989: The Cargo Amphoras on the Seventh Century Yassi Ada and the Eleventh Century Serçe Limani Shipwrecks: Two Examples of a Reuse of Byzantine Amphoras as Transport Jars. In V. De'roche and J.-M. Spieser (eds.), *Recherches sur la céramique byzantine*. BCH 18, 247–253.
- van Doorninck, F.H.Jr., 2002: Byzantine shipwrecks. In A.E. Laiou (ed.), *The economic history of Byzantium: From the seventh through the fifteenth century*. Washington, 899–905.
- Jacoby, D. 2017: Byzantine Maritime Trade, 1025–1118. *Travaux et mémoires* 21, 627–648.
- Jones, M.R., 2015: A Middle-Byzantine-Period Cargo Vessel from the Yenikapı Excavations. In P. Magdalino, N. Ergin (eds.), *Istanbul and Water: A Preliminary Analysis*. Leuven, 91–114.
- Hayes, J., 1992: *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 2. *The Pottery*. Princeton.
- Karagianni, F. (ed.) 2013: *Medieval Ports in North Aegean and the Black Sea. Links to the maritime Routes of the East*. Proceedings. *International Symposium Thessalonike, 4–6 December 2013*. Thessalonike.
- Kapitan, G. 1984: Ancient anchors - technology and classification. *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration* 13.1, 33–44.
- Kisić, A. 1988: Rezultati podmorskih rekognosciranja i istraživanja na dubrovačkom području. In Ž. Rapanić (ed.), *Results of Underwater Survey and Excavation in the Dubrovnik Region*. *Izdanja Hrvatskog arheološkog društva* 12. Zagreb, 153–168.
- Koutsouflakis, G. 2021: The transportation of amphorae, tableware and foodstuffs. Middle and Late Byzantine period. The evidence from Aegean shipwrecks. In Waksman S.Y.

- (ed.), *Multidisciplinary Approaches to Food and Floodways in the Medieval Eastern Mediterranean*. Leon, 447–481.
- Kocabaş, U. 2015: The Yenikapi Byzantine-Era Shipwrecks, Istanbul, Turkey: a preliminary report and inventory of the 27 wrecks studied by Istanbul University. *The International Journal of Nautical Archaeology* 44.1, 5–38.
- Kralj, V.Z., Beltrame, C., Miholjek, I., Ferri, M. A 2016: Byzantine Shipwreck from Cape Stoba, Mljet, Croatia: an interim report. *The International Journal of Nautical Archaeology* 45.1, 42–58.
- Miholjek, I., Zmaic, V., Ferri, M. 2017: The Byzantine Shipwreck of Cape Stoba (Mljet, Croatia). In S. Gelichi, C. Negrelli (eds.), *Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). Scambi, porti, produzioni. Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). (Atti del Convegno di Venezia – 19 marzo 2015)*. Venezia, 227–246. (Stadi e Reserche 4).
- Morozova, I.I., Albertson, J. A. 2012: Byzantine Shipwrecks explored by the Centre for Underwater Archaeology in the Black Sea. In *1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) [Ten Centuries of Byzantine Trade (the 5th to 15th Centuries)]*. Kiev, 208–212.
- Morozova, Y., Waksman, S.Y., Zelenko, S. 2021: Byzantine amphorae of the 10th–13th centuries from the Novy Svet shipwrecks, Crimea, the Black Sea. Preliminary typology and archaeometric studies. In S.Y. Waksman (ed.), *Multidisciplinary Approaches to Food and Floodways in the Medieval Eastern Mediterranean*. Leon, 429–446.
- Necipoğlu, N., 2017: The Byzantine Economy and the Sea: The Maritime Trade of Byzantium, 10th–15th Centuries. In Ch. Buchet (ed.), *The Sea in History*. Vol. 2. *The Medieval World*. New York, 436–447.
- Pulak, C., Ingram, R., Jones, H. 2015: Eight Byzantine Shipwrecks from the Theodosian Harbour Excavations at Yenikapi in Istanbul, Turkey: an introduction. *The International Journal of Nautical Archaeology* 44.1, 39–73.
- Tanabe, S. 1989: *Excavation of a Sunken Ship Found off the Syrian Coast: An Interim Report*. Kyoto.
- Sedikova, L. 2013. Tauric Chersonesos. Medieval city-port. In F. Karagianni (ed.), *Medieval Ports in North Aegean and the Black Sea. Links to the maritime Routes of the East. International Symposium Thessalonike, 4–6 December 2013. Proceedings*. Thessalonike, 131–138.
- Zelenko, S. 2017: The Maritime Trade in the Medieval Black Sea. In Ch. Buchet (ed.), *The Sea in History*. Vol. 2. *The Medieval World*. New York, 449–464.
- Vroom, J. 2016: Byzantine Sea trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. seventh–fourteenth centuries). In P. Magdalino, N. Necipoglu (eds.), *Trade in Byzantium: Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*. Istanbul, 157–177.
- Waksman, Y., Skartsis, S., Kontogiannis, N.D., Todorova, E.P., Vaxevanis, G. 2016: Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae. *Journal of Archaeological Science: Reports* 21, 1111–1121.

REFERENCES

- Agbunov, M.V. 1987: *Antichnaya lotsiya Chernogo morya [Antique sailing route of the Black Sea]*. Moscow.
- Aibabin, A.I. 2003a: Kherson [Cherson]. In *Arkheologiya. Krym. Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII veka [Archaeology. Crimea. North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th–13th centuries]*. Moscow, 82–86.
- Aibabin, A.I. 2003b: Step' i Iugo-Zapadnyi Krym [Steppe and Southwest Crimea]. *Arkheologiya. Krym. Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII*

- veka [Archaeology. Crimea. North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th–13th centuries]. Moscow, 74–81.
- Anagnostakis, I., Papamastorakis, T. 2005: "...and Radishes for Appetizers". On Banquets, Radishes, and Wine. In D. Papanikola-Bakirtzi (ed.), *Food and Cooking in Byzantium. Proceedings of the Symposium "On Food in Byzantium"*. Athens, 147–174.
- Ballard, R.D. 2007: Archaeological Oceanography. *Oceanography* 20.4, 62–67.
- Baranov, I.A. 1990: *Otchet ob arkheoloicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti i na myse Ai-Foka bliz pos. Morskoe v 1990 g.* [Report on archaeological excavations at the Sudak fortress and Cape Ai-Foka near the village Morskoe in 1990]. Arkhiv IA AN USSR [Archive of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR]. No. 1990/23.
- Bass, G.F., Brill, R.H., Lledó, B., Matthews, Sh.D. 2009: *Serçe Limani*. Vol. II. *The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck*. Texas.
- Bass, G.F., Matthews, Sh.D., Steffy, J.R., van Doorninck, F.H. 2004: *Serçe Limani*. Vol. I. *The Ship and its Anchorage, Crew, and Passengers*. Texas.
- Bass, G.F., van Doorninck, F.H. 1978: An XIth century shipwreck at Serçe Limani, Turkey. *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration* 7.2, 119–132.
- Bass, G.F., van Doorninck, F.H. 1982: *Yassi Ada*. Vol. I. *A Seventh-Century Byzantine Shipwreck*. Texas.
- Beilis, V.M. 1988: Al-Idrisi o portakh chernomorskogo poberezh'ya i svyaziakh mezhdu nimi [Al-Idrisi on the ports of the Black Sea coast and the connections between them]. In *Torgovlya i moreplavanie v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka* [Trade and navigation in the Black Sea basin in the Antiquity and the Middle Ages]. Rostov-on-Don, 67–76.
- Black sea shipwrecks: 2,500 years of sea-faring history revealed deep in the Black Sea, <https://cma.soton.ac.uk/research/black-sea-map/2500-years-sea-faring-history-revealed-deep-black-sea>
- Blavatskiy, V.D., Koshelenko, G.A. 1963: *Otkrytie zatonshego mira* [Discovery of the sunken world]. Moscow.
- Bogdanova, N.M. 1991: Kherson v X–XV vv. Problemy istorii vizantiyskogo goroda. [Cherson in the 10th – 15th centuries. Problems of the history of the Byzantine city]. In S.P. Karpova (ed.), *Prichernomor'e v srednie veka* [Black Sea region in the Middle Ages], Moscow, 8–172.
- Brennan, M.L., Ballard, R.D., Croff Bell, K.L., Piechota, D. 2011: Archaeological oceanography and environmental characterization of shipwrecks in the Black Sea. *Geology and Geoarchaeology of the Black Sea Region: Beyond the Flood Hypothesis* 477, 179–188.
- Bulgakov, V.V. 2000: Vizantiyskie amfory IX–XIV vv.: osnovnye tipy [Byzantine amphoras of the 9th–14th centuries: main types]. In *Vostochnoevropeiskiy arkheologicheskiy zhurnal* [East-European Archaeological Journal] 4(5), <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>
- Buxton, B., Ballard, R., Brennan, M., Coleman, D., Croff, K., Roman, C., Davis, D., Piechota, D., Voronov, S. 2008: *Byzantium beneath the Black Sea*. Poster presented at 2008 Annual Meeting, Archaeological Institute of America, Chicago, Ill., 3–8 Jan. 2008.
- Chkhaidze, V.N. 2008: *Tamarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove* [Tamarkha. Early medieval town on the Taman Peninsula]. Moscow.
- Chotzakogiou, Ch. 2013: Harbors and sea-routes of the Black Sea according to Greek hagiographical texts. In F. Karagianni (ed.), *Medieval Ports in North Aegean and the Black Sea. Links to the maritime Routes of the East* Proceedings. *International Symposium Thessalonike, 4–6 December 2013*. Thessalonike, 94–100.
- Dellaporta, A.P. 1999: Byzantine Shipwrecks and Underwater evidence for Byzantine Pottery. In D. Papanikola-Bakirtzi (ed.), *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens, 118–121.

- Emanov, A.G. 1982: K voprosu o ranney ital'yanskoy kolonizatsii Kryma [On the issue of the early Italian colonization of Crimea]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient antiquity and the Middle Ages] 19, 62–68.
- Emanov, A.G., Popov, A.I. 1988: Ital'yanskaya trgovlya na Chernom more v XIII–XV vv. [Italian trade on the Black Sea in the XIII–XV centuries] In *Torgovlya i moreplavanie v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka* [Trade and navigation in the Black Sea basin in antiquity and the Middle Ages]. Rostov-on-Don, 76–87.
- Ginkut, N.V., Lebedinskiy, V.V. 2018: “Vorotnichkovye amfory” tipa Günsenin II s zatonuvshogo bliz Balaklavy vizantiyskogo korablya [‘Collar amphorae’ type Günsenin II from the Byzantine ship sunk near Balaklava]. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient antiquity and the Middle Ages] 46, 151–165.
- Günsenin, N. 2009b: Ganos wine and circulation in the 11th century. In M.M. Mango (ed.), *Byzantine Trade, 4th–12th centuries* Ashgate, 145–153.
- Günsenin, N. 2009a: ‘City’ Harbours from Antiquity through Medieval Times. In N. Günsenin (ed.), *BETWEEN CONTINENTS. Proceedings of the Twelfth Symposium on Boat and Ship Archaeology* Istanbul, 99–105.
- Günsenin, N. 2018: La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle. *Anatolia Antiqua* XXVI, 89–124.
- Hayes, J., 1992: *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 2. *The Pottery*. Princeton.
- Jacoby, D. 2017: Byzantine Maritime Trade, 1025–1118. *Travaux et mémoires* 21, 627–648.
- Jones, M.R., 2015: A Middle-Byzantine-Period Cargo Vessel from the Yenikapı Excavations. In P. Magdalino, N. Ergin (eds.), *Istanbul and Water: A Preliminary Analysis*. Leuven, 91–114.
- Kalinina, T.M. 2013: Kherson v arabskoy geograficheskoy literature [Kherson in Arabic geographical literature] In *Ρωμαϊσμός: sbornik statey k 60-letiyu prof. S.B. Sorochana* [Ρωμαϊσμός: collection of articles for the 60th anniversary of prof. S.B. Sorochana]. Kharkov, 188–205. (Nartex. Byzantina Ucrainensis, 2).
- Kapitan, G. 1984: Ancient anchors - technology and classification. *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration* 13.1, 33–44.
- Karagianni, F. (ed.) 2013: *Medieval Ports in North Aegean and the Black Sea. Links to the maritime Routes of the East. Proceedings. International Symposium Thessalonike, 4–6 December 2013*. Thessalonike.
- Karpov, S.P. 1984: *Putyami srednevekovykh morekhodov. Chernomorskaya navigatsiya Venetsianskoy respubliki v XIII–XV vv.* [The paths of medieval sailors. Black Sea navigation of the Venetian Republic in the 13th–15th centuries]. Moscow.
- Kisić, A. 1988: Rezultati podmorskih rekognosciranja i istraživanja na dubrovačkom području. In Ž. Rapanić (ed.), *Results of Underwater Survey and Excavation in the Dubrovnik Region. Izdanja Hrvatskog arheološkog društva* 12. Zagreb, 153–168.
- Kocabaş, U. 2015: The Yenikapı Byzantine-Era Shipwrecks, Istanbul, Turkey: a preliminary report and inventory of the 27 wrecks studied by Istanbul University. *The International Journal of Nautical Archaeology* 44.1, 5–38.
- Koutsouflakis, G. 2021: The transportation of amphorae, tableware and foodstuffs. Middle and Late Byzantine period. The evidence from Aegean shipwrecks. In Waksman S.Y. (ed.), *Multidisciplinary Approaches to Food and Foodways in the Medieval Eastern Mediterranean*. Leon, 447–481.
- Kralj, V.Z., Beltrame, C., Miholjek, I., Ferri, M. A 2016: Byzantine Shipwreck from Cape Stoba, Mljet, Croatia: an interim report. *The International Journal of Nautical Archaeology* 45.1, 42–58.
- Lebedinskiy, V.V., Pronina, Yu.A., Tatarkov, D.B., Dvukhsheerstnov, V.I. 2019: Vizantiyskoe korablennoye sudno u Balaklavy: opyt glubokovodnykh issledovaniy v Chernom more [Byzantine shipwreck at Balaklava: experience of deep-sea research in the Black Sea]. *Vestnik*

- Instituta vostokovedeniya RAN [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]* 4, 36–45.
- Maiko, V.V. 2014: *Vostochnyy Krym vo vtoroy polovine X–XII vv. [Eastern Crimea in the second half of the 10th – 12th centuries]*. Kiev.
- Miholjek, I., Zmaic, V., Ferri, M. 2017: The Byzantine Shipwreck of Cape Stoba (Mljet, Croatia). In S. Gelichi, C. Negrelli (eds.), *Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). Scambi, porti, produzioni. Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). (Atti del Convegno di Venezia – 19 marzo 2015)*. Venezia, 227–246. (Stadi e Reserche 4).
- Morozova, I.I., Albertson, J. A. 2012: Byzantine Shipwrecks explored by the Centre for Underwater Archaeology in the Black Sea. In *1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) [Ten Centuries of Byzantine Trade (the 5th to 15th Centuries)]*. Kiev, 208–212.
- Morozova, Y., Waksman, S.Y., Zelenko, S. 2021: Byzantine amphorae of the 10th–13th centuries from the Novy Svet shipwrecks, Crimea, the Black Sea. Preliminary typology and archaeometric studies. In S.Y. Waksman (ed.), *Multidisciplinary Approaches to Food and Floodways in the Medieval Eastern Mediterranean*. Leon, 429–446.
- Nazarov, V.V. 2003: *Gidroarkheologicheskaya karta chernomorskoj akvatorii Ukrainy (pamyatniki antichnoy i srednevekovoy epokh) [Hydroarchaeological map of the Black Sea water area of Ukraine (monuments of ancient and medieval eras)]*. Kiev.
- Necipoglu, N., 2017: The Byzantine Economy and the Sea: The Maritime Trade of Byzantium, 10th–15th Centuries. In Ch. Buchet (ed.), *The Sea in History*. Vol. 2. *The Medieval World*. New York, 436–447.
- Parshina, E.A. 1991: Torzhishche v Partenitakh [Market place in Partenit]. In P.P. Tolochko, V.L. Myts, I.A. Baranov (eds.), *Vizantiyskaia Tavrika: Sbornik nauchnykh trudov (k XVIII kongressu vizantinistov) [Byzantine Taurica: Collection of scientific works (for the XVIII Congress of Byzantinists)]*. Kiev, 64–100.
- Pletneva, S.A. 2003: Fanagoriia. [Phanagoria]. In *Arkheologiya. Krym. Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka [Archaeology. Crimea. North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th–13th centuries]*. Moscow, 179–183.
- Pulak, C., Ingram, R., Jones, H. 2015: Eight Byzantine Shipwrecks from the Theodosian Harbour Excavations at Yenikapi in Istanbul, Turkey: an introduction. *The International Journal of Nautical Archaeology* 44.1, 39–73.
- Romanchuk, A.I., Sazanov, A.V., Sedikova, L.V. 1995: *Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona [Amphorae from the complexes of Byzantine Cherson]*. Yekaterinburg.
- Rybakov B.A. 1952: Russkie zemli po karte Idrisi 1154 goda [Russian lands on the map of Idrisi in 1154]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]* 43, 3–44.
- Sedikova, L. 2013. Tauric Chersonesos. Medieval city-port. In F. Karagianni (ed.), *Medieval Ports in North Aegean and the Black Sea. Links to the maritime Routes of the East. International Symposium Thessalonike, 4–6 December 2013. Proceedings*. Thessalonike, 131–138.
- Siuziumov, M.Ia. 1969: *Morskoy zakon [Sea law]*. In M.Ia. Siuziumov (ed.), *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Ancient Antiquity and the Middle Ages]* 6, 3–54.
- Tanabe, S. 1989: *Excavation of a Sunken Ship Found off the Syrian Coast: An Interim Report*. Kyoto.
- Vakhoneev, V., Lebedinskiy, V. 2016: Glubokovodnye srednevekovye korablekrusheniya v akvatorii Kryma [Medieval Deep Sea Shipwrecks in the Waters of the Crimea] *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost' [Oriens. Afro-Asian Societies: Past and Present]* 5, 73–82.
- van Doorninck, F.H.Jr. 1989: The Cargo Amphorae on the Seventh Century Yassi Ada and the Eleventh Century Serc'e Limani Shipwrecks: Two Examples of a Reuse of Byzantine

- Amphoras as Transport Jars. In V. De'roche and J.-M. Spieser (eds.), *Recherches sur la céramique byzantine*. BCH 18, 247–253.
- van Doorninck, F.H.Jr., 2002: Byzantine shipwrecks. In A.E. Laiou (ed.), *The economic history of Byzantium: From the seventh through the fifteenth century*. Washington, 899–905.
- Voronov, S.O. 2010: Doslidzhennya pidvodno-arkheologichnoï ekspedicii bilya pivdennogo uzberezhzhya Krimu. [Investigation of an underwater archeological expedition off the southern coast of Crimea]. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009 r.* [Archaeological research in Ukraine in 2009]. Kiev, 58–60.
- Vroom, J. 2016: Byzantine Sea trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. seventh–fourteenth centuries). In P. Magdalino, N. Necipoglu (eds.), *Trade in Byzantium: Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*. Istanbul, 157–177.
- Waksman, Y., Skartsis, S., Kontogiannis, N.D., Todorova, E.P., Vaxevanis, G. 2016: Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae. *Journal of Archaeological Science: Reports* 21, 1111–1121.
- Zelenko, S. 2017: The Maritime Trade in the Medieval Black Sea. In Ch. Buchet (ed.), *The Sea in History*. Vol. 2. *The Medieval World*. New York, 449–464.
- Zelenko, S.M. 1999: Itogi issledovaniy podvodno-arkheologicheskoy ekspeditsii Kievskogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko na Chernom more v 1997–99 gg. [Results of the research of the underwater archaeological expedition of the Taras Shevchenko University of Kiev in the Black Sea in 1997–99]. *Vita Antiqua* 2, 223–234.
- Zelenko, S.M. 2001a: Korablekrusheniya IX–XI vv. v Sudakskoy bukhte [Shipwrecks of the 9th–11th centuries in the Sudak Bay]. In *Mors'ka torgivlya v Pivnichnomu Prichornomor'ї* [Sea of trade in Pivnichny Prychornomor'ї]. Kiev, 82–92.
- Zelenko, S.M. 2001b: Podvodnye razvedki na ugo-vostochnom poberezhze Kryma v 1994 godu [Underwater exploration on the southeastern coast of Crimea in 1994] *Vostochnoevropeiskiy zhurnal* [East European Archaeological Journal] 1(8), <http://archaeology.kiev.ua/journal/010101/zelenko.htm>
- Zelenko, S.M. 2008: *Podvodnaya arkheologuiya Kryma* [Underwater archeology of the Crimea]. Kiev.
- Zelenko, S.M., Lebedinskiy, V.V., Kuzminov, V.V., Novitskaya, R.S., Tsarenko, S.A., Morozova, I.I., Pronina, Yu.A. 2016: *Podvodno-arkheologicheskie issledovaniya v Ugo-Vostochnom Krymu v 2014 g.* [Underwater archaeological research in the South-East Crimea in 2014]. Moscow–Sudak.
- Zelenko, S.M., Lebedinskiy, V.V., Kuzminov, V.V., Novitskaya, R.S., Tsarenko, S.A., Morozova, I.I., Pronina, Yu.A. 2016: *Podvodno-arkheologicheskie issledovaniya v Ugo-Vostochnom Krymu v 2015 g.* [Underwater archaeological research in the South-East Crimea in 2015]. Feodosiya.
- Zelenko, S.M., Teslenko, I.B., Waksman, S.I. 2012: Neskol'ko grupp polivnoy posudy s korablekrusheniya kontsa XIII v. vblizi Sudaka (Krym) [Several groups of watering utensils from a shipwreck of the late 13th century near Sudak (Crimea)]. In *1000 rokiv vizantiis'koi torgivli (V–XV stolittia)*. Kiev, 129–148.

NAVIGATION IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE CONTEXT
OF MEDITERRANEAN MARITIME TRADE IN THE SECOND HALF OF THE
10th – EARLY 13th CENTURY: EVIDENCE OF SHIPWRECKSVictor.V. Lebedinskiy¹, Natalya V. Ginkut², Yulia A. Pronina³¹ *Sevastopol State University, Sevastopol, Russia**Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

v_lebedinski@mail.ru

² *State Museum-Preserve "Tauric Chersonese", Sevastopol, Russia**Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

n-ginkut@yandex.ru

³ *Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

julia_pronina@mail.ru

Abstract. The article is a comprehensive study of navigation in the Black Sea region in the second half of the 10th – beginning of the 13th century (the period of the highest activity of Byzantine trade in the region). The main written sources concerning the Byzantine maritime trade with the cities of the Northern Black Sea region are considered. The results of underwater archaeological research in the Northern Black Sea region provide a good picture of the most important trade routes in the region. Shipwrecks mark the routes of maritime trade running along the coast of the Crimea to the Taman Peninsula. The most important transit routes connected Constantinople with Cherson and Tamatarch. The cargo of the sunken ships consisted mainly of flat-bottomed amphorae-jugs of the 'Taman' type and amphorae of the Günsanin types I, II, III, IV and XX. The main product transported by ships was wine, which came from the centers of the Aegean and the Sea of Marmara. The sale of oil from the Aegean is also not excluded. Some cargos sailing along the Crimean coast may have transported amphorae containing oil from the Taman Peninsula. Studies of shipwrecks near the Southern Crimean coast indicate the increasing role of Gurzuf-Partenit and Sugdaia as trading ports in the 10th – 13th centuries. The finds of shipwrecks provide evidence of lively maritime contacts in the Northern Black Sea region and active trade with some areas of the Byzantine Empire.

Keywords: Byzantine period, navigation, maritime trade, shipwreck, amphorae, underwater archaeological research, Black Sea region.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 182–187
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 182–187
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-182–187

ОДНО УКАЗАНИЕ НА РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ МИФА ГЕСИОДА О ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЯХ СМЕРТНЫХ

И.П. Рушкин

Кембридж, Массачусетс, США
iliarushkin@gmail.com

Аннотация. Статья указывает, что пассаж о мифическом долголетии в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия является вероятным свидетельством того, что миф Гесиода о пяти поколениях смертных был, хотя бы отчасти, заимствован многими другими древнегреческими авторами, в частности, с наибольшей вероятностью, историками Гекатеем, Геллаником, Акусилаем, Эфором и Николаем Дамасским. Широкая распространенность мифологем Гесиода в древнегреческой литературе совершенно естественна, однако для этого конкретного мифа она ранее могла лишь предполагаться. Помимо Гесиода, в сохранившихся источниках миф о поколениях упоминается лишь изредка и в существенно отличной от Гесиода форме: у Платона, Арата и Овидия. Заключение о заимствовании мифа о поколениях вышеуказанными пятью историками делается в статье, основываясь на показании Иосифа Флавия и на том факте, что в греческих мифах и легендах какие-либо упоминания сказочно долгих сроков жизни крайне редки, что практически исключает вероятность альтернативных истолкований текста Флавия. По утверждению Геродота, Гесиод и Гомер являлись для греков первоисточниками мифологической информации, однако обнаруживаемая в сохранившихся текстах относительная частота отсылок к Гесиоду меньше той, которую можно было бы ожидать исходя из сравнения размеров поэтического наследия Гомера и Гесиода и плотности распределения информации в них. Предложенная нами идентификация широкого заимствования мифа о пяти поколениях служит напоминанием о том, что в сохранившихся текстах все еще могут быть нераспознанные указания на цитирование Гесиода.

Ключевые слова: Гесиод, Иосиф Флавий, миф о пяти поколениях, золотой век, серебряный век, мифы о долголетии, Гекатей, Гелланик, Акусилаи, нераспознанное цитирование.

Согласно Геродоту, Гомер и Гесиод были не просто источниками, а первоисточниками по мифологии, ибо они «создали для эллинов учение о происхождении богов, дали богам наименования, определили почести и занятия для богов и описали их образы» (Нер. 2. 53). Поэтому в древнегреческой литературе, затрагивающей мифологические сюжеты, следует ожидать большого количества отсылок к

Данные об авторе: Рушкин Илья Павлович – доктор философии (Ph.D.), независимый исследователь.

Гомеру и Гесиоду. В сохранившихся произведениях это, несомненно, так в отношении Гомера, но отсылки к Гесиоду сохранилось куда меньше. По большей части это объясняется различием в тематике (у Гомера больше информации, которую можно классифицировать как легенды, а не мифы и которая чаще приходилась к месту), а также значительно большим объемом произведений Гомера. Тем не менее есть возможность, что некоторые случаи цитирования Гесиода не распознаны¹. В этой работе мы хотим указать на вероятное свидетельство заимствования другими греческими авторами важного мифа Гесиода: мифа о пяти поколениях смертных, изложенном в поэме «Труды и дни».

Свидетельство это находится в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия. В начале произведения Иосиф излагает Тору и, дойдя до смерти Ноя в возрасте 950 лет, считает нужным оправдаться за такое невероятное долголетие. Он приводит некоторые соображения по этому поводу, а заканчивает так (Ant. Iud. 1. 107–108):

[107] Мои слова подтверждают все греческие и варварские авторы, писавшие о древностях. Ведь со сказанным мной согласны и Манефон, создавший сочинение о египтянах, и Берос, собравший сведения халдеев, и Мох с Гестиэем, а вдобавок к ним и египтянин Иероним, написавшие о финикийских делах. [108] Гесиод, Гекатей, Гелланик, Акусилаи, а вдобавок к ним Эфор и Николай повествуют о древних, проживших тысячу лет.

Нас в особенности будет интересовать вторая часть цитаты, где шесть греческих авторов объединены одним утверждением. Разумеется, было бы странно ожидать от Иосифа точности в цифре (да и чисто логически слова Иосифа можно понять как «жили тысячу лет или больше»), но в греческих мифах и легендах любые подобные долгожители – большая редкость. Можно вспомнить традицию о долголетию критского мудреца Эпименида: Диоген Лаэртский приводит утверждение критян, что он прожил почти 300 лет (D.L. V.Ph. 111). В специальном небольшом собрании сведений о долгожителях «Макробии» Псевдо-Лукиана можно было бы ожидать довольно полного извлечения сведений о долгих сроках жизни из мифов, однако мы там находим лишь пилосского царя Нестора, пережившего, по Гомеру, три поколения обычных людей, и фиванского прорицателя Тиресия, пережившего шесть. Прочие сообщения «Макробиев» и подавно не идут к делу: это либо не имеющая специальной связи с древностью экзотика (маги, халдеи, «серы», т.е. китайцы, живущие по 300 лет), либо различные исторические лица с еще меньшими цифрами. Вообще, 300 лет – это предел греческой фантазии в данном направлении.

Итак, сказочное долголетие очень слабо представлено в греческой традиции. Возникает вопрос: что же Иосиф мог иметь в виду? Сам способ его выражения намекает, что у всех шести авторов имеется в виду один и тот же миф. Это и предпочтительно: если речь идет об априорно редком утверждении, то намного более вероятно найти одно такое утверждение, чем несколько. Первым, как по списку, так и по хронологии, стоит Гесиод, и он же единственный, от кого сохранились

¹ Приведем грубый, но показательный подсчет: периегега Павсания насчитывает 145 отсылок к «Илиаде» или «Одиссее» Гомера и 6 отсылок на «Теогонию» или «Труды и дни» Гесиода. Отношение этих цифр около 24, притом, что отношение размеров (числа строк) этих двух собраний текстов 15. Это показывает, что частота цитирования Гесиода не полностью объясняется меньшим размером его поэм.

целые произведения. «Труды и дни» Гесиода содержат миф о пяти поколениях смертных. О «золотом» поколении он говорит (113–114): οὐδέ τι δειλὸν γῆρας ἐπὶν (*«жалкая старость не наступала»*), то есть они, вероятно, жили долго. Причем Гесиод имел в виду именно сказочно-долгую жизнь, века. Это становится ясно из описания «серебряного» поколения, где сказано (129–131): ...χρυσέῳ οὔτε φῦν ἐναλίγκιον οὔτε νόημα. // ἀλλ' ἑκατὸν μὲν παῖς ἔτα παρὰ μητέρι κεδνῇ // ἐτρέφετ' ἀτάλλων... (*«...непохожее на золотое поколение ни телом, ни разумом. Ребенок рос, резвясь, возле доброй матери в течение ста лет...»*). Здесь мы в явной форме имеем вполне библейский масштаб долголетия и указание на то, что золотое поколение было еще крепче серебряного (о котором Гесиод также сказал, что оно вообще было гораздо хуже золотого). Правда, Гесиод добавляет (133), что, повзрослев, люди серебряного поколения *«жили недолго»* (παυρίδιον ζώεσκον ἐπὶ χρόνον), но это из-за того, что они, видимо, истребляли друг друга (134–135): ὄβριν γὰρ ἀτάσθαλον οὐκ ἐδύναντο ἀλλήλων ἀπέχειν (*«не могли удержаться от незаконных бесчинств в отношении друг друга»*)². Идиллическое золотое поколение такой проблемы не имело.

Мы полагаем, что миф о золотом и серебряном поколениях и есть то, на что ссылается Иосиф Флавий. Действительно, экстраполируя из столетнего детства, Иосиф мог сделать вывод, что люди серебряного поколения могли жить примерно тысячу лет («если только раньше не убьют», так сказать), и уж тем более это относилось к мирному, но притом еще более крепкому золотому поколению. Никаких других пассажей Гесиода или вообще любых других греческих писателей, которые мог бы иметь в виду Иосиф, нам неизвестно.

Мысль, что данный пассаж Иосифа следует поставить в связь со 100-летним детством серебряного поколения в «Трудах и днях», высказывалась и ранее³, но, насколько нам известно, этим дело и ограничивалось. Но что же означает тот факт, что Иосиф, поставив Гесиода на первое место, приводит вслед за ним еще пять авторов? Вероятно, эти авторы переняли у Гесиода миф о поколениях смертных. Априорно вероятность альтернативного истолкования слов Иосифа очень мала просто в силу чрезвычайной редкости сказочного долголетия в греческой мифологии: если признать 100-летнее детство у Гесиода указанием на срок жизни около 1000 лет, то оно, насколько нам известно, является гапаксом во всей античной литературе вообще. Далее, в силу высокого статуса Гесиода как мифологического первоисточника, предположение о широком заимствовании у него совершенно естественно. Следует даже ожидать, что пятью авторами список на самом деле не ограничивался: попросту говоря, миф о поколениях, который нам теперь известен из Гесиода, был широко представлен в античной литературе. Несколько упоминаний этого мифа есть в сохранившихся произведениях: в «Кратиле» и «Государстве» Платона (Plat. Crat. 397e–398b, Resp. 468e–469a, 546d), в «Явлениях» Арата (Arat. 114–136).⁴ В качестве исключения отметим и одного латинского автора, по-

² В переводе В.В. Вересаева «друг друга» (ἀλλήλων) никак не отражено.

³ Очень старый пример в английском издании текстов Иосифа 1737 г. (Whiston 1737), в примечании к Ant. Iud. I. 108: «...and since Hesiod in his Op.&Dies, still extant, says ... that men's lives were once so long, that at 100 years of age they might be esteemed great infants...». Из современной литературы: Koskeniemi 2019, 163–164.

⁴ Не рассматриваем более многочисленные случаи употребления понятия «золотое поколение» и т. п. в качестве locus communis (фактически «золотой век»). Они, разумеется, иллюстрируют, на-

скольку его описание мифа очень знаменито: мы имеем в виду «Метаморфозы» Овидия (Ov. Met. 1.89–150). Ни в одном из этих мест нет ничего о сроках жизни, но это не создает логической трудности. Платон вообще не вдается в описания жизни поколений, а Арат и Овидий не ссылаются на Гесиода, расходятся с ним в деталях и даже в числе поколений: у Овидия пропущено гесиодовское четвертое поколение героев⁵, а Арат описывает только первые три. Можно сказать, что Арат и Овидий не цитируют Гесиода, а отталкиваются от него (ведь не подлежит сомнению, что оба поэта знали миф Гесиода).

В связи с этим интересен фрагмент Плиния Старшего (Plin. Nat. 1. 7): «...О самых длинных сроках жизни... из авторов... чужеземных... Гесиода, Анакреонта, Феопомпа, Гелланика, Дамаста, Эфора...»⁶. Здесь замечательно многое: упор на длину жизни, Гесиод на первом месте, наличие в списке Гелланика и Эфора (как у Иосифа), а также еще трех авторов, которых Иосиф не упомянул. Соблазнительно считать, что Плиний имеет в виду ровно то же, что и Иосиф, но нужно отметить, что в случае некоторых авторов (или даже всех, кроме Гесиода) Плиний может указывать вовсе не на гесиодовский миф. Дело в том, что у Гелланика и Дамаста были указания на некоторых людей, живших 2 или 3 века (Гелланик FGrH F195: Plin. Nat. 7. 154. «Гелланик говорит, что в Этолии некоторые из рода эпеев доживают до двухсот лет. С ним вполне соглашается Дамаст, упоминающий, что Пикторей из их числа, человек выдающийся ростом и силой, прожил даже 300 лет»; Val. Max. 8. 13.ext.6: то же, но «Пикторей» заменен «Литорием»). Это, однако, никак не отменяет нашу интерпретацию Иосифа, ведь 200–300 лет он никак не назвал бы «тысячей». Да и говорит он о «древних», а сообщения Гелланика и Дамаста об эпеех явно иной природы: написаны частью в настоящем времени и представляют собой, видимо, какую-то легенду о современности или недавнем прошлом (как в вышеупомянутых «Макробиях» Псевдо-Лукиана), а не о глубокой старине.

От некоторых упомянутых Иосифом и Плинием авторов сохранились фрагменты, показывающие, что они так или иначе цитировали или упоминали Гесиода (последнее относится к делу, поскольку упоминание личности Гесиода с большой вероятностью было в связи с использованием его как источника)⁷. Это значит, что нет причин считать заимствование ими мифа о пяти поколениях чем-то маловероятным. Наиболее замечателен фрагмент Акусилая FGrH T5: Clemens Alex. Strom. 6.2.26.7, p. 443, 2 Stäh. «Сочинения Гесиода перевели в прозаическую речь и издали под видом собственных историографы – и Евмел, и Акусилая». Разумеется, мы не

сколько глубоко миф вошел в культуру, но уже являются лишь опосредованным цитированием мифа Гесиода, хотя и лишний раз показывают, какое сильное влияние Гесиод оказал на формирование античной литературы.

⁵ Не будучи связано ни с каким металлом, поколение героев нарушает ясную структуру мифа и выглядит как интерполяция, привнесенная Гесиодом. Следовательно, отраженная Овидием версия может быть более древней, чем у Гесиода. Мы не углубляемся здесь в вопрос о происхождении мифа. Об этом: Woodard 2007, 112–150, West 1978, Vernant 1983.

⁶ Этот фрагмент цитируется, в частности, как фрагмент Гелланика FGrH T28. Приводим его, как и фрагменты Гелланика и Акусилая ниже, в переводе И.Е. Сурикова. Приносим благодарность И.Е. Сурикову за предоставленный им перевод и полезные замечания об этой работе.

⁷ Известный нам список таких фрагментов: Акусилая FGrH T5, T6 и F15, Гелланик FGrH T18 и F5, Дамаст FGrH F11, Николай FHG F33 и FGrH F83, Эфор FHG F54 и F164. Не приводим фрагменты, в которых Гесиод и один из прочих писателей просто сопоставлены.

обязаны понимать Климента в буквальном смысле, но все-таки ясно, что в книгах Евмела и Акусила было очень много заимствований из Гесиода.

Нет также причин относить показание Иосифа к недостоверным. Несомненно, он писатель предвзятый, может что-то замалчивать, кого-то выгораживать (например, самого себя), но давать яркую ложную ссылку на нескольких широко известных авторов – такого за ним не водилось, он действовал куда более тонко. К тому же «Иудейские древности» ставили целью раскрыть предания и историю еврейского народа греческим читателям, чтобы в какой-то мере вывести евреев из положения загадочных чужаков. Меньше всего Иосифу нужно было делать нелепые утверждения о греческих писателях в начале своего опуса, рискуя сразу утратить читательское доверие.

В заключение отметим, что из упомянутых Иосифом «варварских» писателей Манефон также поддается интерпретации. В качестве первого царя Египта Манефон называет бога Гефеста (т.е. египетского Пта). По фрагменту Manetho FHG 3 (Георгий Синкелл), Гефест правил 727,75 лет, по фрагменту Manetho FHG 4 (Excerpta Latina Barbari) – 680 лет. Расхождение в цифрах неудивительно, ибо за ними стоят достаточно вольные вычисления⁸. Но, так или иначе, вполне библейский масштаб налицо. Далее нужно учесть, что реальность египетских богов Иосиф отвергал. Для образованного еврея из жреческой семьи (и не вероотступника) это была единственная возможная позиция⁹. Естественное свойство монотеизма состоит в рациональном взгляде на всех богов, кроме одного. Поэтому для Иосифа было естественно, имея в виду царствование «Гефеста», сказать: Манефон-де пишет, что в древности некто жил семь с лишним веков¹⁰.

Подводя итог, скажем, что фрагмент Ant. Iud. 1. 107–108 Иосифа Флавия о 1000-летнем долголетии содержит две проверяемые ссылки (Гесиод и Манефон) и потому не должен рассматриваться как темное или недостоверное место. Любые указания на сказочное долголетие исключительно редки в греческой традиции, а каких-либо указаний на мифологемы о сроке жизни около 1000 лет или больше в сохранившихся текстах, за исключением мифа Гесиода, нет вообще. В связи с этим наиболее вероятное понимание фрагмента Иосифа Флавия состоит в том, что миф из «Трудов и дней» Гесиода о последовательных поколениях смертных, включая деталь о долголетии, был так или иначе заимствован по меньшей мере пятью греческими авторами. Таким образом, мы находим у Иосифа Флавия ранее незамеченное указание на цитирование Гесиода.

⁸ В первом из указанных фрагментов сообщается, что на самом деле у Манефона сказано, что Гефест правил 9000 лет, но годы здесь нужно понимать как лунные месяцы, откуда и возникает число 727,75.

⁹ Этот тезис, кажется, не нуждается в доказывании. На всякий случай см. высказывания Иосифа в сочинении «Против Апиона»: «Общее свойство египтян – считать животных богами» (Ар. 1. 25 [225]); «Каких богов? Если тех, что почитались у них, то есть быка, козла, крокодилов и бабуинов...» (Ар. 1. 28 [254–255]).

¹⁰ Этот подход впоследствии переняли и христианские писатели. Например, Евсевий Кесарийский в «Приготовлении к Евангелию» (Р.Е. 3.2): «... и одноименные им [божествам – И.Р.] смертные люди бывали у самих египтян, называемые Гелием, Кроном, Реей, а также Зевсом, Герой, Гефестом. О них пространно пишет Манефон...».

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Koskenniemi, E. 2019: *Greek Writers and Philosophers in Philo and Josephus*. Leiden-Boston.
- Vernant, J.P. 1983: Hesiod's Myth of the Races: An Essay in Structural Analysis. *Myth and Thought among the Greeks*. London, 3–32.
- West, M.L. 1978: *Hesiod: Works and Days. A commentary*. Oxford.
- Whiston, W. 1737: *The Genuine Works of Flavius Josephus the Jewish Historian*. London.
- Woodard, R.D. 2007: Hesiod and Greek Myth. In R.D. Woodard (ed.), *The Cambridge Companion to Greek Mythology*. Cambridge, 83–165.

AN INDICATION OF THE UBIQUITY OF THE HESIODIC MYTH ABOUT
SUCCESSIVE GENERATIONS OF MORTALS

Ilia P. Rushkin

Cambridge, Massachusetts, USA
iliarushkin@gmail.com

Abstract. In this work, we argue that Josephus Flavius' exposition on legendary longevity in the "Jewish Antiquities" is likely evidence that Hesiod's myth of five generations of mortals was at least partially borrowed by many other Greek authors, and in particular, most probably by the historians Hecataeus, Hellanicus, Acusilaus, Ephorus, and Nicolaus of Damascus. The ubiquity of Hesiod's myths throughout ancient Greek literature is perfectly natural, but for this particular myth it could only be conjectured up to this point. In the extant sources, apart from Hesiod, the generations myth appears only rarely, and in a substantially different form: in the works of Plato, Aratus and Ovid. We conclude that the aforementioned five historians must have had this myth from Hesiod based on the testimony of Josephus Flavius and the extreme paucity of any instances of extraordinary lifespans in Greek lore. The latter virtually excludes the possibility of an alternative interpretation of Flavius' words. According to Herodotus, Hesiod and Homer were the original sources of mythological information for the Greeks. However, the relative frequency of quoting Hesiod, as observed in the extant texts, is lower than it could be expected based on the comparison of the sizes of the two poets' corpora and their density of information. Our proposed identification of widespread borrowing of the five generations myth serves as a reminder that extant texts may still contain unrecognized indications of references to Hesiod.

Keywords: Hesiod, Josephus Flavius, the five generations myth, the golden age, the silver age, longevity myths, Hecataeus, Hellanicus, Acusilaus, unrecognized references.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 188–199
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 188–199
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-188–199

БИОГРАФИЯ ЭСХИЛА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА И МИФ

М.В. Поникаровская

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия
poni-marina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена биографии Эсхила. Биографические сведения об Эсхиле, имеющиеся в нашем распоряжении, восходят, главным образом, к жизнеописанию (Γένος Αἰσχύλου), предпосланному драмам «отца трагедии» в средневековых рукописях и составленному безымянным автором. Это жизнеописание представляет собой компиляцию сведений из различных источников: материалов общественных записей, например, дидаскалий, фрагментов не дошедших до нас произведений современников Эсхила, а также выдержек из исследований ученых эллинистической эпохи. Примечательно, что жизнеописание, наряду с фактами, заслуживающими доверия, содержит множество полулегендарных сведений и исторических анекдотов. Для реконструкции жизненного пути Эсхила автор привлекает также и другие источники: свидетельства о жизни трагика из Лексикона Свида, произведений Геродота, Диодора, Плиния Старшего, Плутарха, Павсания, Клавдия Элиана, Афиней, Марка Юниана Юстина и пр. Некоторые из этих свидетельств античных авторов вызывают недоверие ввиду их обрывочного и нередко противоречивого характера. Тем не менее упомянутые в них события, как представляется, вполне могли иметь место в жизни драматурга. Так, реальную историческую основу, скорее всего, имел сообщаемый рядом источников факт обвинения Эсхила в религиозном нечестии. В целом отрывки из свидетельств древних авторов подтверждают, что личность такого типа, как Эсхил, зачастую оказывается опутанной множеством легенд и сильно мифологизированной, что крайне затрудняет работу исследователя. Тем не менее имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет составить представление об основных вехах жизни Эсхила.

Ключевые слова: Эсхил, Афины, древнегреческий театр, трагедия, биография.

В последнее время в науке наблюдается тенденция к включению в контекст истории персональной биографии как особого измерения общественно-политических и культурных процессов. Как отмечает С.Н. Иконникова, биографии людей, являющихся свидетелями и участниками реальных исторических событий, отражают сценарий и драматизм жизненного пути, возможности альтернативного исторического развития¹. Однако составление биографического очерка о той или

Данные об авторе: Поникаровская Марина Владимировна – кандидат исторических наук, ученый секретарь СПбФ АРАН.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00455 «Античные основы современной зрелищной культуры: визуализация и перформанс в религии и политике».

¹ Иконникова 2011, 2.

иной исторической личности нередко вызывает серьезные затруднения, особенно если в фокусе исследования находится человек, живший десятки столетий назад. Осложняет дело, в первую очередь, то, что до нашего времени сохраняется, как правило, относительно малое количество источников и свидетельств, на которые можно опереться при реконструкции жизненного пути интересующей нас персоны. Но даже в случае наличия таких источников исследователю часто приходится сомневаться в степени их достоверности, поскольку свидетельства древних авторов часто содержат, наряду с историческим материалом, многочисленные легенды и домыслы, искажающие реальный портрет человека.

Примером такого рода «сложного случая» является биография великого древнегреческого трагика Эсхила. Биографические сведения о нем, которые имеются в нашем распоряжении, не слишком обширны. Они восходят, главным образом, к жизнеописанию (Γένος Αἰσχύλου), предпосланному трагедиям великого драматурга в средневековых рукописях² и составленному безымянным автором. Точное время создания жизнеописания нам неизвестно. Оно представляет собой компиляцию сведений из различных источников: это и материалы общественных записей, например, дидаскалий, фрагменты не дошедших до нас произведений современников великого трагика, а также выдержки из исследований ученых эллинистической эпохи. Следует отметить, что жизнеописание, наряду с фактами, заслуживающими доверия, содержит массу полуполюгандарных сведений и исторических анекдотов.

Согласно этим сведениям, Эсхил, сын Эвфориона, появился на свет в год 40-й олимпиады (525 г. до н. э.). Его родиной был известный своими старинными таинствами аттический город Элевсин, располагавшийся в углу Саронического залива к северо-западу от Афин. Элевсинские мистерии, в которых из поколения в поколение участвовали представители знатного рода, к которому принадлежал Эсхил, безусловно, оказали влияние на будущего поэта. Они побудили его задуматься о смысле жизни, об отношении человеческой воли к божественному предопределению и року, о причинах и условиях нравственного падения и нравственного оправдания. Связь Эсхила с культом элевсинской Деметры отмечали и его современники. К примеру, Аристофан в своей комедии «Лягушки» вкладывает в уста «отца трагедии» следующие слова: «Деметра, воспитавшая мою душу, дай мне оказаться достойным твоих таинств» (ст. 886–887, пер. Ф.Ф. Зелинского). Таким образом, тематика и основное направление творчества Эсхила во многом были обусловлены его рождением в Элевсине. Однако своей блестящей карьерой драматурга он был обязан другому городу – Афинам. Благодаря последним, по сло-

² Следует отметить, что вопрос о рукописях, сохранивших для нас литературное наследие Эсхила, не относится к числу простых и во многом остается дискуссионным. Подробному изучению этого вопроса посвящены следующие монографии: Wilamowitz-Moellendorff 1914, Turyn 1943, Dawe 1964. В настоящее время исследователям известно около 150 манускриптов, включающих в себя трагедии Эсхила либо отрывки из них. Большинство известных нам рукописей содержит только три эсхилевские драмы: «Прометей прикованный», «Семеро против Фив» и «Персы». Это связано с тем, что в византийскую эпоху данные трагедии были выбраны для школьного чтения, и потому именно они сохранились в более значительном числе списков. Эти драмы, объединенные условным названием «византийская триада», присутствуют целиком или частично в более чем 100 рукописях, одна из которых, Codex Laurentianus Mediceus (M), датируется X в., а остальные – промежутком от XIII в. до XVI в. Именно эта рукопись считается наиболее точным и достоверным источником драматического наследия Эсхила, однако и в ней, к сожалению, имеются лакуны и неточности.

вам Ф.Ф. Зелинского, Эсхил стал не певцом литургических гимнов и кантат, а трагическим поэтом³.

Жизненный путь Эсхила несет на себе отпечаток противоречивости эпохи, в которую ему довелось существовать. Конец VI в. до н. э., ставший временем динамичного и наиболее интенсивного развития древнегреческой цивилизации, завершил архаический период истории Эллады⁴. Архаическая эпоха в большинстве греческих общин была временем острых социально-политических противоречий, часто переходивших во внутренние конфликты и столкновения между старой родовой знатью и новой аристократией, верхушкой формирующегося городского сословия. В то же время все настойчивее стал звучать и голос демоса, который требовал для себя участия в государственном управлении, а также взывал к отмене долгов и переделу земли на более справедливых началах.

Процесс реформирования законодательства стал выходом из этого раздора для многих греческих полисов. В Афинах этот процесс был связан с деятельностью Солона, ставшего архонтом в 594 г. до н. э. Осуществленные им преобразования заложили основы полисной демократии. Родовая аристократия постепенно превращалась в политическую элиту, связанную с государственными институтами. И хотя полностью переломить господствующее положение знати в такие короткие сроки было невозможно, реформы Солона значительно укрепили позиции демоса, который мог отныне опираться на законодательство и новые органы власти.

Однако конфликты между родовой аристократией и демосом продолжались и после, поскольку ни те, ни другие не были в полной мере удовлетворены проведенными преобразованиями⁵. Это в конечном итоге привело к новому раздору, в результате которого к власти в 560 г. до н. э. пришел аристократ Писистрат и установил в Афинах тиранический режим. Являясь побочным продуктом распада древнего аристократического общества, тирания самым непосредственным образом содействовала крушению аристократии и этим подготовила торжество демократии⁶.

В 509 г. до н. э., когда Эсхилу было шестнадцать лет, тирания Писистратидов была свергнута в Афинах. Свержение этого режима, бывшее делом рук других аристократических родов, вопреки их желанию открыло дорогу преобразованию общественной жизни на демократической основе. Через два года состоялись реформы Клисфена, направленные против еще сохранявшейся родовой и клановой организации, в которой находили опору аристократические верхи. Этот короткий период длиной всего в несколько лет Дж. Обер называет «Афинской революцией», ознаменовавшей конец архаической эпохи и переход к новой политической системе, которая в будущем получит наименование «демократия»⁷. Преобразования Клисфена разрушили сословные различия. Количество членов буле, государственного совета, было доведено до 500 человек, по 50 от каждой из 10 административных единиц – фил, не имевших теперь сплошной территории, а объединявших жителей трех областей Аттики, отличавшихся хозяйственным укладом: горной,

³ Зелинский 1904, 130.

⁴ Суриков 2005, 72.

⁵ Туманс 2002, 285.

⁶ Фролов 2004, 167.

⁷ Ober 1996, 34.

равнинной полосы и побережья. Равномерное представительство от каждой филы обеспечивало интересы живущего там населения.

Вместе с тем до полного политического равенства сословий было еще далеко: на должности девяти архонтов, руководивших государственной деятельностью, избирались только граждане, принадлежавшие к двум первым, наиболее зажиточным разрядам. После окончания срока своей службы архонты становились членами ареопага – древнего органа, призванного следить за соблюдением религиозных установлений. Но в начале V в. до н. э. в руках ареопага сосредоточился контроль над всей государственной жизнью, и афинская политика в эти десятилетия имела достаточно консервативный характер. Это явилось почвой для неослабевающих внутренних коллизий в общественной жизни полиса⁸.

Эсхил впервые выступил в состязании трагиков около 500 г. до н. э., в возрасте двадцати пяти лет, но победить ему удалось только к сорока годам, в 484 г. н. э. Можно предположить, что военные события того времени не способствовали его поэтическим занятиям. В VI в. до н. э. в Азии образовалась огромная персидская держава под властью династии Ахеменидов. После покорения Малой Азии персидский царь Дарий задумал овладеть и материковой Грецией. Возглавив борьбу против могущественного врага, афиняне своим мужеством и патриотизмом вдохновили на подвиги и остальную Элладу. Афинские гоплиты одержали блестящую победу над двукратно превосходящей греческое войско персидской армией у Марафона (490 г. до н. э.), их моряки разбили огромный флот неприятеля рядом с островом Саламин (480 г. до н. э.), афинское войско в союзной греческой армии сыграло значительную роль в битве при Платеях (479 г. до н. э.), а афинская эскадра в составе греческого флота нанесла решительный удар персам около мыса Микале (479 г. до н. э.). Семья Эсхила принимала деятельное участие в войне с персами. Его брат Кинегир погиб в сражении при Марафоне. По рассказу Геродота, афиняне, обратив персов в бегство, преследовали тех до самого моря и там попытались захватить и их суда. Кинегису отрубили руку секирой, когда он ухватился за корму одного из вражеских кораблей (Herod. VI. 114; Just. II. 9. 16–19).

Другой брат, Аминий, командуя триерой, начал битву при Саламине (Herod. VIII. 84; Diod. XI. 27; Aelian. Var. Hist. V. 19; Paus. I. 14. 5; Plut. Them. 14). Он первым протаранил флагманский корабль персов, потопил его и убил командующего флотом армии Ксеркса (Diod. XI. 27). По сведениям Диодора, из всех афинских воинов, сражавшихся при Саламине, только Аминий получил награду за доблесть (Diod. XI. 27). Любопытно, что ни Диодор, ни другие авторы, упоминающие о подвиге Аминия, не называют имени командующего флотом персов, которого он убил. Однако из сообщений Плутарха и Юстина нам известно, что флотом Ксеркса командовал старший сын Дария, брат Ксеркса – Ариамен (Plut. Them. 14. 2; Plut. Reg. apophth. 173C; Just. II. 103). Сам Эсхил являлся участником Марафонского боя, во время которого был тяжело ранен (Comm. Eustrat. 3. 2 ap. Eth. Arist.), а также сражался у Саламина и при Платеях (Vit. Aesch. 4). Кроме того, имеются сведения, что Эсхил в 480 г. до н. э. участвовал и в морской битве при мысе Артемисии на острове Эвбея (Paus. I. 14. 5).

⁸ См. подробнее: Кондратьев 1983, Строгеецкий 1991, Маринович 2001, Суриков 2005, Cole 1974, Fornara 1991, Stockton 1991.

Начиная с 484 г. до н. э. Эсхил удостаивался первого места на драматических состязаниях по меньшей мере 13 раз, хотя Свида допускает, что Эсхил мог победить и 28 раз (s. v. Αἰσχύλος). Возможно, меньшая цифра имеет отношение к победам Эсхила на Великих Дионисиях, а большая – включает в себя первые призы, присужденные трагику как на Великих Дионисиях, так и на других, менее значительных, праздниках. Согласно другой версии, в число 28 могли включаться победы, одержанные драмами Эсхила уже после смерти поэта⁹.

В период с 484 г. до н. э. и приблизительно до 470 г. до н. э. Эсхил, без сомнения, являлся главным на аттической сцене, где ему не было равных. От этого времени до нас дошла трагедия «Персы», повествующая не о мифическом, а об историческом событии – поражении персов при Саламине и бедственном отступлении их войска в Азию. «Персы» впервые были поставлены в 472 г. до н. э. в составе тетралогии, в которую входили также трагедии «Финей», «Главк» и сатирическая драма «Прометей – огневозжигатель». Эта тетралогия заняла первое место в состязаниях трагиков. Примечательно, что в ней Эсхил объединил четыре самостоятельных произведения, не имеющих между собой очевидной смысловой связи, что он как драматург делал достаточно редко¹⁰. В отличие от трагедии «Персы», тексты остальных драм этой тетралогии почти полностью утрачены. От каждой сохранились лишь незначительные фрагменты.

К этому же периоду относится и первое путешествие Эсхила на Сицилию, ко двору тирана Сиракуз Гиерона I. К сожалению, из-за противоречивости античных свидетельств по этому вопросу у нас нет четкого представления о том, сколько всего раз трагик посещал остров: два или три¹¹. Известно, что местной сицилийской теме Эсхил посвятил не дошедшую до нас драму «Этнянки», прославляющую созданный Гиероном город Этну, расположившийся у подножия одноименной горы. Согласно автору жизнеописания, афинский драматург прибыл на Сицилию в то самое время, когда город был основан сиракузским тираном, и вскоре представил на сцене «Этнянок», в которых предвещал хорошую жизнь всем обитателям Этны (Vit. Aesch. 9). По сведениям Диодора, основание Гиероном Этны произошло около 476/475 гг. до н. э. (XI. 49. 1–2), поэтому мы можем полагать, что первое путешествие поэта на Сицилию и постановку драмы «Этнянки» следует относить именно к этому времени.

Кроме того, ряд античных источников сообщает, что на Сицилии была поставлена и трагедия Эсхила «Персы». Так, Эратосфен Киренский, автор трактата «О древней комедии», свидетельствовал, что, скорее всего, представление трагедии «Персы» Эсхилом в Сиракузах состоялось по приглашению Гиерона (Schol. Arist. Ran. 1028). Примечательно, что Эратосфен в упомянутом отрывке использовал глагол δεδιδάχθαι, означающий первичную постановку драмы. В «Жизнеописании Эсхила» тоже есть указание на постановку «Персов» на Сицилии, однако при этом автор применяет другой глагол – ἀναδιδάξαι, употребляемый, как правило, для обозначения повторной постановки (Vit. Aesch. 18).

Мы знаем, что в Афинах «Персы» были представлены на сцене в 472 г. до н. э. (TrGF 1.4–5). Таким образом, если верить Эратосфену, премьера этой трагедии на

⁹ Winnington-Ingram 2008, 282.

¹⁰ Ярхо 1989, 527.

¹¹ Теме пребывания Эсхила на Сицилии посвящена обширная статья Д. Дж. Смита: Smith 2018.

Сицилии должна была состояться ранее 472 г. до н. э. Если же считать правдивыми сведения автора жизнеописания, повторная постановка «Персов» состоялась после 472 г. до н. э. Принимая во внимание факт, что в 467 г. до н. э. Эсхил уже вновь был в Афинах на постановке своей тетралогии, включавшей трагедию «Семеро против Фив» (TrGF 1.4–5), а также то, что в 467 г. до н. э. умер Гиерон I, то относить постановку драмы «Персы» на Сицилию нужно к промежутку между 472 и 468 гг. до н. э.

В связи с изложенным выше возникает вопрос, сколько раз драматург все-таки приезжал на Сицилию. Если придерживаться мнения, что Эсхил посещал остров дважды, то драмы «Этнянки» и «Персы» должны были быть представлены на сцене в течение одного и того же визита. Следуя версии, согласно которой постановка «Персов» на Сицилии хронологически предшествует представлению этой драмы в Афинах, первое путешествие Эсхила, вероятно, нужно относить к дате основания города Этны, то есть к 476/475 гг. до н. э. Если же постановка трагедии «Персы» при дворе Гиерона не была премьерной, то самым ранним годом ее показа на сицилийской сцене и, соответственно, временем прибытия поэта на остров следует считать 471 г. до н. э. Однако тогда не вполне ясно, почему драма «Этнянки», приуроченная к основанию Этны, была представлена только через пять лет после возникновения города.

Как бы то ни было, к 468 г. до н. э. Эсхил возвратился в Афины и встретил сильного соперника в лице молодого Софокла. В 468 г. до н. э. оба драматурга выступили одновременно на афинской сцене. Софокл представил тетралогию, в составе которой была трагедия «Триптолем», а Эсхил – неизвестные нам драмы. Пьесы Софокла пришлись по нраву публике, но не все были готовы смириться с поражением прославленного Эсхила. Согласно Плутарху, архонт, руководивший представлением, заметив несогласия и споры между зрителями, не стал бросать жребий для избрания судей, а предложил решить спор полководцу Кимону и его товарищам-стратегам. Победа была присуждена Софоклу (Plut. Cim., 8). С этих пор оба трагика владели афинской сценой.

Следует отметить, что успехом «Триптолема» Софокл, по всей видимости, был обязан увеличению числа своих актеров до трех. Очевидно, что эта мера значительно оживила процесс диалога и действия. Эсхил воспользовался идеей своего молодого соперника и в 467 г. до н. э. поставил фиванскую трилогию, из которой сохранилась только последняя трагедия, «Семеро против Фив», при участии уже трех актеров.

В 458 г. до н. э. Эсхил представил в Афинах трилогию «Орестея», которая была удостоена первой премии. «Орестея» является самым поздним произведением «отца трагедии» и единственной полностью дошедшей до нас трилогией. По своей драматической структуре «Орестея» гораздо сложнее более ранних трагедий Эсхила: в ней активно использован третий актер и новое устройство сцены с задней декорацией, изображающей дворец, и с проскением. В центре сюжетной линии «Орестеи» находится судьба потомков Атрея, над которыми тяготеет проклятие за ужасное преступление их предка. По уровню драматизма трагедии этой трилогии являются самыми совершенными из произведений Эсхила.

Под конец жизни, после успешной постановки «Орестеи», Эсхил окончательно переселился на Сицилию. На этом острове, в городе Геле, в 456 г. до н. э. ве-

ликий трагик окончил свои дни. Там же он и был погребен. Надгробная надпись, будто бы сочиненная самим Эсхилом и, во всяком случае, относящаяся к его времени, гласит:

Αἰσχύλον Εὐφορίωνος Ἀθηναῖον τόδε κεῖθαι
 μνῆμα καταθήμενον πυροφόροιο Γέλας·
 ἀλκὴν δ' εὐδόκιμον Μαραθώνιον ἄλσος ἂν εἴποι
 καὶ βαρυχαιτήεις Μῆδος ἐπιστάμενος.
 Афинянина Эсхила, сына Эвфориона, здесь скрывает
 могила, погибшего в хлеботородной Геле.
 О храбрости его славной роща марафонская могла бы
 рассказать, и длинноволосый мидянин знает об этом.
 (Vit. Aesch. 11. Пер. наш).

Относительно авторства этой надписи у нас нет точных сведений. В жизнеописании Эсхила говорится, что эпитафия была сделана жителями Гелы (Vit. Aesch. 11), тогда как, например, Афинея приписывает ее самому Эсхилу (XIV. 23. 7). В этой надписи обращает на себя внимание то, что автор ни слова не упоминает о литературной деятельности Эсхила. Это косвенно может служить подтверждением версии Афинея, поскольку представляется вероятным, что только сам поэт мог почтить себя как воина и не упомянуть о своих поэтических заслугах. Очевидно, важнейшим подвигом и назначением своей жизни великий трагик считал защиту отечества. Этим определялось и мировоззрение Эсхила.

Древние биографы приводят самые разные обстоятельства, побудившие, по их мнению, Эсхила переселиться под конец жизни на остров Сицилию. Автор жизнеописания, к примеру, называет две возможные причины отъезда Эсхила из Афин. Первая связана с чувством обиды, вызванным тем, что публика стала оказывать предпочтение молодому Софоклу (Vit. Aesch. 8). Этой же версии придерживается и Плутарх, рассказывая, что Эсхил, проиграв юноше Софоклу в состязании поэтов-трагиков, был настолько опечален и удручен, что после этого лишь короткое время пробыл в Афинах, а затем с досады уехал на Сицилию (Сим. 8). Другим поводом к переезду на Сицилию могло послужить поражение Эсхила в состязании элегий в честь воинов, павших при Марафоне. Победа была присуждена поэту Симониду, чья элегия, прославляющая павших на марафонском поле, превзошла стихотворения соперников (Vit. Aesch. 8). Еще одну возможную причину сообщает Свида: якобы трагик был изгнан из Афин вследствие обрушения сцены во время представления одной из его драм (s. v. Αἰσχύλος). Однако возможно, что повод следует искать в общественно-политической обстановке того времени. Туманный намек на это содержится в комедии Аристофана «Лягушки» (ст. 806), где говорится о каких-то расхождении Эсхила с афинянами.

Причины, которыми древние авторы объясняют отъезд Эсхила на Сицилию, если и не являются в полной мере достоверными, тем не менее отчетливо раскрывают агонистическую суть всей древнегреческой культуры. Агон (ἀγών) – основной вид публичного выступления в античном обществе, вся жизнь которого была пронизана принципом состязательности¹². Элемент соревнования не ограничи-

¹² Ярхо 1995, 19.

вался лишь областью спортивных состязаний, а присутствовал в полной мере и в сферах духовной и интеллектуальной жизни. Почти все величайшие достижения поэзии, драмы, философской мысли имели свои корни в соревновании и использовали формулу соревнования как необходимый элемент для достижения успеха в любом из видов деятельности.

После смерти «отца трагедии» в Афинах было принято постановление, что всякий желающий поставить пьесу Эсхила «получит хор» от властей (то есть получит разрешение возобновить постановку драмы на празднестве Дионисий). Ранее драмы представлялись публике на Великих Дионисиях только один раз. Существование этого декрета, упоминаемое в жизнеописании Эсхила, дважды находит подтверждение у Аристофана. Первый раз – в прологе к комедии «Ахарняне», поставленной в 425 г. до н. э., через 31 год после смерти Эсхила, один афинский гражданин выражает свое большое разочарование в связи с тем, что он пришел в театр, «ожидая Эсхила», а обнаружил на сцене пьесу другого автора (ст. 10). И второе указание – сцена из комедии «Лягушки», поставленной в 405 г. до н. э., в которой Эсхил, споря с Еврипидом из-за первенства, жалуется на то, что состязание несправедливо, поскольку его поэзия не умерла вместе с ним, в отличие от поэзии Еврипида, потому последний находится в более выгодном положении, так как его поэзия всегда при нем (ст. 868). Помимо этих двух фрагментов из Аристофана в нашем распоряжении имеются еще несколько свидетельств о том, что произведения Эсхила ставились в Афинах и после его смерти (Quintil. X. 1. 66; Philostr. Vit. Apollon. VI. 11). Кроме того, сыновья Эсхила, Эвфорион и Эвзон, тоже стали драматургами, как и его племянник Филокл, явившийся основателем целой династии трагических поэтов, включавшей 4 поколения (Suid. s. v. Αἰσχύλος).

Ряд свидетельств античных писателей, касающихся биографии Эсхила, вызывает некоторое недоверие ввиду их обрывочного и зачастую противоречивого характера, однако упоминаемые в этих свидетельствах события, как представляется, вполне могли иметь место в жизни великого трагика. Так, некоторые авторы упоминают факт обвинения Эсхила в религиозном нечестии. Согласно этим сведениям, Эсхил принимал участие в постановке драмы, сюжет которой касался Деметры. Публика усмотрела в этом открытие непосвященным секретов, связанных с Элевсинским культом, и впала в неистовство. Гераклид Понтийский пишет, что несчастный автор вынужден был искать спасения возле алтаря Диониса, находящегося в центре орхестры (fr. 170 Wehrli). Разгневанная толпа не решилась нарушить древний обычай сакрального права: увести силой от статуи бога или алтаря лицо, ищущее защиты, считалось преступлением. Впоследствии Эсхил предстал перед ареопагом. Его слова приводит Аристотель в «Никомаховой этике»: «Я не знал, что то, что я говорил, является секретом» (III. 2, р. 1111 а 10–11). Это оправдание, как ни странно, было принято судом. Другие, более поздние, авторы утверждают, что поэт был оправдан после того, как младший брат Эсхила Аминий, отбросив гиматий, показал свою по локоть отрубленную руку. Судьи, взглянув на руку Аминия, вспомнили о его доблести и помиловали Эсхила (Aelian. Var. Hist. V. 19). С этим соглашаются и позднейшие комментаторы, считающие, что реальным основанием для оправдания Эсхила послужили заслуги его самого и его братьев в битве при Марафоне. Относительно того, в чем же конкретно заключалось преступление поэта, прямых указаний в античной традиции не сохранилось, един-

ственное объяснение можно усмотреть в замечании Афиней, который пишет, что Эсхил показал в сценических костюмах красоту и торжественность одежд, которые надевают гиерофант и дадух, жрецы культа Деметры (I. 39, p. 21 d–e).

Любопытный фрагмент приводит в одном из своих трактатов философ Порфирий. Он рассказывает, что однажды брат попросил Эсхила написать пэан в честь Аполлона. Трагик же ответил, что самый лучший пэан уже был сочинен Тиннихом. А если бы его, Эсхила, пэан впоследствии стали сравнивать с сочинением Тинниха, то это было бы равнозначно тому, как если бы недавно изваянную статую сравнили с древней. Потому что последние, хотя и просты в своей форме, но считаются божественными, в то время как первые, несмотря на самую изысканную форму, безусловно, приводят в восхищение, но не обладают божественной природой (De abstin. II. 18). Как кажется, приписываемый Эсхилу в этом фрагменте взгляд на характер и основы поэтического творчества вполне согласуется с тем, что мы знаем из комедий Аристофана, пародирующих трагедию (например, «Лягушки», где наиболее ярко отразились литературные споры того времени).

С именем Эсхила в античной традиции также связано множество сведений, в легендарном характере которых практически не приходится сомневаться. Например, рассказ Павсания о том, как бог Дионис явился к будущему поэту: «Сам Эсхил рассказывал, что, будучи еще мальчиком, он заснул в поле, сторожа виноград; и вот ему явился во сне Дионис, приказав писать трагедии. Когда наступил день, он пожелал выполнить волю бога, и когда он попытался, то ему очень легко далось писание стихов. Так он рассказывал об этом» (I. 21. 2, пер. С.П. Кондратьева).

Также следует упомянуть философа Хамелеона, ученика Аристотеля, который являлся автором ряда биографий известных греческих поэтов, включая Эсхила. Его нельзя назвать аккуратным исследователем, поскольку в своих биографиях он собрал огромное количество ложной информации, которая, по всей видимости, и явилась впоследствии благодатной почвой для развития разного рода легенд. В частности, об Эсхиле Хамелеон, по замечанию Афиней, свидетельствовал, что трагик писал свои драматические произведения под сильным воздействием вина (Athen. I. 39, p. 22 a)¹³.

Весьма занимательный анекдот передает и автор жизнеописания Эсхила. Якобы во время показа на сцене трагедии «Эвмениды» хор своим видом настолько изумил и, можно даже сказать, испугал зрителей, что младенцы испустили дух, а у беременных женщин случились выкидыши (Vit. Aesch. 9). Эту историю, скорее всего, также следует отнести к разряду легенд, однако она прекрасно свидетельствует о том, какое сильное эмоциональное воздействие трагедии Эсхила оказывали на публику.

Широко известен и повторяемый лексикографом отрывок из жизнеописания Эсхила, который повествует о смерти поэта (Suid. s. v. Αἰσχύλος; Vit. Aesch. 10). Якобы великий трагик умер от того, что орел уронил ему на голову черепаху, чей панцирь хотел расколоть, приняв голову Эсхила за камень. Эту легенду также упоминают Плиний Старший в своей «Естественной истории» (X. 10) и Клавдий Элиан в сочинении «О природе животных» (VII. 16).

¹³ Csapo 2010, 121.

Впрочем, несмотря на явную легендарность подобных сведений, было бы неправильным считать их абсолютно безосновательными. Так, например, рассказ Павсания о явлении юному Эсхилу бога Диониса, безусловно, отсылает нас к истории возникновения трагедии и театральным представлениям, которые напрямую связаны с дионисийским культом. В заявлении Хамелеона о том, что Эсхил создавал свои драмы под сильным воздействием вина, также явно просматривается отсылка к культу Диониса, который был богом виноградарства, виноделия и вдохновения.

Отрывки из свидетельств древних авторов, приводимые выше, подтверждают, что личность такого типа, как Эсхил, зачастую оказывается опутанной множеством легенд, сильно мифологизированной, что крайне затрудняет работу исследователя. Тем не менее имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет составить представление об основных вехах жизни Эсхила, несмотря на то, что она базируется лишь на обрывочных сведениях и кратких упоминаниях в античных источниках. Часто эти сведения противоречат друг другу, и определить степень их достоверности весьма сложно. Вероятно, недостаточность правдивых свидетельств уже в античную эпоху вместе с огромным интересом и рождали в результате бесчисленное количество легенд о жизни «отца трагедии».

ЛИТЕРАТУРА

- Зелинский, Ф.Ф. 1904: Эсхил. В кн.: К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевский (ред.), *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XLI, 81. СПб., 130–135.
- Иконникова, С.Н. 2011: Биография как социокультурное измерение истории. *Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание* 4 (6), 1–6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cr-journal.ru/files/file/02_2012_13_50_01_1328608201.pdf
- Кондратьев, М.А. 1983: Архэ и афинская демократия. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Античная Греция*. Т. I. М., 327–365.
- Маринович, Л.П. 2001: *Античная и современная демократия: новые подходы*. М.
- Строгеецкий, В.М. 1991: *Полис и империя в классической Греции*. Н. Новгород.
- Суриков, И.Е. 2005: *Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика*. М.
- Туманс, Х. 2002: *Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.)*. СПб.
- Фролов, Э.Д. 2004: *Рождение греческого полиса*. СПб. (2-е изд.).
- Ярхо, В.Н. 1989: Примечания к трагедии «Персы». В кн.: Н.И. Балашов (отв. ред.), *Эсхил. Трагедии*. М., 527–531.
- Ярхо, В.Н. (ред.) 1995: *Античная культура: литература, театр, искусство, философия, наука. Словарь-справочник*. М.
- Cole, J.R. 1974: Cimon's Dismissal, Ephialtes' Revolution and the Peloponnesian Wars. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 15. 4, 369–385.
- Csapo, E. 2010: *Actors and Icons of the Ancient Theater*. Oxford.
- Dawe, R.D. 1964: *The Collation and Investigation of Manuscripts of Aeschylus*. Cambridge.
- Fornara, Ch.W., Samons, L.J. 1991: *Athens from Cleisthenes to Pericles*. Berkeley.
- Ober, J. 1996: *The Athenian Revolution*. Princeton.
- Smith, D.G. 2018: The Reception of Aeschylus in Sicily. In: R.F. Kennedy (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Aeschylus*. Leiden, Boston, 9–53.

- Stockton, D. 1991: *The Classical Athenian Democracy*. Oxford.
 Turyn, A. 1943: *The Manuscript Tradition of the Tragedies of Aeschylus*. New York.
 Wilamowitz-Moellendorff, U. von (ed.) 1914: *Aeschyli Tragoediae*. Berlin.
 Winnington-Ingram, P. 2008: Aeschylus. In: P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.), *The Cambridge History of Classical Literature*. Vol. I. Greek Literature. Cambridge, 281–294.

REFERENCES

- Cole, J.R. 1974: Cimon's Dismissal, Ephialtes' Revolution and the Peloponnesian Wars. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 15. 4, 369–385.
 Csapo, E. 2010: *Actors and Icons of the Ancient Theater*. Oxford.
 Dawe, R.D. 1964: *The Collation and Investigation of Manuscripts of Aeschylus*. Cambridge.
 Fornara, Ch.W., Samons, L.J. 1991: *Athens from Cleisthenes to Pericles*. Berkeley.
 Frolov, E.D. 2004: *Rozhdeniye grecheskogo polisa [The birth of Greek polis]*. Saint Petersburg. (2nd ed.).
 Ikonnikova, S.N. 2011: Biografiya kak sotsiokul'turnoe izmerenie istorii [Biography as a socio-cultural dimension of history]. *Kul'turologicheskiy zhurnal. Elektronnoe periodicheskoe retsenziruемое nauchnoe izdanie [Culturology Journal. Electronic Peer-Reviewed Scientific Periodical]* 4 (6), 1–6, http://cr-journal.ru/files/file/02_2012_13_50_01_1328608201.pdf.
 Kondratyuk, M.A. 1983: Arkhe i afinskaya demokratiya [State (arche) and Athenian democracy]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia [Ancient Greece]*. Vol. I. Moscow, 327–365.
 Marinovich, L.P. 2001: *Antichnaya i sovremennaya demokratiya: novye podkhody [Ancient and modern democracy: new approaches]*. Moscow.
 Ober, J. 1996: *The Athenian Revolution*. Princeton.
 Smith, D.G. 2018: The Reception of Aeschylus in Sicily. In: R.F. Kennedy (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Aeschylus*. Leiden, Boston, 9–53.
 Stockton, D. 1991: *The Classical Athenian Democracy*. Oxford.
 Strogetskiy, V.M. 1991: *Polis i imperiya v klassicheskoy Gretsii [Polis and Empire in Classical Greece]*. Nizhny Novgorod.
 Surikov, I.E. 2005: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi: arkhaika i rannaya klassika [Ancient Greece: Politics in the context of the epoch: the Archaic and Early Classical Periods]*. Moscow.
 Tumans, Kh. 2002: *Rozhdeniye Afiny. Afinskiy put' k demokratii: ot Gomera do Perikla (VIII–V vv. do n. e.) [The birth of Athena. The Athenian way to democracy: from Homer to Pericles (8th to 5th centuries B.C.)]*. Saint Petersburg.
 Turyn, A. 1943: *The Manuscript Tradition of the Tragedies of Aeschylus*. New York.
 Wilamowitz-Moellendorff, U. von (ed.) 1914: *Aeschyli Tragoediae*. Berlin.
 Winnington-Ingram, P. 2008: Aeschylus. In: P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.), *The Cambridge History of Classical Literature*. Vol. I. Greek Literature. Cambridge, 281–294.
 Yarkho, V.N. (ed.) 1995: *Antichnaya kul'tura: literatura, teatr, iskusstvo, filosofiya, nauka. Slovar'-spravochnik [Ancient culture: literature, theater, art, philosophy, science. Dictionary-manual]*. Moscow.
 Yarkho, V.N. 1989: Primechaniya k tragedii "Persy" [Commentary to the tragedy "Persians"]. In: N.I. Balashov (ed.), *Eskhil. Tragedii [Aeschylus. Tragedies]*. Moscow, 527–531.
 Zelinskiy, F.F. 1904: Eskhil [Aeschylus]. In: K.K. Arsen'ev, F.F. Petrushevskiy (eds.), *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]* XLI, 81. Saint Petersburg, 130–135.

THE LIFE OF AESCHYLUS BIOGRAPHY: HISTORICAL BACKGROUND
AND MYTH

Marina V. Ponikarorskaya

Saint Petersburg Branch of the Archive of RAS, Saint Petersburg, Russia
poni-marina@yandex.ru

Abstract. The article explores the biography of Aeschylus. The biographical information about Aeschylus, known to us, goes back mainly to the biography (Γένος Αἰσχύλου), which pre-faced to the dramas of the “father of tragedy” in medieval manuscripts and was compiled by an unnamed author. This biography is a compilation of information from various sources: materials of public records, for example, didascaliae, fragments of extant works of Aeschylus’ contemporaries, as well as excerpts from the works of scholars of the Hellenistic era. It is noteworthy that this biography, along with reliable facts, contains a lot of semi-legendary information and historical anecdotes. The author also draws on other sources to reconstruct the life of Aeschylus: testimonies about the life of the tragedian from Suda Lexicon, the works of Herodotus, Diodorus, Pliny the Elder, Plutarch, Pausanias, Aelian, Athenaeus, Justin, etc. Some of these testimonies of ancient authors appear to be unreliable due to their fragmentary and often contradictory nature. However, some events mentioned in them, it seems, could have really taken place in the life of the playwright. For example, the fact of accusing Aeschylus of religious impiety, reported by a number of sources, had, most likely, a real historical basis. In general, the excerpts from the testimonies of ancient authors confirm that a person like Aeschylus often turns out to be enmeshed in many legends and heavily mythologized, and this makes the work of a researcher extremely difficult. Nevertheless, the information that we have allows us to get an idea of the main milestones in the life of Aeschylus.

Keywords: Aeschylus, Athens, Ancient Greek theater, tragedy, biography.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-200–206

СЕНЕКА О ВЛИЯНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

С.С. Демина

*Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия
ist-drev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены представления Сенеки о влиянии общественного мнения на сознание и поведение. Этот римский автор употребляет различные термины для обозначения общественного мнения. По мнению Сенеки, общественное мнение навязывает человеку ложную систему ценностей. Свое влияние на сознание и поведение оно осуществляет путем одобрения или осуждения. Желание заслужить одобрение общественного мнения и страх испытать его осуждение ведут к притворству, лицемерию, беспокойству, приобретению ненужных вещей, обидам. Обиды Сенека считает опасными, потому что они провоцируют появление гнева, то есть вредоносной жажды мести. Бездумное подражание модели поведения, которая, согласно общественному мнению, является правильной, способствует распространению порочности в обществе. Всеобщим заблуждениям этот римский стоик противопоставляет стремление к добродетелям как смысл жизни. Он считает, что человек должен игнорировать общественное мнение и ориентироваться не на него, а на разум и истину, жить сообразно природе, иметь чистую совесть, постоянно бороться со своими пороками и радоваться проявлению добродетелей. Уединение и занятия науками также помогают направить дух не на внешние блага, а на внутреннее. Общественному мнению Сенека противопоставляет мнение добродетельных людей. Их похвала, с его точки зрения, вдохновляет человека на дальнейшее самосовершенствование. Их поведение является образцом, достойным подражания. Сенека не только обратил внимание на распространение в римском обществе I в. н. э. конформистских настроений, но и попытался осмыслить его истоки и предложить способы противодействия ему с позиций стоицизма.

Ключевые слова: Древний Рим, стоицизм, Сенека, общественное мнение.

Общественное мнение в Древнем Риме было, как известно, важным фактором, влияющим на политическую жизнь общества и на социальный статус отдельного человека¹. Общественное мнение многократно упоминали в своих произведениях римские историки, поэты и мыслители в позднереспубликанское и раннеимператорское время. В их число входит и Луций Анней Сенека Младший,

Данные об авторе: Демина Светлана Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

¹ См., например, Кнабе 1988, 168–169; Laurence 1994, 62–74; Rosillo-López 2017, 6.

размышлявший с позиций стоицизма о самосовершенствовании человека, о добродетелях, пороках, страстях и о спокойствии для достижения блаженной жизни.

Исследователи активно изучают представления римских авторов об общественном мнении и обозначавшие его латинские термины². Термин *fama*, крайне важный для римской культуры³, специалисты трактуют как обозначение общественного мнения и репутации, при этом одни полагают, что он и термин *existimatio* являлись синонимами⁴, другие указывают на близость обозначавшихся ими понятий, отмечая незначительные отличия⁵. К. Росилло-Лопес заметила, что, наряду с этими двумя терминами, для обозначения общественного мнения использовался также термин *iudicium*⁶. М. Беттини считает, что у понятий, обозначавшихся терминами *fama* и *rumor*, были не только общие, но и отличительные черты⁷. На основе анализа произведений Тацита И. Шатцман утверждает, что термин *sermo* у этого римского историка – это словесное выражение *fama*, а между терминами *sermones* и *rumores* существовала близкая связь⁸.

Взглядам Сенеки об общественном мнении исследователи уделили весьма скромное внимание. Так, Ц. Яветц указывает на то, что Сенека, зная о неустойчивом характере общественного мнения, призывал философов игнорировать слухи, распускавшиеся глупцами⁹. С. Г. Карпюк также отмечает имеющееся в произведениях этого римского мыслителя I в. н. э. противопоставление философа всем немудрецам и обращает внимание на его идею о том, что поведение философов не должно противоречить общепринятым обычаям¹⁰. И. П. Портнягина справедливо замечает, что Сенека рекомендовал удерживать воспитуемых от частого общения с толпой из-за ее вредного влияния¹¹. Таким образом, можно констатировать существующий в науке интерес к отношению Сенеки к общественному мнению, с одной стороны, и крайне слабую изученность этого вопроса, с другой. В связи с этим в данной статье будет предпринята попытка поиска ответа на вопрос о том, как Сенека оценивал влияние общественного мнения на сознание и поведение человека. Анализ этого аспекта его взглядов является важным для более глубокого понимания как его собственного мировоззрения и учения стоицизма в целом, так и более широкой проблемы уровня знаний и характера представлений древних римлян о факторах, воздействующих на систему духовных ценностей и модели поведения людей.

Изучение представлений Сенеки о влиянии общественного мнения на сознание и поведение человека сопровождается определенными сложностями терминологического характера. Дело в том, что, размышляя об общественном мнe-

² См.: Yavetz 1974, 35–65; Shatzman 1974, 549–578; Néraudau 1993, 27–34; Gibson 1998, 111–129; Habinek 2000, 264–303; Hallett 2006, 37–42; Bettini 2008, 352–361; Descheemaeker 2009, 609; Hardie 2012, 78–329; Bond 2014, 5–6; Karamalengou 2016, 45–54; Guastella 2017, 53–66, 115–124; Rosillo-López 2017, 6–12.

³ Bettini 2008, 352.

⁴ Yavetz 1974, 49; Descheemaeker 2009, 609; Rosillo-López 2017, 6–7.

⁵ Néraudau 1993, 29–30.

⁶ Rosillo-López 2017, 6.

⁷ Bettini 2008, 358–361.

⁸ Shatzman 1974, 549–550.

⁹ Yavetz 1974, 46, 64.

¹⁰ Карпюк 1997, 131.

¹¹ Портнягина 2014, 217.

нии, этот римский мыслитель употребляет различные термины (*iudicium* / *iudicia*, *opinio* / *opiniones*, *existimatio*, *sententia*, *fama*, *sermo* / *sermones*, *rumores*). Как и другие латинские авторы, он не дает им четких определений, что существенно затрудняет поиск ответа на вопрос о соотношении их смыслов. Однако некоторые моменты по этому поводу все же можно отметить.

Наиболее часто употребляемыми Сенекой терминами, обозначающими общественное мнение, являются *iudicium* / *iudicia* и *fama*. Значительно реже он использует термины *opinio* / *opiniones*, *sententia* и *sermo* / *sermones*, крайне редко – *existimatio* и *rumores*.

Контексты употребления этих терминов позволяют полагать, что термин *iudicia* (в единственном числе – *iudicium*) означает у Сенеки общественное мнение как таковое, независимо от того, выражено оно вербально или нет, поэтому его можно перевести и как «мнения», и как «суждения» (*De brev. vitae*. 2. 1: *Epist.* LXXXI. 31, XCV. 62, *СП.* 11–13, 15, 17), однако все же чаще он употребляется в первом значении. Термин *existimatio* также можно истолковать как «мнение», «суждение» (*Epist.* *СП.* 12). Терминами *fama* (молва), *rumores* (толки), *sermo* / *sermones* (слухи, толки, пересуды) Сенека обозначает общественное мнение, выраженное вербально (*De ira*. III. 11. 1; *Epist.* LXXXI. 29, XCI. 19–20, XCIV. 55, *СП.* 12–13, 17). Обращает на себя внимание тот факт, что существительное *sermo* / *sermones* сопровождается у этого римского мыслителя эпитетом *malignus* / *maligni* (недоброжелательный(ые), злобный(ые)) (*De ira*. III. 11. 1; *Epist.* *СП.* 12), что свидетельствует о негативном отношении самого Сенеки к различным слухам, толкам, пересудам. Термину «*sententia*» он противопоставляет термин *vox* (голос) (*Epist.* *СП.* 14), поэтому можно утверждать, что у Сенеки он означает «мнение». Термин *opinio* римский мыслитель употребляет как его синоним (*Epist.* *СП.* 13).

Общественное мнение интересует Сенеку как фактор, влияющий на сознание и поведение человека, на его самовосприятие и отношение к окружающим. С его точки зрения, оно навязывает индивиду как члену общества конкретные ценностные ориентиры, а именно: представления о богатстве (*divitiae*), наслаждениях (*voluptates*), окружении толпой клиентов (*clientium populus*) и славе (*gloriae*) как о неотъемлемых атрибутах благополучия (*felicitas*) (*De brev. vitae*. 2. 4; *Epist.* *СП.* 17). Члены общества, добившиеся успеха (в таком его всеобщем понимании), вызывают у всех зависть (*De brev. vitae*. 2. 4; *Epist.* XCIV. 60). Однако те, кого считают благополучными, на самом деле, на его взгляд, таковыми не являются, ибо страсти постоянно терзают их души, делая этих людей самыми несчастными (*De brev. vitae*. 2. 4; *Epist.* XCIV. 73–74, CXXIV. 24). Следовательно, они не должны служить образцом для подражания. Самим же «благополучным» Сенека рекомендует вести себя скромно, не демонстрировать открыто свои блага (*bona*), не хвалиться ими, а «радоваться втайне» (*in sinu gaudere*), чтобы не вызывать всеобщую зависть (*invidia*) (*Epist.* CV. 2), которую он считает «враждебнейшей» (*inimicissima*) (*De tranquill. an.* 2. 10).

Как показывает римский мыслитель, свое воздействие на ценностно-ориентационную систему людей общественное мнение осуществляет путем одобрения или осуждения. Одобрение может выражаться похвалой, лестью, криками, а также молчанием (*De tranquill. an.* 1. 16; *Epist.* VII. 12, LII. 9, 11–12, 14, *СП.* 14–19).

Осуждение со стороны толпы проявляется возгласами, плевками, различными оскорблениями (*De const. sap.* 1. 3).

По мнению Сенеки, желание заслужить общественное одобрение и страх испытать всеобщее осуждение подталкивают человека к притворству (*ostentatio*), лицемерию (*simulatio*), постоянному беспокойству о том, как его оценивают другие (*De tranquill. an.* 17. 1–2). Жизнь, полную притворства, римский мыслитель считает ложной (*ficta*). Притворству и лицемерию он противопоставляет «неподдельную и саму по себе бесхитростную простоту» (*sincera et per se inornata simplicitas*) (*De tranquill. an.*). Стремление же узнать чужое мнение о себе может вызвать обиду (*iniuria*) не только потому, что человек услышал «недоброжелательные слухи» (*maligni sermones*) в свой адрес, но и из-за его собственного легковерия (*credulitas*) и пустого подозрения (*suspicio vana*) или из-за неверного истолкования услышанного (*De ira.* II. 24. 1–2, III. 11. 1). Опасность обиды, как полагает Сенека, заключается в том, что она влечет за собой гневливость (*iracundia*) (*De ira.* II. 22. 2). Под гневом (*ira*) римский мыслитель понимает жажду мести, способную причинить колоссальный вред не только отдельным людям, но и обществу в целом¹². Для того чтобы обида не возникла и не спровоцировала появление гнева, Сенека советует не подслушивать, не проявлять любопытства, а, узнав о недоброжелательных отзывах о себе, не быть легковерным и мнительным, не придавать серьезного значения или высмеивать услышанное (*De tranquill. an.* 12. 7; *De ira.* II. 22. 3, 24. 1–2, 29. 2, III. 11. 1). Идеальной, с точки зрения этого римского мыслителя, является позиция мудреца, который равнодушен к «почестям и обидам толпы» (*honores iniuriaeque volgi*) (*De const. sap.* 19. 1), его дух – выше обид, поэтому его невозможно обидеть или оскорбить (*De const. sap.* 2. 1, 2. 3, 3. 3, 19. 2).

Другим последствием желания соответствовать ценностным ориентирам, навязываемым общественным мнением, является, как пишет Сенека, то, что люди приобретают много ненужного (*supervacua*) лишь по той причине, что это «у большинства есть» (*apud plerosque sunt*), следуя чужим примерам (*vivimus ad exempla*) и руководствуясь не собственным разумом, а привычкой (*nec ratione conponimur, sed consuetudine abducimur*) (*Epist.* CXXIII. 6). Это слепое, бездумное подражание модели поведения, которую общественное мнение признало «более приличной» (*honestius*), ведет к тому, что «у нас место правильного занимает заблуждение, когда (оно) стало общеупотребительным» (*recti apud nos locum tenet error, ubi publicus factus est*), и в этом кроется одна из причин людских бед (*Epist.*). Во избежание подобной испорченности (*nequitia*), как полагает этот римский мыслитель, человеку необходимо удерживать свои желания (*desideria*) в определенных рамках и удаляться от людей, являющихся порочным примером (*longe a vitiorum exemplis recedendum est*) (*Epist.* CIV. 20–21).

Чужое мнение, даже если речь идет о ближайшем окружении, наносит человеку вред, вовлекая его в порочность (*in pravum*) (*Epist.* XCIV. 53–54). Природа, по мнению Сенеки, создала людей невинными и свободными от пороков (*integros ac liberos*) (*Epist.* XCIV. 56). Люди же, навязывая друг другу свои заблуждения и перенимая друг от друга худшее, распространяют безумие (*dementia*) и усиливают всеобщую испорченность (*nequitia*) (*Epist.* XCIV. 54).

¹² Подробнее об этом см.: Демина 2020, 20.

Сенека считает, что человеку следует полагаться не на общественное мнение, ошибочное, неоднородное, изменчивое (Epist. LXXXI. 29–31, СП. 13), влекущее за собой постоянные беспокойства и плодящее пороки, а на разум (*ratio*) и истину (*veritas*), необходимо жить сообразно природе, быть самодостаточным, иметь чистую совесть (*bona conscientia*), постоянно бороться со своими пороками и находить радость в себе самом, а не из-за чужих оценочных суждений (Epist. XLI. 8–9, XLIII. 3–5, LXXXI. 29, LXXXVI. 22, CXXIV. 24). По его мнению, избежать вредоносного влияния общественного мнения помогут уединение, занятие науками, ориентированность духа не на внешние, а на внутренние блага (Epist. XCIV. 69, 72)¹³. Однако в отличие от мудрецов, которым свойственен подобный стиль жизни, обычным людям крайне сложно находиться длительное время без общения с широким кругом лиц. Осознавая это, Сенека советует им чередовать периоды одиночества и интенсивных контактов с множеством людей (*solitudo et frequentia*), чтобы уединение исцелило от ненависти к толпе, а общение с толпой избавило от отвращения к уединению (*odium turbae sanabit solitudo, taedium solitudinis turba*) (De tranquill. an. 17. 3).

Негативное отношение Сенеки к общественному мнению вовсе не означает, что он призывает абсолютно игнорировать то, что о человеке думают другие люди. В «Нравственных письмах к Луцилию» он пишет, что очень важным является мнение любого хорошего, добродетельного человека (*vir bonus*) (Epist. СП. 11–14). В отличие от молвы (*fama*), отражающей различные взгляды и чувства, мнения *virī boni* одинаковы, поскольку они соответствуют истине (Epist. СП. 12–13). Для похвалы со стороны *virī boni* в чей-то адрес слова не обязательны. Их молчаливое одобрение, как полагает Сенека, уже является похвалой (Epist. СП. 14–15). Такую похвалу римский мыслитель считает благом (*bonum*) и для того, кто хвалит, ибо он тем самым выражает одобрение чужих добродетелей, проявляя справедливость в своих оценках поведения другого человека, и для того, кого хвалят, ибо он испытывает радость от правильности своих поступков и от признания этого теми людьми, для которых, как и для него, стремление к добродетелям и борьба с пороками являются смыслом жизни (Epist. СП. 18–19). Если жажда славы, одобряемая общественным мнением, ведет человека к порокам, то стремление к похвале со стороны добродетельных людей вдохновляет его на дальнейшее самосовершенствование. Разграничение всеобщей похвалы, выраженной словами, лицемерной, вредоносной, и одобрения со стороны хороших людей, молчаливого, соответствующего истине, приносящего благо, нашло у Сенеки свое отражение и на терминологическом уровне: в первом случае он употребляет термин «*gloria*», во втором – *claritas* (Epist. СП. 11–14, 17–19)¹⁴.

Таким образом, идеи об общественном мнении занимают важное место в учении Сенеки о пороках и необходимости постоянно совершенствовать себя. Общественное мнение с его ошибочными ценностными ориентирами и осуждением иных стремлений и моделей поведения является, с его точки зрения, причиной порочности как отдельного человека, так и общества в целом. Для недопущения его пагубного влияния римский мыслитель призывает ориентироваться на добро-

¹³ Подробнее об отношении Сенеки к интеллектуальному досугу см., например, Межеричкий 1988, 53–59.

¹⁴ Подробнее о терминах *gloria* и *claritas* см. Habinek 2000, 264–303.

детельную жизнь, игнорировать то, что думает и говорит большинство, чаще уединяться и посвящать себя интеллектуальным занятиям, а также подражать не тем, кого принято считать благополучными, а добродетельным людям, ценя лишь их мнение. Важной заслугой Сенеки можно считать предпринятую им с позиций стоицизма попытку научно осмыслить распространявшиеся в римском обществе I в. н. э. конформистские настроения, которые он связывал с влиянием общественного мнения.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bettini, M. 2008: Weighty Words, Suspect Speech: Fari in Roman Culture. *Arethusa* 41.2, 313–375.
- Bond, S. 2014: Altering Infamy: Status, Violence, and Civic Exclusion in Late Antiquity. *Classical Antiquity* 33.1, 1–30.
- Demina, S.S. 2020: Predstavleniya TSitserona i Seneki o politike i emotsiyakh [Cicero's and Seneca's thoughts about politics and emotions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* [Perm University Herald. History] 2, 17–23.
- Демина, С.С. 2020: Представления Цицерона и Сенеки о политике и эмоциях. *Вестник Пермского университета. Сер. История* 2, 17–23.
- Descheemaeker, E. 2009: Protecting Reputation: Defamation and Negligence. *Oxford Journal of Legal Studies* 29.4, 603–641.
- Gibson, B.J. 1998: Rumours as causes of events in Tacitus. *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 40, 111–129.
- Guastella, G. 2017: *Word of Mouth: Fama and Its Personifications in Art and Literature from Ancient Rome to the Middle Ages*. Oxford.
- Habinek, Th. 2000: Seneca's Renown: Gloria, Claritudo, and the Replication of the Roman Elite. *Classical Antiquity* 19.2, 264–303.
- Hallett, J.P. 2006: Sulpicia and Her Fama: An Intertextual Approach to Recovering Her Latin Literary Image. *Classical World* 100.1, 37–42.
- Hardie, Ph. 2012: *Rumour and Renown: Representations of Fama in Western Literature*. Cambridge and New York.
- Karamalengou, E. 2016: Poeta, Heros et Fama: Perplexities and Upsets in Cicero's Epic Fragments. In: Kyriakidis, Stratis (ed.), *Libera Fama: An Endless Journey*. Cambridge, 45–54.
- Karpyuk, S.G. 1997: Vulgus i turba: tolpa v klassicheskom Rime [Vulgus and turba: Mob in Classical Rome]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 4, 121–137.
- Карпюк, С.Г. 1997: Vulgus и turba: толпа в классическом Риме. *ВДИ* 4, 121–137.
- Knabe, G.S. 1988: Kategoriya prestizhnosti v zhizni Drevnego Rima [The category of prestigiousness in the life of Ancient Rome]. In: Knabe, G.S. (ed.), *Byt i istoria v antichnosti* [Life and History in Antiquity]. Moscow, 143–169.
- Кнабе, Г.С. 1988: Категория престижности в жизни Древнего Рима. В кн.: Г.С. Кнабе (ред.), *Быт и история в античности*. Москва, 143–169.
- Laurence, R. 1994: Rumour and Communication in Roman Politics. *Greece & Rome* 41.1, 62–74.
- Mezheritskij, Ya.Yu. 1988: Iners otium. In: Knabe, G.S. (ed.), *Byt i istoria v antichnosti* [Life and History in Antiquity]. Moscow, 41–68.
- Межерицкий, Я.Ю. 1988: Iners otium. В кн.: Г.С. Кнабе (ред.), *Быт и история в античности*. Москва, 41–68.
- Néraudau, J.-P. 1993: La fama dans la Rome antique. *Médiévales* 24, 27–34.

- Portnjagina, I.P. 2014: Lutsiy Anney Seneca o sisteme vospitaniya i samovospitaniya (teoriya i praktika) [Lucius Annaeus Seneca on the problem of education and self-education (theory and practice)]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World] 14, 211–222.
- Портнягина, И.П. 2014: Луций Анней Сенека о системе воспитания и самовоспитания (теория и практика). *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира* 14, 211–222.
- Rosillo-López, C. 2017: *Public Opinion and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge.
- Shatzman, I. 1974: Tacitean Rumours. *Latomus* 33.3, 549–578.
- Yavetz, Z. 1974: Existimatio, Fama, and the Ides of March. *Harvard Studies in Classical Philology* 78, 35–65.

SENECA ON THE INFLUENCE OF PUBLIC OPINION ON CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR

Svetlana S. Demina

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
ist-drev@yandex.ru

Abstract. The article deals with Seneca's thoughts about the influence of public opinion on consciousness and behavior. Seneca used various terms for designation of public opinion. According to Seneca, public opinion obtrudes a false system of values upon a person. It influences consciousness and behavior by approving or condemning. The desire to earn the approval of public opinion and the fear of experiencing its condemnation cause dissembling, hypocrisy, anxiety, purchase of unnecessary things, injustice. Seneca thinks that the injustice are dangerous, because they provoke anger that is a harmful desire for revenge. The unthinking imitation of a behavior model that, according to public opinion, is correct, promotes depravity in the society. This Roman stoic opposes the common misconceptions with an aspiration for virtues as the purpose of life. He thinks that a man must ignore public opinion, follow reason and truth instead, live in accordance with nature, have a clear conscience, constantly fight his vices and rejoice in the virtues. Solitude and sciences help direct the spirit not to material welfare, but to the moral life. Seneca opposes the public opinion with the opinion of the men of virtue. In his view, their praise inspires a person to continue self-improvement. Their behavior is an example for imitation. Seneca not only attracted attention to the spread of conformism in the Roman society of the 1st century AD, but he attempted to comprehend its sources and offer the ways to counteract it from the standpoint of Stoicism.

Keywords: Ancient Rome, Stoicism, Seneca, public opinion.

Круглый стол «Древние цивилизации Африки»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 207–225
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 207–225
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-207–225

НЕОЛИТИЗАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ: РЕТРОСПЕКТИВЫ ИЗ АЛЖИРА

С. Си-Аммур

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
sofiane.siammour@gmail.com

Аннотация. Человечество серьезно изменилось в доисторические времена, особенно в период неолита, когда оно оказалось в более благоприятных условиях, позволивших ему перейти не только к оседлости, но и от охотничье-собирательского к производящему хозяйству путем выведения культурных растений и одомашнивания животных, а также внедрения в материальную культуру новых элементов, таких, как керамика и шлифованные орудия. Исследования по данной теме также развивались с усовершенствованием исследовательских и аналитических подходов, но, несмотря на это, период неолита является довольно перспективной тематикой, когда речь идет о видах контактов и отношений между неолитическими и мезо-эпипалеолитическими группами в период переходных фаз неолитизации. Исследователи продолжают приносить новые факты, данные и доказательства, которые проясняют концептуальные идеи относительно этого конкретного периода. В настоящее время признается, что неолитизация протекала по-разному в зависимости от региона и характера контактов между неолитическими группами, с одной стороны, а также мезолитическими и эпипалеолитическими – с другой. В Северной Африке отмечены различные модели неолитизации, в первую очередь из-за стратегического положения регион был охвачен различными культурными влияниями. Исследования французских ученых прошлых лет позволили контекстуализировать хронологически три основных неолитических течения, в которых был отмечен скотоводческий полукочевой образ жизни, который характеризует самобытность североафриканского неолита, в дополнение ко многим

Данные об авторе: Софиан Си-Аммур – аспирант кафедры археологии и всеобщей истории КФУ.

другим культурным аспектам и обмену между различными неолитическими культурами, которые располагались в этой огромной территории Сахары и Средиземноморья.

Ключевые слова: неолит, неолитизация, распространение неолита, Северная Африка.

Эпоха неолита соответствует последнему доисторическому периоду, когда человечество столкнулось с глобальным потеплением, которое произошло с окончанием последнего ледникового максимума. Потепление обеспечило лучшие условия жизни для создания поселений, привело ко многим попыткам контроля и присвоения окружающей среды, которую люди изменяли в соответствии со своими потребностями. Они занимались землеустройством для сельского хозяйства, отбирали виды животных, благоприятные для одомашнивания, изобрели керамику и часто использовали полированные орудия наряду с традиционными, изготовленными в технике скола. Эти характеристики являются основными чертами полной неолитизации, которая возникла в разных частях мира почти сразу после ледникового периода, когда человечество было готово вводить новшества в свой образ жизни.

В данной статье мы представим некоторые основные моменты эволюции концепции неолита, различные характеристики неолитизации и распространения неолита, вопросы неолитизации Северной Африки и анализ работ, которые французские исследователи опубликовали в прошлом веке.

1. КОНЦЕПЦИИ НЕОЛИТА

Эволюция исследований по первобытной археологии от их зарождения до стадии современного знания прошла через этапы важнейших научных размышлений, особенно в отношении определений доисторических культур. Первые орудия, которые считались очень древними и свидетельствовали о «допотопной» человеческой деятельности, побудили исследователей заняться вопросами изучения первобытности. Данные орудия, представленные полированными топорами, которые в XVII и XVIII вв. назывались «громовыми стрелами», стали использоваться в качестве эталонов при классификации доисторических периодов в XIX в. В 1836 г. Х.Ю. Томсен выделил три первобытные эпохи: каменный век, бронзовый век и железный век. Лишь во второй половине XIX в., в 1865 г., сэр Дж. Леббок разделил каменный век на эпоху «древнего камня» (палеолита), или сколотого камня, и эпоху «нового камня» (неолита), или полированного камня. Так появился термин «неолит»¹. В 1930 г. В.Г. Чайлд признал важность эпохи неолита и предложил концепцию «неолитической революции», рассматривая переход к производящему хозяйству и оседлости как фундаментальный компонент и решающий поворотный момент в истории человечества².

Таким образом, до сих пор неолит рассматривался как набор изменений и нововведений в человеческих обществах, которые сводились к возникновению производящего хозяйства, включавшего выведение культурных растений с последующим развитием земледелия и одомашнивание животных с развитием ското-

¹ Lemerrier 2007a, 3.

² Senécal 2010, 53.

водства. Человек становится производителем, который контролирует свой объем производства, не отказываясь, однако, от охоты, рыбалки и сбора фруктов, грибов и дикорастущих растений³.

С 1990-х гг. взгляд на неолит изменился. Более фундаментальное его определение было предложено под руководством профессоров Ф. Мори из Римского университета и Ж. Ковена из Национального центра научных исследований (CNRS, Франция). Неолит больше не обязательно связывается с появлением новых изделий, технологий или форм хозяйства; по современным представлениям, люди той эпохи осознали, что они могут изменять окружающую среду. Это выражение нового образа мышления можно идентифицировать по-разному: через производственную систему, через материальную культуру и символическое выражение⁴. Французский профессор Ж. Гийлен, специалист по неолиту Западной Европы, даже предлагает рассматривать неолит как начальную фазу протоистории, поскольку считает, что этот период является первоначальным проявлением того, что приведет к возникновению первого цивилизационного состояния, которое в свою очередь приведет человечество к историческим цивилизациям. Однако он признает, что из-за концепции, прочно укоренившейся в умах археологов и общественности, и особенно из-за самого названия «неолит» будет очень трудно исправить ситуацию и предложить другое наименование, которое бы лучше описывало этот конкретный период⁵.

1.1. Характеристики неолитизации

Период неолита определяет состояние, основными характеристиками которого являются приручение животных, скотоводство, ткачество, земледелие и оседлый образ жизни. Такие элементы, как среда обитания, полированные орудия и керамика на самом деле являются лишь отражением характерных черт неолитического поведения. Возникновение земледелия и животноводства рассматривается как поворотный момент при переходе к производящему хозяйству, что уже давно побуждает исследователей подтвердить его определяющую роль в социально-экономической эволюции человечества, описывая «неолитическую революцию» и выделяя пять основных критериев, отражающих полную неолитизацию: оседлость, керамика, полировка камня, земледелие, одомашнивание животных⁶.

1.2. Процесс неолитизации

В палеолите человек усовершенствовал и разнообразил свои орудия, в мезолите он стал уменьшать их размеры и использовать микролиты для экспериментов в различных сферах деятельности. И только в эпоху неолита появились первые проявления мыслительных попыток полного контроля над окружающей средой, которые привели к возникновению стационарных поселений и цивилизационного состояния⁷. Возникновение земледелия и скотоводства рассматривается как поворотный момент, знаменующий переход к неолиту. Последствия этих изменений

³ Aumassip 1997, 58; Lemerrier 2007a, 4.

⁴ Aumassip 1997, 58; Sénécal 2010, 154; Borello 2015, 13.

⁵ Guilaine 2012, 5.

⁶ Mazurié de Keroualin, 2003, 91; Borello 2015, 14.

⁷ Balout 1955, 451; 1972, 18–

побудили нескольких исследователей подтвердить решающую роль этих перемен в когнитивной эволюции человечества, в числе этих ученых был и Г. Чайлд, который назвал этот процесс «неолитической революцией»⁸.

В зависимости от региона и окружающего людей биотопа «неолитические» проявления могут принимать различные формы: фермер в Китае, крестьянин в Южной Америке, пастух в Магрибе и на Кавказе, сельский житель на Ближнем Востоке и т.д.⁹ Некоторые критерии могут вводить в заблуждение, такие, как наличие полированных орудий, керамики и терракотовых статуэток в различных мезо-эпипалеолитических памятниках, например, в Магрибе¹⁰. Оказывается, обмен престижными предметами, полученными в результате контактов, часто происходил между неолитическими и эпипалеолитическими сообществами¹¹; и это то, что побуждает исследователей выделить новый культурный аспект в Магрибе под названием «эпипалеолит с керамикой», который синхронен начальному неолиту и предшествует культуре кардальной керамики в Марокко примерно на тысячу лет¹². В любом случае сообщество могло автоматически неолитизироваться, избрав новые технические методы и практики, а затем распространяя их, как это было в случае с центрами возникновения неолита, но эта модель медленно развивала культуру¹³. Неолитизация в большинстве случаев происходила в результате аккультурации¹⁴, когда на мезо-эпипалеолитическое сообщество мог влиять контакт с сообществом с неолитической культурой¹⁵.

1.2.1. Теории, предполагающие перемещение населения

Можно выделить несколько основных типов процесса неолитизации. Согласно двум теориям перемещения населения (Push & Pull), фундаментально признано, что неолитические сообщества в основном распространяли свои инновации во время перемещения¹⁶.

1.2.1.1. Процесс колонизации (притягивание, Pull)

привлечение новых территорий (незанятых или уже заселенных), которое вызывает добровольное переселение определенной группы на большие расстояния за короткий период времени при изначально небольшом взаимодействии с группами коренного населения. Материальная культура одинакова как в регионе происхождения, так и на колонизованных территориях.

1.2.1.2. Процесс демографической экспансии (давление, Push)

перемещение в результате демографического давления, которое привело к постепенному замещению населения. Материальная культура развивается при сохранении исконных традиций. Взаимодействие с коренным населением сложно зафиксировать.

⁸ Senecal 2010, 50; Borello 2015, 10.

⁹ Lemerrier 2007a, 6–

¹⁰ Borello 2015, 28.

¹¹ Balout 1955, 458.

¹² Linstädter 2008, 52, 58.

¹³ Lemerrier 2007a, 5.

¹⁴ Balout 1972, 19.

¹⁵ Linstädter 2008, 58.

¹⁶ Mazurié de Keroualin 2015, 91.

1.2.2. Теории процесса перемещения технологий или материальных ценностей и элементов культуры

Последствия контактов / обмена или процессов передачи технологий или материальных ценностей и культурных элементов между неолитическими и мезо-эпипалеолитическими сообществами определяются в соответствии со следующими двумя моделями¹⁷:

1.2.2.1. Процесс распространения

включает распространение методов шаг за шагом отдельными людьми без перемещения населения. О взаимодействии с мезолитическими популяциями свидетельствует появление на субстрате мезолитического комплекса неолитических черт

1.2.2.2. Процесс аккультурации

это многоэтапный процесс, который предполагает период противостояния между культурой коренных народов и культурой «приходящей». Через некоторое время местная культура интегрирует элементы другой и создает для себя новую культуру.

Существуют два типа процесса аккультурации: навязанная аккультурация и требуемая аккультурация:

1.2.2.2.1. Навязанная аккультурация

это негативное взаимодействие между группами с длительной фазой противостояния и в некоторых случаях появление особенных явлений, таких как определение границ.

1.2.2.2.2. Требуемая аккультурация

это позитивные взаимодействия с местной культурой, которая выбирает определенные элементы приходящей культуры, ведущие к созданию новой культуры.

Единой модели нет, но, вернее, схем столько, сколько регионов рассматривалось¹⁸.

1.2.2.3. Применяемые модели для Северной Африки (Магриб)

Была предложена диаграмма, которая объединяет теории, связанные с моделями неолитизации в соответствии с различными моделями атохтонизма и миграционизма, а также возможные типы взаимодействий между коренным мезо-эпипалеолитическим населением и неолитическими проводниками-мигрантами (рис. 1)¹⁹.

1.2.2.3.1. Происхождение

Автор опирается на происхождение неолита, дифференцируя автохтонное и аллохтонное, автохтонный компонент характеризуется одомашниванием местных видов животных и растений и изобретением керамики, а аллохтонный – внешним проникновением неолита восточно-средиземноморской модели из Леванта, прошедшей через Анатолию и европейские побережья, чтобы достичь региона Магриба, а также модели восточного происхождения из Леванта, прошедшей через Нил и попавшей в Магриб через Египет по коридору североафриканского побережья и через Судан в регионы Сахары и Магриба, следуя вдоль другого берега Нила, чтобы также достичь коридора североафриканского побережья.

¹⁷ Mazurié de Keroualin 2015, 92.

¹⁸ Mazurié de Keroualin 2015, 93–

¹⁹ Linstadter *et al.* 2012, 220.

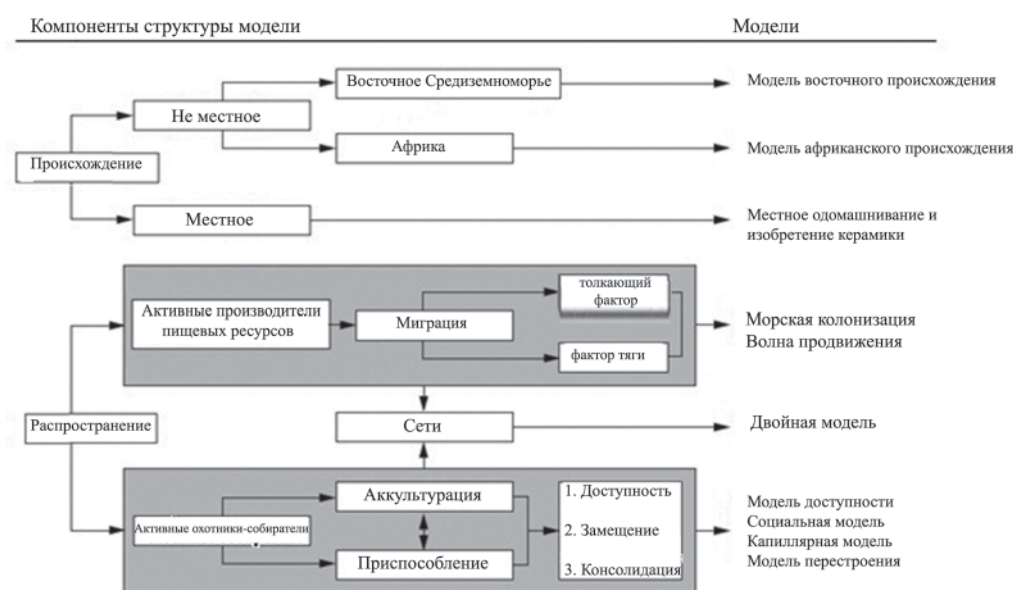

Рис. 1. Модели распространения культур (по Lindsdter et al., 2012, 220, fig.1; с изменениями).

Fig. 1. Cultural distribution model (after Lindsdter et al., 2012, 220, fig. 1; modified)

1.2.2.3.2. Рассеивание

Авторы ссылаются на модель распространения неолита, разделяющую основных участников культурного распространения на местные сообщества охотников-собирателей, которые использовали элементы неолита, заимствованные у окружающих неолитических сообществ и иммигрантов из них, распространявших неолитические традиции; указывается на второстепенную роль чисто местной инновационной модели.

1.2.2.3.2.1. Активные производители продуктов питания

Это отсылка к аллохтонным мигрантам эпохи неолита, которые покинули свое первоначальное поселение, чтобы колонизировать новое (модель «толкай и тяни»).

1.2.2.3.2.1.1. Волна продвижения

Относится к неолитической экспансии с Ближнего Востока и восприятию неолитических нововведений сообществами Европы и Африки.

1.2.2.3.2.1.2. Морская колонизация

Стремительное расширение колонизации на морских судах вдоль побережья, основание поселений «в прыжке».

1.2.2.3.2.1.3. Двойная модель

Относится к неолитическим колониям поселенцев, живущим бок о бок с местными сообществами охотников-собирателей, которые постепенно перенимают элементы неолита, сначала и некоторые из них, вплоть до полной неолитизации.

1.2.2.3.2.2. Активные охотники-собиратели

Модель относится к местным охотникам-собираателям, которые столкнулись с неолитическим переходом из-за аккультурации пришедшими неолитическими поселенцами.

1.3.2.2.2.1. Модель доступности

Мобильные фермерские сообщества, мигрирующие из Анатолии и Ближнего Востока в Европу, сталкиваются с местными охотниками-собираателями. Выделяют три фазы неолитизации:

- 1) фаза доступности: обмен с соседними фермерами;
- 2) фаза замещения: частичное заимствование элементов неолита;
- 3) фаза консолидации: полный неолит.

1.3.2.2.2.2. Социальная модель

Неолитические элементы принимаются охотниками-собираателями как объекты престижа через культурные контакты. Эти предметы впоследствии могут стать предметами повседневного обихода.

1.3.2.2.2.3. Капиллярная модель

Это распространение технических инноваций эпохи неолита, таких как керамика, микролиты, обычные пластины, техника отжима, посредством обмена между группами охотников и собирателей.

1.3.2.2.2.4. Перекомпоновка неолитического комплекса

Эта модель относится к процессу модификации неолитического комплекса с повторным распространением переработанного комплекса в другой регион или даже в исходный регион.

1.3. Предположение диффузии

Процесс перехода от одной формы существования к другой происходил не резко, а постепенно. Процесс неолитизации начинался с момента возникновения изобретения и длился несколько тысяч лет, чтобы достичь своего полного завершения. На Ближнем Востоке, например, прошло 5000 лет от первых свидетельств оседлости до изобретения керамики²⁰. Регион Леванта считается центром возникновения неолита, положившим начало неолитизации Европы, он представляет собой один из центров наряду с другими в Африке, Азии и Южной Америке²¹.

В.Г. Чайлд в теории оазисов (1928) ставит на первое место улучшение мирового климата после окончания последнего ледникового периода примерно 12000 лет назад. Оно сыграло важную роль в оседлости мезо-эпипалеолитических групп²², что позволило появиться различным формам технических новшеств, а также видам домашних животных²³ и культурных растений²⁴, привело к появлению различных центров происхождения на разных континентах²⁵.

²⁰ Lemerrier 2007a, 5

²¹ Borello 2015, 14, 17.

²² Borello 2015, 11.

²³ Camps 1981, 547.

²⁴ Camps 1974. 216–

²⁵ Aumassip 2001, 133; Lemerrier 2007b, 9-10; Borello 2015, 14–

2. НЕОЛИТИЗАЦИЯ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Первые признаки так называемой неолитической активности в Северной Африке появились в Сахаре в VIII тыс. до н.э. в различных культурных группах, тогда как на севере они появились только около 6000 г. до н.э. Неолит достиг своего апогея в IV тыс. до н.э., но постепенно в III–II тыс. до н.э. культуры пришли в почти полный упадок, связанный с наступлением нынешнего засушливого периода, который инициировал процесс опустынивания. Археологические данные указывают на оставление поселений в I тыс. до н.э.²⁶

2.1. Неолитические традиции Северной Африки

В Северной Африке имелись три различные неолитические традиции, относящиеся к территории Магриба (рис. 2)²⁷. Выделение этих культурных подразделений было предложено в 1970-х гг. с использованием всех данных, доступных в то время²⁸:

2.2.1. Сахарско-суданский неолит (9600–2000 л.н.)

Сахарско-суданский неолит развивался в то время, когда климат значительно смягчился с уменьшением количества проливных дождей и муссонов²⁹. Отражения с Сахарой могут быть найдены по всему региону Сахары до экваториальных лесов и от атлантического побережья до берегов Нила в Египте и Судане³⁰.

Судан считают носителем неолитического центра в Сахаре, он представляет древнейшие следы использования керамики и одомашнивания крупного рогатого скота в регионе³¹. Типичными характеристиками сахарского неолита являются многочисленная керамика, рыболовство, часто крупные сообщества людей, искусство³².

2.2.2. Средиземноморский неолит (8000–3600 л.н.)

Североафриканский средиземноморский неолит обычно локализуется в северных районах недалеко от побережья. Практически самые хорошо стратифицированные памятники находятся в пещерах или под навесами. Средиземноморский неолит, ранее называвшийся древним «неолитом пещер»³³, возник в прибрежных районах в VI тыс. до н.э.³⁴; он принадлежит к группе западного Средиземноморья, где использование керамики с вдавлениями было широко распространено³⁵. Кремневые орудия грубого качества, очень простые и плохо выполненные³⁶. В дополнение к индивидуальному и специфическому характеру самобытности, этот регион представляет различные влияния: признаки контактов и обменов между берегами и островами Средиземного моря³⁷ и культурами Сахары³⁸ явно заметны³⁹.

²⁶ Camps-Fabrer, Camps 1972, 22, 30; Camps 1974, 218; 1982, 618–

²⁷ Camps 1974, 218–

²⁸ Camps 1982, 555; Aumassip 2001, 9, 130.

²⁹ Camps-Fabrer, Camps 1972, 27.

³⁰ Vernet 2004, 95.

³¹ Aumassip 2001, 130.

³² Camps 1974, 221–

³³ Gsell 1918, 199.

³⁴ Mulazzani et al. 2015, 4.

³⁵ Camps 1971, 50.

³⁶ Camps 1982, 529.

³⁷ Mulazzani et al. 2015, 09.

³⁸ Daugas et al. 2008, 807–

³⁹ Camps 1974, 262–

Рис. 2. Карта неолитических зон Северной Африки (по Camps, 1982, 554, fig. 8,1; с изменениями).

Fig. 2. Map of the Neolithic cultural zones in North Africa (after Camps, 1982, 554, fig. 8,1; modified)

2.2.3. Неолит капсийской традиции (7500–2000 л.н.)

Зона неолита капсийской традиции, которая расположена между двумя предшествующими, географически занимает Высокие плато Магриба и северную часть Сахары. Она возникла примерно в середине VI тыс. до н.э. и содержит четыре региональные группы (восточную капсийскую “sensu strictu”⁴⁰, атласскую, восточно-сахарскую и западно-сахарскую). Неолит капсийской традиции появляется под влиянием южного течения сахарско-суданского неолита и северного течения средиземноморского неолита, а также восточного течения, пришедшего из Египта и Судана. Эпипалеолитические капсийские поселения с опозданием приняли неолитизацию⁴¹, постепенно включив определенные элементы неолита в свой образ жизни, оставаясь при этом привязанными к своим традиционным капсийским ценностям⁴². Наскальные изображения Сахарского Атласа связаны с этим неолитом, и население считается представленным классическим протосредиземноморским типом, который смешивался на юге с населением негроидного антропологического типа⁴³.

2.2. Процесс неолитизации

⁴⁰ Roubet 1979, 515–

⁴¹ Rahmani 2003, 298–299.

⁴² Aumassip 1986, 425, 541, 568.

⁴³ Camps-Fabrer, Camps 1972, 29; Camps 1974, 281–

Процесс неолитизации в Северной Африке представляет собой совершенно иную картину, чем в Леванте или Южной Европе, где неолитическая хронология, начиная от ранних стадий докерамического неолита, хорошо представлена и документирована⁴⁴. В Северной Африке эпоха неолита всегда ассоциировалась с материальной культурой⁴⁵, включающей керамику, связанную с основными орудиями посредственного качества, среди которых скребки и наконечники стрел являются наиболее многочисленными. Наскальное искусство также связано с активностью неолитических групп⁴⁶. Влияние неолитической культуры проявилось в интеграции определенных культурных черт в местные культуры эппалеолитического или мезолитического происхождения (иборо-маврская, капсийская и сахарская)⁴⁷, которые могли приспособиться к неолитизации (путем навязанной или требуемой аккультурации), адаптируя эти инновации к своей собственной традиции, некоторые «эппалеолитические» орудия предпочитались и сохранялись, образуя эппалеолитический субстрат, на который накладывались неолитические черты⁴⁸. Мы видим, например, что на севере средиземноморский неолит (неолит Телля) принял стиль иборо-маврской культуры⁴⁹, которая занимала прибрежную зону, она известна своим посредственным стилем, простой обивкой кремневых орудий⁵⁰, в отличие от каменных индустрий капсийской и сахарской культур⁵¹, которые характеризуются почти художественным изготовлением орудий⁵².

В Северной Африке Сахара имеет древний центр происхождения неолита в самом сердце регионов Сахеля и Сахары. Имеющиеся даты указывают на появление керамики в VIII–VII тыс. до н.э. Когда большинство населения вело полукочевой скотоводческий образ жизни⁵³, они разводили крупный рогатый скот и овец, иногда засевая поймы и берега озер семенами дикого проса (*Pennisetum americanum*, *Pennisetum mollissimum*), и через некоторое время возвращались для сбора урожая. В это время Сахара не была пустыней, а скорее представляла собой саванну, усеянную постоянными озерами, где обитали различные виды диких животных, которые сегодня можно найти в африканской саванне, как это изображено на наскальных рисунках и рельефах Сахары⁵⁴.

Чтобы подтвердить деятельность неолитического типа необходимо засвидетельствовать появление образа жизни, отличного от образа жизни охотника-собирателя, наиболее важные виды деятельности заключаются в практиках одомашнивания животных и земледелия⁵⁵. Однако малая мощность неолитических напластований в дополнение к высокой кислотности почв, а также специфические природные условия некоторых открытых поселений не позволяют хорошо сохранить остатки растений и кости животных, а немногочисленные остатки пыльцы и

⁴⁴ Borello 2015, 18.

⁴⁵ Aumassip 2001, 127–

⁴⁶ Camps 1982, 555.

⁴⁷ Aumassip 2001, 128, 147.

⁴⁸ Balout 1955, 458.

⁴⁹ Balout 1955, 463.

⁵⁰ Camps, 1974, 266; Aumassip 2001, 147.

⁵¹ Rahmani 2003, 298.

⁵² Roubet 1979, 519; Camps 1982, 571.

⁵³ Vernet 2004, 95–99.

⁵⁴ Camps-Fabrer, Camps 1972, 22, 24, 30; Camps 1974, 221–

⁵⁵ Camps 1974, 216–

костей животных не являются достаточно значимыми, чтобы доказать установление неолитической деятельности⁵⁶.

Трудно доказать практику домостикации и употребления в пищу растений в Северной Африке, сведения о потреблении и измельчении зерен дикорастущих растений и семян дикого проса *Pennisetum americanum*, *Pennisetum mollissimum*⁵⁷ вызывают серьезные сомнения в их достоверности. Вот почему исследователи добавляют присутствие керамики к орудиям помола, в дополнение к типичным неолитическим орудиям, таким как наконечники стрел и полированные изделия⁵⁸.

Трудно доказать практику одомашнивания животных в Северной Африке, особенно на ранних стадиях одомашнивания, потому что останки животных еще не демонстрируют сильных анатомических изменений и останки домашних животных всегда смешиваются с останками диких⁵⁹. Имеющиеся предположения основаны на идентификации видов, которые, как известно, были одомашнены, и на количестве останков, найденных на данном участке или на наскальных рисунках, которые представляют определенные виды быков и коз с цветными шкурами, что указывает на типичный признак одомашнивания (рис. 3)⁶⁰.

Мы можем идентифицировать различные влияния через материальное производство и одомашненные виды и даже через определенные изменения в поведении, приведшие к очень специфическим изменениям в материальной культуре. В Северной Африке местные и привнесенные влияния очень разнообразны (рис. 4), основными критериями являются:

- широкое распространение сахарской культуры в регионе Сахары, особенно заметное в стилях орнаментации керамики (пунктирная линия)⁶¹,

- привнесение восточных одомашненных видов из Египта и Судана (козы *Capra hircus*, овцы *Ovis aries longipes* Fitz, крупный рогатый скот *Bos Primigenius / africanus*)⁶² (рис. 5),

- взаимодействие с итальянскими островами, где были внедрены методы сколов давлением, а также обсидиан с островов Пантеллерия и Липари⁶³,

- поздняя неолитизация капсийского региона из-за отказа или желаемой изоляции, эффект принудительной аккультурации, которая постепенно заставит местное население принять неолитические инновации⁶⁴,

- предполагаемая колонизация прибрежных регионов Марокко культурой кардальной керамики⁶⁵,

- одомашненные виды были привнесены европейским маршрутом из Италии и Испании (свиньи *Sus scrofa*, козы *Capra hircus promaza*, овцы *Ovis aries longipes / africanus*, быки *Bos ibericus*, собаки *Canis canis* и пшеница *Triticum dicocum*)⁶⁶.

⁵⁶ Camps 1982, 553, 557.

⁵⁷ Camps 1974, 226; 1982, 567; Aumassip 2001, 169–

⁵⁸ Camps 1974, 217; Aumassip 2001, 130.

⁵⁹ Camps-Fabrer et Camps 1972, 24.

⁶⁰ Camps-Fabrer, Camps 1972, 28; Camps 1974, 217, 218.

⁶¹ Sahed 2014, 180.

⁶² Camps 1981, 551.

⁶³ Mulazzani et al. 2015, 9; Freund 2017, 2–

⁶⁴ Rahmani 2003, 297–

⁶⁵ Idrissi 2012, 335.

⁶⁶ Roubet, Ouchaou 2015, 179.

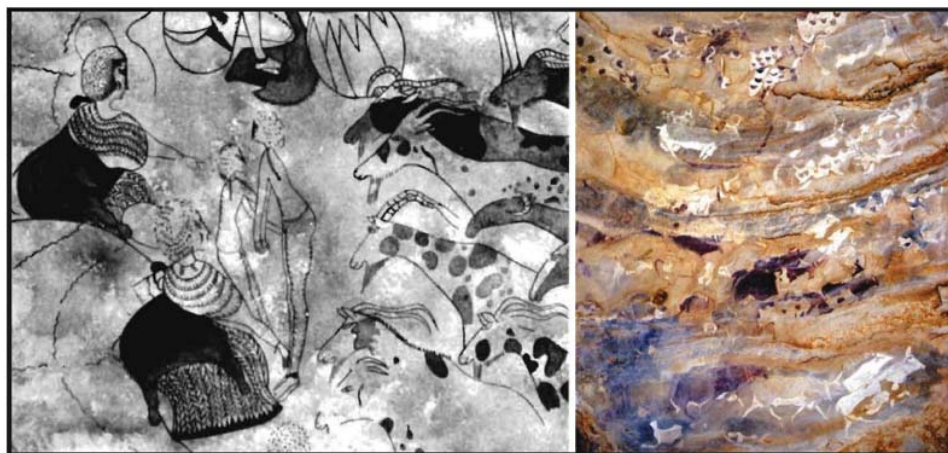

Рис. 3. Наскальные рисунки животных с двухцветной шкурой в Тассилин-Аджере (Алжир) (козы и быки) (по Aumassip, 2001, 78, 160, fig. 19, tab. III; с изменениями).
 Fig. 3. Domestic animal figurations in rock painting in Tassili n'Ajer (Algeria) (goats and bulls) (after Aumassip, 2001, 78, 160, fig. 19, tab. III; modified).

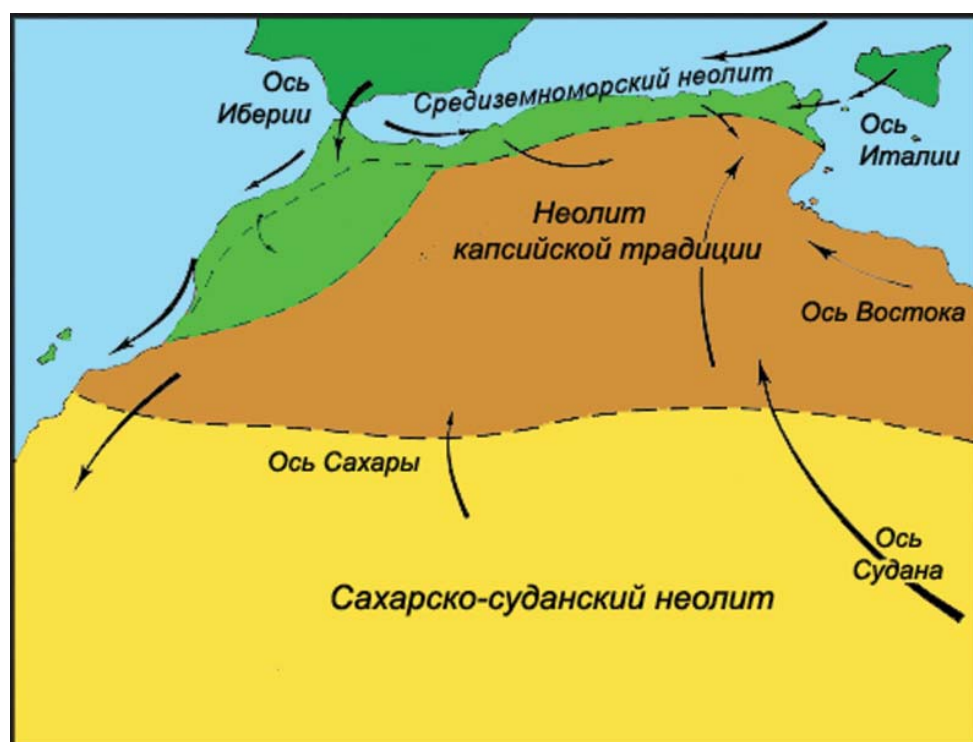

Рис. 4. Карта начальных осей неолитизации Магриба (по Camps, 1974, 219, fig. 68; с изменениями).
 Fig. 4. Map of the initial axes of neolithization in the Maghreb (after Camps, 1974, 219, fig. 68; modified).

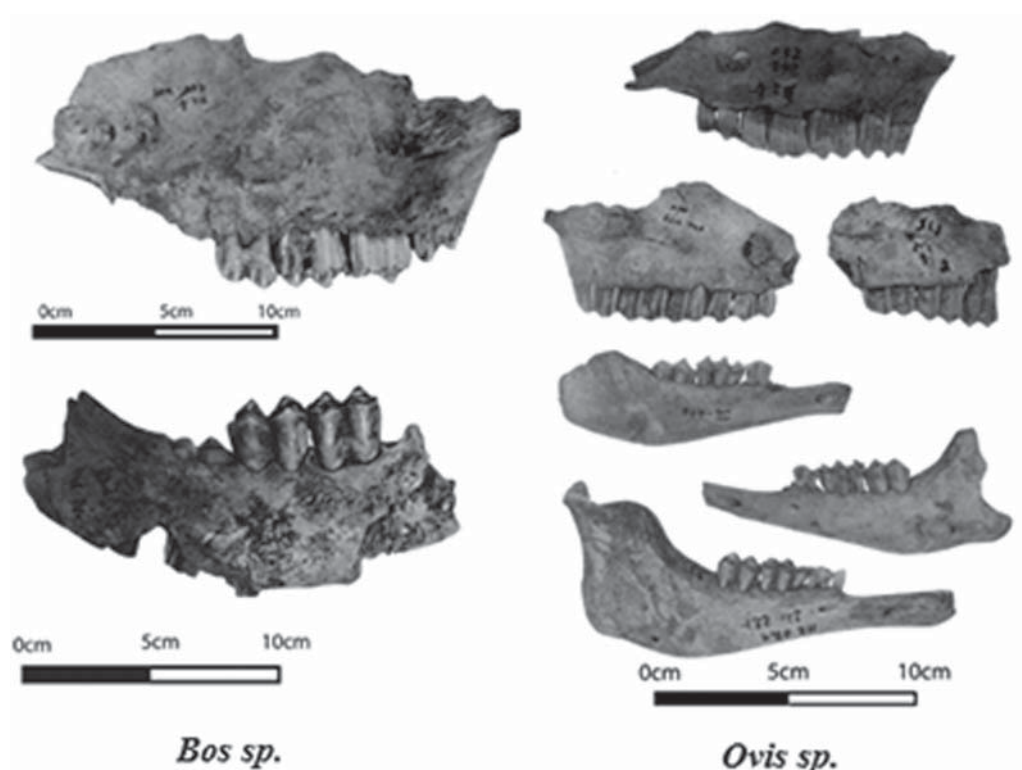

Рис. 5. Фрагменты нижних и верхних челюстей крупного рогатого скота и овец (*Bos* sp., *Ovis* sp.) из пещеры Капелетти (Алжир) (по Roubet, 1979, 391, 398–399, fig. 176, 181–182; с изменениями).

Fig. 5. Fragments of the lower and upper jaws of beef and sheep (*Bos* sp., *Ovis* sp.) from Capeletti cave (Algeria) (after Roubet, 1979, 391, 398–399, fig. 176, 181–182; modified)

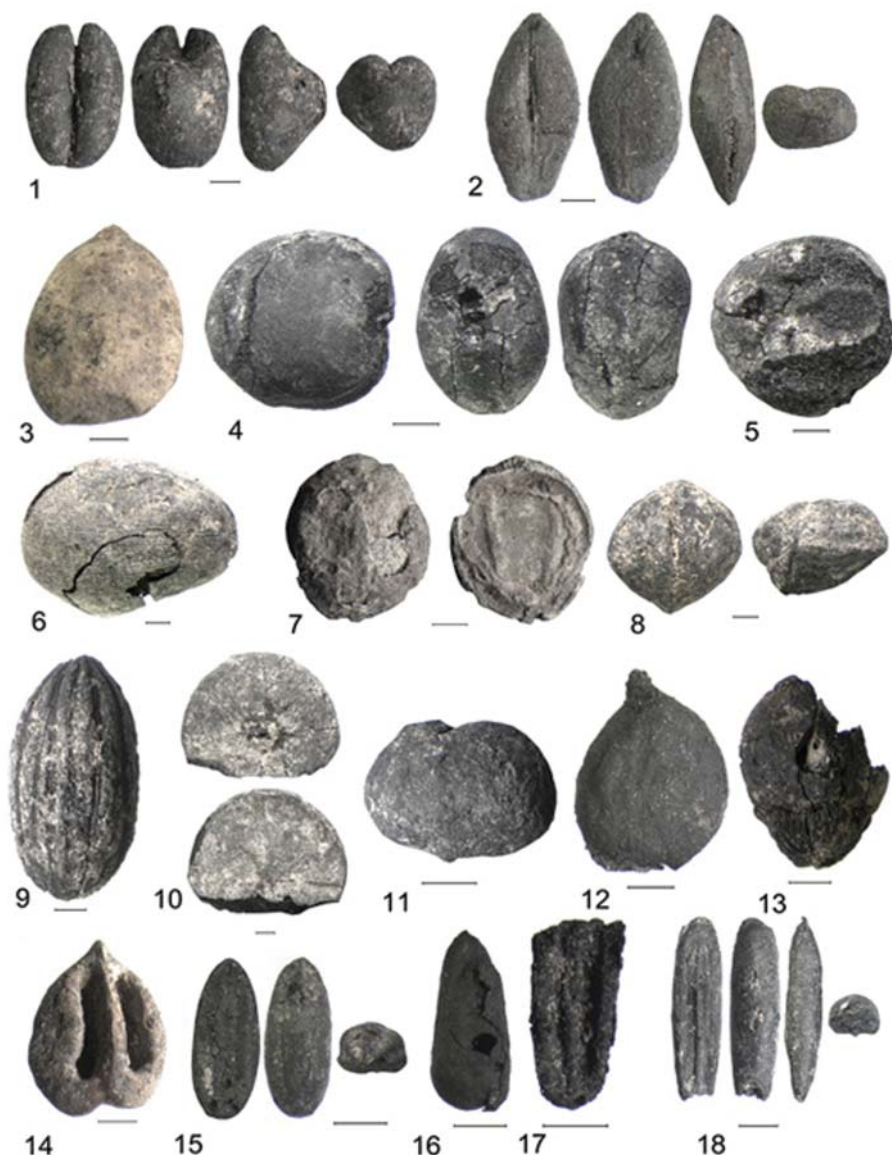
Североафриканская неолитическая идентичность, похоже, приняла полукочевой скотоводческий образ жизни как основной тип хозяйства, жители выращивали свои стада, чтобы удовлетворить свои потребности в молоке, шерсти, мясе, шкурах, костях, не отказываясь от охоты, рыбалки и селективного сбора дикорастущих растений, диких и альфа-трав (*Poaceae*, *Stipa tenacissima*), фруктов (*Vitis*, *Juniperus*), оливок (*Olea europaea*), дикорастущих овощей / бобов (*Lathyrus*, *Vicia* sp., *Vicia* cf. *faba*), орехов (Oak acorn *Quercus* sp., *Pinus halepensis*, *Pistacia lentiscus* / *terrus*)⁶⁷ с низким количеством пшеницы (*Triticum dicocum*⁶⁸, *Triticum aestivumdurum*)⁶⁹ (рис. 6). Некоторые элементы указывают на обмен между сообществами во время сезонных миграций, например, экзогенные объекты (слоновая кость, морские раковины, жемчуг, скорлупа страусиных яиц, обсидиан, кремь неместного происхождения и т.д.), полированные топоры и привозная керамика⁷⁰.

⁶⁷ Roubet 1979, 419–

⁶⁸ Ballouche, Marinval, 2003, 53, fig. 3.

⁶⁹ Kherbouche 2016, 397; Carrion Marco et al. 2021, 11.

⁷⁰ Roubet 2006, 446.

Семена от пещеры Гуэльдаман GLD1. (Алжир) –1. *Triticum aestivum durum*, 2. *Hordeum vulgare* subsp. *vulgare*, 3. *Ceratonia siliqua*, 4. Cf. *Lathyrus sativus/cicera*, 5. Cf. *Pisum* sp., 6. *Chamaerops humilis*, 7. *Cotoneaster* sp., 8. *Juniperus oxycedrus/communis*, 9. *Olea europaea*, 10. *Pinus pinea*, 11. *Pistacia lentiscus*, 12. *Pistacia terebinthus*, 13. Cf. *Taxus baccata*, 14. *Vitis vinifera*, 15. *Apiaceae*, 16. *Erodium* sp., 17. *Rosmarinus officinalis* leaf, 18. *Poaceae*.

Рис. 6. Обугленные карпологические остатки эпохи неолита из Магриба. Семена из пещеры Гуэльдаман GLD1 (Алжир) (по Carrion Marco et al. 2021, 11, pl. IV).
Fig. 6. Charred carpological remains of the Neolithic in the Maghreb, seeds from Cave Gueldaman GLD1 (Algeria) (after Carrion Marco et al. 2021, 11, pl. IV.).

Большую территорию Магриба заселяли различные группы населения на протяжении тысячелетий, они смогли адаптироваться, специализируясь на определенном образе жизни, который зависел от окружающей среды. Можно упомянуть охотников/рыбаков, живших на берегах озер и рек (Адрар Тиуин)⁷¹ и сахарских скотоводов бовидийской и тенерийской культур⁷². Наиболее распространенным видом деятельности почти на всей этой территории являлся пастушеский образ жизни с сезонными миграциями, который начал формироваться примерно в VI тыс. до н.э. и подразумевал два района обитания: один – жилой стационарный в горах (с весны до осени), другой – мобильный в низинах, связанных с пастбищами (зима). Этот новый образ жизни позволил общинам лучше узнать свою территорию и ее ресурсы, познакомиться с другими сообществами (неолитическими или охотничье-собираТЕЛЬскими), которые позволили обмениваться пищевыми ресурсами (животными и растениями), технологиями и инновациями в технических процессах (керамика, орудия, животноводство, выпас скота) и, конечно же, престижными товарами, полученными в результате торговли и сборов на отдаленных территориях (раковины, редкое сырье, подвески и другие украшения, топоры и полированные тесла)⁷³ (рис. 7). Именно так первоначальное скотоводство распространилось по Атласским горам⁷⁴, а также, возможно, среди сахарских общин, таких, как представители тенерийской и бовидийской культур Тассилин-Аджера⁷⁵.

Конец неолита и переход к эпохе металлов и протоистории остаются неясными в Магрибе⁷⁶, наиболее значимые параметры указывают на переход путем аккультурации со стороны населения Пиренейского полуострова, откуда были заимствованы изделия из металлов (меди и железа)⁷⁷. А мегалитическая культура, пришедшая от итальянских побережий до северо-восточных регионов Магриба (Тунис, Алжир), была насыщена местными элементами, представленными различными формами дольменов, гипогеев, курганов и т.д.⁷⁸ Эти два обстоятельства во многом способствовали наступлению доисторической эпохи металла, из которой возникнут первые истоки берберской культуры⁷⁹.

После обзора эволюции концепции и характеристик, определяющих занятия неолитического населения, мы можем сказать, что с развитием исследований и знания наши предположительные идеи и видения неолита и доисторических времен в целом изменились. Они становятся все более и более ясными.

Из представленных моделей распространения неолита мы можем сделать вывод, что Северная Африка из-за своего положения, где имелись различные влияния (местные, египетские, суданские, сахарские и европейские), представляет собой почти все варианты.

Процесс распространения неолита произошел в капсийском регионе и аккультурации (требуемой или навязанной) в прибрежных регионах и, возможно,

⁷¹ Camps 1974, 237.

⁷² Camps-Fabrer, Camps, 1972, 28.

⁷³ Roubet 2006, 444–

⁷⁴ Roubet, 2006, 447; Roubet, Amara 2016, 8.

⁷⁵ Camps-Fabrer, Camps 1972, 28; Aumassip 2001, 188.

⁷⁶ Sahed 2014, 169.

⁷⁷ Zammit 1984, 6.

⁷⁸ Gsell 1901, 7–

⁷⁹ Camps 1974, 342–

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Aumassip, G. 1986: *Le Bas-Sahara dans la Préhistoire*. Paris.
- Aumassip, G. 1997: L'émergence précoce du Néolithique au Sahara. *Pour la science* 234, 55–63.
- Aumassip, G. 2001: *L'Algérie des premiers hommes*. Paris.
- Ballout, L. 1955: *Préhistoire de l'Afrique du Nord, Essai de chronologie*. Paris.
- Balout, L. 1972: Chronologie absolue et préhistoire saharienne. *ROMM* 11, 13–19.
- Ballouche, A., Marinval, P. 2003: Données palynologiques et carpologiques sur la domestication des plantes et l'agriculture dans le Néolithique ancien du Maroc septentrional (site de Kaf Taht El-Ghar). *Archéométrie* 27, 49–54.
- Borrello, M., A. 2015: La recherche archéologique et les origines de l'agriculture. *Le Globe* 155, 9–31.
- Camps, G. 1971: A propos du Néolithique ancien de la Méditerranée Occidentale. *BSPF* 68.2, 48–50.
- Camps, G. 1974: *Les civilisations préhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara*. Paris.
- Camps, G. 1981: Origines de la domestication en Afrique du Nord et au Sahara. In J. Devisse, C.H. Perrot, Y. Person, J.P. Chrétien (eds.), *Le sol, la parole et l'écrit: 2000 ans d'histoire africaine. Mélanges en hommage à R. Mauny*. T. II. *Société française d'histoire d'outre-mer*. Paris, 547–560.
- Camps G. 1982: The beginning of pastoralism and cultivation in north-west Africa and the Sahara, origin of the Berbers. In J.D. Clark (ed.), *The Cambridge history of Africa*. Vol. 1. *From the earliest times to 500 BC*. Cambridge, 548–623.
- Camps-Fabrer, H., Camps, G. 1972: Perspectives et orientation des recherches sur le Néolithique saharien. *ROMM* 11, 21–30.
- Carrion Marco, Y., Pérez Jordà, G., Kherbouche F., Peña-Chocarro L. 2021: Plant use and vegetation trends in Algeria from Late Glacial to Middle Holocene: charcoal and seeds from Gueldaman GLD 1 cave (Babors d'Akbou). *Review of Palaeobotany and Palynology*, 1–36.
- Daugas, J.P., Idrissi, A., Ballouche, A., Marinval, P., Ouchaou, B. 2008: Le Néolithique ancien au Maroc septentrional: données documentaires, sériation typochronologique et hypothèses génétiques. *BSPF* 105, 787–812.
- Freund, K.P. 2017: A long-term perspective on the exploitation of Lipari obsidian in central Mediterranean prehistory. *QI* 468, 109–120.
- Gsell, S. 1901: *Les monuments antiques de l'Algérie*. Paris.
- Gsell, S. 1918: *Histoire Ancienne de l'Afrique du Nord*. Paris.
- Guilaine, J. 2012: *Historiographie du Néolithique, le Néolithique d'hier à aujourd'hui*. <https://uohprod.univ-tlse2.fr/UOHARCHEO/N01.html>
- Idrissi, A. 2012: Le Néolithique du Maroc: État de la question. In M. Borrell, F. Borrell, J. Bosch, X. Clop, M. Molist (eds.), *Congrés Internacional Xarxes al Neolític, Neolithic Networks Rubricatum*. *Revista del Museu de Gavà* 5. Gavà–Bellaterra, 333–341.
- Kherbouche, F. 2016 : *Le Néolithique tellien de la grotte de Gueldaman GLD1 (Babors d'Akbou, Algérie, VIII–V millénaire BP)*. Université Toulouse II le Mirail – Toulouse.
- Lemercier, O. 2007a: *Un monde en mouvement, Introduction au Néolithique*. <http://ubprehistoire.free.fr/Documents%20a%20telecharger/Un%20monde%20en%20mouvement.pdf>
- Lemercier, O. 2007b: *Premiers agriculteurs, premiers éleveurs: Les mutations économiques*. <http://ubprehistoire.free.fr/Documents%20a%20telecharger/premiers%20agriculteurs%20eleveurs.pdf>
- Linstädter, J. 2008: Epipalaeolithic neolithic transition in the mediterranean region of Northwest Africa. *Quartär* 55, 41–62.
- Linstädter, J., Medved, I., Solich, M., Weniger, G.C. 2012: Neolithisation process within the Alboran territory: Models and possible African Impact. *QI* 274, 219–232.

- Mazurié de Keroualin, K. 2015: *Genèse et diffusion de l'agriculture en Europe*. Paris.
- Mulazzani, S., Belhouchet, L., Salanova, L., Aouadi, N., Dridi, Y., Eddargach, W., Morales, J., Tombret, O., Zazzo, A., Zoughlami, J. 2016: The emergence of the Neolithic in North Africa, A new model for the Eastern Maghreb. *QI* 410A, 123–143.
- Rahmani, N. 2003: *Le capsien typique et le capsien supérieur: Evolution ou contemporanéité – Les données technologiques*. Oxford.
- Roubet, C. 1979: *Économie pastorale préagricole en Algérie orientale. Le Néolithique de tradition capsienne, exemple: l'Aurès*. Paris.
- Roubet, C. 2006: Les comportements de subsistance et symboliques des premiers pasteurs néolithiques du Maghreb oriental atlasique. *Palevol* 5, 441–451.
- Roubet, C., Amara, I. 2016: From art to context – Holocene roots of an Initial Neolithic Pastoralism (INP) in the Atlas Ouled Naïl, Algeria. *QI* 410A, 103–122.
- Roubet, C., Ouchaou, B. 2015: Pastoralisme néolithique initial au Maghreb. *Encyclopédie berbère* XXXII, 6154–6169.
- Sahed, A.T. 2014: First neolithic manifestations in Algeria: Datas & problematic. In B. Mokranke (ed.), *Papers of the workshop: The city and the countryside in antique Algeria*. Mascara, 176–193. [In Arabic].
- Senécal, P. 2010: *Histoire de l'interprétation de la transition néolithique: Évolution des théories, modèles et hypothèses*. Université de Montréal.
- Vernet, R. 2004: Le Sahara préhistorique entre Afrique du Nord et Sahel: état des connaissances et perspectives. In : A. Bazzana & H. Bocoum (eds.), *Du Nord au Sud du Sahara. Cinquante ans d'archéologie française en Afrique de l'Ouest et au Maghreb. Bilan et perspectives*. Paris, 89–100.
- Zammit, J. 1984: La préhistoire de l'Afrique du Nord, cette inconnue. *L'Algérieniste* 25, 18–25.

THE NEOLITHIZATION IN NORTH AFRICA: RETROSPECTIVES FROM ALGERIA

Sofiane Si-Ammour

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
sofiane.siammour@gmail.com

Abstract. Humans underwent tremendous changes in their behavior during prehistoric times, especially during the Neolithic period when they found better conditions that led them to turn sedentary and marked the transition from hunter-gatherers to resource-producing economy, by mastering the domestication of plants and animals and introducing new features in their equipment such as pottery and grinding stone tools. The research on this topic has also evolved with the advance of research and analytic approaches, and despite that, the Neolithic period is a quite challenging subject when it comes to the kind of contacts and the behavior between Neolithic groups and Meso-Epipaleolithic ones during the transitional phases of Neolithization. Researchers continue to bring new highlights with new data and pieces of evidence that clarify our conceptual ideas regarding this particular period. In our days it is admitted that the Neolithization occurred in different ways depending on the region and the nature of contacts between the Neolithic groups and the Mesolithic and Epipaleolithic ones. North Africa presents various Neolithic schemes, mainly due to its strategic position, which allows the region to be surrounded by many cultural influences. The French past research had made it possible to contextualize chronologically three main Neolithic currents which had in common the pastoral semi-nomadic way of subsistence, a made mark that marked the North-African Neolithic's, in

addition to the many other cultural aspects and exchanges between the diverse Neolithic cultures that were settling in this large territory of the Sahara and the Mediterranean regions.

Keywords: Neolithic, neolithization, Neolithic diffusion, North Africa.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 226–242
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 226–242
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-226–242

«ГЛОБАЛЬНАЯ» ИМПЕРИЯ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ: ПОПЫТКА ЗАПОЛНИТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВАКУУМ

М.С. Чисталев

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
marcus7@mail.ru*

Аннотация. Дискуссия на тему романизации, возникшая в историографии в конце XX – начале XXI в. и поставившая под сомнение возможность применения прежней терминологии в условиях постколониальной и постимпериалистической ситуации, активизировала процессы поиска альтернативной концепции. Попытки предложить иную терминологию, которые были предприняты за последние двадцать лет, оказались не слишком удачными. В итоге, деконструкция «романизации» не привела к возникновению новой доминирующей парадигмы, сформировав определенный концептуальный вакуум. В статье подробно рассматривается возобновление интереса к этому теоретико-методологическому вопросу в рамках концепции, предложенной М. Верслюйсом и М. Питтсом, которая, по их мнению, позволит исследовать культурные особенности внутри имперского единства, не игнорируя социальные механизмы и властные элементы управления. Привлекательность нового подхода, на первый взгляд, заключается еще и в том, что глобализационный концепт предполагает рассмотрение культурных процессов внутри империи как разнонаправленных, поддерживая одновременно общеимперское единство и разнообразие идиосинкретических элементов внутри провинций. Однако для более активного применения концепта глобализации в антиковедении крайне не хватает примеров выявления характеристик, свойственных глобализации применительно к ранним историческим периодам. Именно поэтому автором ставится под сомнение возможность использования и приложе-

Данные об авторе: Чисталев Марк Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории НГУ им. Н.И. Лобачевского.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект №20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени»..

ния к римскому миру концепции глобализации ввиду недостаточной разработанности самого подхода. В качестве компромисса, позволившего бы проводить новые исследования с опорой на надежную терминологическую базу, автор предлагает использовать концепцию «имперского диффузионизма», под которым подразумевается неравномерное и неравнозначное взаимовлияние Рима и провинций в рамках политических, социально-экономических и культурных процессов внутри Римской империи.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, глобализация, *Aegyptiaca Romana*, империализм, диффузионизм, восприятие иноземной культуры.

Возможность использования термина «романизация» в последние десятилетия в значительной степени была поставлена под сомнение в результате дискуссии, развернувшейся среди специалистов. Сама постановка вопроса о применении данного термина напрямую связана с постколониальной и постимпериалистической ситуацией, переосмыслением империализма как явления, процессами глобализации конца XX и начала XXI в.¹ Однако масштаб заявленной проблемы оказался настолько значительным, что дебаты среди антиковедов не прекращаются до сих пор, а сама тема «романизации» по-прежнему является одной из центральных во многих исследованиях².

Значительное влияние на антиковедение оказывают британские археологи, занимающиеся римской Британией, которые вместо традиционного взгляда на «романизацию» как на социальный, политический и культурный процесс, связанный с изменениями в материальной культуре, рассматривают ее как «неполноценный» концепт³, предполагающий исключительно одностороннее влияние со стороны римлян. Такое видение процессов, происходивших в римской державе, отразилось и на характере использования терминологии представителями других стран. При этом необходимо отметить, что дискуссия на тему романизации является в большей степени популярной именно среди англоязычных авторов⁴, что стало следствием внутренних процессов в самом британском обществе⁵. В то же время недвусмысленные призывы «покончить с романизацией» игнорируются как в немецкой, так и во французской и итальянской литературе. Важно отметить, что, по справедливому замечанию Э. Эрскина⁶, на текущем этапе исследования поднимаются концептуальные проблемы не Римской империи в целом, а, скорее, процессов ее создания, осмысления и реакции людей на происходившие изменения.

В качестве альтернативы ставшему неpolitкорректным термину сначала пришла «латинизация» и нейтральное выражение «то, что традиционно называют

¹ В последние десятилетия произошло смещение научного интереса в сторону имперского опыта Рима, что, очевидно, более соответствует современным политическими и интеллектуальными вызовам глобального мира. Подробнее см.: Freeman 1997; Махлаюк 2013; Rothe 2013.

² Наиболее значимые исследования: Woolf 1998; Häussler 1998; Mattingly 2004; 2011; 2014; Le Roux 2004; Schörner 2005; Revell 2009; Longfellow 2011; Versluys 2014a; Pitts, Versluys 2015; Барышников 2015; 2020; Хазина, Строганов 2015; Van Oyen 2015; Шистеров 2016a; 2016b; 2017; Махлаюк 2018.

³ Подробнее см.: Woolf 1997; Mattingly 2004; 2006.

⁴ Среди американских историков см., например, Cusick 1998.

⁵ Еще в 1997 г. Д. Маттингли указывал, что современная историческая литература, связанная с римским империализмом, сама по себе является частью империалистического дискурса (Mattingly 1997, 8).

⁶ Erskine 2014, 3.

романизацией», а затем и вовсе нарочито искусственное для исторической науки антропологическое обозначение «креолизация»⁷. Последний термин нашел не только сторонников, для которых «креолизация» стала синонимом синтеза культур⁸, но и противников, указавших на его «неконструктивное специфическое колониальное» происхождение⁹.

Что еще более важно, деконструкция «романизации» не привела к возникновению новой доминирующей парадигмы, сформировав определенный концептуальный вакуум. Несмотря на то что для большинства исследователей очевидна невозможность изучения римской материальной культуры только в рамках бинарной оппозиции «римское – варварское», постколониальный подход фактически исчерпал себя, превратившись в антиколониальный. Бессодержательность альтернативной постколониальной терминологии становится особенно очевидной, когда необходимо четко описать культурные процессы, происходившие в римском мире: к уже упомянутому ранее можно добавить несколько еще более неоднозначных терминов, таких как «гибридность» (англ. *hybridity*¹⁰ или франц. *métissage*¹¹).

Ирония современного терминологического переосмысления заключается еще и в том, что, отрицая традиционные подходы под предлогом их колониального происхождения, исследователи, вводящие постколониальные концепты, сами поддерживают и усиливают старую дихотомию римского и туземного населения, только смещают оценочные характеристики: негативная роль отсталых туземцев перешла к империалистически настроенным римлянам.

М. Верслюйс предлагает свой способ преодоления этой дихотомии. По его мнению, ввиду невозможности проведения строгой границы между категориями «римлянин» и «туземец», они не могут являться фундаментом для исследования культурных и социальных трансформаций, происходивших в провинциях, поскольку неминуемо теряются элементы, определяющие специфику развития этих обществ¹². Формулируя свою идею «взаимосвязанности», М. Верслюйс предлагает рассматривать римский мир как одну большую культурную общность, элементы которой динамически коррелируют друг с другом¹³. Верслюйс выдвигает «взаимосвязанность» (*interconnectedness*) в качестве ключевой характеристики Римского мира и призывает перейти к новому концепту – глобализации, что, по его мнению, позволит исследовать культурные особенности внутри имперского единства, не игнорируя социальные механизмы и властные элементы управления.

Что же из себя представляет новый концепт? Экспоненциальный рост использования термина «глобализация» начиная с 1990-х гг. привел к его всеобщему распространению не только в академических кругах, но и средствах массовой информации. Термин стал настолько «модным», что его применяют для объяснения целого ряда явлений: от высокого экономического роста в развитых странах до глобальной рецессии, уменьшения влияния государственного суверенитета, смещения центра производства основной массы товаров в развивающиеся страны,

⁷ Webster 2001, 219.

⁸ Sweetman 2007, 66–67.

⁹ Roth 2007, 19.

¹⁰ Carr 2006; Sears 2018.

¹¹ Schmidt, Corbin 2006; Thomas 2006; Traina 2006.

¹² Versluys 2014b, 7.

¹³ Versluys 2014b, 12.

масштабных миграционных процессов и даже изменения климата. В общественном сознании глобализация часто ассоциируется с включением экономики государства в мировой рынок и ее тесного переплетения с экономикой других стран на основе транснационализации, а также контрпроцессами, вызванными этими событиями и явлениями: от движений антиглобалистов до международного терроризма. Общим знаменателем для все подобных трактовок является усиление взаимосвязей и взаимозависимости различных регионов мира между собой, а также пространственно-временное сжатие¹⁴. Причем применительно к первому аспекту следует иметь в виду не постепенное эволюционное усиление, а достаточно резкое (в течение короткого исторического промежутка) изменение межрегионального взаимодействия, с сопутствующим ему социальными переменами и созданием глобальной культуры¹⁵.

Следует отметить, что переосмысление новой концепции в академических кругах натолкнулось и на определенные расхождения в трактовках, особенно в той части, которая касается начала процесса глобализации. К примеру, некоторые экономисты, рассматривая глобализацию как движение в сторону рыночной интеграции и создания единой мировой экономики, связывают дату начала этого процесса с формированием единых мировых цен на сырьевые товары в начале XIX в.¹⁶ Другие исследователи, в числе которых были как историки, так и экономисты, отодвигали дату на конец XV – начало XVII в., отсчитывая начало «глобальной эпохи» мировой истории с открытия Америки Х. Колумбом¹⁷ или установления торговых связей между Азией и Америкой¹⁸. Следуя в русле разработанной И. Валлерстайном мир-системной теории¹⁹, исследующей социальную эволюцию систем обществ, а не отдельных социумов, некоторые авторы опирались на все менее строгие экономические критерии, заявляя о формировании глобальной экономики еще в третьем тысячелетии до н.э.²⁰ Несмотря на столь радикально отличающиеся хронологические рамки, в целом сама характеристика глобализации как усложнения взаимосвязанности и взаимозависимости остается ключевой идеей в различных подходах как в исторических, так и социально-экономических изысканиях²¹.

С увеличением количества академических исследований на тему глобализации, постепенно произошел отказ от рассмотрения этого явления как принципиально нового и современного²², которому способствовали технологические достижения XX века, позволившие радикально изменить скорость перемещения людей, товаров, а также распространения информации. Пришедшая на смену гипотеза предполагает, что социальные, политические и экономические процессы, которые в настоящее время принято интерпретировать в качестве глобализации,

¹⁴ Речь идет о том, что технологические достижения способствуют сокращению расстояний, временных или иных издержек.

¹⁵ Jennings 2014, 13.

¹⁶ O'Rourke, Williamson 2002; 2004.

¹⁷ Bentley 1999, 7; Frank 2008, 52; de Vries 2010.

¹⁸ Flynn, Giráldez 2008.

¹⁹ Wallerstein 1974, 387–415.

²⁰ Frank, Gills 2006; 2014; Gills, Thompson 2006.

²¹ Tomlinson 2006; Gills, Thompson 2006; Hopkins 2011; Pitts, Versluys 2015; Nelson 2017.

²² Tomlinson 2006; Giddens 2015.

имели свои аналоги и в далеком прошлом²³. Одним из наиболее ярких критиков контемпорального подхода к глобализации является профессор культурной антропологии Я. Н. Питерс, утверждающий, что за попытками свести глобализацию к достижениям XX века стоят европоцентристские идеи, которые описывают не столько саму глобализацию, сколько феномен вестернизации²⁴. Аналогичной позиции придерживается и известный немецкий социолог А.Г. Франк, не только отвергающий исключительную связь глобализации с современностью, но и выдвигающий тезис о ведущей роли Азии в этом процессе²⁵. Словно подчеркивая необходимость более рационального исторического рассмотрения исследуемого явления, в научном обороте стали появляться термины «предыстория глобализации»²⁶ и «протоглобализация»²⁷.

Привлекательность нового подхода заключается еще и в том, что глобализационный концепт предполагает рассмотрение культурных процессов внутри империи как разнонаправленных, поддерживая одновременно общеимперское единство и разнообразие идиосинкратических элементов внутри провинций.

Однако главная проблема изучения глобализации в историческом контексте заключается в том, что в основе дебатов до сих пор преимущественно лежат не исторические исследования с опорой на источники, а, скорее, общенаучные исследования, вышедшие из-под пера теоретиков социально-экономических процессов. Для более активного применения концепта глобализации в антиковедении крайне не хватает примеров выявления характеристик, свойственных глобализации применительно к ранним историческим периодам²⁸. Это связано с тем, что сама возможность применения теории глобализации к римской истории не вызвала ажиотажа в зарубежной, равно как и в отечественной историографии. До сих пор, фактически, не было издано ни одной монографии, посвященной обстоятельному изучению данной тематики. Единственное значительное по объему исследование Р. Хингли вопреки громкому названию «Процесс глобализации римской культуры»²⁹ представляет собой, скорее, обзор современного состояния проблематики изучения римской империи и империализма в англоязычной литературе, нежели развернутый поиск аналогий глобализационных процессов в римской истории³⁰. Более того, часть историков категорически не согласны с новой концепцией³¹.

²³ Appadurai 2001; Waters 2009; Robertson 2011.

²⁴ Pieterse 2015.

²⁵ Frank 2008; Frank, Denmark 2016.

²⁶ Shami 2000, 178–179.

²⁷ Bayly 2011.

²⁸ Исключение составляет монография Дж. Дженнингса (Jennings 2014) и коллективный труд под редакцией М. Питтса и М. Верслюйса (Pitts, Versluys 2015). Отдельно следует отметить статью Р. Герати (Geraghty 2007), в которой, несмотря на заявленную в заголовке глобализационную тематику, основной акцент сделан на применении экономической модели равновесия для описания положения Италии в ходе расширения экспансии Римской державы. Одной из последних работ является коллективная монография под редакцией Тамара Ходоса (Hodos 2019). Данную работу по ширине географического охвата можно смело назвать уникальной, поскольку она включает в себя исследования не только Средиземноморья, но и Мезоамерики, Австралии и Океании, а также Дальнего Востока и Малой Азии.

²⁹ Hingley 2005.

³⁰ Prag, Hingley 2006, 214.

³¹ Greene 2008.

На аргументах Ф. Нэребута, одного из наиболее ярких идейных противников, стоит остановиться подробнее. Как отмечает нидерландский исследователь, использование термина «глобализация» вне рамок современного общества категорически неприемлемо³². Несмотря на значительные размеры, Римская империя, по его мнению, никогда не была глобальной державой в том понимании, которое мы вкладываем в наше время. Иными словами, исторические события разворачивались в ограниченных географических рамках и не затрагивали весь мир в буквальном смысле этого слова³³. Отталкиваясь от утверждения, что глобализация сопровождается рядом изменений в обществе, вызванными пространственно-временным сжатием, Ф. Нэребут подчеркивает, что такие изменения в беспрецедентном масштабе³⁴ стали происходить только в новейшей истории человечества, а значит, использование глобализационной концепции для изучения иных исторических периодов недопустимо³⁵. Признавая увеличение мобильности населения в Римской империи вследствие миграционных процессов, а также увеличение торгового оборота между провинциями и Римом, Ф. Нэребут указывает на то, что преодоление расстояний в Римской империи, равно как и в любом другом древнем обществе, основывалось на физических усилиях со стороны человека: обширные территории стали частью одного государства, но так называемая тирания расстояний по-прежнему сохранялась³⁶. Однако, по его мнению, эта взаимосвязанность между регионами империи существенно отличается от увеличения мобильности в результате достижений в области транспорта и телекоммуникаций в современном мире. Таким образом, согласно Ф. Нэребу, теория глобализации должна касаться только тех событий, которые действительно уникальны по своему масштабу или интенсивности для всего человечества. Соответственно, для характеристики усиления взаимных культурных контактов и экономических связей необходимо использовать уже существующие теории, а не пытаться включать в определения глобализации тот смысл, который изначально к глобализации никакого отношения не имеет³⁷.

Успешному переосмыслению постколониальной и постимпериалистической ситуации с применением концепта глобализации препятствует также отсутствие всестороннего анализа саморефлексии современников исследуемой эпохи в отношении реалий своего времени. С одной стороны, идеи масштабного объединения, лежащие в основе глобализации, оказались поразительно похожи на отрывок из первой книги «Всеобщей истории» Полибия, датированный серединой II в. до н.э., так часто цитируемый в этой связи в зарубежной историографии: «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место... Начиная же с этого времени, история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу...» (Пер. Ф.Г. Мищенко. Polyb. I. 3. 3–4). В эти же

³² Naerebout 2008.

³³ Naerebout 2008, 154.

³⁴ В основу изменений он поставил достижения в сфере так называемых «высоких технологий»: компьютеризация, появление мобильных телефонов, интернета и иных телекоммуникационных систем.

³⁵ Naerebout 2008, 164.

³⁶ Naerebout 2008, 165.

³⁷ Naerebout 2008, 166.

представления, на первый взгляд, укладывается также римская и эллинистическая терминология обозначения обитаемого мира (*orbis terrarum* и *οἰκουμένη*), известного в античности и так или иначе вовлеченного в единое культурно-экономическое пространство. В дополнение сторонники глобализационного подхода часто приводят в пример отрывок из «Похвалы Риму» видного представителя Второй софистики греческого ритор Элия Аристида, который должен развеять всякие сомнения относительно глобального характера Римской империи³⁸, что, по мнению М. Верслюйса, подтверждает восприятие римлянами своего мира как в основе своей глобализованного (*quintessentially globalised*)³⁹.

С другой стороны, налицо типичная манипуляция понятиями, когда объединение значительной территории под гегемонией одного центра преподносится как общемировая глобализация или протоглобализация. Очевидно, что наличие единых социально-экономических процессов в Римской империи не является глобализацией в том понимании, в котором этот термин традиционно употребляется, тем более с отсылкой на заведомо гиперболизированное утверждение Аристида, что «римляне распахнули ворота всего населенного мира» (*Ael. Arist. Orat. XXVI. 102*).

Из вышесказанного можно заключить, что использование теории глобализации для изучения Римской империи при текущем состоянии концептуальной разработанности самого подхода представляется крайне ненадежным. Неудивительно, что появление в современном антиковедении концепции глобализации было встречено настороженно, если не сказать скептически. Несмотря на то что в известной⁴⁰ коллективной монографии под редакцией М. Питтса и М. Верслюйса⁴¹ оба упомянутых автора активно выступают за применение глобализационного концепта к доиндустриальным обществам, другие авторы не в полной мере разделяют такой подход. Так, Н. Морли, поставив вопрос о возможности с помощью понятия глобализации достичь чего-то большего, чем риторическое уподобление Римской империи современному миру, не находит одного из ключевых признаков глобализации – сжатия пространства и времени⁴². В то время как М. Зоммер, исследуя формирование взаимосвязей средиземноморского мира от времен существования древнейших цивилизаций на Ближнем Востоке вплоть до III в. н.э., и вовсе сознательно избегает использования термина «глобализация».

Само по себе введение такого термина в исторический лексикон в настоящее время следует воспринимать, скорее, как дань информационной моде, формируемой в том числе средствами массовой информации. Отсюда проистекают и те противоречия, с которыми приходится сталкиваться исследователям. В пер-

³⁸ «...вы измерили пространство всего населенного мира, перекинули мосты через реки, прорубили конные дороги в горах, наполнили пустыни пристанищами, укротили природу порядком и размеренной жизнью... Сегодня не нужно составлять описания земель и перечислять их законы и обычаи, ибо вы открыли всем путь по всей земле. Вы распахнули все ворота населенного мира и предоставили всем, кто хочет, возможность все увидеть собственными глазами. Вы установили законы, единые для всех, и положили конец тому прошлому, которое забавно в рассказах, но несносно для ума» (Пер. С.И. Межерицкой, *Ael. Ar. Orat. XXVI. 101–102*).

³⁹ Pitts, Versluys 2015, 18.

⁴⁰ Во многом даже знаковой, учитывая, что в ней подводятся определенные итоги и намечаются перспективные линии применения концепции глобализации. Подр. см.: Махлаюк 2018.

⁴¹ Pitts, Versluys 2015.

⁴² Махлаюк 2018, 433.

вую очередь, речь идет о размытости определения глобализации в историческом контексте: очевидно, что усиление мобильности и пространственно-временное сжатие были характерными явлениями для различных исторических периодов, но принципиальное отличие от событий конца XX в. как раз и заключается в масштабах происходившего, невиданных до этого в истории человечества, трансформации самого характера таких контактов, их перехода в новое состояние, когда расстояние между людьми буквально стирается за счет использования принципиально новых технологических достижений. В этой связи сложно не согласиться с Ф. Нэребутом в том, что появление новой производной терминологии (например, термина «предыстория глобализации») является не чем иным, как попыткой сместить акцент⁴³ с изучения современного общества в сторону любого другого периода с последующей корректировкой изначального значения самого термина «глобализация» и добавлением различных оговорок, без которых концепт глобализации теряет в историческом контексте всякий смысл. Во-вторых, отсылку к усилению взаимозависимости и взаимосвязанности внутри общества как к одной из главных идей глобализации было бы ошибочно слепо использовать в отношении более ранних исторических периодов, поскольку по своей сути этот критерий является универсальным (общим), свойственным любой империи в период ее активного становления. Если опираться исключительно на эти условия, то весьма вероятной станет ситуация, при которой процесс глобализации окажется почти непрерывным явлением, дезавуируя уникальность парадигмы глобализации как таковой. Таким образом, возможное применение концепта глобализации для описания Римской империи все еще остается не до конца обоснованным, а сама идея замены парадигмы романизации на глобализацию имеет на данном этапе лишь один очевидный позитивный эффект, который связан с возрождением дискуссий на тему кросс-культурных и социально-экономических процессов внутри империи.

В условиях, когда старые концепты в значительной степени дискредитированы, а современные не до конца осмыслены и конкретизированы, необходимо искать «золотую» середину, компромисс, который позволил бы строить новые исследования с опорой на надежную терминологическую базу. Поэтому, отказавшись от глобализационного подхода, прежде всего нужно признать, что межкультурные взаимодействия внутри Римской империи никогда не носили одностороннего линейного характера. В то же время становлению любой империи свойственны объединительные процессы, которые направлены на взаимную интеграцию центра и периферии. Они могут включать в себя: усиление торговых связей, строительство транспортной инфраструктуры, миграцию населения, вовлечение людей в общеимперские институты, усиленные кросс-культурные контакты и иные процессы, направленные на создание единого государства и более однородного общества. При этом, разумеется, нет никаких оснований утверждать, что внутри Римской империи в рамках интеграционных процессов взаимодействие (и как следствие, взаимовлияние) было равноценным. С одной стороны, потому что в абсолютном большинстве случаев присоединение новых территорий было следствием завоеваний со стороны римлян, т.е. при военном доминировании и экономическом

⁴³ Naerebout 2008, 161.

превосходстве одной державы над другой, а с другой – все сильно зависело от той сферы, в которой происходило это взаимодействие. Для объяснения вышеописанных процессов наилучшим образом подходит антропологический концепт, который с учетом специфики именно исторического применения к Римской державе уместно было бы обозначить как «имперский диффузионизм». Однако предложенный вариант нельзя считать идентичным классическому диффузионизму⁴⁴, предполагающему распространение культуры из одних центров в другие. Под «имперским диффузионизмом» мы подразумеваем неравномерное и неравнозначное взаимовлияние Рима и провинций в рамках политических, социально-экономических и культурных процессов внутри Римской империи. В отличие от подходов, вызывающих острые дискуссии на фоне отказа от колониального мышления, предложенный концепт лишен их главного недостатка – конъюнктурной зависимости, но в то же время позволяет рассматривать различные аспекты становления и укрепления империи как единой державы, со всеми положительными и отрицательными последствиями для населения римских провинций.

Особенно ярко имперский диффузионизм находит выражение в области культуры. Ключевой особенностью римской культурной и религиозной среды всегда была открытость по отношению к восприятию традиций других народов. Римляне не просто заимствовали элементы этих культур, но и переосмысливали их в рамках новых общеимперских устремлений. При этом «римской культуры» как чего-то унифицированного для всех регионов Империи не существовало, скорее, она походила на гибрид, имевший как общие элементы, так и существенные различия в зависимости от конкретной провинции⁴⁵. Однако именно традиции самого Рима (и в значительной степени Италии) испытывали на себе особое влияние со стороны периферии. Для характеристики римской имперской культуры Э. Уоллас-Хадрилл даже использовал метафорическое сравнение с кровеносной системой, в которой Рим выступает в роли сердца, постоянно притягивая не только материальные блага, но и новые идеи (воззрения), чтобы выкачать их снова, но уже «преобразованными посредством оксигенации в «римскую кровь»» (*transformed by oxygenation into “Roman blood”*)⁴⁶. Сам процесс культурной интеграции сопровождался переоценкой визуальных образов и ценностных ориентиров, которые были вложены в структурные элементы культуры–«донора».

Идеальным примером в этом случае являются кросс-культурные контакты между Римом и Египтом. Начиная со второй половины XIX в. на территории Италии были обнаружены многочисленные объекты, которые в настоящее время составляют так называемую группу *Aegyptiaca Romana*⁴⁷. Сюда входят как подлинные исторические артефакты, созданные в Древнем Египте, так и изготовленные непосредственно на территории Италии. Причем ко второй категории следует относить не только предметы, выполненные в египетском стиле, но и не имеющие прямых аналогов в египетской культуре, а лишь ассоциирующиеся с Египтом с помощью стилистических образов. Даже если исключить из анализа *Aegyptiaca*,

⁴⁴ Александренков 1976; Алипов 2017.

⁴⁵ Махлаюк 2013, 228.

⁴⁶ Wallace-Hadrill 2008, 361.

⁴⁷ Чисталев 2019, 5.

использовавшуюся в политическом контексте⁴⁸, остается довольно внушительный перечень объектов, подчеркивающих масштаб культурного влияния Египта на Рим. Важно отметить, что до завоевания Египта интерес к его культуре носил не столь масштабный характер, хотя отдельные элементы постепенно становились предметом увлечения римлян⁴⁹. Экспансия египетской культуры особенно отразилась на популяризации в Риме и Италии египетских религиозных культов в их эллинизированной форме. Начиная с I в. до н.э. и вплоть до III в. н.э. происходила постепенная интеграция этих культов в римскую религиозную среду, вплоть до возведения Исиды и Сераписа в ранг государственных богов, подкрепляющих божественный статус императора. По мере распространения египетских культов в Италии наблюдается и увеличение интереса к *Aegyptiaca Romana* в целом. Не связанные с религиозным контекстом Нильские сцены, объединенные общей тематикой разлива Нила, являются наиболее показательным примером того, как римляне воспринимали «чужую» культуру через призму целого ряда стереотипов, порой сводя ее лишь к отдельным знакам – топосам, отсылающим к египетской традиции. Именно поэтому для описания восприятия римлянами египетской культуры используется термин «египтомания»⁵⁰. Вопреки предубеждениям самих римлян, в некоторых случаях полностью игнорируя оригинальное смысловое содержание объектов, римская египтомания стала культурным феноменом, в котором главная роль отведена не столько самому Египту, сколько его образу, интерпретированному римлянами и популяризированному в виде ярких символов и топосов.

Обратное влияние Рима на египетскую культуру также получило особое выражение в рамках процесса, который Д. Франкфуртер назвал «стереотипным присвоением»⁵¹. Увеличение интереса к египетской культуре и религии в римском обществе отразилось на популярности туристических поездок по Египту⁵². При этом египетское наследие великого прошлого интерпретировалось согласно культурным представлениям самих посещавших Египет туристов, что стало причиной появления целого ряда неверных ассоциаций, как, например, случилось с массивными статуями Аменхотепа III, некогда украшавшими вход в его заупокойный храм, которые длительное время считались памятниками герою греческой мифологии Мемнону. Поскольку главным источником информации о традициях и истории Египта для римлян (равно как и для греков) выступали местные жрецы, они всячески старались подстроиться под устоявшиеся у римлян представления, что в итоге служило «катализатором» появления полумифических, в иных случаях просто выдуманных историй, цель которых состояла в извлечении экономической выгоды путем получения хорошего вознаграждения за свои услуги. Следовательно, принимая и поддерживая стереотипные представления о своей истории, традициях и религии, созданные в отношении них представителями «чужой» доминирующей культуры, египтяне сами способствовали укоренению популярных в античности топосов.

⁴⁸ В основном это были объекты, которые Октавиан использовал в идеологических целях для демонстрации значения покорения Египта и пропаганды достижений принцепса.

⁴⁹ Речь идет о Нильских пейзажах или, например, Нильской мозаике Палестрины.

⁵⁰ Чисталев 2019, 247–248.

⁵¹ Frankfurter 2000, 167.

⁵² Те римляне, которые в силу своего положения могли посетить Египет, активно посещали наиболее известные исторические достопримечательности. Подр. см.: Чисталев 2019, 180–208.

Таким образом, новые культурные элементы распространялись из Египта на территорию Италии и провинций и наоборот не только посредством личных контактов, благодаря миграции и торговле, но в силу объективных процессов взаимодействия двух народов между собой. В рамках единого имперского пространства происходил взаимный процесс смешения, переноса и заимствования культурных достижений. Важно отметить, что дополнение культуры новыми идеями в случае с Римом не являлось лишь механическим добавлением элементов к базовой культурной системе: египетская традиция стала стимулом к новому внутреннему развитию культуры – «реципиента». Следствием этого взаимодействия явилось не только появление целого ряда уникальных по своей сути предметов *Aegyptiaca Romana*, но и возникновение нового жанра в римском искусстве – Нильских сцен. В то же время очевидно, что влияние египетской культуры на римскую было куда более значительным, нежели обратное явление. Из этого следует, что отношения между Египтом и Римом едва ли можно уложить в рамки традиционной трактовки термина «романизация» как линейного одностороннего процесса, в ходе которого доминирующая сторона поступательно и неуклонно распространяла свое влияние, формируя на периферии культуры вторичные по отношению к себе. С этой точки зрения глобализационная концепция также не соответствует характеру межкультурного взаимодействия Египта и Рима, даже если отбросить прочие очевидные нестыковки в ее применении к античности. Во-первых, открытым остается вопрос о принципиальном отличии двусторонних коммуникаций до вхождения Египта в состав Римской державы и после получения статуса провинции. Иными словами, имела ли место интенсификация коммуникационных процессов, сужающая пространственно-временные границы!? Во-вторых, не наблюдается вытеснение одной культуры другой, более массовой, поэтому не происходит размывание культурного многообразия, что свойственно глобализации⁵³. Как итог, можно констатировать, что концепция имперского диффузионизма, отличие от иных концептов, предложенных в последние десятилетия, является значительно более гибким теоретическим инструментом, позволяющим интерпретировать становление, развитие и внутренние процессы в Римской империи как сложное, многовекторное и неравнозначное явление. Последующая разработка данной концептуальной схемы позволит более обстоятельно рассмотреть ее использование в отношении истории Рима.

ЛИТЕРАТУРА

- Александренков, Э.Г. 1976: Диффузионизм в зарубежной западной этнографии. В кн.: Ю.В. Бромлей (отв. ред.). *Концепции зарубежной этнологии*. М., 26–67.
- Алипов, П.А. 2017: Новые контуры диффузионизма. Пантеон Пальмиры в трудах М.И. Ростовцева и К. Хопкинса. *Диалог со временем* 60, 301–310.
- Барышников, А.Е. 2015: Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации. *Вестник ННГУ* 1, 17–24.
- Барышников, А.Е. 2020: Разбирая империализм: «левый поворот» и особенности современных исследований римской Британии. *Вестник ННГУ* 6, 9–17.

⁵³ Чумаков 2015.

- Махлаюк, А.В. 2013: «Архетипическая империя» в контексте современного империализма (Рец.: Morley N. *Roman Empire: Roots of Imperialism*. London – New York: Pluto Press, 2010. X, 160 p.). *ВДИ* 284, 222–231.
- Махлаюк, А.В. 2018: Глобализация по-римски. *Древний Восток и античный мир* 9, 430–443.
- Хазина, А.В., Строганов, Д.А. 2015: Глобализация как объект исторического анализа: уроки эллинизма. *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология* 216, 12–14.
- Чисталев, М.С. 2019: *Египет и Рим*. М.
- Чумаков, А.Н. 2015: Массовая культура как порождение и спутник глобализации. *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика* 1–2, 120–131.
- Шистеров, М.В. 2016а: Романизация, римскость и локальные идентичности: новый взгляд на феномен римского империализма? *Историко-педагогические чтения* 20(2), 235–239.
- Шистеров, М.В. 2016б: После романизации? *Запад, Восток и Россия. Вопросы всеобщей истории* 18, 127–131.
- Шистеров, М.В. 2017: Римский империализм в постимпериалистической перспективе (о некоторых особенностях «постколониальной историографии»). *Запад, Восток и Россия. Вопросы всеобщей истории* 19, 305–311.
- Appadurai, A. 2001: *Globalization*. Durham.
- Bayly, C.A. 2011: “Archaic” and “Modern” Globalization in the Eurasian and African Arena, c. 1750–1850. In A.G. Hopkins (ed.), *Globalization in World History*. London, 47–73.
- Bentley, J.H. 1999: Asia in world history. *Education About Asia* 4, 5–9.
- Carr, G.C. 2006: *Creolised Bodies and Hybrid Identities: Examining the Early Roman Period in Essex and Hertfordshire*. Oxford.
- Cusick, J.G. 1998: Historiography of Acculturation: An Evaluation of Concepts and their Application in Archaeology. In J.G. Cusick (ed.), *Studies in Culture Contact: Interaction, Culture Change, and Archaeology*. Carbondale, 126–145.
- Erskine, A. 2014: *Roman Imperialism*. Edinburgh.
- Flynn, D.O., Giráldez, A. 2008: Born AgaIn Globalization’s Sixteenth Century Origins (Asian/Global Versus European Dynamics). *Pacific Economic Review* 13(3), 359–387.
- Frank, A.G. 2008: *Reorient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley.
- Frank, A.G., Denemark, R.A. 2016: *Reorienting the 19th Century: Global Economy in the Continuing Asian Age*. Abingdon.
- Frank, A.G., Gills, B.K. 2006: The Five Thousand Year World System in Theory and Praxis. In R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. London, 3–23.
- Frank, A.G., Gills, B.K. 2014: *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* Hoboken.
- Frankfurter, D. 2000: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. In J. Assman (ed.), *Archiv für Religionsgeschichte*. Berlin.
- Freeman, P. 1997: Romanization – Imperialism – What are we talking about? In K. Meadows, C. Lemke, Heron J. (eds.), *TRAC 96: Proceedings of the Six Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*. Oxford, 8–14.
- Geraghty, R.M. 2007: The Impact of Globalization in the Roman Empire, 200 BC - AD 100. *The Journal of Economic History* 67(4), 1036–1061.
- Giddens, A. 2015: *The Consequences of Modernity*. Cambridge.
- Gills, B.K., Thompson, W. 2006: *Globalization and Global History*. London.
- Greene, K. 2008: Learning to consume: Consumption and consumerism in the Roman Empire. *JRA* 21(1), 64–82.

- Häussler, R. 1998: Motivations and Ideologies of Romanization. In C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher (eds.). *TRAC 97: Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*. Oxford, 11–19.
- Hingley, R. 2005: *Globalizing Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London.
- Hodos, T. 2019: *The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization*. Abingdon.
- Hopkins, A.G. 2011: *Globalization in World History*. London.
- Jennings, J. 2014: *Globalization and the Ancient World*. Cambridge.
- Le Roux, P. 2004: Questioning Romanization. *Annales HSS* 59(2), 287–311.
- Longfellow, B. 2011: *Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes*. Cambridge.
- Mattingly, D. 1997: Dialogues of Power and Experience in the Roman Empire. In D.J. Mattingly (ed.). *Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse and Discrepant Experiences in the Roman Empire*. Portsmouth, 7–26.
- Mattingly, D. 2004: Being Roman: Expressing Identity in a Provincial Setting. *JRA* 17, 5–25.
- Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire*. London.
- Mattingly, D. 2011: *Imperialism, Power and Identity Experiencing the Roman Empire*. Princeton.
- Mattingly, D. 2014: Identities in the Roman World: Discrepancy, Heterogeneity, Hybridity, and Plurality. In L.R. Brody, G.L. Hoffman (eds.), *Roman in the Provinces: Art on the Periphery of Empire*. Boston, 37–62.
- Naerebout, F.G. 2008: Global Romans? Is globalisation a concept that is going to help us understand the Roman empire? *Talanta* 38–39, 149–170.
- Nelson, W.M. 2017: European History and Early Modern Globalization. *History Workshop Journal* 83(1), 347–355.
- O'Rourke, K.H., Williamson, J.G. 2002: When did globalisation begin. *European Review of Economic History* 6(1), 23–50.
- O'Rourke, K.H., Williamson, J.G. 2004: Once more: When did globalisation begin. *European Review of Economic History* 8(1), 109–117.
- Pieterse, J.N. 2015: *Globalization and Culture: Global Mélange*. Lanham.
- Pitts, M., Versluys, M.J. 2015: *Globalisation and the Roman World: Archaeological and Theoretical Perspectives*. Cambridge.
- Prag, J.R.W., Hingley, R. 2006: Globalizing Roman culture: unity, diversity and empire. *JRS* 96, 214–216.
- Revell, L. 2009: *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge.
- Robertson, R. 2011: *Globalization. Society Theory and Global Culture*. London.
- Roth, R. 2007: *Styling Romanisation: Pottery and Society in Central Italy*. Cambridge.
- Rothe, U. 2013: Romanisation. In R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion, A. Erskine, S.R. Huebner (eds.). *The Encyclopedia of Ancient History*. Malden, 5875–5881.
- Schörner, G. 2005: *Romanisierung – Romanisation: Theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele*. Berlin.
- Sears, G. 2018: From Romanised subject to sophisticated code-switcher: the formation of thought on hybridity and the spread of Roman culture. In N. Lemay-Hebert, R. Freedman (eds.). *Hybridity: Law, Culture and Development*. Oxford, 91–104.
- Schmidt, N., Corbin, A. 2006: *Histoire du métissage*. Paris.
- Shami, S. 2000: Prehistories of Globalization. *Public Culture* 12(1), 177–204.
- Sweetman, R.J. 2007: Roman Knossos: The Nature of a Globalized City. *AJA* 111(1), 66–67.
- Thomas, J. 2006: *L'imaginaire de l'homme roma* In *Dualité et complexité*. Bruxelles.
- Tomlinson, J. 2006: *Globalization and Culture*. Cambridge.
- Traina, G. 2006: Romanizzazione, “métissage”, ibridità, alcune riflessioni. *MEFRA* 118(1), 151–158.
- Van Oyen, O. 2015: Deconstructing and reassembling the Romanization debate through the lens of postcolonial theory: from global to local and back? *Terra Incognita* 5, 205–226.

- Versluys, M.J. 2014a: Getting out of the Comfort Zone. Reply to responses. *Archaeological Dialogues* 21(1), 50–64.
- Versluys, M.J. 2014b: Understanding objects in motion. An archaeological dialogue on Romanization. *Archaeological Dialogues* 21(1), 1–20.
- de Vries, J. 2010: The limits of globalization in the early modern world. *The Economic History Review* 53(3), 710–733.
- Wallace-Hadrill, A. 2008: *Rome's Cultural Revolution*. Cambridge.
- Wallerstein, I. 1974: The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis. *Comparative Studies in Society and History* 16(4), 387–415.
- Waters, M. 2009: *Globalization*. London.
- Webster, J. 2001: Creolizing the Roman provinces. *AJA* 105(2), 209–255.
- Woolf, G. 1997: Beyond Romans and natives. *World Archaeology* 28(3), 339–350.
- Woolf, G. 1998: *Becoming Roman: The Origins of Provincial Administration in Gaul*. Cambridge.

REFERENCES

- Aleksandrenkov, E.G. 1976: Diffuzionizm v zarubezhnoy zapadnoy etnografii [Diffusionism in foreign Western ethnography]. In Y.V. Bromley (ed.), *Kontseptsii zarubezhnoy etnologii* [Foreign Ethnology Concepts]. Moscow, 26–67.
- Alipov, P.A. 2017: Novye kontury diffuzionizma. Panteon Pal'miry v trudakh M.I. Rostovtseva i K. Khopkinsa [The new contours of the diffusionism theory the pantheon of Palmyra in the works of M.I. Rostovtzeff and C. Hopkins]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time] 60, 301–310.
- Appadurai, A. 2001: *Globalization*. Durham.
- Baryshnikov, A.E. 2015: Imperiya nanosit otvetnyy udar? “Arkheologicheskie dialogi” i ocherednoy vitok diskussii o romanizatsii [Empire strikes back? “Archaeological dialogues” and a new turn of the romanization debate]. *Vestnik NNGU* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod] 1, 17–24.
- Baryshnikov, A.E. 2020: Razbiraya imperialism: “levyy povorot” i osobennosti sovremennykh issledovaniy rimskoy Britanii [Deconstructing imperialism: “left turn” and some features of contemporary Romano-British studies]. *Vestnik NNGU* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod] 6, 9–17.
- Bayly, C.A. 2011: “Archaic” and “Modern” Globalization in the Eurasian and African Arena, c. 1750–1850. In A.G. Hopkins (ed.), *Globalization in World History*. London, 47–73.
- Bentley, J.H. 1999: Asia in world history. *Education about Asia* 4, 5–9.
- Carr, G.C. 2006: *Creolised Bodies and Hybrid Identities: Examining the Early Roman Period in Essex and Hertfordshire*. Oxford.
- Chistalev, M.S. 2019: *Egipet i Rim* [Egypt and Rome]. Moscow.
- Chumakov, A.N. 2015: Massovaya kul'tura kak porozhdenie i sputnik globalizatsii [Mass culture as a product and a satellite of globalization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika* [Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics] 1–2, 120–131.
- Cusick, J.G. 1998: Historiography of Acculturation: An Evaluation of Concepts and their Application in Archaeology. In J.G. Cusick (ed.), *Studies in Culture Contact: Interaction, Culture Change, and Archaeology*. Carbondale, 126–145.
- Erskine, A. 2014: *Roman Imperialism*. Edinburgh.
- Flynn, D.O., Giráldez, A. 2008: Born AgaIn Globalization's Sixteenth Century Origins (Asian/Global Versus European Dynamics). *Pacific Economic Review* 13(3), 359–387.
- Frank, A.G. 2008: *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley.
- Frank, A.G., Denemark, R.A. 2016: *Reorienting the 19th century: Global Economy in the Continuing Asian Age*. Abingdon.

- Frank, A.G., Gills, B.K. 2006: The Five Thousand Year World System in Theory and Praxis. In R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. London, 3–23.
- Frank, A.G., Gills, B.K. 2014: *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* Hoboken.
- Frankfurter, D. 2000: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. In J. Assman (ed.), *Archiv für Religionsgeschichte*. Berlin.
- Freeman, P. 1997: Romanization – Imperialism – What are we talking about? In K. Meadows, C. Lemke, J. Heron (eds.), *TRAC 96: Proceedings of the Six Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*. Oxford, 8–14.
- Geraghty, R.M. 2007: The Impact of Globalization in the Roman Empire, 200 BC–AD 100. *The Journal of Economic History* 67(4), 1036–1061.
- Giddens, A. 2015: *The Consequences of Modernity*. Cambridge.
- Gills, B.K., Thompson, W. 2006: *Globalization and Global History*. London.
- Greene, K. 2008: Learning to consume: Consumption and consumerism in the Roman Empire. *JRA* 21(1), 64–82.
- Häussler, R. 1998: Motivations and Ideologies of Romanization. In C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher (eds.), *TRAC 97: Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*. Oxford, 11–19.
- Hingley, R. 2005: *Globalizing Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London.
- Hodos, T. 2019: *The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization*. Abingdon.
- Hopkins, A.G. 2011: *Globalization in World History*. London.
- Jennings, J. 2014: *Globalization and the Ancient World*. Cambridge.
- Khazina, A.V., Stroganov, D.A. 2015: Globalizatsiya kak ob"ekt istoricheskogo analiza: uroki ellinizma [Globalisation as an object of historical analysis: the lessons of Hellenism]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Serie: History and Political Science] 216, 12–14.
- Le Roux, P. 2004: Questioning Romanization. *Annales HSS* 59(2), 287–311.
- Longfellow, B. 2011: *Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes*. Cambridge.
- Makhlayuk, A.V. 2013: “Arkhetipicheskaya imperiya” v kontekste sovremennogo imperializma [“Archetypal Empire” in the context of modern imperialism] (Rev.: Morley N. Roman Empire: Roots of Imperialism. London–New York: Pluto Press, 2010. X, 160 p.). *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 284, 222–231.
- Makhlayuk, A.V. 2018: Globalizatsiya po-rimski [Roman globalisation]. *Drevniy Vostok i antichnyy mir* [The Ancient East and the Ancient World] 9, 430–443.
- Mattingly, D. 1997: Dialogues of Power and Experience in the Roman Empire. In D.J. Mattingly (ed.), *Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse and Discrepant Experiences in the Roman Empire*. Portsmouth, 7–26.
- Mattingly, D. 2004: Being Roman: Expressing Identity in a Provincial Setting. *JRA* 17, 5–25.
- Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire*. London.
- Mattingly, D. 2011: *Imperialism, Power and Identity Experiencing the Roman Empire*. Princeton.
- Mattingly, D. 2014: Identities in the Roman World: Discrepancy, Heterogeneity, Hybridity, and Plurality. In L.R. Brody, G.L. Hoffman (eds.), *Roman in the Provinces: Art on the Periphery of Empire*. Boston, 37–62.
- Naerebout, F.G. 2008: Global Romans? Is globalisation a concept that is going to help us understand the Roman empire? *Talanta* 38–39, 149–170.
- Nelson, W.M. 2017: European History and Early Modern Globalization. *History Workshop Journal* 83(1), 347–355.
- O'Rourke, K.H., Williamson, J.G. 2002: When did globalisation begin. *European Review of Economic History* 6(1), 23–50.

- O'Rourke, K.H., Williamson, J.G. 2004: Once more: When did globalisation begin. *European Review of Economic History* 8(1), 109–117.
- Pieterse, J.N. 2015: *Globalization and Culture: Global Mélange*. Lanham.
- Pitts, M., Versluys, M.J. 2015: *Globalisation and the Roman World: Archaeological and Theoretical Perspectives*. Cambridge.
- Prag, J.R.W., Hingley, R. 2006: Globalizing Roman culture: unity, diversity and empire. *JRS* 96, 214–216.
- Revell, L. 2009: *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge.
- Robertson, R. 2011: *Globalization. Society Theory and Global Culture*. London.
- Roth, R. 2007: *Styling Romanisation: Pottery and Society in Central Italy*. Cambridge.
- Rothe, U. 2013: Romanisation. In R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion, A. Erskine, S.R. Huebner (eds.). *The Encyclopedia of Ancient History*. Malden, 5875–5881.
- Schmidt, N., Corbin, A. 2006: *Histoire du métissage*. Paris.
- Schörner, G. 2005: *Romanisierung – Romanisation: Theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele*, Berlin.
- Sears, G. 2018: From Romanised subject to sophisticated code-switcher: the formation of thought on hybridity and the spread of Roman culture. In N. Lemay-Hebert, R. Freedman (eds.), *Hybridity: Law, Culture and Development*. Oxford, 91–104.
- Shami, S. 2000: Prehistories of Globalization. *Public Culture* 12(1), 177–204.
- Shisterov, M.V. 2016a: Romanizatsiya, rimskost' i lokal'nye identichnosti: novyy vzglyad na fenomen rimskogo imperializma [Romanization, roman-ness and local identities: new opinions about the phenomenon of Roman imperialism]? *Istoriko-pedagogicheskie chteniya [Historical and Pedagogical Readings]* 20(2), 235–239.
- Shisterov, M.V. 2016b: Posle romanizatsii [After romanisation]? *Zapad, Vostok i Rossiya. Voprosy vseobshchey istorii [The West, the East and Russia. Problems of World History]* 18, 127–131.
- Shisterov, M.V. 2017: Rimskiy imperializm v postimperialisticheskoy perspektive (o nekotorykh osobennostyakh “postkolonial'noy istoriografii”) [Roman imperialism in the postimperialistic perspective (about some features of postcolonial historiography)]. *Zapad, Vostok i Rossiya. Voprosy vseobshchey istorii [The West, the East and Russia. Problems of World History]* 19, 305–311.
- Sweetman, R.J. 2007: Roman Knossos: The Nature of a Globalized City. *AJA* 111(1), 66–67.
- Thomas, J. 2006: *L'imaginaire de l'homme romain Dualité et complexité*. Bruxelles.
- Tomlinson, J. 2006: *Globalization and Culture*. Cambridge.
- Traina, G. 2006: Romanizzazione, “métissage”, ibridità, alcune riflessioni. *MEFRA* 118(1), 151–158.
- Van Oyen, O. 2015: Deconstructing and reassembling the Romanization debate through the lens of postcolonial theory: from global to local and back? *Terra Incognita* 5, 205–226.
- Versluys, M.J. 2014a: Getting out of the Comfort Zone. Reply to responses. *Archaeological Dialogues* 21(1), 50–64.
- Versluys, M.J. 2014b: Understanding objects in motion. An archaeological dialogue on Romanization. *Archaeological Dialogues* 21(1), 1–20.
- de Vries, J. 2010: The limits of globalization in the early modern world. *The Economic History Review* 53(3), 710–733.
- Wallace-Hadrill, A. 2008: *Rome's cultural revolution*. Cambridge.
- Wallerstein, I. 1974: The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis. *Comparative Studies in Society and History* 16(4), 387–415.
- Waters, M. 2009: *Globalization*. London.
- Webster, J. 2001: Creolizing the Roman provinces. *AJA* 105(2), 209–255.
- Woolf, G. 1997: Beyond Romans and natives. *World Archaeology* 28(3), 339–350.
- Woolf, G. 1998: *Becoming Roman: The Origins of Provincial Administration in Gaul*. Cambridge.

“GLOBAL” EMPIRE IN THE POST-COLONIAL PARADIGM:
AN ATTEMPT TO FILL THE CONCEPTUAL VACUUM

Mark S. Chistalev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
marcus7@mail.ru

Abstract. The debate on romanisation that arose in historiography at the end of the 20th and the beginning of the 21st century and questioned the possibility of applying the previous terminology in a postcolonial and post-imperialist situation, intensified the processes of searching for an alternative concept. All attempts to propose different terminology during the last twenty years have not been very successful. As a result, the deconstruction of “romanization” did not lead to the emergence of a new dominant paradigm, forming a conceptual vacuum. This paper considers the renewed interest in this theoretical and methodological issue within the framework of M. Versluys's and M. Pitts's concept. The appeal of the new approach at first glance lies in the fact that the globalization concept presupposes the consideration of cultural processes within the empire as multidirectional, at the same time maintaining the general imperial unity and the diversity of idiosyncratic elements within the provinces. However, for a more active application of the concept of globalization in ancient studies, there is an extreme shortage of examples of identifying the characteristics of globalization in relation to early historical periods. That is why the author questions the possibility of using and applying the concept of globalization to the Roman world, due to the insufficient development of the approach itself. As a compromise and support on a reliable terminological base, the author proposes to use the concept of «imperial diffusionism», which means unequal mutual influence of Rome and the provinces within the framework of political, socio-economic and cultural processes in the Roman Empire.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, globalization, Aegyptiaca Romana, imperialism, diffusionism, perception of foreign culture.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 243–260
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 243–260
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-243–260

«ЕСТЬ ЧТО-ТО ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ МАРКСИЗМУ»:
ДИСКУССИИ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ НАЧАЛА 1930-х гг.
(НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

В.Г. Ананьев¹, М.Д. Бухарин²

¹*Санкт-Петербургский Государственный университет, Санкт Петербург, Россия*
v.ananbev@spbu.ru

²*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия*
michabucha@gmail.com

Аннотация. После переворота 1917 г. сфера науки и культуры в СССР претерпела коренные изменения: университеты, институты, музеи должны были соотносить свою деятельность как с конкретными целевыми установками, поступавшими из органов государственного управления, так и с идеологическим канонем «марксизма-ленинизма» в понимании всемирно-исторического прогресса, который и сам в 1920-е – 1930-е гг. проходил стадию становления, окончательно оформившись лишь в 1938 г. Начало 1930-х гг. в истории Государственного Эрмитажа было ознаменовано началом этапа «социалистической реконструкции», соответственно бывшие научные дискуссии приобрели новое идеологическое звучание. В этих дискуссиях переплелись борьба за влияние внутри музея, различное понимание музейно-выставочной деятельности, способов донесения до посетителей необходимых смыслов. Главными действующими лицами дискуссий относительно понимания древневосточного общества в целом и древнеегипетского в частности были В.В. Струве и И.М. Лурье. В статье публикуются четыре документа 1931 г. из Архива Государственного Эрмитажа. Эти документы показывают, что В.В. Струве выступил в большей степени догматиком, для которого важнее всего было буквальное соответствие программы работы музея тем социологическим категориям, которые были выработаны К. Марксом. И.М. Лурье и его коллеги в борьбе со Струве оказались готовы поступиться чистотой марксистского учения и отстаивали возможность относительно свободного использования категориального аппарата. В музейной практике И.М. Лурье отстаивал первичность экспонатов, в отличие от В.В. Струве, который делал акцент на первостепенной важности этикетажа. В конечном итоге, одержав победу в борьбе против оппонента, И.М. Лурье и его коллеги по Эрмитажу на протяжении 1930-х гг. использовали категориальный аппарат вне его канонически-марксистской версии.

Ключевые слова: история Древнего мира, Древний Восток, Древний Египет, рабство, феодализм, Азиатский способ производства, Государственный Эрмитаж, В.В. Струве, И.М. Лурье.

Данные об авторах: Ананьев Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; Бухарин Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН, академик РАН.

ПРОЛОГ

Период 1917–1941 гг. в истории СССР был насыщен масштабными трансформациями практически во всех сферах общественной жизни. Не стали исключением наука и культура. Резко менялся кадровый состав и облик практически всех институтов научной и культурной сферы, менялись и отношения между наукой, культурой и государством. Со складыванием тоталитарного государства сталинского образца идеологическая лояльность стала значительно более актуальным требованием, предъявляемым ко всем действующим лицам, в особенности к гуманитарным и общественным наукам. Программа этой лояльности, ее «символы веры» были разработаны далеко не сразу. В начале 1930-х гг. этот процесс интенсифицировался не только в области разработки основ советского марксистского понимания сути всемирно-исторического прогресса (формирования канона о последовательной смене друг другом пяти формаций, т. наз. «пятичленки», и перехода в стадию «апокрифичности» невянятно прописанного Марксом азиатского способа производства), но и в сфере музейного строительства, призванной быть важным каналом его визуализации и пропаганды.

В декабре 1930 г. в Москве прошел Первый всероссийский музейный съезд, определивший целевые установки советского музейного дела и провозгласивший примат идеологического подхода над безыдейным вещиизмом, отказ от «кунсткамерности», курс на популярное изложение принципов диалектического материализма музейным языком¹. В число утвержденных съездом целевых установок обществоведческих музеев (категория, к которой относились не только коллекционные, но и ансамблевые музеи исторической направленности, типа музеев-дворцов, усадеб и т. п.) были включены такие положения, как «показ не столько истории культуры, сколько диалектики развития общественных форм, возникновения, развития и уничтожения социальных формаций и их смены», наглядный показ тезиса Энгельса «история общества есть история классовой борьбы», показ «классовой борьбы в самой исторической науке, что находит отражение в борьбе различных концепций исторического процесса», особо оговаривалось – «наука и искусство их могут интересоваться постольку, поскольку они представляют идеологическую надстройку и в свою очередь оказывают большое обратное влияние»². Одним из следствий этого нового курса стал явно ощутимый в пространстве экспозиционно-выставочных комплексов конфликт музейных предметов и научно-вспомогательных материалов, вылившийся в широкое распространение «фанерных экспозиций» и «постановочных сцен», в которых подлинники низводились до уровня театральной бутафории, а основное послание передавалось посредством копийного или плоскостного материала, зачастую вербально (через тексты, лозунги и т. п.). Как отмечает Г. А. Кузина: «Борьба с “вещевым фетишизмом” вызвала почти полное изгнание вещей из экспозиции и превращала музеи в собрание этикеток и текстов»³.

Экспозиционно-выставочные проекты – как основной результат научно-исследовательской работы музеев – оказывались под двойным давлением: как со

¹ Закс 1980, 164–167.

² Труды 1931, 212–213.

³ Кузина 1991, 143.

стороны профильных дисциплин (что показывать? Какой концепции/подходу в рамках все еще пребывающего в процессе конструирования марксистского канона отдать приоритет и, тем самым, придать авторитет?), так и со стороны формирующегося советского музееведения (как показывать? Как и какими средствами все еще слабо отрефлексированного, но уже значительно идеологизированного языка музея пользоваться?).

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Влияние этих процессов в Государственном Эрмитаже было особенно сильно, т.к. в начале 1930-х гг. музей подошел к тому этапу в своей истории, который в 1934 г. Б.В. Легран, возглавлявший музей в 1930–1934 гг., назовет «социалистической реконструкцией»⁴. Этот этап характеризовался еще и противоречием между задачами, все настойчивее ставившимися тоталитарным государством перед музеем, и наличными силами самого музея, представленными преимущественно старыми или «буржуазными» специалистами, далекими от марксистских построений. Музей должен был «выявить в своей новой экспозиции новое лицо советского, социалистического музея в отличие от того типа буржуазного музея, который сложился в современной Западной Европе и Америке»⁵. В 1931 г., через год после начала реконструкции, музей захлестнула волна чисток, не в последнюю очередь призванных «привести в соответствие» кадровый состав с заявленными задачами.

На одном из собраний по чистке, в феврале 1931 г., Б.В. Легран заявил: «Эрмитаж является предприятием особого типа – музеем, но, как всякое предприятие, и музей имеет свою продукцию. Музейная продукция предьявляется посетителю в качестве выставки музейной экспозиции <...> Но наша продукция заключается не только в собирании и выставке вещей. Составной частью этой продукции является и то, как мы объясняем эти вещи посетителю. Это делается в музейной технике с помощью экспликации и этикетаж. Экспликация и этикетаж определяют способы, которыми выставка, организованная музеем, доводится до сознания посетителя <...> В этой области Эрмитаж тоже похвастаться ничем особым не может. Правда, в последнее время удалось добиться того, чтобы экспликация (хороша она или плоха) была бы в залах более или менее полно представлена. Но она, конечно, еще далеко не в таком состоянии, чтобы считать ее удовлетворяющей современным требованиям музейного строительства. Подлинного научного знания, которое мы определяем словом “марксизм”, – в ней еще очень мало или даже, наоборот, в ней есть что-то противоположное марксизму»⁶.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Репрезентация музейными средствами истории и культуры Древнего Востока в Эрмитаже в этот период приобретала определенную специфику. С одной стороны, Отделение классического Востока, в состав которого входили соответ-

⁴ Легран 1934.

⁵ Легран 1934, [3].

⁶ Соломаха 2016, 473–474.

ствующие памятники, было выведено из структуры Отдела древностей и включено в новосозданный Отдел Востока, который под началом И.А. Орбели к концу 1920-х гг. заслужил репутацию чуть ли не самого передового из всех структурных подразделений музея. Как писал все тот же Б.В. Легран, «те, которые взяли на себя задачу создания Сектора Востока, в гораздо большей мере были проводниками научной мысли в Эрмитаже, и более отчетливо представляли себе значение научной работы для перестройки музея в соответствии с требованиями нового общественного строя, чем руководители других отделов и даже руководство Эрмитажа в целом в те годы»⁷. Сам же И.А. Орбели в 1929 г. установку отдела определял следующим образом: «система экспозиции, которая, создавая почву для широких историко-культурных обобщений, требовала группировку памятников по этапам развития историко-культурных фактов и явлений»⁸.

С другой стороны, единственная авторизованная властью оценка «по этапам развития историко-культурных фактов и явлений» истории Древнего Востока в советской науке все еще отсутствовала. Для Эрмитажа разворачивавшиеся по этому вопросу дискуссии были более чем актуальны, ведь вплоть до 1934 г. именно здесь работал активный участник этих дискуссий Василий Васильевич Струве (1889–1965), один из наиболее ярких советских востоковедов, внесший определяющий вклад в разработку советской схемы всемирно-исторического прогресса. Наследник дореволюционных традиций российской исторической науки, впитавший к тому же и лучший опыт европейского университетского образования, Струве стал основным проводником новых идей в сфере всеобщей истории и культуры. Их утверждение проходило небезболезненно, Струве приходилось много дискутировать, отстаивая свою точку зрения и в дебатах с коллегами, и ориентируясь на политико-идеологическую линию государства. При этом само государство даже в середине 1930-х гг., когда Струве был избран академиком и возглавлял последовательно несколько крупных академических институтов, вовсе не горело желанием видеть в нем оплот нового понимания истории⁹.

Биография Струве в целом известна хорошо. Напомним лишь, что после завершения обучения в Петроградском университете Струве был отправлен в Германию, где занимался древнеегипетским языком под руководством одного из ведущих европейских египтологов, директора египетского и ассирийского отделений Королевских музеев Берлина Адольфа Эрмана (1854–1937). Начавшаяся Первая мировая война вынудила Струве вернуться в Россию, и он поступил на службу в Эрмитаж, в котором работал до 1934 г.: с 1918 г. – ассистентом Отдела древностей, с 1919 г. – помощником хранителя Отделения Древнего Востока, с 1920 г. – хранителем Отделения классического Востока, главой Отделения с 1930 по 1933 г.¹⁰

В европейском востоковедении начала XX в. доминировала концепция древневосточного общества как феодального. В 1910-х гг. эти идеи были высказаны и в российском востоковедении в работах Б.А. Тураева и В.В. Струве. Как утверждает И.А. Ладынин, «высказывания Струве о феодализме на древнем Востоке относятся к трем разным периодам его творчества. В 1910-е гг. он остается в парадигме

⁷ Легран 1934, 39.

⁸ Легран 1934, 40.

⁹ См. Бухарин, Крих 2020.

¹⁰ Качалина, Маришкина, Яковлева 2004, 142–143.

дореволюционной науки и прибегает к понятиям “феодальной концепции”, дополняя данными египтологии уже имеющуюся картину общества птолемеевского Египта. В 1920-е он использует эти же понятия в откликах на “повестку дня” послереволюционного времени, выявляя роль классовой борьбы на древнем Востоке или затрагивая проблематику “яфетической теории”. “Феодальная концепция” лишь предоставляет для этого свои категории, а Струве убежден в ее истинности <...> Новой для Струве оказалась ситуация социологических дискуссий начала 1930-х, когда ему пришлось высказаться по вопросам теории подробно <...> в “категоризации” материала Струве проявил немалую искусность, следуя за колебаниями официальной позиции <...> Финальный отказ от термина “феодализм” явно не был для него жертвой...”¹¹.

В первой половине 1920-х гг. В.В. Струве разрабатывал концепцию социальной революции как движущей силы исторического прогресса в Египте. Свои положения он не просто фундировал на материале источников, но в определенной степени переносил и в музейные залы, стремясь в середине 1920-х гг. обосновать необходимость учета данной концепции при реэкспозиции древневосточного материала Эрмитажа. Этому, например, был посвящен его доклад «Музей Древнего Востока в социологическом освещении», сделанный 16 июня 1925 г. на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Института истории искусств¹².

25 марта 1931 г. В.В. Струве был сделан еще один доклад – «Азиатский способ производства», в центре внимания которого оказывался вынесенный в заглавие термин, его трактовка К. Марксом и возможность соотнесения данной категории с понятиями рабовладельческой и феодальной формаций. Здесь Струве исходил из того, что азиатский способ производства является «основой восточного деспотического государства, является классовой антагонистической формацией». По его мнению, в Египте Азиатский способ производства выдает тенденции к распаду уже в период Древнего царства, когда появляются беглые, которых Струве отождествлял с пролетариатом, оторванным от средств производства. Борьба с этими тенденциями усиливала деспотическую власть монарха. Смена же общественных формаций произошла в Египте только после его завоевания Римом¹³.

Таким образом, весь ход древнеегипетской истории, по мнению В.В. Струве, высказанному в марте 1931 г., показывал, что на древнем Востоке господствовал феодализм в его особой форме – форме «азиатского способа производства», который уступил место античному рабству после завоевания Египта Римом¹⁴.

Трактовка данного периода как феодального, рабовладельческого или же как периода особого Азиатского способа производства приобретала особое значение для музейного показа, в первую очередь в свете установок съезда 1930 г. и заявленной социалистической реконструкции Эрмитажа, предполагавшей перестройку «его научной и экспозиционной работы на принципах диалектического материализма»¹⁵. Здесь научная дискуссия, и без того протекавшая в этот период в

¹¹ Ладынин 2019а, 263–664.

¹² См. Бухарин 2019, 1440–1458; Ананьев, Бухарин 2018, 971–989.

¹³ Ананьев, Бухарин 2020.

¹⁴ См. Ананьев, Бухарин 2020, 81–91.

¹⁵ Легран 1934, 8.

атмосфере, далекой от чистого академизма и чреватой серьезными неприятностями для судеб участников, оказывалась отягощена еще и личными столкновениями.

Именно под эгиду Эрмитажа в начале 1930-х гг. переходит созданный в 1927 г. при Ленинградском университете Египтологический кружок¹⁶, превратившийся в Кружок по изучению Древнего Востока. Значительная часть из более чем 30 молодых участников его работы была учениками Струве (почетного члена кружка) по университету, некоторые из них пришли на работу в Эрмитаж (Б.Б. Пиотровский, М.Э. Матье, И.М. Лурье, В.Н. Николаева и др.)¹⁷. Однако отношения внутри сообщества египтологов были не простыми. Как вспоминал впоследствии о ситуации начала 1930-х гг. в Отделении классического Востока Эрмитажа Б.Б. Пиотровский, «там сложилась довольно сложная обстановка. М.Э. Матье, очень честолюбивая женщина, объединившись с И.М. Лурье, составила оппозицию против В.В. Струве, стремясь занять пост заведующего <...> И.А. Орбели, хотя и не любил оппозиционеров Струве, но пользовался их помощью»¹⁸.

Одним из результатов «сложной обстановки» стала дискуссия, разгоревшаяся между В.В. Струве и его коллегами по отделу, от имени которых выступил Исидор Менделевич Лурье (1903–1958), молодой египтолог, член кружка, выпускник Ленинградского университета 1925 г., пришедший в Эрмитаж в 1927 г., муж М.Э. Матье. Документы, связанные с этой дискуссией, отложившиеся в Архиве Государственного Эрмитажа, важны и как источник по истории экспозиционного показа материалов Древнего Востока в главном музее страны, и как свидетельство эволюции взглядов В.В. Струве, который к 1931 г. уже отказался рассматривать древневосточное общество как феодальное, но еще не перешел к его характеристике как рабовладельческого, придерживаясь точки зрения о полноправной применимости к характеристике этих производственных отношений предложенного Марксом определения «азиатский способ производства». При этом Струве уже отказывается рассматривать Азиатский способ производства как древневосточную форму феодализма. Лурье же, будучи убежденным марксистом, отвергал «полу-апокрифический» Азиатский способ производства, отстаивая более прямой (вскоре – единственно возможную) схему марксистского толкования исторического процесса, отрицавшую какие бы то ни было девиации между рабовладением и феодализмом.

В феврале 1931 г. в Ленинграде Обществом марксистов-востоковедов и Ленинградским восточным институтом им. А.С. Енукидзе была проведена дискуссия, посвященная Азиатскому способу производства, в которой приняли участие и Струве, и Лурье, выступившие уже там с прямо противоположных позиций¹⁹. Вероятно, поводом к продолжению этой дискуссии в музее послужила подготовка к открытию новой египетской экспозиции Эрмитажа в 1931 г., связанной с продолжавшейся реконструкцией здания Зимнего дворца и постепенной экспансией музея на новые выставочные площади²⁰.

¹⁶ Большаков 2014.

¹⁷ Большаков 2011.

¹⁸ Пиотровский 1995, 93.

¹⁹ Дискуссия 2009, 93–103.

²⁰ Большаков 2015, 175.

Документ № 1, открывающий дискуссию, представляет собой краткое рукописное заявление В.В. Струве, направленное заведующему отделом Востока Государственного Эрмитажа И.А. Орбели 8 августа 1931 г. В нем Струве заявляет о категорическом несогласии с обозначением способа производства, который господствовал в Египте, как феодального – а это определение было принято коллегами Струве по отделению Древнего Востока (т.е. теми самыми молодыми людьми из египтологического кружка). Струве ссылается на документы, в которых он дает обоснование своей точки зрения: тезисы, представленные в апреле Орбели и затем защищенные на двух обсуждениях (18 и 28 мая 1931 г.) в Государственной академии истории материальной культуры. Тексты майских докладов, определенно, должны были дополнять содержание доклада Струве «Азиатский способ производства» от 25 марта 1931 г., машинопись которого отложилась в фонде С.Ф. Ольденбурга, и зачитанного как раз в апреле 1931 г.²¹ Для Струве отказ от характеристики производственных отношений, господствовавших в Египте, как Азиатского способа производства не только вопрос сакрально-догматический – под сомнение ставится точка зрения К. Маркса, но и научный – на смену феодализму древнего общества приходит все тот же феодализм.

Документ № 2 (машинопись за подписью В.В. Струве) не озаглавлен и не датирован. Скорее всего, он является пояснением к заявлению от 8 августа 1931 г. В нем Струве дает собственное толкование классовой сути азиатского и феодального способов производства: в обоих случаях двумя антагонистическими классами являются землевладельцы (а не чиновники, как в толковании оппонентов) и крестьяне. Различие же между двумя типами производственных отношений для Струве кроется в следующем: «землевладельческий класс Египта является организатором ирригационного земельного хозяйства, сконцентрированного в национальном масштабе. Что же касается феодала-землевладельца, то в его деятельности регулирование и организация хозяйственных отношений почти не играло никакой роли». Крестьяне же в древнем Египте самостоятельное хозяйство не вели.

Струве полагал, что эрмитажная экспозиция может эксплицировать Азиатский способ производства с помощью этикетажа, т.е. не самими музейными предметами, а их комментированием, что, конечно, вполне соответствовало ситуации, сложившейся в музейном деле после съезда 1930 г., провозгласившего главным объектом показа не вещи, а общественные отношения, но не давшего никаких конкретных указаний на то, как реализовывать этот тезис на практике. При этом, однако, следует отметить, что активное использование вспомогательного материала на экспозиции (в частности – египетской) было вполне характерно и для эрмитажной практики начала 1920-х гг. Так, например, А.О. Большаков, тщательно проанализировавший эволюцию экспонирования египетского материала в Эрмитаже, характеризуя египетскую экспозицию начала 1920-х гг., отмечает, что на ней впервые была предпринята попытка отказаться от декоративной расстановки предметов и дать группировку памятников по темам, характеризующим различные аспекты общественной жизни репрезентируемого общества. При этом отсутствие у создателей выставки (В.В. Струве, Н.Д. Флиттнер, М.Э. Матье) опыта экс-

²¹ См. Дискуссия 2009, 93; Ананьев, Бухарин 2020, 81–91.

позиционной работы привело к тому, что на ней «очень назойливо» использовался вспомогательный материал²². Можно предположить, что дело было не только в отсутствии экспозиционного опыта у создателей экспозиции, но и в общей неразработанности данной проблемы в российском музееведении: что представляет собой язык музея и как именно его средствами можно передать абстракции научных построений, было не слишком ясно.

Документ № 3 (машинопись) является объяснительной запиской, составленной В.В. Струве 28 ноября 1931 г. и озаглавленной «Необходимость определения способа производства общества Древнего Египта “Древнеазиатским” для музейной экспозиции Государственного Эрмитажа». В ней Струве настаивал на том, чтобы выставочная деятельность Эрмитажа базировалась на основах учения Маркса, делая при этом весьма смелую оговорку: если таковое не противоречит и может быть согласовано «с новейшими данными исторической науки о соответствующих эпохах». Так как подобных противоречий и несогласований, по мнению Струве не было, Эрмитажу не следовало отказываться от использования в своей выставочной деятельности таких категорий Маркса как «азиатский» или «древнеазиатский» способ производства, из которого впоследствии вышли две формы эксплуатации – рабство и крепостничество. Струве отличал Азиатский способ производства от феодального по самостоятельности / несамостоятельности ведения хозяйства непосредственным производителем. Ученый отвергал определение способа производства, господствовавшего в Египте, как феодального, так как тогда, на его взгляд, получалось, что «в Египте в течение 4 000 лет не было существенного повышения уровня производительных сил», а это противоречило теории исторического прогресса Маркса. При этом Струве ничего не говорил о том, как верность категориям Маркса должна была влиять на визуальный ряд представляемого материала. И это при том, что он имел самое непосредственное отношение к показу египетского материала в Эрмитаже, начиная с 1919 г., когда под его началом здесь была открыта первая тематическая временная выставка музея советского времени – «Заупокойный культ древнего Египта»²³, тематика которой явно была выбрана под сильным влиянием идей одного из учителей Струве Б.А. Тураева. На это обстоятельство обратил внимание оппонент Струве – И.М. Лурье.

Документ № 4 представляет собой проект структуры I отдела Сектора Востока по визуализации исторического прогресса в древневосточных обществах, составленный И.М. Лурье. При трактовке последних автор исходил из традиционных «германских» представлений о сути понятия «Древний Восток»²⁴, т.е. рассматривал в качестве древневосточных только общества Ближнего Востока (Египет, Аравия, Месопотамия): ни Индия, ни Китай в этот список не попадали. Целью деятельности I отдела Сектора Востока провозглашался показ «эпохи экономического формирования общества», т.е. феодализма. Лурье отказывался от традиционного членения древнеегипетской истории на Архаический период, Древнее, Среднее и Новое царство и Саисский период, и вместо этого дробил историю Египта на периоды становления феодального общества, собственно фе-

²² Большаков 2015, 167–169.

²³ Большаков 2015: 167.

²⁴ См. подробнее Ладынин 2019b, 772–796.

одализма и его разложения. При этом Лурье предостерегал от выводов о переходе разлагающегося египетского общества периода феодализма в капиталистическое: феодализм в древнем Египте, по мнению Лурье, так до конца и не разложился, но и в рабовладельческую формацию не трансформировался. Для 1931 г. такая характеристика являлась проявлением существенной смелости: В.В. Струве открыто обвинил коллег по Эрмитажу в том, что они не принимают во внимание труды Маркса. В то время, как именно марксистские определения должны были лежать в основе научной и выставочной работы музея.

И.М. Лурье в своих построениях фактически возражал не столько Струве, сколько Марксу, а точнее, той трактовке его идей, которую с опорой на «неудобный» Азиатский способ производства предлагал Струве: «превратить ее в экспозицию соответствующую воззрениям сторонников азиатского способа производства, путем внесения соответствующего этикетажа, как это предлагает проф. В. Струве, нельзя. Здесь дело не в этикетаже, а в существе. Для того, чтобы эту выставку переделать так, как это имеет ввиду проф. В. Струве, необходимо в корне переделать все те части экспозиции, где показываются классы и классовые противоречия (поместья, город, торговля, государство и др.), выпятить на передний план ирригацию и отобразить тех неуловимых и неподдающихся определению рантье, которые сторонниками азиатского способа производства выдаются за господствующий класс. О том, что посетитель получит совершенно неверное и ни в какой мере не соответствующее фактическому материалу представление о древнем Египте, я останавливаться не буду».

Фактически же, возражения И.М. Лурье свелись к тому, что выводы о сути древнеегипетского в частности и древневосточного общества в целом могут быть сделаны в зависимости от того, какие экспонаты будут представлены.

ЭПИЛОГ

Менее чем через год, 2 февраля 1932 г., В.В. Струве завершит тезисы доклада «О способе производства Древне-Египетского Общества». Характерным для них также будет отказ от признания древнеегипетского общества феодальным, хотя в них Струве повторит тезисы и о циклизме (здесь показательны ссылки на Эд. Мейера и М.И. Ростовцева), и о смене крепостничества рабством, которое затем снова переходит в крепостничество, что и подтверждается материалом древнеегипетских источников. Сама же схема исторического прогресса примет вполне традиционный вид: распад первобытной общины ведет к рабству, а распад рабства – (в конечном итоге) к крепостничеству. Господствующий класс Струве уже будет называть рабовладельческим, будет он говорить и о нарастании доминирования индивидуального рабства²⁵. Таким образом, к февралю 1932 г. традиционная марксистская схема смены первых трех общественно-экономических формаций в изложении В.В. Струве примет относительно законченный вид, а неудобный Азиатский способ производства окончательно перейдет в разряд апокрифов, отвергнутых канонической версией всемирно-исторического прогресса.

Так, будучи наряду с И.Л. Снегиревым одним из редакторов «Истории древнего Востока» Б.А. Тураева, В.В. Струве исходил при работе с первым изданием

²⁵ См. Ананьев, Бухарин 2020, 92.

уже в 1934 г. из того, что Индия и Китай являли собой, как и иные древние общества, пример развития рабовладельческой формации и не были в этом отношении исключениями из общего правила²⁶, т.е. все пространство древневосточных обществ было объединено единым пониманием их сути как основанной на рабовладении.

Однако уже после того, как в 1930-х гг. концепция древневосточного общества как рабовладельческого займет в советской историографии доминирующие позиции, И.М. Лурье, как и его старший коллега Н.М. Никольский, продолжат отстаивать «позиции» феодализма на древнеегипетском материале и резко возражать Струве²⁷.

И.М. Лурье с 1939 по 1946 г. будет заведовать отделом Востока Государственного Эрмитажа (а в 1933–1934 гг. будет заместителем директора музея по науке) и продолжит настаивать на том, что рабовладение не было основой древнеегипетского общества. По мнению Лурье, стоимость некоторых категорий рабов была слишком высока, чтобы рабовладение могло стать «универсальной основой хозяйства», как это имело место в древних обществах Греции и Рима²⁸.

В вышедшем в 1939 г. путеводителе по «китайским» залам Эрмитажа общество древнего Китая классифицировалось как феодальное, а предшествующую и последующую фазу развития древнекитайского общества составители определяли как «дофеодальную» и «современную»²⁹. Возникают сомнения в том, что их всерьез беспокоило соответствие экспонатов теории Маркса: в путеводителе нет ни единой ссылки на классиков марксизма-ленинизма.

В условиях тотального идеологического диктата, обязательного следования категориальной догматике деление истории Китая на «дофеодальное», «феодальное» и «современное» (вне зависимости от степени точности данного деления) и фактическое игнорирование мнений основоположников исторического материализма и его ленинской трактовки отражали значительную свободу мысли, на которую претендовали сотрудники Эрмитажа. «Завоевания» 1931 г. в последние предвоенные годы в Эрмитаже были живы. «Социалистическая реконструкция» музея едва ли могла считаться успешно завершенной.

№ 1³⁰

Заведующему Отделом Востока
Государственного Эрмитажа
д<ействительного> чл<ена> Василия Васильевича
Струве
Заявление

Считаю своим долгом заявить, что я лично не могу согласиться с определением способа производства доминантного в Древнем Египте, как феодального – определением, которое приняли мои товарищи по отделению Древнего Востока.

²⁶ Тураев 1934, VIII.

²⁷ См. Крих 2018, 13–22; 2020, 34–58.

²⁸ Лурье 1938, 68–71.

²⁹ Казин, Кречетова 1939, 3.

³⁰ Документы публикуются в современной орфографии и пунктуации. Авторы признательны Е.В. Аброськиной (МАЭ РАН) за помощь в работе с архивным материалом.

Доводы, заставляющие меня отказаться от данного определения, изложены мною в тезисах, поданных Вам мною в начале апреля с.г. и защищаемых мною на докладе 18 мая и прениях 28 мая в ГАИМК. К этому я еще прибавляю то соображение, что перенесение феодальной формации в эпоху Древности Афразии определено противоречит исторической концепции Маркса. Для Маркса азиатский античный, феодальный и капиталистический способы производства являлись не схемами, не механистически передвигаемыми и расставляемыми группировками исторического материала, но прогрессивными эпохами экономического формирования общества. Поэтому отказ от азиатского, гесп. древнеазиатского способа производства Маркса с необходимостью приводит к установлению утверждения о вторичном феодализме, что за разложением феодального способа производства в древности на Востоке последует в VII в. н.э. там же новый расцвет феодализма 8 августа 1931.

В. Струве.

№ 2

[3]

При понимании азиатского, гесп. древнеазиатского способа производства Марксова учения о формациях, как первого из классовых антагонистических способов производства, страдает то качественное отличие его от феодальной формации, которое заставляло многих определять способ производства древневосточного общества феодальным. Дело в том, что для некоторых последователей двумя основными классами общества азиатского производства являлись чиновники и крестьяне и, таким образом, названный способ производства не может считаться классовым антагонистическим. При моем же понимании азиатского производства основными классами являются, как и в феодальной формации, землевладельцы и крестьяне. Поэтому между мной и исследователем, утверждающим, что египетский вельможа был феодалом, т.е. землевладельцем, нет разногласия в определении основного признака господствующего класса египетского общества. Различие же между господствующим классом Египта и господствующим классом в феодальном обществе кроется, согласно моему мнению, в следующем: землевладельческий класс Египта является организатором ирригационного земельного хозяйства, сконцентрированного в национальном масштабе. Что же касается феодала-землевладельца, то в его деятельности регулирование и организация хозяйственных отношений почти не играло никакой роли. Крестьяне же Египта, т.к. большинство из организационных функций в хозяйстве были сосредоточены в руках землевладельческого класса, не вели самостоятельного хозяйства, в противоположность непосредственным производителям феодального общества. Объединение существующих производительных сил происходило в египетском обществе, путем коллективного контроля всем землевладельческим классом ирригационной системы, охватывающей всю долину Нила.

Азиатский гесп. Древнеазиатский способ производства, определенный таким образом, может быть выделен в музейной экспозиции, построенной на конкретном материале и подчеркивающей классовый антагонистический характер египетского общества. Во всем том материале, который дает показ классов египетского общества, кроются вместе с тем и те специфические особенности, которые отличают азиатский способ производства от феодального. Поэтому определение

способа производства египетского общества, как древнеазиатского, а не как феодального, в экспозиции будет выявлено главным образом с помощью этикетаж в тех частях экспозиции, которые посвящены показу производительных сил, положению господствующего класса и непосредственных производителей (городу, торговле) и, наконец, политическая надстройка.

В. Струве

[4]

№ 3

Необходимость определения способа производства общества Древнего Египта
“Древнеазиатским” для музейной экспозиции Государственного Эрмитажа
Действительного члена Государственного Эрмитажа
В.В. СТРУВЕ.

Объяснительная записка

Для Государственного Эрмитажа, решившегося построить свою экспозицию на основе учения Маркса о формациях, необходимо строго держаться этого учения во всех его частях, конечно, если они не противоречат и могут быть согласованы с новейшими данными исторической науки о соответствующих эпохах.

Как известно, первый классовый антагонистический способ производства Маркс называет «азиатским», или с последующим уточнением «древнеазиатским».

«Азиатский», resp. «Древнеазиатский» способ производства является первой из прогрессивных эпох экономического формирования общества, соответствуя самой ранней исторической ступени развития производительных сил. Первый классовый способ производства объединил в себе в диффузном состоянии две исторически последующих системы эксплуатации – рабство (зависимость, свойственная античному способу производства) и крепостничество (зависимость, свойственная феодализму). При древнеазиатском способе производства непосредственный производитель, владея лишь частью средств производства и пребывая под постоянным контролем коллективного земельного собственника не ведет самостоятельного хозяйства. При феодализме, как известно, непосредственный производитель вел самостоятельное хозяйство. Непосредственный производитель и не мог еще при низком уровне развития производительных сил вести самостоятельного хозяйства. Для этого требовалось значительно более высокая степень развития производительных сил, «ведь на каждой ступени (развития общества) имеется некоторый материальный результат, некоторая сумма производительных сил, передаваемая каждому поколению его предшественниками». Если мы поэтому способ производства древнего Египта определяем как феодальный, то мы тем самым признаем, что в Египте в течение 4 000 лет не было существенного повышения уровня производительных сил, ибо производственные отношения – феодальный способ производства оставался неизменным. Лишь при определении способа производства древнего Египта «Древнеазиатским» может быть преодолена теория, что в Египте в течение 4 000 лет существования была единая система хозяйства, одни и те же производственные отношения.

Таким образом, музей, стремящийся в своей экспозиции выявить постепенное развитие всемирной истории, должен сохранить учение в формациях Маркса в его подлинном виде с древнеазиатским способом производства, как первой из

классовых антагонистических формаций. Отказ от одного из существенных элементов учения Маркса о формациях, не противоречащего данным истории Древнего Востока, не может быть оправдан.

(В. Струве)

«28» Ноября 1931 г.

[5]

№ 4

Проект

Структура I отдела Сектора Востока

Задачей 1-го отделения сектора Востока является изучение и показ хода исторического процесса в т.н. странах Древнего Востока. В соответствии с этим отделение собирает и изучает памятники материальной культуры письменности и искусства Месопотамии, Аравийского полуострова, Передней Азии, Древнего и «Коптского» Египта.

С помощью этих памятников, дополненных в случае необходимости копиями, слепками, рисунками, фотографиями и пр. материалом, отделение должно, показав в доступной для массового посетителя форме различные стороны жизни этих стран, дать представление о той «эпохе экономического формирования общества», которую мы здесь застаем. Этой эпохой является феодализм.

Для показа того, как намечается выполнение этой задачи, приведу в качестве примера Египет, экспозиционно наиболее разработанный.

В противоположность общепринятой разбивке истории Египта (Архаический Египет, Древнее царство, Среднее царство, Новое царство и Саисский период) выставка разбивается на следующие этапы: 1. Становление феодального общества (время до 3 400 г.) 2. Феодальное общество (3 400–2 400 г.) и 3. Разложение феодализма (2 400–332 гг. до хр. эры). При этом следует отметить: 1-ое. Те даты, которые здесь указаны, являются лишь ориентировочными, т.к., понятно, нельзя точно сказать, в каком году происходит тот переход количества в качество, которое позволяет говорить о наличии нового этапа в экономическом формировании общества. Это ведь длительный процесс. 2-ое. Наше определение 3-го этапа истории Древнеегипетского общества, как «Разложение феодализма», может вызвать некоторые сомнения. Ведь у каждого, когда идет речь о разложении феодализма, невольно возникает представление о том, что здесь имеются, очевидно, такие моменты, которые, разлагая старое, феодальное общество, являются вместе с тем ядром нового, капиталистического общества. Однако, нельзя предполагать, да и для этого нет, конечно, никаких фактических данных, что в недрах разлагающегося Древнеегипетского феодального общества зарождалось новое т.н. капиталистическое общество. Говоря о разложении феодализма в Древнем Египте, я хочу этим сказать лишь то, что появились такие моменты, которые разрушали, но не разрушили феодальные отношения. Эти моменты, при тогдашнем уровне развития производительных сил, не могли явиться созидателями нового способа производства, нового общества. 3-е. Эпоха разложения феодального общества продолжается в Египте значительно позднее, чем 332 г. до хр. эры (год завоевания Египта Александром Македонским), который нами указан. Но т.к. во время греческого, а затем и римского владычества Египтом в производственных отношениях появляются некоторые моменты, характерные для античного способа производства, не

приводящие, однако, к перерастанию общества в рабовладельческое. Я считаю целесообразным это проникновение элементов античного способа производства в разлагающееся феодальное общество, экспозиционно выявить особо.

В первом разделе выставки показывается среда, в которой слагалось египетское общество, уровень развития производительных сил, выделение господствующего класса и появление феодальной собственности и феодальных княжеств.

[6] Показ феодального общества начинается с показа Египта как единого государственного образования. Затем показываются: феодалы, сосредоточившие в своих руках всю политическую и религиозную власть и поместья (наследованная собственность), являющиеся экономической основой их могущества. В поместье же показывается и крестьянство, эксплуатируемое феодалами путем внеэкономического принуждения. Отдельно показывается эксплуатация крестьянства государством. Затем идет появление городов: ремесла, обслуживающие лишь нужды феодальной знати; развивающаяся торговля предметами роскоши и война-грабеж. Религия этого времени – религия феодального общества, сохранившая ряд воззрений предыдущих стадий.

Переходом к эпохе разложения феодализма служит показ социальных движений (крестьянские восстания).

Показ разложения феодализма начинается с показа города с кварталами купцов и ремесленников, с мануфактурной организацией по преимуществу крепостного, изготовляющего уже в то время предметы массового потребления, не разрушившего еще преобладающий характер натурального хозяйства. Здесь показывается не только организация ремесла, но и техника.

Феодальное поместье имеется и в это время, но продукты сельского хозяйства являются уже в основном товарами. Крепостничество – по-прежнему основа эксплуатации крестьян.

Торговля предметами широкого потребления, постоянная торговля со всеми странами тогдашнего мира. Металл (золото, серебро, медь) – всеобщий эквивалент. Война – грабеж, хотя и имеет место – уже недостаточно – захват окружающих стран для постоянной эксплуатации.

Государственная власть находится в руках феодалов и новых людей, выдвинувшихся из виднейших горожан. Ирригационные работы и налоговый пресс – функция государства.

Появление в религии, остающейся, по существу, феодальной, моментов, соответствующих данному этапу развития египетского общества, наряду с сохранением в ней пережитков прошлого.

Из этой крайне суммарной передачи экспозиции видно, что превратить ее в экспозицию, соответствующую воззрениям сторонников азиатского способа производства, путем внесения соответствующего этикетаж, как это предлагает проф. В. Струве, нельзя. Здесь дело не в этикетеже, а в существе. Для того, чтобы эту выставку переделать так, как это имеет ввиду проф. В. Струве, необходимо в корне переделать все те части экспозиции, где показываются классы и классовые противоречия (поместья, город, торговля, государство и др.) выпятить на передний план ирригацию и отобразить тех неуловимых и неподдающихся определению рантье, которые сторонниками азиатского способа производства выдаются за господствующий класс. О том, что посетитель получит совершенно неверное

и ни в какой мере не соответствующее фактическому материалу представление о древнем Египте, я останавливаться не буду.

Из изложенного, однако, не видно, какова будет связь материала отделения с остальными выставками Сектора. Связь эта мыслится в двух, между собой тесно связанных, экспозиционных линиях. 1-ая – выставка Др. Египта, затем Эллинистического и «Коптского» Египта, подходящие ко времени арабского завоевания Египта, представленного в экспозиции II отделения. Через «Коптский» Египет выставка увязывается и с экспозицией II отделения (Византия [7] и феодальный Иран). 2-я экспозиционная линия – Месопотамия. Передняя Азия, зал с Закавказьем – смыкается с экспозицией II-го отделения – т.н. Ахеменидская Персия. Это, конечно, лишь схема, но по этой схеме, мне кажется, должна идти работа по разработке и развертыванию остальных частей отделения.

И. Лурье

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 17. Д. 198.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. 2018: В.В. Струве и Институт истории искусств (к истории сложения концепции социальной революции на Древнем Востоке). *ВДИ* 4 (78), 971–989.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. 2020: «Идеализировать деспотизм фараонов никак не приходится». В.В. Струве и формирование советского марксистского историописания. 1931–1932. *Исторический архив* 5, 31–48.
- Большаков, А.О. 2011: Ленинградский египтологический кружок: у истоков советской египтологии. *Культурно-антропологические исследования* 2, 5–10.
- Большаков, А.О. 2014: Ленинградский Египтологический Кружок: полгода предистории. *Aegyptiaca Rossica* 2, 48–120.
- Большаков, А.О. 2015: Египетские экспозиции в Эрмитаже. *Сообщения Государственного Эрмитажа* LXXIII, 160–185.
- Бухарин, М.Д. 2019: Василий Струве и сложение категориального аппарата советской исторической науки. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 4, 1440–1458.
- Бухарин, М.Д., Крих, С.Б. 2020: Историк Востока в эпоху перемен: работы В.В. Струве и совещание в ООН АН СССР в июле 1936 г. *Восток-Oriens* 6, 196–206.
- Дискуссия 2009: *Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М.С. Годеса*. Изд. 2-е. М.
- Закс, А.Б. 1980: Всероссийский музейный съезд. *ВИ* 12, 164–167.
- Кузина, Г.А. 1991: Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. *Музей и власть. Т. 1. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.)*. М., 96–172.
- Легран, Б.В. 1934: *Социалистическая реконструкция Эрмитажа*. Л.
- Лурье, И.М. 1938: Стоимость раба в древнем Египте. *ВДИ* 4 (5), 65–71.
- Казин, В.Н., Кречетова, М.Н. 1939: *Культура и искусство феодального Китая. Путеводитель по выставке*. Л.
- Качалина, Г.И., Маришкина, В.Ф., Яковлева, Е.М. (сост.) 2004: *Сотрудники Императорского Эрмитажа 1852–1917. Биобиблиографический справочник*. СПб.

- Крих, С.Б. 2018: История поражения: Н.М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ. *Восток (Oriens)* 1, 13–22.
- Крих, С.Б. 2020: *Другая история: «Периферийная» советская наука о древности*. М.
- Ладынин, И.А. 2019а: Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В.В. Струве 1910-х – начала 1930-х гг. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории* 69, 251–267.
- Ладынин, И.А. 2019б: Понятие «Древний Восток» в отечественной историографии XX в. *ВДИ* 3 (79), 772–796.
- Луппол, И.К. (ред.): *Труды первого всероссийского музейного съезда*. Т. I. *Протоколы пленарных заседаний 1–5 декабря 1930 г.* М.
- Пиотровский, Б.Б. 1995: *Страницы моей жизни*. СПб.
- Соломаха, Е.Ю. (сост.) 2016: *Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы*. СПб.
- Тураев, Б.А. 1934: *История Древнего Востока*. В кн.: В.В. Струве, И.Л. Снегирева (ред.), Т. I. Л.

REFERENCES

- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2018: V.V. Struve i Institut istorii iskusstv (k istorii slozheniya kontseptsii sotsial'noy revolyutsii na Drevnem Vostoke) [V.V. Struve and the Institute of History of Arts (towards the history of conception of social revolution in ancient Egypt)]. *Vestnik Drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 4 (78), 971–989.
- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2020: "Idealizirovat' despotizm faraonov nikak ne prihoditsya". V.V. Struve i formirovanie sovetskogo marksistskogo istoriipisaniya [There is no Need to Idealize the Despotism of Pharaohs. V.V. Struve and Formation of Marxist Historiography]. 1931–1932. *Istoricheskiy arkhiv [Historical Archive]* 5, 31–48.
- Bolshakov, A.O. 2011: Leningradskiy egiptologicheskij kruzhok: U istokov sovetskoj egiptologii [Leningrad Egyptological Circle: At the Origins of Soviet Egyptology]. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya [Cultural and Anthropological Studies]* 2, 5–10.
- Bolshakov, A.O. 2014: Leningradskiy Egiptologicheskij Kruzhok: polgoda predystorii [Leningrad Egyptological Circle: Half a Year of pre-History]. *Aegyptiaca Rossica* 2, 48–120.
- Bolshakov, A.O. 2015: Egiptskie ekspozitsii v Ermitazhe [Egyptian Expositions at the Hermitage]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Communications of the State Hermitage]* LXXIII, 160–185.
- Bukharin, M.D. 2019: Vasiliiy Struve i slozhenie kategorial'nogo apparata sovetskoy istoricheskoy nauki [Vasily Struve and Formation of Categories of Soviet Historical Science]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Saint Petersburg University. History]* 4, 1440–1458.
- Bukharin, M.D., Krikh, S.B. 2020: Istorik Vostoka v epohu peremen: raboty V.V. Struve i soveshchanie v OON AN SSSR v iyule 1936 g. [Historian of the Orient in an Era of Change: Works of V.V. Struve and the Session of the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of USSR in July 1936]. *Vostok-Oriens* 6, 196–206.
- Diskussiia, 2009: *Diskussiia ob aziatskom sposobe proizvodstva. Po dokladu M.S. Godesa* [Discussion on the Asian Mode of production. According to the Report of M.S. Goodes]. 2nd Ed. Moscow.
- Kachalina, G.I., Marishkina, V.F., Yakovleva, E.M. (eds.) 2004: *Sotrudniki Imperatorskogo Ermitazha 1852–1917. Biobibliograficheskiy spravochnik* [Employees of the Imperial Hermitage 1852–1917. Bibliographic Handbook]. Saint Petersburg.
- Kazin, V.N., Krechetova, M.N. 1939: *Kul'tura i iskusstvo feodal'nogo Kitaya. Putevoditel' po vystavke* [The Culture and Art of Feudal China. Guidebook to the Exhibition]. Leningrad.

- Krikh, S.B. 2018: Istoriya porazheniya: N.M. Nikol'skiy v bor'be za ponimanie obshchestvennogo stroya drevnevostochnykh obshchestv [History of Defeat: N.M. Nikolsky in the Struggle for Understanding the Social System of Ancient Eastern Societies]. *Vostok (Oriens)* 1, 13–22.
- Krikh, S.B. 2020: *Drugaya istoriya: "Periferijnaya" sovetskaya nauka o drevnosti* [Another History: "Peripheral" Soviet Science on Antiquity]. Moscow.
- Kuzina, G.A. 1991: *Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela v 1917–1941 gg. Muzei i vlast'*. T. 1. *Gosudarstvennaya politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII–XX vv.)* [State Policy in the field of Museum Work in 1917–1941. Museum and Power. Vol. 1. State Policy in the field of Museum Work (18th–20th centuries)]. Moscow, 96–172.
- Ladynin, I.A. 2019a: Kontseptsiya feodalizma na drevnem Vostoke i raboty V.V. Struve 1910-kh – nachala 1930-kh gg. [The Concept of Feudalism in the Ancient Orient and the Work of V.V. Struve in the 1910s – early 1930s.] *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii* [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History] 69, 251–267.
- Ladynin, I.A. 2019b: Ponyatie "Drevniy Vostok" v otechestvennoy istoriografii XX v. [The concept of "Ancient Orient" in Russian Historiography of the 20th century] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3 (79), 772–796.
- Legran, B.V. 1934: *Socialisticheskaya rekonstrukciya Ermitazha* [Socialist Reconstruction of the Hermitage]. Leningrad.
- Luppol, I.K. 1931: *Trudy pervogo vserossiyskogo muzeynogo s'ezda*. T. I. *Protokoly plenarnykh zasedaniy 1–5 dekabrya 1930 g.* [Proceedings of the First All-Russian Museum Congress. Vol. I. Minutes of Plenary Meetings on December 1–5, 1930] Moscow.
- Lurie, I.M. 1938: Stoimost' raba v drevnem Egipte [Cost of a Slave in Ancient Egypt]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4 (5), 65–71.
- Piotrovskiy B.B. 1995: *Stranitsy moey zhizni* [Pages of my Life]. Saint Petersburg.
- Solomakha, E.Yu. (ed.) 2016: *Gosudarstvennyy Ermitazh. Muzeynye rasprodazhi. 1930–1931. Arhivnye dokumenty* [State Hermitage. Museum sales. 1930–1931. Archival Documents]. Saint Petersburg.
- Turaev, B.A. 1934: *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of Ancient Orient]. In: V.V. Struve, I.L. Snegirev (eds.) Vol. I. Leningrad.
- Zaks, A.B. 1980: Vserossiyskiy muzeyny s'ezd [All-Russian Museum Congress]. *Voprosy istorii* [Questions of History] 12, 164–167.

“THERE IS SOMETHING OPPOSITE TO MARXISM IN IT”:
DISCUSSIONS ON THE ASIATIC MODE OF PRODUCTION IN
THE STATE HERMITAGE IN THE EARLY 1930S
(NEW ARCHIVAL MATERIALS)

Vitaly G. Ananiev¹, Mikhail D. Bukharin²

¹*Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*
v.ananov@spbu.ru

²*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
michabucha@gmail.com

Abstract. After the revolution of 1917, the sphere of science and culture in the USSR suffered fundamental changes: universities, institutes, museums had to correlate their activities with specific objectives that came from government bodies, as well as with the ideological canon of “Marxism-Leninism” in understanding the world historical progress, which itself in the 1920s – 1930s was still passing the stage of formation. The beginning of the 1930s in the history of the State Hermitage was marked by the beginning of the stage of “socialist reconstruction”, accordingly, previous scholarly discussions acquired a new ideological tone. In these discussions, the struggle for influence within the museum, a different understanding of the museum and exhibition activities, and ways to convey the necessary meaning of the exhibits to the visitors were intertwined. The main actors in the discussions regarding the understanding of ancient Oriental society in general and ancient Egypt in particular were V.V. Struve and I.M. Lurie. The authors publish four documents from 1931 from the Archive of the State Hermitage. These documents show that V.V. Struve acted more as a dogmatist, for whom the literal correspondence of the museum’s work program to the sociological categories developed by K. Marx was the most important point. I.M. Lurie and his colleagues in the struggle against Struve were ready to give up the purity of Marxist teachings and defended the possibility of relatively free use of the categorical apparatus. In museum practice, I.M. Lurie defended the primacy of exhibits, unlike V.V. Struve, who emphasized the paramount importance of labeling. Ultimately, having won the fight against the opponent, I.M. Lurie and his Hermitage colleagues throughout the 1930s used categorical apparatus quite outside his canonically Marxist version.

Keywords: Ancient World History, Ancient Orient, Ancient Egypt, slavery, feudalism, Asian mode of production, the State Hermitage, V.V. Struve, I.M. Lurie.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-261–274

«THE RUSSIAN PROJECT» 1933 Г. ИЛИ КРЫМСКИЕ ПОХОЖДЕНИЯ «ВЕЛИКОГО КОМБИНАТОРА» Е.А. ГОЛОМШТОКА

В.Ю. Юрочкин

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
yuro4kin.vladislav@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания статьи история так называемой «Советско-американской археологической экспедиции» (“Russian project”) Государственной академии истории материальной культуры (Ленинград) и Пенсильванского университета (Филадельфия) по исследованию «пещерного города» Эски-Кермен в Крыму в 1933 г. С американской стороны ее инициатором был русский эмигрант Е.А. Голомшток. С 1931 г. он находился в контакте с несколькими научными учреждениями СССР и отдельными учеными (В.А. Городцовым, М.П. Грязновым и т.д.). Областью научных интересов Е.А. Голомштока были памятники эпохи палеолита, а также этнология народов Севера. На основании его переписки с В.А. Городцовым, архивных документов и воспоминаний отечественных ученых установлено, что идея экспедиции в Крым возникла случайно во время пребывания Е.А. Голомштока в Ленинграде в 1933 г. Он рассматривал ее как возможность получения в распоряжение Музея Пенсильванского университета антропологического материала с целью последующего обмена на коллекции других артефактов, интересующих американскую сторону. Единственным представителем США в экспедиции был Е.А. Голомшток. Разработка научных планов экспедиции, руководство полевыми работами и т.п. осуществлялись советскими учеными (Н.И. Репников, Ф.И. Шмит и др.). Однако, учитывая обязательства перед американской стороной, основное внимание пришлось уделить не изучению средневекового Эски-Кермена, а поиску «готских черепов». Антропологический материал и большая часть находок из погребений были вывезены за границу. Участие американской стороны было формальным и связано не с научными задачами Музея Пенсильванского университета, а с личными интересами его представителя Е.А. Голомштока. У отечественных коллег он оставил негативное впечатление, в частности у В.А. Городцова, материалы которого использовал без его согласия для своих публикаций. Таким образом, первую попытку установления советско-американских научных связей в области археологии приходится признать неудачной.

Ключевые слова: археология, Крым, Эски-Кермен, ГАИМК, Е.А. Голомшток (Гольмшток).

Среди жителей окрестностей «пещерных городов» Эски-Кермен и Мангуп бытует предание: еще до Великой Отечественной войны здесь вели раскопки ученые из Германии и Америки; вкладывали в это предприятие значительные сред-

Данные об авторе: Юрочкин Владислав Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.

ства; находки (конечно же – сокровища) вывозили грузовиками и даже построили железную дорогу. В советское время тема Крымской Готии, как известно, не приветствовалась¹. Отсутствие объективной информации зачастую компенсируется мифами и конспирологическими версиями о «засекреченных» экспедициях ОГПУ, Ahnenerbe и т.д., поисках Грааля и прочих оккультных знаний². Конспирологические версии, правда, не столь безобидные, выдвигались и прежде. На Сессии по истории Крыма 1952 г. завязалась дискуссия по этому поводу:

«Надинский³: – Многим сидящим здесь известно, что «готскую теорию» начали пропагандировать в двадцатые годы. Сюда приезжало несколько археологических экспедиций, одна так называемая «Русско-американская археологическая экспедиция», которую субсидировал и возглавлял не то немецкий, не то американский шпион Вольшток⁴. Это же факт, теперь это всем известно. Чем занималась эта экспедиция? Она искала материал для доказательств этой враждебной для нас «готской теории». Больше того....

Титов⁵: – Ноев ковчег не искала?

Надинский: – Не знаю. Товарищи, которые с этим соприкасались, знают. Но я боюсь, что, когда они около Севастополя копали, их интересовали отнюдь не готские могилы...»⁶.

Интерес в Германии к крымским готам закономерен⁷. История т.н. «советско-германской» экспедиции 1929 г. на Эски-Кермен хорошо освещена в литературе⁸, в отличие от «советско-американского» предприятия 1933 г., сведения о котором довольно лаконичны⁹.

Чем был вызван интерес США к далекому Горному Крыму? Почему совместные исследования не были продолжены? Кто такой Е.А. Голомшток¹⁰ и в чем причина негативного отношения к нему? Эти и некоторые другие вопросы требуют разъяснения.

Осенью 1931 г. в кабинет заместителя председателя ГАИМК Федора Васильевича Кипарисова (1886–1936) явился бойкий гражданин средних лет, отрекомендовавшийся Евгением Александровичем Голомштоком, представителем Музея Пенсильванского университета в Филадельфии (далее Музей ПУ). В предъявленной им справке Комитета по заграничным связям США значилось: он прибыл в СССР для налаживания сотрудничества в научных областях, интересующих Пенсильванский университет и является «культурным господином, человеком чести и одним из главных в своей области исследования»¹¹.

¹ Юрочкин 2014, 57–65.

² Кизилов 2015, 257–259.

³ Павел Наумович Надинский (1894–1961). В прошлом ответственный партийный работник, с 1948 г. – научный сотрудник Сектора (Отдела) истории и археологии Крымского филиала АН СССР.

⁴ Поверх машинописного текста исправлено «Гольмшток».

⁵ Павел Иванович Титов (1907–1990) – в 1952 г. первый секретарь Крымского обкома ВКП(б).

⁶ Колтухов, Юрочкин 2004, 117.

⁷ Кизилов 2015, 235–254.

⁸ Непомнящий 2006, 159–163; 2012, 221–230; Тункина 2008, 250; Юрочкин 2017, 280–286; Лобков 2019 и др.

⁹ Мэпп 1933; [Golomshtok] 1933; Харитонов 2004, 6, 106; Абрамова 2015, 113 и др.

¹⁰ В некоторых документах его фамилия фигурирует как Гольмшток (Бусыгин, Зорин 2002, 133; Кузьминых, Вдовин 2010).

¹¹ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 15.

В Государственной Академии Искусств Материаль-
ной культуры - в Ленинграде.

Американская газета Советско-Американского Экспо-
зиции в Эвони-Керисе члену экспедиции из Академии
искусств материально.

Планы, чертежи и разрезы "больших каменных мизант"
и 2-й кардон - работы Б. Веймарна.

Чертежи план Катакомбного могильника П.Н. Корсаки.

Керамика - на пленках ослепление Г.А. Голомштока из
фотографий экспедиции в том направлении.

Керамика из Кат-Камонки - согласно рисункам Заблуд-
Абакумова.

2 мизанты с провизией посланной ГОРЦЕН'ом из Ленингра-
да и подвешенных в образе (Абакумов).

Согласно договору - на разделении ИИМК -

- а) Копии Шелковик " "
- б.) " " отпечатков - с фотокерамика из Эвони
- в.) " " планов - и чертежи по разделению ИИМК
- д. Характеристика комплексов предметов добуры в
Крымский район по разделению ИИМК.

По аналогии - золотые предметы из коллекции по
разделению Университетского музея - согласно акту.

Поименовано Председателем Университетского музея
и Академии

Евгений Голомшток.

Ленинград. 29/8-33.

Рис. 1. Автограф Е.А. Голомштока (ИИМК РАН НА РО. Ф.2. Оп. 1. 1933. Д. 296, л. 16)
Fig. 1. Autograph E.A. Golomshtok (IIMK RAS NA RO. F.2. Op. 1. 1933. D. 296, l. 16)

О личности Е.А. Голомштока известно мало: до революции обучался в Казанском университете; к этнологическим исследованиям его привлек профессор Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942), под руководством которого в составе группы студентов в 1912–1916 гг. он участвовал в экспедициях в Сибири и на Урале¹². Россию Е.А. Голомшток покинул во время Гражданской войны в 1918 г. Михаил Петрович Грязнов (1902–1984) на следствии называл его «белоземigrантом»¹³, да и сам Е.А. Голомшток позднее опасался, не станет ли его русское происхождение препятствием к контактам в СССР¹⁴. Свое образование Е.А. Голомшток завершил в США в Калифорнийском университете по специальности «этнология»¹⁵. Студенческие занятия, а также знание русского языка, привели его к мысли стать посредником между американскими и советскими учеными. Эта ниша фактически была не занятой, но сулила большие перспективы: вводила малоизвестного ассистента антропологии Пенсильванского университета в круг корифеев науки.

Первоначальный выбор пал на Василия Алексеевича Городцова (1860–1945). Ученый активно занимался проблемами каменного века, до 1926 г. служил в Наркомпросе и обладал связями во властных структурах¹⁶. Но В.А. Городцов в 1929–1930 гг. был уволен фактически со всех мест работы¹⁷. С февраля 1931 г. между ними завязалась переписка. В своих письмах Е.А. Голомшток утверждал, что Музей ПУ живо интересуется археологией России и поручил ему сделать соответствующее обозрение по региону. В будущем он планировал наладить обмен экспонатами, литературой и другими материалами. Помимо этого, предлагал перевести и опубликовать две работы В.А. Городцова. В этой связи его особо интересовал иллюстративный материал важнейших находок из Костёнок, Гагарино, Мальты, Тимоновской стоянки т.д. Также Е.А. Голомшток намеревался написать очерк о В.А. Городцове с приложением списка его работ¹⁸. Это явно должно было заинтересовать опального советского ученого.

Е.А. Голомшток осваивал и ленинградское направление, списавшись со специалистом по каменному веку Глебом Анатольевичем Бонч-Осмоловским (1890–1943) и этнологом, одним из основателей Института народов Севера (далее – ИНС), Владимиром Германовичем Богоразом (1865–1936)¹⁹. Свое научное «продвижение на восток» Е.А. Голомшток планировал начать с Центральной Европы, приняв участие в экспедиции Музея ПУ под руководством В. Фукса, а после нее – прибыть в СССР²⁰. На встрече с Ф.В. Кипарисовым Е.А. Голомшток просил предоставить ему для последующего использования в научной работе отпечатки фотоснимков, а также копию отчета о недавних раскопках Михаила Михайловича Герасимова (1907–1970) в с. Мальта Иркутского округа. Надо полагать, Е.А. Голомшток обладал даром убеждения или просто природным обаянием, поскольку

¹² Бусыгин, Зорин 2002, 131–134.

¹³ [Грязнов] 2002, 89, 90.

¹⁴ Кузьминых, Вдовин 2010, 49, 50.

¹⁵ Кузьминых, Вдовин 2010, 48.

¹⁶ Сорокина 2019, 44.

¹⁷ Белозерова, Кузьминых, Сафонов 2011, 162, 163.

¹⁸ Кузьминых, Вдовин 2010, 49, 50.

¹⁹ Смирнова 2012, 55.

²⁰ Кузьминых, Вдовин 2010, 49.

вскоре к своему отъезду (11 ноября) получил искомые материалы²¹. Кроме того, находясь в Ленинграде, он «...получил интересные данные по Пазырыку у Грязнова, Минусинску – у Теплоухова²² и Институту народов Севера – у Каргера²³», но в Москву к В.А. Городцову он так и не заехал²⁴. Позднее М.П. Грязнов на допросе упоминал контакты Е.А. Голомштока с директором ГРМ Иваном Андреевичем Острцовым (1890–1944) и сотрудником МАЭ «Дыренко»²⁵. Правда, эти контакты он относил к 1932 г., возможно, по ошибке²⁶.

В свою очередь Ф.В. Кипарисов направил Музею ПУ предложение наладить постоянный обмен изданиями и фотографиями, подтвердив возможность организации совместных археологических и этнографических экспедиций с американскими учеными, если последние будут в том заинтересованы²⁷. Какие-то договоренности о работах в СССР были достигнуты, вероятно, при посредничестве С.А. Теплоухова: Е.А. Голомшток сообщал в марте 1932 г. о подготовке «совместных археологических раскопок в Минусинске», на проведение которых уже запланированы финансовые средства²⁸. Однако этой экспедиция не суждено было состояться.

Приведенные данные позволяют полагать: Е.А. Голомштока интересовали не столько узкоспециальные проблемы археологии и этнологии, сколько сведения о наиболее ярких находках и открытиях в восточной части СССР, а также возможность организации полевых работ с использованием научного потенциала советской стороны при его кураторстве от лица США. Идея «Русского проекта» представлялась довольно амбициозной, но вполне реализуемой, учитывая природную открытость (до беспечности) и доброжелательное отношение со стороны советских ученых к иностранным коллегам. Правда, тревожные сомнения в бескорыстности, вероятно, уже зародились у В.А. Городцова, медлившего с отсылкой в США иллюстративного материала. Американский визави для решения этого вопроса даже пытался подключить руководство Музея ПУ, но безрезультатно²⁹. Возможно, сказалось и прежнее противостояние между В.А. Городцовым и ленинградским руководством ГАИМК: когда в годы опалы Ф.В. Кипарисов предложил ему продать рукописи по археологии, Василий Алексеевич категорически отказался³⁰. Контакты между В.А. Городцовым и Е.А. Голомштоком надолго прервались.

В начале лета 1933 г. Е.А. Голомшток, вероятно убедивший руководство Музея ПУ в перспективности своих планов, вновь появился в Ленинграде с полномочиями по установлению научных связей между американскими и советскими учеными в области археологии, антропологии и этнологии. Помимо этого, Музей

²¹ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. 1931. Л. 3.

²² Сергей Александрович Теплоухов (1888–1934), профессор, исследователь археологических культур Минусинской котловины.

²³ Нестор Константинович Каргер (1904–1943). С 1930 г. сотрудник ИНС.

²⁴ Кузьминых, Вдовин 2010, 51.

²⁵ Вероятно, Надежда Петровна Дыренкова (1899–1941) – этнолог и языковед народов Сибири, работавшая также в ИНС.

²⁶ [Грязнов] 2002, 90.

²⁷ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. 1931. Л. 2

²⁸ Кузьминых, Вдовин 2010, 51.

²⁹ Кузьминых, Вдовин 2010, 51.

³⁰ Белозерова, Кузьминых 2010, 27.

ПУ давал ему право производить покупки научного материала и обмен коллекциями с отдельными лицами и научными организациями СССР и гарантировал, что возьмет на себя заботу о размещении переводных статей советских ученых в научных журналах США и Европы, отобранных Е.А. Голомштоком³¹.

Как отмечалось, контакты Е.А. Голомштока уже при первом визите не ограничивались ГАИМК и основной его задачей в 1933 г. было участие в этнологической экспедиции, планируемой ИНС. Но если таковая не состоится, то Музей ПУ надеялся его правом принять участие в любом другом научно-исследовательском предприятии подобного рода³². Действительно, в 1932 г. в ИНС был создан кабинет антропологии. На вторую Пятилетку планировались полевые исследования³³. Но с предполагавшейся экспедицией на Чукотку возникли проблемы и Е.А. Голомшток вновь переключился на ГАИМК.

Не ясно, как родилась идея привлечь американскую сторону к исследованиям «пещерного города» Эски-Кермен, никак не связанного с кругом интересов Музея ПУ. Тем более, что ГАИМК уже имела печальный опыт контактов с иностранцами в Горном Крыму: «шпионский» эпизод активно фигурировал в известном «Академическом деле»³⁴. Вероятно, немалую роль сыграла финансовая сторона вопроса.

Уже позднее выяснилось, что предприимчивый «коммивояжер» Е.А. Голомшток, не сумевший отправиться на Чукотку, задумал хитрую комбинацию, имеющую к науке, мягко говоря, косвенное отношение. Ее версию через несколько лет на следствии озвучил ученый-крымовед Николай Львович Эрнст (1889–1956): «...готские древности Крыма Филадельфийский музей совсем не интересуют, ему нужна этнография чукчей. Голомшток сделал так: договорился с Музеем антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде о том, что тот уступит ему часть своих старых коллекций по этнографии чукчей в обмен на 100 черепов американских индейцев, которые интересуют Музей антропологии и этнографии. Однако таких черепов индейцев в Филадельфийском музее для обмена вовсе нет. Но, Голомшток знал, что таковые имеются в антропологическом университете в Чикаго, который в свою очередь, интересуется древнегерманскими черепами. Следовательно, Голомшток заключил договор с Академией истории материальной культуры в Ленинграде, что вносит свои доллары, включается в экспедицию для раскопок Эски-Кермена в Крыму, а экспедиция обязуется накопать и передать ему из раскопок 100 черепов крымских «готов» с Эски-Кермена, которые Голомшток имел в виду потом отвезти в Америку, передать Чикагскому музею, получить от него в обмен 100 черепов индейцев, передать их Музею антропологии и этнографии в Ленинграде и получить в обмен готовую коллекцию по этнографии чукчей для своего филадельфийского музея, которую должен был собрать сам в экспедиции в Чукотии, которая не состоялась»³⁵.

Присутствовал здесь и «политический момент»³⁶, поскольку речь шла о первом опыте сотрудничества в области археологии с американской стороной³⁷.

³¹ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 1, 5.

³² ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 4.

³³ Смирнова 2012, 60.

³⁴ Юрочкин 2017, 280–287.

³⁵ Непомнящий 2012, 284–285.

³⁶ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 13.

³⁷ Весной 1933 г. президентом США стал Ф. Рузвельт. Отношения между странами улучшались и в ноябре 1933 г. наконец были установлены дипломатические отношения.

Между ГАИМК (в лице заместителя председателя А.Г. Пригожина) и Музеем ПУ (в лице представителя Е.А. Голомштока) было заключено Соглашение об организации совместной экспедиции по изучению Эски-Кермена и его окрестностей. Оно предполагало следующие полевые работы:

1. Окончание исследований в районе городских ворот, начатых в 1929 г.
2. Раскопки «катакомбного могильника готского времени» на склоне Эски-Кермена (20–25 погребений в склепах и до 10 грунтовых могил).
3. Раскрытие каптажной галереи в балке Бильдаран, обеспечивавшей городище водой, начатое в 1932 г.
4. Разведки и зачистки в «пещерных поселениях» Челтер-Мармара и Шулдан.
5. Разведки и раскопки на городище Суйренъ.
6. Разведки на «таврском городище» с циклопическими стенами.
7. Вскрытие 3–4 каменных ящиков (дольменов).
8. Вскрытие 3–4 погребений эпохи ранней бронзы.
9. Вскрытие усыпальниц VIII–X вв. на главной улице городища Эски-Кермен (10–15 погребальных сооружений, вырубленных в скале).
10. Разведки на плато городища Мангуп-Кале с целью поиска систем водоснабжения, архитектурных объектов и вскрытие нескольких погребений на склонах.
11. Раскопки трех курганов в урочище Шулдан эпохи ранней бронзы.
12. Зачистки и разведки на плато Эски-Кермена.
13. Раскопки участка городского квартала (1–2 жилых здания)³⁸.

Нет сомнений, что этот план был составлен Николаем Ивановичем Репниковым (1882–1940) – с конца 1920-х гг. главным вдохновителем исследований Эски-Кермена. Экспедицию, как и в прошлом году, возглавил Федор Иванович Шмит (1877–1937) – руководитель разряда Средневековых культур Европы и Передней Азии ГАИМК³⁹ и непосредственный начальник Н.И. Репникова, по экспедиции обычно числившегося «прорабом». Большинство запланированных работ являлось логическим продолжением исследований прошлых лет и соответствовало научным интересам Н.И. Репникова и Ф.И. Шмита.

Но, в соответствии с условиями Соглашения, все раскопки погребальных сооружений должны были производиться в интересах американской стороны и именоваться «группой тем Университетского музея», а находки переданы Е.А. Голомштоку. За это Музей ПУ принимал на себя расходы в размере 1500 рублей золотом и обязывался участвовать в снабжении экспедиции оборудованием. Остальные расходы осуществляла ГАИМК. Отряд для выполнения «группы тем Университетского музея» возглавлялся Е.А. Голомштоком и Н.И. Репниковым, которым придавалось от ГАИМК 4 научных сотрудника. Все работы должны были вестись в строгом соответствии с планом и заданиями «прораба» экспедиции⁴⁰.

По окончании работ предполагалось, что ГАИМК напечатает на русском языке отчет о работе экспедиции от лица обоих учреждений, а Музей ПУ издаст отчет по группе своих тем в английской версии. Музей ПУ также получал дубликаты всех фотоснимков и копии чертежей⁴¹.

³⁸ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 5.

³⁹ Харитонов 2004, 105–106; Абрамова 2015, 113.

⁴⁰ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 5, 6.

⁴¹ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 6.

Находки и антропологический материал предполагалось поделить следующим образом:

«1. Все предметы, за исключением тех, аналогии которых не имеются ни в Гос. Эрмитаже, ни в каком-либо ином музее СССР, полученные при работах по «темам Университетского музея», поступают в собрание Университетского музея. Что касается предметов из драгоценных металлов, они могут быть выданы Университетскому музею только с разрешения Наркомпроса.

2. Собранный костный материал Эски-керменской экспедиции распределяется пополам между ГАИМК и Университетским музеем»...

4. Из остальных предметов, добытых Экспедицией по темам 1, 3, 4, 5, 12, 13, ГАИМК выделяет, по своему усмотрению характерный комплекс предметов для Университетского музея»⁴².

Отсюда следует, что полевые работы 1933 г., названные «Советско-американской экспедицией», фактически осуществлялись силами ГАИМК при финансовом участии Музея ПУ, представленного в лице одного лишь Е.А. Голомштока, интересы которого сосредоточились на «добыче» антропологического материала.

Всего через неделю после подписания Соглашения 19 июля «совместная» экспедиция направилась в Крым. Были произведены раскопки «таврских» каменных ящиков, катакомбного могильника на склоне Эски-Кермена, костниц в районе главной улицы, ирригационных сооружений в балке Бильдеран, разведки в «пещерном монастыре» Шулдан и вскрыты захоронения на Мангупе, т.е. объектов, относящихся, преимущественно, к «группе тем» американской стороны. А вот разведки в Сюренской крепости и в Челтер-Мармаре, а также раскопки жилых комплексов на самом Эски-Керменском городище осуществить не удалось – не хватило ни сил, ни времени⁴³.

Обстановка в экспедиции была довольно напряженной. Судя по воспоминаниям многолетнего участника работ Евгения Владимировича Веймарна (1905–1990), в ее состав было внедрено более полутора десятков осведомителей: был учтен прежний негативный опыт 1929 г. По словам Е.В. Веймарна, когда выяснилось, что антропологического материала из эски-керменских склепов не хватает в количественном отношении, сотрудникам пришлось с этой целью вскрыть аналогичные костницы Мангупа⁴⁴. Эти данные подтверждаются и допросными материалами Н.Л. Эрнста: «Экспедиции пришлось туго с «готскими» черепами. Она в процессе раскопок никак не могла накопать обусловленное договором с Голомштоком количество в 100 «готских черепов», а Голомшток требовал. Пришлось экспедиции под конец направить из своего состава специальную группу на другое место «готских» древностей того же района, развалины Мангуп-кале, и там заняться специально копанием могил для добывания «готских черепов». Таким образом, набралось, наконец, кажется 94 черепа, чем Голомшток и удовлетворился»⁴⁵.

После окончания экспедиции из восьми сотен найденных предметов Леониду Антоновичу Мацулевичу (1886–1959), как представителю Эрмитажа в составе ко-

⁴² ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 6, 7.

⁴³ Марр 1933.

⁴⁴ Піоро 1990, 146.

⁴⁵ Непомнящий 2012, 285.

миссии по просмотру вещей, удалось отстоять всего 8 штук и комплекс инвентаря одной катакомбы⁴⁶. Антропологический материал в полном объеме отправлялся за границу⁴⁷. Примечательно, что в докладной записке в ГАИМК Е.А. Голомшток в списке недополученного требовал не только копии полевых материалов и находки (включая изделия из золота), но и «2 ящика с провизией», не использованной в экспедиции⁴⁸. Под конец возникло еще и недоразумение с неизвестно куда исчезнувшей фотоаппаратурой⁴⁹. По свидетельству Е.В. Веймарна эски-керменские материалы А.Е. Голомшток вывез не в США, а в Германию, где удачно обменял на коллекцию египетских древностей⁵⁰ – вероятно схема обменов была еще сложнее.

«Russian project» в отношении Эски-Кермена продолжения не имел, так и оставшись «проектом». Ни Музей ПУ, ни Е.А. Голомшток не питали интереса к средневековым древностям Крыма. «Сотрудничество» свелось к одноразовой, по сути – случайной акции по поиску черепов для обмена. С американской стороны он закончился краткой заметкой⁵¹. Однако предметы (по крайней мере, часть из них) действительно поступили в Музей ПУ и хранятся в нем до настоящего времени⁵². Итогом контактов Е.А. Голомштока и М.П. Грязнова стала их совместная статья⁵³: первый из них получил соавторство, а второй – неудобные вопросы следственных органов⁵⁴.

Е.А. Голомшток оставил у своих советских коллег не слишком приятное впечатление «охотника за черепами», судя по отзывам Е.В. Веймарна и Н.Л. Эрнста. Последний, назвав его «несолидным» с научной точки зрения, на допросе говорил, что «задания» Голомштока «настолько странны, антинаучны, надуманны и спекулятивны, что составили во мне убеждение, что в действительности дело совсем не в «готах», индейцах или чукчах и что Голомшток имеет какие-то тайные шпионские поручения какой-либо иностранной разведки»⁵⁵. Был разочарован и В.А. Городцов. Когда в 1937 г. Е.А. Голомшток пытался получить грант фонда Гугенхайма на исследование палеолита Сибири и Восточной Европы, он обратился за рекомендацией к В.А. Городцову. Отзыв ученого был убийственным: «Д-р Е.А. Гольмшток известен мне как не очень хороший научный работник. О его трудах я никогда не делал отзыва, и он неверно ссылается на это. Несколько лет тому назад он просил меня выслать работы для напечатания в журнале «Anthropologist» Филадельфийского университета. Я выслал ему две работы: 1) «Типологический метод в археологии» и 2) «О результатах археологических исследований в СССР». Первую из этих работ он перевел на английский язык и напечатал, а вторую своевольно использовал для своей статьи, не упоминая моего имени. Может ли Е.А. Гольмшток написать серьезный научный труд по палеолиту Сибири и соседних с нею стран – скажу, что эта работа ему будет не под силу...

⁴⁶ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 14, 19, 20.

⁴⁷ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 26.

⁴⁸ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 16, 17.

⁴⁹ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 296. Л. 31, 32.

⁵⁰ Пиоро 1990, 146.

⁵¹ [Golomshtok] 1933.

⁵² Селиверстова 2017, 154.

⁵³ Gryaznov, Golomshtok 1933.

⁵⁴ [Грязнов] 2002.

⁵⁵ Непомнящий 2012, 285.

Намерение Е.А. Гольмштока осветить отношение палеолита Сибири к палеолиту Европы и Сев[ерной] Америки едва ли для него осуществимо. В виду всего сказанного, я не могу поддержать кандидатуру Е.А. Гольмштока на стипендию памяти Д.С. Гуттенгейма»⁵⁶. Несмотря на это, Е.А. Голомшток в следующем году опубликовал обзорную монографию о палеолите Европейской России⁵⁷.

Конечно, Е.А. Голомшток не был ни «готофилом», ни «шпионом», а скорее – «великим комбинатором» от науки. Явно наделенный предприимчиво-авантюрным складом характера⁵⁸, он пытался сделать карьеру на предприятиях, сомнительных с этической точки зрения. По крайней мере, таким он запомнился отечественным коллегам.

В свете вышесказанного, т.н. «Советско-американская» экспедиция на Эски-Кермен 1933 г. выглядит скорее курьезом, нежели показателем реального сотрудничества ученых двух стран. Она стала результатом случайного стечения обстоятельств в рамках «Русского проекта», задуманного сотрудником Музея ПУ русским эмигрантом Е.А. Голомштоком. Но его деятельность не внесла весомого научного вклада в изучение памятника, а все открытия 1933 г. всецело принадлежат советским ученым ГАИМК. В этой истории в известной степени столкнулись два противоположных взгляда на предмет научного исследования: традиционный академический со стороны российско-советских ученых и поверхностно-авантюрный, продемонстрированный Е.А. Голомштоком. Тем не менее, этот поучительный эпизод остался в истории изучения городища и даже отразился в народных преданиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, Н.А. 2015: Исследование «пещерного города» Эски-Кермен в 20-е – 30-е годы XX века. *МАИАСК* 7, 106–124.
- Белозерова И.В., Кузьминых, С.В., Сафонов, И.Е. 2011: Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях. *РА* 1, 154–165.
- Белозерова, И.В., Кузьминых, С.В. 2010: Василий Алексеевич Городцов и Рязанский край (по материалам его дневников и воспоминаний). В сб.: Д.А. Иванов (ред.), *Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова (Рязань, 20–22 апреля 2010 г.)*. Рязань, 15–29.
- Бусыгин, Е.П., Зорин, Н.В. 2002: *Этнография в Казанском университете*. Казань.
- [Грязнов, М.П.] 2002: Из личного архива М.П. Грязнова. В сб.: Ю.Ю. Пиотровский (ред.), *Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова*. Ч. 1. СПб., 85–90.
- Кизилов, М.Б. 2015: *Крымская Готия. История и судьба*. Симферополь.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. 2004: *От Скифии к Готии*. Симферополь.
- Кузьминых, С.В., Вдовин, А.С. 2010: В.А. Городцов и Е.А. Гольмшток: к истории советско-американских связей в области археологии в 1920–30-е годы. В сб.: Д.А. Иванов (ред.), *Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной*

⁵⁶ Кузьминых, Вдовин 2010, 52.

⁵⁷ Golomshtok 1938, 186–468.

⁵⁸ Показательно, что П.Н. Надинский в одном из докладов (Юрочкин 2016, 197–199) назвал его «одесситом».

- России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова (Рязань, 20–22 апреля 2010 г.). Рязань, 48–55.
- Лобков, А.Е. 2019: Археологическая и этнографическая экспедиция немецких ученых в Крым осенью 1929 г. *Причерноморье. История, политика, культура* 30 (9). Серия А. Античность и средневековье, 23–31.
- Марр, Н.Я. (ред.) 1933: Советско-американская крымская экспедиция. *ПИМК* 9-10, 61.
- Непомнящий, А.А. 2006: «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А.И. Маркевича и академика С.Ф. Платонова. *Историческое наследие Крыма* 16, 138–165.
- Непомнящий, А.А. 2012: Профессор Николай Львович Эрнст: страницы истории крымского краеведения (Биобиблиография крымоведения, 15). Киев.
- Піоро, І.С. 1990: Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна). *Археологія* 4, 144–148.
- Селиверстова, К.Н. 2017: Обстоятельства возникновения Музея «пещерных городов» в Бахчисарае. *Ученые записки КФУ. Серия Исторические науки* 3(69), 147–159.
- Смирнова, Т.М. 2012: Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа. *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина* 4. 2, 51–65.
- Сорокина, И.А. 2019: О полевой археологии первых 15-и лет советской власти (1918–1932). В сб.: И.А. Сорокина (ред.), *У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы международной научной конференции 26–27 февраля*. М., 43–45.
- Тункина, И.В. 2008: К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920 – начала 1930-х гг. В сб.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров (ред.), *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале III*. М., 249–251.
- Харитонов, С.В. 2004: Древний город Эски-Кермен. *Археология, история, гипотезы*. СПб.
- Юрочкин, В.Ю. 2014: «Готский вопрос» в Советском Союзе. В сб.: В.И. Мордвинцева (ред.), *Археологические и лингвистические исследования. Материалы Гумбольдт-конференции (Симферополь–Ялта, 2012)*. Киев, 64–65.
- Юрочкин, В.Ю. 2016. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму. *История и археология Крыма* 4, 187–204.
- Юрочкин, В.Ю. 2017. *Готский вопрос*. Симферополь.
- [Golomshtok, E.]. The Russian project 1933. *University of Pennsylvania. Philadelphia. The University Museum Bulletin* 4.5 (October), 142–143.
- Golomshtok, E.A. 1938. The Old Stout Age in European Russia. *Transactions of the American Philosophical Society. N.S.* XIX. Pt. II. March 1938, 186–468.
- Gryaznov, M., Golomshtok, E. 1933. The Pazirik burial of Altai. *American Journal of Archaeology* 37.1, 30–45.

REFERENCES

- Abramova, N.A. 2015: Issledovanie “peshchernogo goroda” Eski-Kermen v 20-e – 30-e gody XX veka [The research of the Eski-Kermen ‘cave town’ in the 1920s and 1930s]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 7, 106–124.
- Belozorova, I.V., Kuzminykh, S.V., Safonov, I.E. 2011: Sud’ba uchenogo: zhizn’ Vasiliya Alekseevicha Gorodtsova v ego dnevnikaх i vospominaniyakh [Fate of a scholar: the life of Vasily Alekseevich Gorodtsov by his diaries and recollections]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 154–165.
- Belozorova, I.V., Kuzminykh, S.V. 2010: Vasiliy Alekseevich Gorodtsov i Ryazanskiy kray (po materialam ego dnevnika и vospominaniy) [Vasiliy Alekseevich Gorodtsov and Ryazan

- region (based on his diaries and memoirs)]. In D.A. Ivanov (ed.), *Problemy izucheniya i sokhraneniya arkheologicheskogo naslediya Tsentral'noy Rossii. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Gorodtsova* (Ryazan', 20–22 aprelya 2010 g.) [Problems of studying and preserving the archaeological heritage of Central Russia. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, which is dedicated to the 150th anniversary of the birth of the V.A. Gorodtsova (Ryazan, April 20–22, 2010)]. Ryazan, 15–29.
- Busygin, E.P., Zorin, N.V. 2002: *Etnografiya v Kazanskom universitete* [Ethnography at the Kazan University]. Kazan.
- [Gryaznov M.P.] 2002: Iz lichnogo arkhiva M.P. Gryaznova [M.P. Gryazno's Personal Archives]. In Yu. Yu. Piotrovskiy (ed.), *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova* [Steppe of Eurasia in ancient times and Middle Ages. Proceedings of International Conference dedicated to the Centenary of Mikhail P. Gryaznov], 1. Saint Petersburg, 85–90.
- Kizilov, M.B. 2015: *Krymskaya Gotiya. Istoriya i sud'ba*. [Crimean Gothia. History and Fate]. Simferopol.
- Koltukhov, S.G., Yurochkin, V.Yu. 2004: *Ot Skifii k Gotii* [From Scythia to Gothia]. Simferopol.
- Kuzminykh, S.V., Vdovin, A.S. 2010: V.A. Gorodtsov i E.A. Golmshtok: k istorii sovetsko-amerikanskikh svyazey v oblasti arkheologii v 1920–30-e gody [V.A. Gorodtsov and E.A. Golmshtok: to the history of Soviet-American ties in the field of archaeology in the 1920–1930s]. In D.A. Ivanov. (ed.), *Problemy izucheniya i sokhraneniya arkheologicheskogo naslediya Tsentral'noy Rossii. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Gorodtsova* (Ryazan, 20–22 aprelya 2010 g.) [Problems of studying and preserving the archaeological heritage of Central Russia. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, which is dedicated to the 150th anniversary of the birth of the V.A. Gorodtsova (Ryazan, April 20–22, 2010)]. Ryazan, 48–55.
- Lobkov, A.E. 2019: Arheologicheskaya i etnograficheskaya ekspeditsiya nemetskikh uchenykh v Krym osen'yu 1929 g. [Archaeological and ethnographic expedition of German scientists to the Crimea in the autumn of 1929]. *Prichernomorye. Istoriya, politika, kul'tura* 30 (9). Seriya A. Antichnost' i srednevekov'e [Black Sea region. History, politics, culture 30 (9). Serie A. Antiquity and Middle Ages], 23–31.
- Marr, N.Ya. (ed.) 1933: Sovetsko-amerikanskaya krymskaya ekspeditsiya [Soviet-American Crimean expedition]. *Problemy istorii material'noj kul'tury* [Problems of the History of Material Culture] 9–10, 61.
- Nepomnyashchiy, A.A. 2006. “Poka oberegaem i spasaem...”: neizvestnye materialy po istorii krymovedeniya v perepiske A.I. Markevicha i akademika S.F. Platonova [“While we are protecting and saving...”: unknown materials on the history of Crimean Local Lore in the correspondence of the A.I. Markevich and academician S.F. Platonov]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of the Crimea] 16, 138–165.
- Nepomnyashchiy, A.A. 2012: *Professor Nikolay L'vovich Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya (Biobibliografiya krymovedeniya)* [Professor Nikolai Lvovich Ernst: Pages of the History of Crimean Local Lore (Biobibliography of Crimean Studies)], 15. Kiev.
- Pioro, I.S. 1990: Skladna dolya arkheologa (do 85-richchya Evgena Volodimirovicha Veymarna) [The difficult fate of the archaeologist (to the 85th anniversary of Eugene Vladimirovich Weimarn)]. *Arkheologiya* [Archaeology] 4, 144–148.
- Seliverstova, K.N. 2017: Obstoystel'stva vzniknoveniya Muzeya “peshchernykh gorodov” v Bakhchisaraye [The circumstances of emergence of the Museum of Cave Towns in Bakhchisaray]. *Uchenye zapiski Krymskogo Federal'nogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science] 3(69), 147–159.

- Smirnova, T.M. 2012: Institut narodov Severa v Leningrade – uchebnoe zavedenie novogo tipa [The Institute of the Peoples of the North in Leningrad is a new type of educational institution]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University] 4. 2, 51–65.
- Sorokina, I.A. 2019: O polevoy arkheologii pervykh 15-i let sovetской vlasti (1918–1932) [On the field archaeology during the first 15 years of Soviet power (1918–1932)]. In I.A. Sorokina (ed.), *U istokov sovetской arkheologii: organizatsii i uchrezhdeniya arkheologicheskogo profilya v novykh realiyakh. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 26–27 fevralya* [At the Origins of Soviet Archaeology: Archaeological Organizations and Institutions in New Realities. Proceedings of the International Scientific Conference, February 26–27]. Moscow, 43–45.
- Tunkina, I.V. 2008: K istorii izucheniya “gotskoy problem” v sovetской arkheologii 1920 – nachala 1930-kh gg. [To the history of studying the “Gothic problem” in the Soviet archaeology during 1920s – early 1930s]. In A.P. Derevyanko, N.A. Makarov (ed.), *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s’ezda v Suzdale* [The collection of proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal], III. Moscow, 249–251.
- Kharitonov, S.V. 2004: *Drevniy gorod Eski-Kermen. Arkheologiya, istoriya, gipotezy* [Eski-Kermen, the Ancient City. Archaeology, History, Hypotheses]. Saint Petersburg.
- Yurochkin, V.Yu. 2014: “Gotskiy vopros” v Sovetskom Soyuze [The ‘Gothic Problem’ in the Soviet Union]. In V.I. Mordvintseva (ed.), *Arkheologicheskie i lingvisticheskie issledovaniya. Materialy Gumbol’dt-konferentsii (Simferopol–Yalta, 2012)* [Archaeological and linguistic studies. Materials of the Humboldt Conference (Simferopol–Yalta, 2012)]. Kiev, 64–65.
- Yurochkin, V.Yu. 2016: Sessii po istorii Kryma i stanovlenie arkheologicheskoy nauki v poslevoennom Krymu [Sessions on the History of the Crimea and the Establishment of archaeological Science in the Post-War Crimea]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 4, 187–204.
- Yurochkin, V.Yu. 2017. Gotskiy vopros [Gothic Problem]. Simferopol.
- [Golomshtok, E.]. The Russian project 1933. *University of Pennsylvania. Philadelphia. The University Museum Bulletin* 4.5 (October), 142–143.
- Golomshtok, E.A. 1938. The Old Stout Age in European Russia. *Transactions of the American Philosophical Society. N.S. XIX. Pt. II. March 1938.* 186–468.
- Gryaznov, M., Golomshtok, E. 1933. The Pazirik burial of Altai. *American Journal of Archaeology* 37.1, 30–45.

“THE RUSSIAN PROJECT” OF 1933 OR THE CRIMEAN ADVENTURES OF
E.A. GOLOMSHTOK, “THE GREAT SCHEMER”

Vladislav Yu. Yurochkin

*Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol,
Russia*
yuro4kin.vladislav@yandex.ru

Abstract. The article deals with the history of so-called “Soviet-American Archaeological Expedition” (“Russian project”) of the State Academy of the Material Culture History (Leningrad) and the University of Pennsylvania (Philadelphia) to explore the ‘cave city’ of Eski-Kermen in the Crimea in 1933. E.A. Golomshtok, a Russian emigrant, was the initiator of the project, on the American side. Since 1931 he was in contact with several Soviet academic institutions and

researchers, V.A. Gorodtsov, M.P. Gryaznov, and others. Golomshtok's academic interests were the Paleolithic sites, as well as the ethnology of the peoples of the North. Based on Golomshtok's correspondence with Gorodtsov, archival documents and memoirs of researchers, it was established that the idea of an expedition to the Crimea arose by chance when Golomshtok visited Leningrad in 1933. The scholar viewed it as an opportunity to obtain anthropological material for the University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology in order to exchange it for collections of other artifacts that interested the American side. Golomshtok was the only American in the expedition. Development of research plans for the expedition, management of field work, etc. were carried out by Soviet researchers, N.I. Repnikov, F.I. Shmitt, and others. Considering the obligations to the American side, the main attention was paid not to the study of the medieval Eski-Kermen, but to the search for the "Gothic skulls". Anthropological material and most of the finds from the burials were taken abroad. The participation of the American side was formal, related not to the research goals of the University of Pennsylvania Museum, but to the personal interests of Golomshtok. He made a negative impression on his Soviet colleagues, in particular on Gorodtsov, whose materials he used without the scholar's permission for his publications. Thus, the first attempt to establish Soviet-American scientific ties in the archaeology has to be considered unsuccessful.

Keywords: archaeology, Crimea, Eski-Kermen, State Academy of the Material Culture History, E.A. Golomshtok.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БИ – Боспорские исследования. Симферополь
БС – Боспорский сборник. Москва
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ДБ – Древности Боспора. Москва
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия археологической комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Нижневартовск
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР – Материалы по археологии России
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА – Российская археология. Москва
СА – Советская археология. Москва
САИ – Свод археологических источников. Москва
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АА – Archäologischer Anzeiger
AAASH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
AJA – American journal of archaeology. Boston
Annales HSS – Annales. Histoire, Sciences Sociales
Archäologie zwischen Römern und Barbaren – H.-U. Voß/N. Müller-Schneefel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bonn, 2016.
BAR – British Archaeological Reports. Oxford
BerRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
Bronces y religion romana – J. Arce, F. Burkhalter (eds.), *Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Bronces antiguos, Madrid, mayo-junio 1990)*. Madrid, 1993.
BSPF – Bulletin de la Société préhistorique française. Paris
FGrH – Jacoby, F. *Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin, 1923–
FHG – C. Müller, Th. Müller (eds.), *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Cambridge, 2010
JRA – Journal of Roman Archaeology. Cambridge
JRS – Journal of Roman Studies. Cambridge
MEFRA – Mélanges de l'École française de Rome: Antiquité
QI – Quaternary International. (Elsevier)
RASMI – Rassegna di Studi del Civico Museo Archeologico e del Civico Gabinetto Numismatico di Milano. Milano
ROMM – Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. Paris
Tableaux 2010 – Tableaux récapitulatifs des contextes étudiés dans les zones A et B. In *Varia Anatolica* XXII.
Varia Anatolica XXI – *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006*. Paris
Varia Anatolica XXII – *Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Recueil de travaux*. Istanbul, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александров Б.Е.</i> (Москва) – Рабы и рабовладельцы в старовавилонских письмах CUSAS 36	5
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн) – Римские бронзовые патеры типов Eggers 154–155 в Сарматии	23
<i>Белоусов А.В., Журавлев Д.В.</i> (Москва), <i>Костромичев Д.А.</i> (Севастополь) – Изображение пророка Ионы на светильнике из Херсонеса Тавического	61
<i>Сазанов А.В.</i> (Москва) – Амфоры С SNP I: проблемы типологии и хронологии	90
<i>Зинько В.Н., Зинько А.В.</i> (Симферополь) – Религиозные воззрения населения боспорского города Тиритака в IV–VI вв.	145
<i>Лебединский В.В.</i> (Москва), <i>Гингут Н.В.</i> (Севастополь), <i>Пронина Ю.А.</i> (Москва) – Развитие мореплавания и морских торговых контактов в Северном Причерноморье в контексте средиземноморской морской торговли во второй половине X – начале XIII вв. по данным исследованных кораблекрушений	157
<i>Рушкин И.П.</i> (Кембридж, Массачусетс) – Одно указание на распространённость мифа Гесиода о последовательных поколениях смертных	182
<i>Поникаровская М.В.</i> (Санкт-Петербург) – Биография Эсхила: историческая основа и миф	188
<i>Демина С.С.</i> (Владимир) – Сенека о влияние общественного мнения на сознание и поведение	200

Круглый стол «Древние цивилизации Африки»

<i>Си-Аммур С.</i> (Казань) – Неолитизация в Северной Африке: ретроспективы Алжира	207
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Чисталев М.С.</i> (Нижний Новгород) – «Глобальная» империя в постколониальной парадигме: Попытка заполнить концептуальный вакуум	226
<i>Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.</i> (Санкт-Петербург) – «Есть что-то противоположное марксизму»: дискуссии об азиатском способе производства в государственном Эрмитаже начала 1930-х гг. (новые архивные материалы)	243
<i>Юрочкин В.Ю.</i> (Симферополь) – «The Russian Project» 1933 г. или крымские похождения «великого комбинатора» Е.А. Голомштока	261

CONTENTS

<i>B.E. Aleksandrov</i> (Moscow) – Slaves and Slaveholders in the Old Babylonian Letters from CUSAS 36.....	5
<i>M.Yu. Treister</i> (Bonn) – Roman Bronze Pateras of Eggers 154–155 Types in Sarmatia	23
<i>A.V. Belousov, D.V. Zhuravlev</i> (Moscow), <i>D.A. Kostromichev</i> (Sevastopol) – A Lamp From Tauric Chersonesos with the Image of Prophet Jonah	61
<i>A.V. Sazanov</i> (Moscow) – C SNP I Amphorae: Problems of Classification and Chronology	90
<i>V.N. Zinko, A.V. Zinko</i> (Simferopol) – Religious Beliefs of Residents of Tyrityche in the 4 th –6 th Centuries.....	145
<i>V.V. Lebedinskiy</i> (Moscow), <i>N.V. Ginkut</i> (Sevastopol), <i>Y.A. Pronina</i> (Moscow) – Navigation in the Northern Black Sea Region in the Context of Mediterranean Maritime Trade in the Second Half of the 10 th – Early 13 th Century: Evidence of Shipwrecks.....	157
<i>I.P. Rushkin</i> (Cambridge, Massachusetts) – An Indication of the Ubiquity of the Hesiodic Myth about Successive Generation of Mortals	182
<i>M.V. Ponikarovskaya</i> (Saint Petersburg) – The Life of Aeschylus Biography: Historical Background and Myth	188
<i>S.S. Demina</i> (Vladimir) – Seneca on the Influence of Public Opinion on Consciousness and Behavior	200

Round Table *“Ancient Civilizations of Africa”*

<i>Sofiane Si-Ammour</i> (Kazan) – The Neolithization in North Africa: Retrospectives from Algeria.....	207
---	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>M.S. Chistalev</i> (Nizhny Novgorod) – “Global” Empire in the Post-Colonial Paradigm: an Attempt to Fill the Conceptual Vacuum.....	226
<i>V.G. Ananiev</i> (Saint Petersburg), <i>M.D. Bukharin</i> (Moscow) – “There is Something Opposite to Marxism in it”: Discussions on the Asiatic Mode of Production in the State Hermitage in the Early 1930s (New Archival Materials)	243
<i>V.Yu. Yurochkin</i> (Simferopol) – “The Russian Project” of 1933 or the Crimean Adventures of E.A. Golomshtok, ‘The Great Schemer’	261

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2022

Сдано в набор 3.03.2022. Подписано в печать 15.03.2022.

Дата выхода 31.03.2022.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.